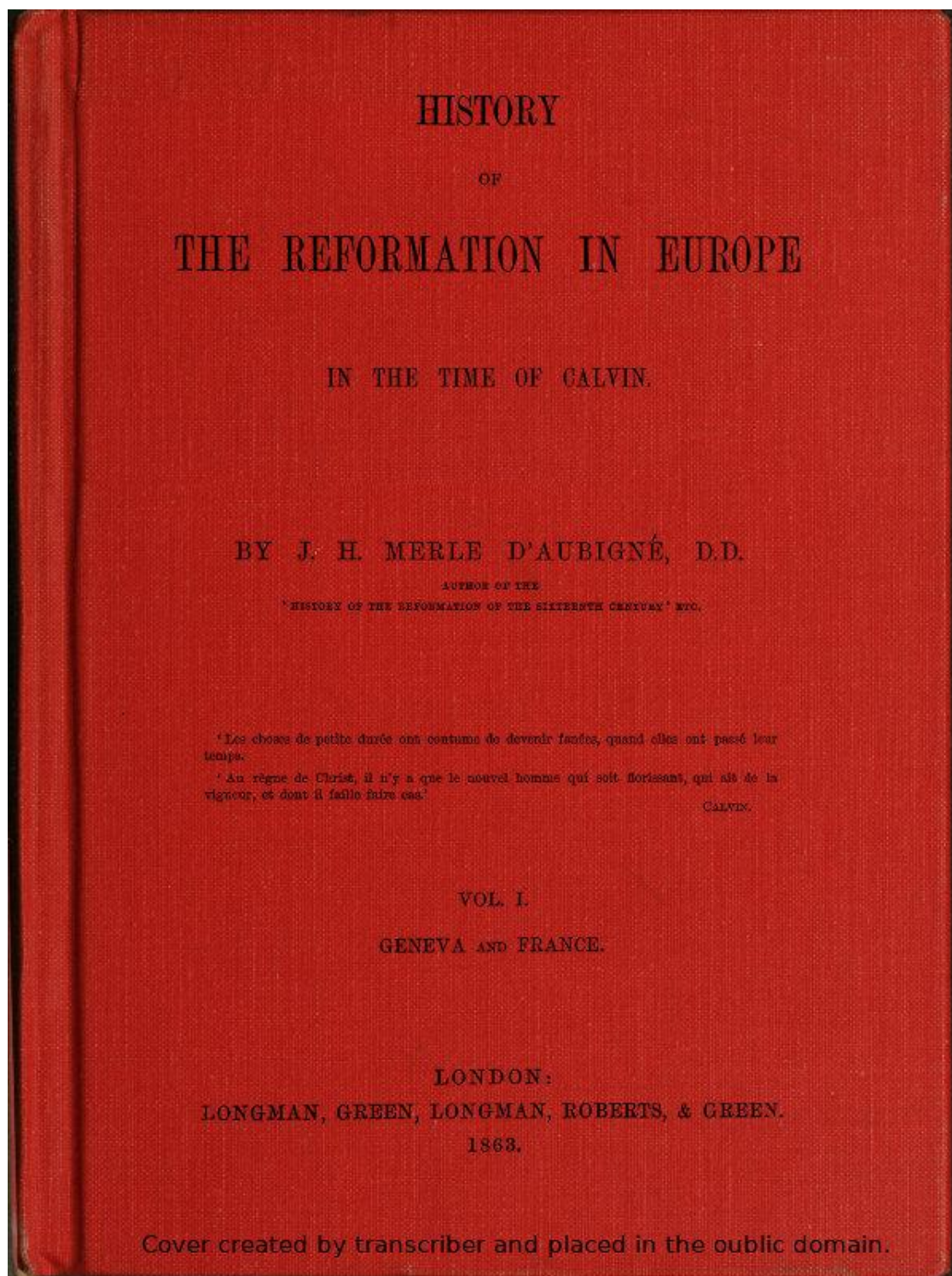

История реформации в Европе во времена Кальвина. Том 1 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 1 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 1 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Дата выхода: 25 апреля 2019 [Электронная книга № 59352]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Брайаном Уилсоном, Колином Беллом, Уэйном Хаммондом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА". ТОМ 1 (Из 8) ***

РЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

ТОМ I.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

Ж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук,
АВТОР "ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА" И ДР.

‘Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.

‘Au règne de Christ, il n’y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.’

Calvin.

VOL. I.

GENEVA AND FRANCE.

LONDON:

LONGMAN, GREEN, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.

1863.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В конце предисловия к первому тому *Истории Реформации* автор написал: ‘Этот труд будет состоять из четырех томов, самое большее из пяти, которые будут выходить последовательно’. Появились эти пять томов. В них описаны героические времена Лютера и последствия, произведенные в Германии и других странах характерной доктриной этого реформатора — оправданием верой. Они представляют картину той великой эпохи, которая содержала в зародыше возрождение христианства за последние три столетия. Таким образом, автор выполнил задачу, которую он поставил перед собой; но оставалась еще одна.

За временами Лютера последовали времена Кальвина. Он, как и его великий предшественник, взялся исследовать Священные Писания и нашел в них ту же истину и ту же жизнь; но его труд отличается другим характером.

Обновление личности, Церкви и всего человечества - вот его тема. Если Святой Дух зажигает в человеке светильник истины, то это (согласно Кальвину) "для того, чтобы преобразить всего человека". — "В царстве Христа, - говорит он, - только новый человек процветает и обладает какой-либо силой, и его мы должны принимать во внимание".

Это обновление в то же время является предоставлением избирательных прав; и мы могли бы взять в качестве девиза реформацию, совершенную Кальвином, а также само апостольское христианство следующие слова Иисуса Христа: *Истина сделает вас свободными.*¹

Когда пали боги народов, когда Отец небесный явил Себя миру в Евангелии, приняв как Своих детей тех, кто принял в свои сердца радостную весть о примирении с Богом, все эти люди стали братьями, и это братство создало свободу. С того времени постепенно происходили мощные преобразования в отдельных людях, в семьях и в самом обществе. Рабство исчезло без войн и революций.

К несчастью, солнце, которое в течение некоторого времени радовало глаза людей, затмилось; свобода детей Божьих была утрачена; появились новые человеческие таинства, которые сковывали совесть людей и охлаждали их сердца. Реформация шестнадцатого века вернула человечеству то, что у него украли средние века; она освободила его от традиций, законов и деспотизма папства; она положила конец меньшинству и опеке, в которой Рим, как утверждал, навсегда удерживал человечество; и, призвав человека основывать свою веру не на слове священника, но на непогрешимом Слове Божьем, и объявив каждому свободный доступ к Отцу новым и спасительным путем — Иисусом Христом, она провозгласила и приблизила час христианской зрелости.

Однако необходимо объяснение. В наши дни есть философы, которые считают Христа просто апостолом политической свободы. Эти люди должны усвоить, что, если они желают свободы внешне, они должны сначала обладать ею внутренне. Надеяться насладиться первым без второго - значит гоняться за химерой.

Величайший и наиболее опасный из деспотизмов - это тот, которому порочная склонность человеческой природы, смертоносное влияние мира, а именно грех, жестоко подчиняет человеческую совесть. Без сомнения, есть много стран, особенно среди тех, которые еще не осветило солнце христианства, лишенных гражданской свободы и стонущих под произволом могущественных хозяев. Но для того, чтобы стать свободными внешне, люди должны сначала преуспеть в том, чтобы быть свободными внутренне. В сердце человека есть огромная страна, которую нужно освободить от рабства, — пропасти, которые человек не может преодолеть в одиночку, высоты, на которые он не может взобраться без посторонней помощи, крепости, которые он не может взять, армии, которые он не может обратить в бегство. Чтобы победить в этой нравственной битве, человек должен объединиться с Тем, Кто сильнее его самого, — с Сыном Божьим.

Если в нынешнем состоянии общества есть кто—то, кто устал от борьбы и огорчен тем, что его всегда побеждает зло, и кто желает вдохнуть светлый чистый воздух высших сфер свободы - пусть он придет к Евангелию; пусть он ищет единения со Спасителем, и в его Святом Духе он найдет силу, с помощью которой сможет одержать величайшую из побед.

Мы знаем, что есть люди, и хорошие люди в том числе, которых пугает слово 'свобода'; но эти уважаемые люди совершенно неправы. Христос - избавитель. *Сын*, сказал Он, *сделает тебя свободной*. Захотят ли они превратить Его в тирана?

Есть также, как мы хорошо знаем, некоторые умные люди, но враги Евангелия, которые, видя долгую и прискорбную череду деспотических актов, проходящих перед ними в истории Церкви, бесцеремонно приписывают их христианству. Позвольте им разувериться в себе: гнет, который

их возмущает, может быть языческим, иудейским, папским или мирским ... но это не по-христиански. Всякий раз, когда христианство вновь появляется в мире с его духом, верой и примитивной жизнью, оно приносит людям освобождение и мир.

Свобода, которую приносит Истина, предназначена не только для отдельных людей: она затрагивает все общество. В частности, работе Кальвина по обновлению, которая, несомненно, была прежде всего внутренней работой, впоследствии было суждено оказать большое влияние на народы. Лютер превратил принцев в героев веры, и мы с восхищением описали их триумфы при Аугсбурге и в других местах. Реформация Кальвина была обращена в первую очередь к народу, среди которого она воздвигала мучеников, пока не пришло время, когда она должна была послать духовных завоевателей мира. В течение трех столетий она производила, в социальном положении принявших ее народов, преобразования, неизвестные прежним временам. И все же в этот самый день, и сейчас, возможно, больше, чем когда-либо, она придает людям, которые ее принимают, дух силы, который делает их избранными инструментами, приспособленными для распространения истины, морали и цивилизации до краев земли.

Идея настоящей работы не нова: она возникла более сорока лет назад. Писатель, с которым автор расходится в важных моментах, но чье имя дорого всем, кто знает простую красоту его характера и внимательно читал его работы по истории Церкви и истории догматов, которые поставили его в первое место среди церковных историков наших дней, — ученый неандер, — беседуя с автором в Берлине в 1818 году, настаивал на том, чтобы он взялся за *Историю реформации Кальвина*. Автор ответил, что хотел бы сначала описать портрет Лютера, но что он намеревался последовательно набросать две картины, столь похожие и в то же время столь разные.

The История Реформации в Европе во времена Кальвина естественно, начинается с Женевы.

Женевская реформация начинается с падения князя-епископа. В этом его особенность; и если бы мы обошли молчанием героическую борьбу, приведшую к его падению, мы подвергли бы себя справедливым упрекам со стороны просвещенных людей.

Возможно, что это событие, которое мы призваны описать (конец церковного государства), может послужить поводом для сравнений с нынешними временами; но мы не стали из кожи вон лезть ради них. Великий вопрос, который занимает Европу в настоящее время, также занимал Женеву в начале шестнадцатого века. Но эта часть нашей истории была написана до этих последних волнующих лет, в течение которых важный и сложный вопрос о поддержании или падении светской власти пап ставился и продолжает ставиться перед суверенами и их народом. Историк, излагая факты шестнадцатого века, не имел никаких других предположений, кроме тех, которые вызывала сама история.

Эти предположения были вполне естественны. Потомок французских гугенотов, которых преследования изгнали из их страны в шестнадцатом и семнадцатом веках, автор привязался к этому гостеприимному городу, принявшему его предков и в котором они нашли новый дом. Женевские гугеноты привлекли его внимание. Решение, жертвы, упорство и героизм, с которыми женевцы защищали свою свободу, которой угрожали, глубоко тронули его.

Независимость города, приобретенная таким мужеством и столькими лишениями, опасностями и страданиями, без сомнения, священна в глазах всех; и никто не должен пытаться отнять ее у нее. Возможно, эта история содержит уроки для народа, о которых он не всегда думал, когда писал ее. Можно ли ему указать на один из них?

Политическое освобождение Женевы отличается от многих современных революций тем фактом, что мы находим, что в нем превосходно сочетаются два элемента, которые делают движения наций благотворными, то есть порядок и свобода. В наши дни можно видеть, как нации восстают во имя свободы и полностью забывают о праве. В Женеве все было не так. В течение некоторого времени женевцы упорно защищали установленный порядок вещей; и только когда они увидели, что в течение долгих лет их князья-епископы вступают в союз с врагами государства, потворствуют узурпациям и потворствуют действиям, противоречащим уставам их предков, они согласились на развод и заменили старое положение вещей новым, или, скорее, вернулись к прежнему состоянию. Мы находим, что они всегда цитируют древние *libertates, franchises, immunitates, usus, consuetudines civitatis Gebennensis*, впервые преобразованные в кодекс в 1387 году, в то время как в самом документе указано, что их происхождение гораздо более древнее. Автор (как будет видно) - друг свободы; но справедливость, нравственность и порядок, по его мнению, столь же необходимы для процветания наций. В этом пункте он согласен с выдающимся писателем о современной цивилизации Гизо, хотя может отличаться от него в других вопросах.

При написании этой истории мы обращались к оригинальным документам, и в частности к некоторым важным рукописям; реестрам рукописей Женевского совета, историям рукописей Синдика Розе и Синдика Готье, рукописи *Мамелюков* (Mamelukes), а также ко многим письмам и замечательным бумагам, сохранившимся в архивах Женевы. Мы также изучили в Бернской библиотеке некоторые рукописи, которыми историки до сих пор практически не пользовались; некоторые из них указаны в примечаниях, другие будут упомянуты ниже. Помимо этих оригинальных источников, мы воспользовались трудами и документами, представляющими большой интерес, относящимися к шестнадцатому веку и недавно опубликованными учеными женевскими археологами, в частности М. Галиффом, Гренусом, Ревиллодом, Э. Малле, Шапоньером и Фиком. Мы также широко использовали мемуары Общества истории и археологии Женевы.

Что касается Франции, автор обратился к различным документам шестнадцатого века, мало или совсем неизвестным, особенно в том, что касается отношений французского правительства с немецкими протестантами. Он также воспользовался несколькими рукописями и с их помощью смог узнать несколько фактов, связанных с ранним периодом жизни Кальвина, которые до сих пор не были опубликованы. Эти факты частично почерпнуты из латинских писем реформатора, которые еще не были напечатаны ни на французском, ни на латыни и которые содержатся в превосходном сборнике, который доктор Жюль Бонне намеревается подарить миру, если такой труд получит от христианской общественности поощрение, которого заслуживают труд, бескорыстие и рвение его ученого редактора.

Автор, обычно прибегающий к французским документам шестнадцатого века, часто вводил в свой текст их наиболее характерные отрывки. Работа историка - это не произведение воображения, как у поэта, и не просто беседа о давно минувших временах, как, по-видимому, воображают некоторые писатели наших дней. История - это точное описание событий

прошлого; и когда историк может рассказать о них, используя язык тех, кто принимал в них участие, он с большей уверенностью описывает их такими, какими они были.

Но воспроизведение современных документов - не единственное занятие историка. Он должен сделать нечто большее, чем просто эксгумировать из гробницы, в которой они спят, останки людей и вещей прошлых времен, чтобы он мог выставить их при свете дня. Мы высоко ценим такую работу и тех, кто ее выполняет, поскольку она необходима; и все же мы не считаем ее достаточной. Сухие кости не совсем точно представляют людей прошлых дней. Они жили не как скелеты, а как существа, полные жизни и активности. Историк - это не просто сторонник воскрешения: ему нужна — странная, но необходимая цель — сила, способная возвращать мертвых к жизни.

Некоторые современные историки успешно справились с этой задачей. Автор, неспособный следовать им и вынужденный представить своим читателям простую и непритязательную хронику, чувствует себя обязанным выразить свое восхищение теми, кто таким образом смог возродить похороненное прошлое. Он твердо верит, что если в истории должна быть правда, то в ней должна быть и жизнь. События прошлых времен не были похожи в те дни, когда они происходили, на те грандиозные музеи Рима, Неаполя, Парижа и Лондона, в галереях которых мы видим длинные ряды мраморных статуй, мумий и гробниц. Тогда существовали живые существа, которые думали, чувствовали, говорили, действовали и боролись. В картине, какой бы ни была история, всегда будет меньше жизни, чем в реальности.

Когда историку попадается речь одного из действующих лиц великой драмы человеческих отношений, он должен ухватиться за нее, как за жемчужину, и вплести в свой гобелен, чтобы смягчить тусклые краски и придать больше солидности и блеска. Встречается ли эта речь в письмах или сочинениях самого актера или у хроникеров, не имеет значения: он должен взять ее с собой, где бы ни нашел. История, демонстрирующая людей, думающих, чувствующих и действующих так, как они поступали при жизни, имеет гораздо большую ценность, чем те чисто интеллектуальные произведения, в которых действующие лица лишены речи и даже жизни.

Автор, высказавший свое мнение в пользу этого лучшего и возвышенного исторического метода, вынужден выразить сожаление: *Le précepte est aisé, mais l'art est difficile.*

И когда он смотрит на свое произведение, ему приходится с грустью повторять признание античного поэта: *Ухудшение последовательности!*

Эта работа не является биографией Кальвина, как некоторые могут себе представить. Имя этого великого реформатора действительно фигурирует на титульном листе, и мы будем испытывать удовольствие, когда представится такая возможность, попытаюсь вернуть истинные краски этой фигуре, которую так странно неправильно понимают в наши дни. Мы знаем, что, поступая таким образом, мы потрясем некоторые глубоко укоренившиеся предрассудки и оскорбим тех, кто принимает без проверки басни римских писателей в этом отношении. Тацит действительно уверяет нас, что злобность имеет ложную видимость свободы: *Malignitati falsa species libertatis inest*; что к истории прислушиваются с большей благосклонностью, когда она клеветает и порочит: *Obtrectatio et livor pronis auribus accipiuntur*. Но какой историк мог бы тешить себя преступным честолюбием доставлять удовольствие в ущерб истине? Более того, мы верим, что, хотя наш век все еще подвержен большим ошибкам в отношении многих людей и вещей, он более компетентен, чем те, что были раньше, услышать правду, исследовать, оценить и принять ее.

Однако мы повторяем, что это история не Кальвина, а Реформации в Европе во времена этого реформатора, о которой мы хотим рассказать. Другие тома уже далеко продвинулись вперед, и мы надеемся опубликовать еще два в следующем году. Но позволено ли нам, в заключение, привести здесь отрывок из Священного Писания, который часто приходил нам на ум при выполнении новой работы? Вот он:

*Вы не знаете, что будет завтра. Ибо что такое ваша жизнь? Это даже пар, который появляется на короткое время, а затем исчезает. Для этого вы должны сказать: "Если Господу будет угодно, мы будем жить и делать то или это".*²

Eaux Vives, Geneva.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

КНИГА I.

ЖЕНЕВА И ПЕРВЫЕ ГУГЕНОТЫ.

ГЛАВА I.

РЕФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СВОБОДА.

Древние времена.

Три движения в Женеве—Важность политического элемента—Причины этой важности—Свобода в протестантских странах—Влияние Кальвина—Нидерланды, Шотландия, Франция, Англия, Соединенные Штаты—Свобода и распущенность—Шестнадцатый век, Сервет и Кальвин—Изучение великого в малом—Три источника современной свободы: римская, германская, христианская—Три слоя почвы Страница 1

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЕ УЗУРПАЦИИ И ПЕРВАЯ БОРЬБА.

Средние века.

Три державы, выступающие против женевских свобод—Графы Женевские—Епископы-князья—Опасность Мирской власти епископов—Герцоги Савойские—Они жаждут Женевы—Петр Савойский вступает во владение замком—Его успехи и неудачи—Амадей V. захватывает второй замок—Делает себя Видамом—Подтверждает Свободы Женевы—Амадей VIII. умоляет Женеву у папы Римского—Папа лишает Женеву права избирать епископа—Герцог и папа назначают себя епископом—Борьба между Сыном и Матерью—Нарушения Филипа Лэкленда—Отец убегает от Сына—Хитрость Матери, чтобы спасти свои Сокровища—Сын предстает перед Отцом—Необычный визит—Женевская ярмарка перенесена в Лион—Епископ—реформатор в Женеве—Савоя готовится нанести последний удар—Бог дышит на Людей—Обновляющий принцип в Женеве Страница 14

ГЛАВА III.

ЕПИСКОП ПРИСЛАЛ ПАПА РОБ ЖЕНЕВА СВОЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ.

(1513.)

Смерть епископа, агитация людей—соединиться с граждан—де обо всем избран епископом популярных аккламации—герцог и бастард Савойский—договор между этими князьями—союз с савойской нужны папа—сделки, заключенной в Риме—швейцарский обманывают—ропот Женевцам—никакой партии дает, бесплатный мужской протест—вход князя-епископа в Женеве—Он принимает присягу для того, чтобы разбить его—изменил Berthelier и Де-обо всем—балы и банкеты развратить молодежь—плевать. в Женеве—молодого повесы—безнравственность стр. 39

Глава IV.

ОППОЗИЦИЯ К ОБРАЗЦАМ ГЕРЦОГ, ПАПЫ И ЕПИСКОПА.

(1513-1515.)

Жалоб на распущенность священников—коррупция в женских монастырях—бесполезно представлений мировых судей—прибытие Bonivard в Женеве—его остроумием и добродушием смерти своего дяди; в Culverins—Безансона Гуго, кажется,—символ Карла III.—Брак Юлиана и Philiberta—а бык дает Женевы в Савойю—протест и возмущение граждан—печаль в Женеве—вопреки решению кардиналов—Чарльз по новой схеме стр. 57

Глава V.

BERTHELIER и молодежи в Женеве вызвали епископа насилия.

(1515-1517.)

Ваннел и его четверо сыновей—епископ похищает отца—эмоции сыновей и людей—Berthelier дерет его Шателен комиссии—обращение к епископу, который убегает—чудеса монаха—праздники и разврат—Berthelier школы свободы—сарказмы и возмещение вреда—нет свободы без морали страница 71

Глава VI.

ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИЕ СТОРОНЫ ГОТОВЯТСЯ К БИТВЕ.

(1516-1517 гг.)

Вор, помилованный епископом—Гнев герцога—Посланники герцога ужинают в соборе Святого Виктора—Ла Валь д'Изер пытается заполучить Бонивара и терпит неудачу—Посланники и епископ обращаются в бегство—Герцог и епископ замышляют вместе—Бонивар и Бертелье объединяются—Характеры Бонивара, Бертелье и Кальвина —Мрачное предзнаменование Страница 81

ГЛАВА VII.

СОБРАНИЕ, АГИТАЦИЯ И ШУТКИ ПАТРИОТОВ.

(1516-1517 гг.)

Несколько патриотов собираются вместе—Собрание у Молара—Клятва патриотов—Ужин у Мунье и Момона—Остроумие Бонивара—Смерть мула мессира Гро—Бертелье предлагает розыгрыш—Шкура мула выставлена на аукцион—Герцог приезжает в Женеву—Сейссель пытается разделить женевцев—Заговор герцога и епископа Страница 92

ГЛАВА VIII.

ПЕКОЛАТА ПЫТАЛИ И ПЫТАЛИ. ОБВИНЯЕМЫЙ БЕРТЕЛЬЕ.

(1517.)

Персонаж Пеколата—*Non videbit Dies Petri*—Несвежая рыба епископа—Коварная уловка по захвату Пеколата—Его подвергают пыткам—Его одолевает боль—Ужас перед Пеколатом и женевцами—Епископ желает, чтобы Бертелье был выдан ему—Ему советуют бежать—Переодетый покидает Женеву—Его ищут повсюду Страница 103

ГЛАВА IX.

БЕРТЕЛЬЕ ПРИЗЫВАЕТ ШВЕЙЦАРЦЕВ НА ПОМОЩЬ ЖЕНЕВЕ; ГУГЕНОТЫ И МАМЕЛЮКИ; НАСИЛИЕ ЕПИСКОПА.

(1517-1518 гг.)

Бертелье судится со Швейцарским союзом—Речи Бертелье во Фрибурге—Епископ отказывает ему в охранной грамоте—Угрозы швейцарцев—Гугеноты—Мамелюки—Синдик д'Орсьер, назначенный епископом—Посол, брошенный в тюрьму—Савойский депутат в Швейцарии—Герцог в Швейцарии—Жалобы на епископа Страница 114

ГЛАВА X.

НОВЫЕ ПЫТКИ; ОТЧАЯНИЕ ПЕКОЛАТА И ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ.

(Декабрь 1517 — март 1518 гг.)

Пеколат предстает перед своими судьями—Ему угрожают пытками—Сообщается, что он церковник — Передан священникам—Дьявол изгнан из его бороды—Пытается отрезать ему язык—Бонивар пытается спасти его—Апеллирует к митрополиту—Епископ вызван своим митрополитом—Бонивар находит клерка для вручения Повестки —Тревога клерка и энергия Бонивара —Судебный запрет доведен до сведения епископа—Четыре десятка горожан просят справедливости—Влияние друзей Пеколата—Полиция Плакаты об отлучении от церкви в Женеве —Ужас и суматоха—Приказ об освобождении Пеколата—Папские письма против Пеколата—Пеколат выходит на свободу—С триумфом возвращается в Женеву—Пеколат в камере Ивонне—Его пантомимическая история—Робкий Бланше Страница 126

ГЛАВА XI.

БЕРТЕЛЬЕ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ В ЖЕНЕВЕ. БЛАНШЕ И НАВИС СХВАТИЛИСЬ В ТУРИНЕ. БОНИВАР ВЫЗВАЛ СКАНДАЛ В РИМЕ.

(Февраль—сентябрь 1518 г.)

Три принца устраивают заговор против Женевы—В Женеве вновь зажжен факел свободы—

Начинается суд над Бертелье-Прокурор—Фискал требует его тюремного заключения—
Страстные обвинения—Бланше и Эндрю Навис в Турине—Епископ их арестовал—Их допрос—
Их подвергают пыткам—Навис раскаивается в своем неповиновении Отцу—Бонивар едет в
Рим—Мораль римских прелатов—Две причины коррупции—Бонивар о немцах и Лютере—
Бонивар в Турине -Его бегство Страница 148

ГЛАВА XII.

БЛАНШЕ И НАВИС КАЗНЕНЫ. ИХ КОНЕЧНОСТИ ПОДВЕШЕНЫ К ОРЕХОВОМУ ДЕРЕВУ ВОЗЛЕ
МОСТА АРВЕ.

(Октябрь 1518 г.)

Бланше и Навис осуждены—Прощание, обезглавливание и увечья—Их конечности посолены и
отправлены в Женеву—Повешены на ореховом дереве, где их и обнаруживают—Возмущение,
ирония и скорбь—Отец и Мать Нависа—Исцеление душ епископом—Наказание принцев—
Различные последствия в Совете—Посольство отправлено к герцогу—Епископ просит еще
голов —Уступит ли Женева? Страница 164

ГЛАВА XIII.

ГУГЕНОТЫ ПРЕДЛАГАЮТ СОЮЗ СО ШВЕЙЦАРЦАМИ, А МАМЛЮКИ РАЗВЛЕКАЮТСЯ В ТУРИНЕ.

(Октябрь—декабрь 1518 г.)

Энергия Бертелье—Конечности Нависа и Яблоко Телля—Епископ и герцог отрицают убийство—
Депутаты присоединяются к сторонникам герцога—Епископ и герцог требуют десять или
двенадцать голов—Главные гугеноты совещаются вместе—Ассамблея призывает к союзу со
Швейцарией—Марти Фрибургский поддерживает Свободу в Женеве—Возвращение женевских
депутатов—Совет отклоняет их требование—Народ собирается-Письмо герцога отклонено
Страница 176

ГЛАВА XIV.

ГУГЕНОТЫ ТРЕБУЮТ СОЮЗА С ФРИБУРГОМ: МАМЛЮКИ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ. БЕРТЕЛЬЕ
ОПРАВДАН.

(Декабрь 1518 и январь 1519 гг.)

Две партии лицом к лицу—Миссия Хьюза во Фрибурге—Альянс, предложенный народу—
Умеренные и люди действия—Волнения в Женеве—Ссоры—Опасность для Бертелье—Его
спокойствие и суд —Его оправдание—Большая сенсация в Турине—Посольство герцога в
Женеву—Лесть и ссоры Страница 188

ГЛАВА XV.

НАРОД В ГЕНЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ ГОЛОСУЕТ ЗА АЛЬЯНС; ГЕРЦОГ ИНТРИГУЕТ ПРОТИВ НЕГО.

(С 6 февраля по 2 марта 1519 г.)

Фрибург предлагает свой союз—Проголосовали с энтузиазмом—Выборы гугенотов—Великая
радость—Организована партия мамелюков—Пробуждается свобода—Станные разговоры о

Женева—Принцы пытаются завоевать Фрибург—Вмешиваются в дела лидеров гугенотов—Принцы агитируют Швейцарию—Радость, вызванная депутатом от Фрибурга—Неприятности, вызванные депутатом от кантонов—Благородный ответ Женевы—кому Женева обязана своей независимостью Страница 199

ГЛАВА XVI.

КАНОНИКИ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ГЕРЦОГУ, И НАРОД ВОССТАЕТ Против НИХ.

(Март 1519 г.)

Герцог побеждает каноников—Речь Бонивара—Его различие между мирским и Духовным—Декларация канонов против Альянса—Разъяренные патриоты расходятся по домам—Бонивар между народом и канонами—Каноники пишут еще одно письмо—Народ успокоился Страница 212

ГЛАВА XVII.

ГЕРЦОГ ВО ГЛАВЕ СВОЕЙ АРМИИ ОКРУЖАЕТ ЖЕНЕВУ.

(Март и апрель 1519 г.)

Дерзость пятнадцати герцогских дворян —Решительный ответ Совета—Тревога в Женеве—Военный парад герцога перед Советом - Его речь; Ответ премьер-синдика —Вестник объявляет войну—Женева готовится к сопротивлению—Мамелюки выходят к герцогу—Их совещание в Соколином саду—Герцог уезжает в Гайяр—Марти прибывает из Фрибурга—Беседа герцога и Марти—Провал ночной атаки—Уловки и обещания герцога—Бегство Бонивара Страница 220

ГЛАВА XVIII.

САВОЙСКАЯ АРМИЯ В ЖЕНЕВЕ.

(Апрель и май 1519 г.)

Герцог и его армия входят в Женеву—Армия занимает свои квартиры в городе—Герцог и граф становятся хозяевами—Разграбление Женевы—Проскрипционный список—Фрибургец упрекает герцога—Генеральный совет и провозглашение герцога—Приближается Фрибургская армия—Послание Фрибурга герцогу—Тревога и смена герцога—Сарказмы Женевы: война вБезоле—Посредничество Цюриха, Берна и Солера Страница 236

ГЛАВА XIX.

АРЕСТ БОНИВАРА И БЕРТЕЛЬЕ.

(Апрель—сентябрь 1519 г.)

Епископ и мамелюки устраивают заговор в Троше—Побег Бонивара между сеньором и священником—Предательство двух негодяев—Заключение Бонивара в Гроле—Епископ собирает Войска—Его въезд в Женеву и его намерения—Спокойствие Бертелье—Его Луг на Роне и его Ласка—Его арест—Его презрение к смерти—Отказывается просить прощения—Слово Божье утешает его Страница 249

ГЛАВА XX.

ФИЛИБЕР БЕРТЕЛЬЕ, МУЧЕНИК СВОБОДА. ТЕРРОР И УГНЕТЕНИЕ В ЖЕНЕВЕ.

(Август и сентябрь 1519 г.)

Епископ отказывается от судебного разбирательства — Все совершено за один день—Шестьсот человек в боевом порядке—Несправедливый и незаконный приговор—Смерть Бертелье—Шествие по городу—Эмоции и ужас женеvцев—Борьба и будущая победа—Кровь мучеников — это семя—Епископ желает произвести революцию в Женеве—Молчаливая скорбь синдигов мамелюков—Первое противодействие суевериям—Святой Баболин—Допрос Де Жуая—Угроза пыток—Принцы Савойи подавляют свободу-Страница "Голос пророчицы" 261

ГЛАВА XXI.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ. ЛЮТЕР. СМЕРТЬ ЕПИСКОПА. ЕГО ПРЕЕМНИК.

(1520-1523 гг.)

Протест Левье во имя Права—Гугеноты обретают мужество—Их умеренность и любовь к согласию—Духовенство отказывается платить налоги—Учение Лютера—Его пример воодушевляет Женеву—Большая процессия за городом—Угроза закрыть ворота перед духовенством—Бонивар освобожден—Пьер де ла Бом Кoadъютор—Смерть епископа—Отчаяние и раскаяние—Его преемник—Письмо нового епископа Совету—Прием Пьера де ла Бома—Надежды некоторых из Женевцы—Клятва епископа и тирания Страница 278

ГЛАВА XXII.

КАРЛ ЖЕЛАЕТ СОБЛАЗНИТЬ ЖЕНЕВЦЕВ. ТАЙНЫ КАНОНИКОВ И ГУГЕНОТОВ.

(Август 1523 г.)

Беатриче Португальская—Тщеславие женеvцев—Великолепный въезд герцога и герцогини—Гордость Беатриче оскорбляет женеvцев—Доказательство того, что Женева любит папство—Представление тайны—Изобретение Креста—Банкеты, балы и триумфы—Любовь к независимости кажется подавленной—В Женеве продаются новые Заветы—Новая власть, новая доктрина—Мемуары Папе о восстании в Женеве—Гугеноты представляют тайну—*Больной мир*—Библия безошибочна, истинное лекарство—Беспорядки духовенства—Лютер и Реформация—Мир предпочитает сходить с ума—Ссоры между женеvцами и савоярами—Левье и Луллен—Картеры важнее принцев—Рождение принца Савойского—Попытки герцога заполучить Женеву—Беспорядки в монастырях—Бог следит за Женевой Страница 295

ГЛАВА XXIII.

ЭМЕ ЛЕВРЬЕ, МУЧЕНИК ЗА СВОБОДУ И ПРАВО В ЗАМКЕ БОНН.

(март 1524 г.)

Дань уважения мученикам свободы —Видамам в Женеве — Кто помешает герцогу?—Герцог и Левье в Бонне —Твердый язык Левье—Церковь и государство—Герцог разоблачает свои Батареи—Обещания и соблазны—Епископальный совет перед герцогом—Левье перед герцогом—Герцог угрожает ему смертью—Левье предпочитает смерть бегству—Св. Сорлен и

герцог удаляются—Левье похищен и увезен в Бонн—Волнения в Женеве—Епископы боятся заступаться—Макиавеллиевский заговор герцога—Женева или Голова Левье—Заступничество женеvских дам—Спокойствие и осуждение Левье—Десять часов вечера—Мученическая смерть Левье—Моральная победа—Основатели современной свободы—Влияние на молодежь и мирян—Надежда женеvцев, бегство герцога—Женева дышит и пробуждается Страница 318

ГЛАВА XXIV.

ВОЗМУЩЕНИЕ ПРОТИВ МАМЛЮКОВ; ГЕРЦОГ ПРИБЛИЖАЕТСЯ С АРМИЕЙ; БЕГСТВО ПАТРИОТОВ.

(1524-1525 гг.)

Нечестность казначея Буле—Синдик Ришарде наносит ему удар—Буле торгуется за это нападение—Месть Совета Савойи—Буле и епископа Женевы—Женева сообщает епископу о насилии герцога—Новый лидер, Безансон Хьюз—Избрание четырех синдиков гугенотов—Хьюз отказывается служить—Апелляция из Женевы в Рим—Угрозы Савойского собора—Епископ пренебрегает Женевой—Насилие, совершенное над женеvцами—Герцог требует отозвать апелляцию к Риму—Сорок два оппонента-Списки запрещенных лиц—Разражается буря—Террор в Женеве—Массовый исход—Визит Вюйе к Хьюгу—Бегство через Во и Франш—Конте-Хьюг покидает свой дом ночью—Преследование беглецов Страница 345

ГЛАВА XXV.

БЕГЛЕЦЫ Во ФРИБУРГЕ И БЕРНЕ. ГЕРЦОГ И СОВЕТ АЛЕБАРДЩИКОВ В ЖЕНЕВЕ.

(Сентябрь—декабрь 1525 г.)

Речь Хьюза во Фрибурге—Приветствие Фрибурга, Берна и Люцерна—Евангелическое влияние в Берне—Мысли савояров—Мамлюки отзывают апелляцию к Риму—Герцог желает Суверенитета—Женева колеблется—Поддержка Швейцарии—Уловка герцога—Хьюз разоблачает ее—К беглецам присоединились их жены—Скорбь и призыв беглецов—Беспокойство епископа—Власть мирян—План герцога—Созывает Генеральный совет—Совет алебардщиков—Правительство Герцог заявляет о Суверенитете—Голосование в отсутствие Алебардщиков—Герцог потерпел неудачу в своем деспотизме—Сердце подводит его: он уходит—Мамлюки обвиняют Изгнанников—Луллин и другие возвращаются в Женеву—Их требование оправдания Страница 369

ГЛАВА XXVI.

НАРОД И ЕПИСКОП ЗАЩИЩАЮТ ДЕЛО БЕГЛЕЦОВ.

(Декабрь 1525 — февраль 1526 гг.)

Сто граждан перед Советом—Оправдание беглецов—Фрибургский нотариус допрашивает Собрание—Восстание маленького народа—Протест, подписанный множеством—Меры савойской партии—Обе стороны обращаются к епископу—Пьер де ла Бом в Женеве—Вандель побеждает его—окончен—Епископ отваживается и боится герцога—Выборы синдиков: Список мамлюков—Список епископов—Избрано четверо гугенотов—Народ отменяет указы, направленные против Свободы—Последствия благой вести в Берне—Лай Божьих чудес.

ГЛАВА XXVII.

ЖЕНЕВА И СОЮЗ ШВЕЙЦАРЦЕВ. ЕПИСКОП, ГЕРЦОГИ И КАНОНИКИ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ.
РАДОСТЬ НАРОДА.

(Февраль—август 1526 г.)

Акт союза во Имя Троицы—Возвращение изгнанников в Женеву—Речь Хьюза—Читает Акт союза—Заговор духовенства против Союза—Епископ протестует против этого—Люди ратифицируют Союз—Свобода народа и временность епископа—Зародыш серьезных вопросов в Женеве—Женевцы склоняются к Реформе—Заговор каноников—Бегство—Все по Милости Божьей—Швейцарцы принимают Женевские клятвы—Радость народа—Честь Бонивару, Бертелье и Левье—Пробуждение общества в шестнадцатом веке—Закроется ли Гробница снова?—Величайшая слава Франции-Ее спасение Страница 407

КНИГА II.

ФРАНЦИЯ. БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА И КОРОЛЕВА.

(1525-1526 гг.)

Три действия, необходимые для единения с Богом—Работа Лютера, Цвингле и Кальвина—Истина и мораль обеспечивают свободу—Кальвин венчает Храм Божий—Королева—Сходство между Маргаритой и Кальвином—Их контраст—Павия—Влияние, произведенное на Карла V.—Совет герцога Альвы—Расчленение Франции—Крестный путь—Молитвы Маргариты—Она находит короля умирающим—Франциск выздоравливает—Маргарита в Толедо—Ее красноречие и благочестие—Восхищение, которое она внушает, стр. 427

ГЛАВА II.

МАРГАРЕТ СПАСАЕТ ЕВАНГЕЛИСТОВ И КОРОЛЯ.

(1525-1526 гг.)

Преследования во Франции—Беркен проповедует в Артуа—Оппозиция—Беда изучает книги Беркена—Беркена сажают в тюрьму—Маргарет и король вмешиваются—Маргарет в опасности в Испании—Ложные клятвы короля—Папа санкционирует лжесвидетельство Страница 445

ГЛАВА III.

ПЕРЕЙДЕТ ЛИ РЕФОРМАЦИЯ РЕЙН.

(1525-1526 гг.)

Переправа через Рейн в Страсбурге—Граф Гогенлоэ—Переписка между Маргаритой и Гогенлоэ—Система Маргариты—Она приглашает Гогенлоэ во Францию—Запрет на разговоры, печатание и чтение—Экзамен Беркена—Маргарет склоняет свою мать в пользу Беркена—

Франциск I. запрещает парламенту продолжать работу—Генрих д'Альбре, король Наварры, добивается руки Маргариты—Ее тревоги Страница 454

ГЛАВА IV.

СМЕРТЬ МУЧЕНИКОВ—ВОЗВРАЩЕНИЕ О КОРОЛЕ.

(1526.)

Мученичество Жубера—Молодой христианин из Мо отрекается—Водери в Пикардии—Молодой пикарец сожжен в Грее—Туссен выдан аббату Сент—Антуана—Муки Туссена в его темнице—Франциск I. возвращен на свободу—Петиции королю в пользу евангелистов—Франциск возражает против приезда Гогенлоэ—Заложники короля—Стремления Души Маргариты — Жалоба узника—Мысли короля о замужестве его сестры —Новое положение вещей в Европе, стр. 466

ГЛАВА V.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗГНАННИКОВ.

(1526.)

Освобождение пленников: Беркен, Маро—Мишель д'Аранда стал епископом—Туссен освобожден из темницы—Великая радость в Страсбурге—Беженцы в этом городе—Маргарет приветствует Лефевра и Русселя—Плоды судебного процесса—Евангелическое собрание в Блуа—Туссен при дворе—Начало эры Света—Франциск приезжает в Париж, чтобы открыть ее—Лицемерие о знати и прелатах — Слабость Лефевра и Русселя —Туссен, испытывающий отвращение ко Двору - Пусть Франция покажет себя достойной этого Слова! Страница 480

ГЛАВА VI.

КТО СТАНЕТ РЕФОРМАТОРОМ ФРАНЦИИ?

(1526.)

Будет ли это Лефевр, Руссель или Фарель?—Руссель и принцы Ла Марша—Фареля пригласили в Ла Марш—Маргарет как миссионерка—Она жаждет Освящения—Евангелие и нравственность—Фарель как реформатор—Фарель и Мирабо—Как был бы принят Фарель—Приглашение в Ла Марш пришло слишком поздно—Беркен освобожден—Будет ли он Реформатором?—Брак Маргариты с королем Наварры—Устремления королевы—Все в мире меняется Страница 495

ГЛАВА VII.

РАННЯЯ БОРЬБА КАЛЬВИНА И РАННИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

(1523-1527.)

Профессор и ученый—Прибытие Кальвина и его благодарность—Влияние Кордые на Кальвина—Кальвин поступает в колледж Монтегю—Испанский профессор—Кальвина перевели в класс философии Класс —Его чистота и рвение—Его Учеба—Дыхание Евангелия в воздухе—Оливетан, двоюродный брат Кальвина—Беседы между Оливетаном и Кальвином—

Соппротивление Кальвина—Его самоанализ-Желание учителей остановить его—Кальвин прибегает к покаянию и Святым—Его отчаяние Страница 511

ГЛАВА VIII.

ОБРАЩЕНИЕ КАЛЬВИНА И СМЕНА ПРИЗВАНИЯ.

(1527.)

Протонотарий Дуллон, сожженный заживо —Свет сияет над Кальвином—Он падает к ногам Христа—Он не может отделиться от Церкви—Доктрина Папы подверглась нападкам со стороны его Друзей—Папство до Кальвина —Было ли его Обращение внезапным?—Дата этого обращения—Сожаления отца Кальвина—Жерар Ковен советует своему Сыну изучать Закон—Обращение, христианство и реформация Страница 527

ГЛАВА IX.

БЕРКЕН ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ ПАПСТВУ.

(1527.)

Порядок и Свобода исходят из Истины—Беда и Беркен—Предприятие Беркена—Ужас его друзей—Беда заключен во Дворце—Беркен нападает на Беду и Сорбонну—Опасения Эразма—Он не будет сражаться—Агитация католической партии Страница 539

ГЛАВА X.

УСИЛИЯ ДЮПРА ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ—СОПРОТИВЛЕНИЕ Франциска I.

(1527-1528 гг.)

Луиза Савойская и Дюпра—Франциск I. и шестнадцатый век—Сделка, предложенная духовенством—Маргарет воодушевлена—Ее прогулки в Фонтенбло—Ее убежище в Париже—Мученическая смерть Де ла Тура—Маргарет спешно возвращается в Париж—Синод в Париже—Дюпра обращается к королю—Синоды в других частях Франции—Дюпра и парламент примирились—Король сопротивляется преследованиям Страница 49

ГЛАВА XI.

ПРАЗДНИКИ В ФОНТЕНБЛО И ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА С УЛИЦЫ РОЗЬЕ.

(1528.)

Евангелизация королевой Наварры—Королева и Охотник—Ле Мове Егерь—Брак Рене с герцогом Феррарским—Приступ гнева короля—Образ Пресвятой Девы разбит —Горе и крики народа—Попытки найти Преступника—Огромная процессия—Чудеса, сотворенные Образом —Король дает повод Преследователям. Страница 561

ГЛАВА XII.

УЗНИКИ И МУЧЕНИКИ В ПАРИЖЕ И ПРОВИНЦИЯХ.

(1528.)

Кристоден—Дени из Мо—Брисонне в темнице Дени—Барьер и кол—Святые добродетели
Анноне—Махополис, Ренье и Жонас—Спокойствие Беркена во время бури—Беркен
арестован—Слепота папства—Из гонений выходит Реформатор Страница 572

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА I. ЖЕНЕВА И ПЕРВЫЕ ГУГЕНОТЫ.

ГЛАВА I. РЕФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СВОБОДА.

Факты сами по себе не составляют всей истории, так же как члены тела не образуют целостного человека. В истории есть душа так же, как и в теле, и именно она порождает, оживляет и связывает факты воедино, так что все они объединяются для достижения одной цели.

Как только мы начинаем говорить о Женеве, которая благодаря служению Кальвина должна была стать самым мощным центром Реформ в шестнадцатом веке, перед нами возникает один вопрос.

В чем заключалась душа Женевской реформации? Воистину, спасение верой во Христа, который умер, чтобы спасти, — воистину, обновление сердца словом и Духом Божьим. Но бок о бок с этими высшими элементами, которые встречаются во всех Реформациях, мы встречаемся со второстепенными элементами, которые существовали в одной стране и не существовали в другой. То, что мы обнаруживаем в Женеве, возможно, заслуживает того, чтобы привлечь внимание людей в наши дни: характерным элементом женевской реформы является свобода.

В течение первой половины шестнадцатого века в этом городе были осуществлены три великих движения. Первым было завоевание независимости; вторым - завоевание веры; третьим - обновление и организация Церкви. Бертелье, Фарель и Кальвин - три героя этих трех эпосов.

Каждое из этих различных движений было необходимо. Епископ Женевы был светским князем, как и епископ Рима; было трудно лишить епископа его пастырского посоха, если только он не был предварительно лишен своего меча. Необходимость свободы для Евангелия и Евангелия во имя свободы сегодня признается всеми мыслящими людьми; но это было провозглашено историей Женевы три столетия назад.

Но можно сказать, что история Реформации не имеет отношения к светскому, политическому и социальному элементу. Меня упрекали в том, что я недостаточно уделил этому внимание в истории Реформации Германии, где это имело относительно небольшое значение. Возможно, меня могут упрекнуть в том, что я слишком много внимания уделяю этому вопросу в Женевской реформации, где он занимает видное место. Трудно угодить любому вкусу: самый безопасный

путь - руководствоваться истиной принципов, а не требованиями отдельных личностей. Разве я виноват, что эпоха обладает своими характерными чертами? если невозможно сдержать светский элемент, не нанося ущерба духовному? Разрезать историю надвое - значит исказить ее. В реформе Женевы, и особенно в устройстве ее церкви, элемент свободы преобладает больше, чем в реформах других стран. Мы не сможем узнать причину этого, пока не изучим движение, породившее эту Реформу. История политической эмансипации Женевы интересна сама по себе; свобода, как было сказано, [3](#), никогда не была обычным явлением в мире; она процветала не во всех странах и не во всех климатических условиях, и периоды, когда народ *справедливо* борется за свободу, являются привилегированными эпохами истории. Одна из таких эпох пришлось на начало нового времени; но, как ни странно, борьба за свободу почти только в Женеве сделала первые десятилетия шестнадцатого века привилегированным временем.

Именно в этой маленькой республике мы находим людей, замечательных своей преданностью свободе, своей привязанностью к закону, смелостью своих мыслей, твердостью своего характера и силой своей энергии. В шестнадцатом веке, после перерыва в несколько сотен лет, человечество, восстановившее свои силы, подобно полю, которое долго лежало под паром, почти повсюду демонстрировало чудеса самой пышной растительности. Женева действительно является самым маленьким театром этого необычайного брожения; но по героизму и величию она не уступала ему ни в чем, и только на этом основании она заслуживает внимания.

Однако есть и другие причины, побудившие нас к этому исследованию. Борьба за свободу в Женеве была одним из факторов ее религиозной трансформации; чтобы мы могли узнать одно, мы должны изучить другое. Опять же, Кальвин - великий человек своей эпохи; поэтому необходимо изучить страну, где он появился. Только знание истории Женевы до Кальвина может позволить нам понять жизнь этого великого реформатора. Но остается третья и более важная причина. Я собираюсь рассказать историю Реформации шестнадцатого века во времена Кальвина. Итак, что главным образом отличает Реформацию Кальвина от реформации Лютера, так это то, что, где бы она ни была основана, она приносила с собой не только истину, но и свободу, а также все великие достижения, которые несут с собой эти два плодотворных принципа. Политическая свобода, как мы увидим, обосновалась на тех холмах у южной оконечности озера Леман, где стоит город Кальвин, и с тех пор никогда не покидала их. И более того: земная свобода, верный спутник божественной истины, появилась одновременно с ней в Нидерландах, в Англии, в Шотландии, а впоследствии в Северной Америке и других местах, создав повсюду могущественные нации. Реформация Кальвина - это реформация нового времени; это религия, предназначенная для всего мира. Будучи глубоко духовной, она также замечательным образом служит всем мирским интересам человека. В нем есть *обещание жизни, которая есть сейчас, и той, которая грядет*.

Свободные институты протестантских стран возникли не только благодаря реформации Кальвина: они происходят из различных источников и не являются иностранным импортом. Элементы свободы были в крови этих народов, и замечательные люди оказывали на них цивилизующее влияние. Великая хартия вольностей старше, чем Женевская реформа; но мы считаем (хотя мы можем ошибаться), что эта Реформация внесла небольшую лепту во внедрение тех конституционных принципов, без которых нации никогда не смогут достичь своего большинства. Откуда исходило это влияние?

Каждый из жителей Женевы и их великий врач наложили свой отпечаток на Реформацию, вышедшую из их стен: реформация Кальвина была истиной, народной свободой. Это последнее соображение вынуждает нас рассказать о борьбе, ареной которой была Женева и которая, хотя и была почти неизвестна до настоящего времени, помогала, подобно тонкому ручейку, наполнять великий поток современной цивилизации. Но была и вторая, более могущественная причина. Высшим из великих принципов, которые распространил Кальвин, является верховенство Бога. Он повелел *намотдать кесарю то, что принадлежит кесарю*; но он добавил: 'Бог всегда должен сохранять суверенную империю, и все, что может принадлежать человеку, остается подчиненным. Повиновение князьям согласуется со служением Богу; но если князья узурпируют какую-либо часть власти Бога, мы должны повиноваться им только в той мере, в какой это возможно, не оскорбляя Бога'.⁴ Если моя совесть полностью подчинена Богу, я свободен в отношении людей; но если я цепляюсь за что-либо, кроме небес, люди могут легко поработить меня. Истинная свобода существует только в высших сферах. Птица, парящая над землей, может потерять ее в любой момент; но мы не можем отнять ее у орла, парящего среди облаков.

Великие движения на пути закона и свободы, совершенные людьми в шестнадцатом и семнадцатом веках, имеют определенную связь с реформацией Кальвина, которую невозможно игнорировать.

Как только Ги де Брес и многие другие вернулись из Женевы в Нидерланды, началось великое противостояние между правами народа и революционным и кровавым деспотизмом Филиппа II. началась героическая борьба, и создание Соединенных Провинций стало ее славным завершением.

Джон Нокс вернулся в свою родную Шотландию из Женевы, где провел несколько лет; затем папизм, деспотизм и безнравственность французского двора уступили в этой благородной стране место тому энтузиазму по отношению к Евангелию, свободе и святости, который с тех пор никогда не переставал зажигать пылкие души ее энергичных людей.

Бесчисленные друзья и ученики Кальвина каждый год приносили с собой во Францию принципы гражданской и политической свободы;⁵ и началась ожесточенная борьба с папством и деспотизмом, сначала Валуа, а затем Бурбонов. И хотя эти князья стремились уничтожить свободы, за которые гугеноты проливали свою кровь, их нетленные следы все еще остаются среди этой прославленной нации.

Англичане, которые во время кровавых гонений на Марию искали убежища в Женеве, впитали там любовь к Евангелию и свободе. Когда они вернулись в Англию, под их ногами забил фонтан. Воды, ограниченные Елизаветой узким каналом, поднялись при ее преемниках и быстро превратились в стремительный ревущий поток, чьи дерзкие волны в своем бурном течении смыли сам трон. Но мудрая рука Вильгельма Оранского уложила их в постель, и стремительный поток превратился в улыбающийся поток, несущий процветание и жизнь вдаль.

Наконец, Кальвин был основателем величайшей из республик. 'Пилигримы', покинувшие свою страну в царствование Якова I и, высадившись на бесплодных берегах Новой Англии, основавшие густонаселенные и могущественные колонии, являются его сыновьями, его прямыми и законными сыновьями; и та американская нация, которая, как мы видели, так быстро растет, гордится тем, что ее отец - скромный реформатор с берегов Лемана.

Действительно, есть выдающиеся писатели, которые обвиняют этого мужа Божьего в деспотизме; поскольку он был врагом либертинажа, его называли врагом свободы. Никто так сильно, как Кальвин, не был противником той моральной и социальной анархии, которая угрожала шестнадцатому веку и которая губит каждую эпоху, неспособную удержать ее под контролем. Эта смелая борьба Кальвина - одна из величайших услуг, которые он оказал свободе, у которой нет врагов более опасных, чем безнравственность и беспорядок.

Следует ли задать вопрос, как следует пресекать супружескую неверность? мы должны признаться, что Кальвин не дожил до своего возраста, который во всех общинах был единодушен в применении самых суровых наказаний. Если человек заблуждается относительно познания Бога, то только перед Богом он должен отчитываться. Когда люди — а иногда это лучшие из людей — делают себя Божьими мстителями, совесть замирает, и религия прячет свое лицо. Три столетия назад это было не так, и самые выдающиеся умы всегда так или иначе отдают дань человеческой слабости. И все же, в хорошо известном случае, когда несчастный человек, чьи доктрины угрожали обществу, предстал перед гражданским трибуналом Женевы, во всей Европе прозвучал только один голос в защиту заключенного; но один голос молился о смягчении наказания Сервета, и этот голос принадлежал Кальвину.⁶

Какими бы закоренелыми ни были предубеждения против него, неоспоримые свидетельства истории относят Кальвина к числу отцов современной свободы. Возможно, мы обнаружим, что беспристрастные люди постепенно прислушиваются к честному и торжественному свидетельству прошлых эпох; и чем больше мир признает важность и универсальность Реформации, пришедшей из Женевы, тем больше нам простят то, что мы на несколько мгновений обратим внимание на героическую эпоху этого малоизвестного города.

Шестнадцатый век - величайший в истории христианства; это эпоха, когда (так сказать) все заканчивается и все начинается; нет ничего ничтожного, даже разгула; нет ничего малого, даже маленького городка, лежащего незамеченным у подножия Альп.

В ту обновляющуюся эпоху, столь полную антагонистических сил и энергичной борьбы, религиозные движения не исходили из единого центра; они исходили от противоположных полюсов и упоминаются в хорошо известной строке -

*Je ne décide pas entre Genève et Rome.*⁷

Католический центр находился в Италии — метрополии древнего мира; евангелический центр в Германии был перенесен из Виттемберга в центр европейских наций — в самый маленький из городов — в тот, историю которого я должен рассказать.

Когда история повествует об определенных эпохах, как, например, о правлении Карла V. В обширности сцены, на которой происходит действие, может быть определенный недостаток; мы можем сетовать на то, что главное действующее лицо, каким бы колоссальным оно ни было, неизбежно оказывается карликом. Это неудобство не будет обнаружено в предпринятом мною повествовании. Если империя Карла V. была крупнейшим театром в современной истории, Женева была самым маленьким. В одном случае мы имеем огромную империю, в другом - микроскопическую республику. Но малость театра служит для того, чтобы еще ярче

подчеркнуть величие действий: только поверхностные умы с презрением отворачиваются от возвышенной драмы, потому что сцена узкая, а представление лишено помпезности. Изучать великое в малом - одно из самых полезных упражнений. Я имею в виду — и это мое извинение — не описывать маленький городок в Альпах, ибо это не стоило бы такого труда; но изучать в этом городе историю, которая в основном является отражением истории Европы, — ее страданий, ее борьбы, ее стремлений, ее политических свобод и ее религиозных преобразований. Я признаюсь, что моя привязанность к стране, на которой я родился, возможно, побудила меня слишком пристально изучать наши летописи и излагать их слишком подробно. Эта привязанность к моей стране, которая поддерживала меня в выполнении моей задачи, возможно, вызовет у меня упреки; но я надеюсь, что это скорее послужит моим оправданием. "Эта книга, - сказал Тацит в начале одного из своих бессмертных трудов, - была продиктована любовью: это должно быть ее похвалой или, по крайней мере, оправданием".⁸ Неужели нам запретят смиренно прикрываться величественным обликом князя истории?

Современные свободы происходят из трех различных источников, из союза трех характеров, трех законов, трех завоеваний — римского, германского и христианского. Сочетание этих трех влияний, создавшее современную Европу, довольно поразительным образом прослеживается в долине реки Леман. Три потока с севера, юга и востока, соединение которых образует великий поток цивилизации, нанесли в ту долину, которую Создатель вырыл между Альпами и Юрой, драгоценный осадок, составные части которого можно легко различить спустя столько веков.

Сначала мы сталкиваемся с римским элементом в Женеве. Долгое время этот город был частью империи; "это был самый отдаленный город Аллоброгов", - говорит Цезарь.⁹ Примерно в лиге от Женевы когда-то стоял античный мраморный памятник в честь Фабия Максима Аллоброгика, который за 122 года до Рождества Христова одержал победу над жителями этого района;¹⁰ и сам великий Юлий, построивший огромные сооружения вокруг города, завещал свое имя ряду римских колонистов или, по крайней мере, клиентов. Более примечательные следы — их муниципальные учреждения — обнаружены в большинстве городов, занятых римлянами; нам позволено полагать, что Женеве не была без них.

В пятом веке у немцев появился второй элемент современных свобод. Бургунды — эти тевтоны с берегов Одера, Вислы и Варты - будучи уже обращенными в христианство, высыпали своими отрядами в обширный бассейн Роны, и дух независимости, исходивший из далеких лесов севера, веял на берегах озера Леман. Однако бургундское племя сочетало в себе с энергичностью других немцев более мягкий и цивилизованный темперамент. Король Гондебальд построил дворец в Женеве; надпись, помещенная в пятнадцати футах над воротами замка и сохранившаяся по сей день, гласит: *Гундебадус рекс кlementissimus* и т.д.¹¹ Из этого замка уехала племянница короля, знаменитая Клотильда, которая, выйдя замуж за Хлодвигу, обратила в христианство основателя французской монархии. Если франки тогда приняли христианскую веру из Женевы, то многие из их потомков во времена Кальвина приняли Реформацию там же.

Дядя Клотильды заделал бреши в городских стенах и, собрав своих самых способных советников, составил бургундские законы, которые одинаково защищали малых и великих и защищали жизнь и честь человека от посягательств.¹²

Однако первое королевство, основанное бургундами, просуществовало недолго. В 534 году она перешла в руки королей Меровингов, и история Женевы была поглощена историей Франции до

888 года, эпохи, когда второе королевство Бургундия восстало из руин величественной, но эфемерной империи Карла Великого.

Но задолго до вторжения бургундов в пятом веке часть Европы, и Женева в частности, подверглась другому завоеванию. Во втором веке христианство имело своих представителей почти во всех частях римского мира. Во времена императора Марка Аврелия и епископа Ириной (177) некоторые преследуемые христиане Лиона и Вены в Дофини, желая спастись от огня и диких зверей, на растерзание которым Рим бросал детей Божьих, и желая испытать, не принесет ли их благочестивая деятельность плодов на какой—нибудь другой почве, поднялись по грозным водам Роны и, придя к подножию Альп — убежища и беженцы в этой стране существуют с незапамятных времен - принесли туда Евангелие, как и другие беженцы, прибывшие также из Галлии. , а также спасаясь от своих преследователей, явились четырнадцать столетий спустя, чтобы принести Реформацию. По-видимому, они были всего лишь учениками, скромными пресвитерами и евангелистами, которые во втором и третьем веках впервые провозгласили божественное слово на берегах Лемана; поэтому мы можем предположить, что Церковь была учреждена в ее простейшей форме. По крайней мере, только два столетия спустя, в 381 году, в Женеве появился епископ Диоген, ¹³ и даже этот первый епископ оспаривается. ¹⁴ Как бы то ни было, Евангелие, которое беженцы принесли в долину, лежащую между Альпами и Юрой, провозгласило, как и везде, равенство всех людей перед Богом и, таким образом, заложило основы ее будущих свобод.

Таким образом, в этом регионе были объединены порождающие элементы современных институтов. Цезарь, Гондебальд и неизвестный миссионер представляют, так сказать, три слоя, образующих женеvскую почву.

Давайте здесь вкратце обрисуем несколько характерных моментов древней истории Женевы. Фундаменты, на которых стоит здание, конечно, не самая интересная часть, но они, пожалуй, самые необходимые.

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ УЗУРПАЦИИ И ПЕРВАЯ БОРЬБА.

Сначала Женева была всего лишь сельским поселком (*vicus*) с муниципальным советом и эдилом. При Гонории в IV веке он стал городом, вероятно, получив этот титул после того, как Каракалла распространил права гражданства на всех галлов. С самых ранних времен, либо до, либо после Карла Великого, Женева обладала правами и свободами, которые гарантировали гражданам защиту от деспотизма своего феодала. Но были ли в нем политические институты? было ли сообщество организовано? По этим вопросам не хватает информации. В начале шестнадцатого века женеvцы утверждали , что были свободны так долго , что *человеческая память не утверждает обратного*. ¹⁵ Но эта "память человека", возможно, не охватывает много веков.

Папа пригласил Карла Великого повести своих франков в Италию из *любви к Богу* и сражаться со своими врагами, этот принц отправился туда в 773 году с многочисленной армией, часть которой перешла гору Сен-Бернар, таким образом указав путь другому Карлу Великому, который должен был появиться тысячу лет спустя, и чья империя, более блестящая, но все еще более эфемерная, чем первая, также находилась в процессе распада, чтобы восстановить свободу Женевы, которая была вторично поглощена Францией. ¹⁶ Карл Великий, проезжая со своей

армией, остановился в Женеве и держал совет.¹⁷ Это слово привело к убеждению, что город обладал *свободами и привилегиями*, и что он подтвердил их;¹⁸ но совет, вероятно, состоял из советников принца и не был городским советом. Как бы то ни было, происхождение женевских свобод, по-видимому, скрыто во мраке времени.

Три державы, в свою очередь, угрожали этим свободам.

Сначала появились графы Женевские. Первоначально они были, как могло бы показаться, просто офицерами императора;¹⁹ но постепенно стали почти независимыми князьями.

Уже в 1091 году мы встречаемся с неким Эймоном, графом Женевским.²⁰ Правление этих графов Женевских вскоре распространилось на обширную и великолепную территорию. Они проживали не только в своем наследственном поместье в Женеве, которое находилось на месте дворца Гондебальда, но и в различных замках, разбросанных в отдаленных частях их владений - в Анси, Румийи, Ла—Роше, Лозанне, Мудоне, Ромоне, Рю, Ле-Кле и других местах.²¹ В те дни графы вели уединенную и бурную жизнь, характерную для феодального периода. Одно время они были заперты в своих замках, которые по большей части были окружены несколькими маленькими домиками, окружены рвами и подъемными мостами, и на стенах которых издалика можно было разглядеть оружие стражей, сверкающее в лучах восходящего солнца. В другое время они совершали вылазки в сопровождении многочисленного эскорта офицеров, со своим сенешалем, маршалом, виночерпиями, сокольничими, пажами и оруженосцами либо для охоты на высотах Юры и Альп; либо это могло быть с благочестивыми мотивами посещения какого-нибудь места паломничества; или, что не так уж редко, для ведения изматывающих крестовых походов против своих соседей или вассалов. Но во время всех этих феодальных волнений в Женеве росла другая сила — сила, поначалу действительно скромная, но устами которой можно было *говорить великие вещи*.²²

В период бургундского завоевания в Женеве был епископ, и вторжение немцев вскоре дало этому прелату значительную власть. Одаренные умом, намного превосходящим интеллект людей, которыми они были окружены, уважаемые варварами как первосвященники Рима, знающие, как постепенно приобретать обширные владения, и таким образом становящиеся самыми важными персонами в городах, где они проживали, епископы трудились над тем, чтобы защитить свой город от внешнего мира и управлять им дома. В конце концов они без особых церемоний лишили народ независимости и объединили титул князя с титулом епископа.

В 1124 году Аймон, граф Женевский, по соглашению, заключенному с Гумбертом Граммонским, епископом Женевы, передал город последнему,²³ сохранив за собой только старый дворец и часть уголовного судопроизводства, но продолжая удерживать второстепенные города и сельский округ.

Институт князей-епископов, наполовину религиозный, наполовину политический, в равной степени противоречащий Евангелию прошлых веков и свободе будущего, возможно, был исключительно благотворным; но, вообще говоря, это было несчастьем для людей средневековья, и особенно для Женевы. Если в то время у Церкви были смиренные, но ревностные служители, несущие свет Евангелия миру, то почему бы той же духовной силе, которая в первом веке победила римский политеизм, не оказаться способной в более поздние времена рассеять тьму феодализма? Но чего можно было ожидать от прелатов, которые превратили свои посохи в мечи, свои стада - в крепостных, свои пасторальные жилища - в

укрепленные замки? *Corruptio optimi pessima*. Принц-епископ, это земноводное порождение варварского нашествия, не может сохраниться в христианском мире. Мелкий люд Женевы — и это одно из его известных названий — был первым, кто изгнал его в наше время; и способ, которым он это сделал, является одной из страниц истории, которую мы хотим описать. Требовалась поистине мощная энергия — рука Божья, — чтобы предпринять и осуществить этот первый акт, вырвавший из рук епископов узурпированный ими светский скипетр. С тех пор примеру Женевы часто следовали; феодальные престолы епископов пали на берегах Рейна, в Бельгии, Баварии, Австрии и в других местах; но первым пал престол Женевы, а последним будет престол Рима.

Если епископу, благодаря поддержке императоров, удалось изгнать графа из Женевы, оставив ему юрисдикцию только над его сельскими вассалами, то ему также, при естественном ходе вещей, удалось подавить народные привилегии. Эти права, однако, все еще сохранялись, князь-епископ избирался народом — факт, зафиксированный святым Бернардом при избрании Ардуция.²⁴ Князь даже принес присягу на верность народу. Время от времени горожане выступали против посягательств прелата и отказывались предстать перед римским судом.²⁵

Христианство было задумано как сила свободы; Рим, развращая его, превратил в силу деспотизма; Кальвин, возрождая его, восстановил его заново и восстановил его первое произведение.

Но больше всего независимости и свободе Женевы угрожали не епископы и графы, а чуждая им власть, которая начала с того, что отняла у графов их города и деревни. Савойский дом, скупаемый ненасытным честолюбием, стремился расширить свои владения с умением и настойчивостью, которые увенчались самым быстрым успехом. Когда принцы Савойи заняли место графов Женевских и герцогов Церингенских на плато Во, Женева, на которую они смотрели как на *анклав*, стала постоянным объектом их вожделений. Они веками парили над древним городом, подобно тем альпийским стервятникам, которые, расправив крылья высоко в облаках, исследуют местность внизу своим взглядом, налетают на добычу и возвращаются день за днем, пока не сожрут все до последнего кусочка. Савойя не сводила глаз с Женевы — во-первых, из честолюбия, потому что обладание этим важным городом округлило бы и укрепило ее территорию; и, во-вторых, из расчета, потому что она обнаружила в этом маленьком государстве определенные принципы права и свободы, которые ее встревожили. Что стало бы с абсолютной властью князей, полученной ценой стольких узурпаций, если бы либеральные теории проникли в европейское право? В гнезде, построенном среди скалистых утесов Альп, возможно, и найдется выводок безобидных орлят; но как только у них отрастут крылья, они взмывут в воздух и своими пронзительными глазами обнаружат добычу и схватят ее издалека. Таким образом, безопаснее всего, чтобы какая-нибудь сильная рука убила их в гнезде, пока они молоды.

Отношения между Савойей и Женевой — одна из которых олицетворяет абсолютизм, другая свободу — часто упускались из виду. Однако они важны для истории Женевы и даже Реформации. По этой причине мы хотим сделать их наброски.

Ужасная борьба, о которой мы только что говорили, началась в первой половине XIII века. Савойский дом, обнаружив в Женеве и Женевуа две силы, епископа и графа, решил воспользоваться их разногласиями, чтобы проникнуть как в провинцию, так и в город и занять их место. Сначала он выступил в пользу епископа против графа, более могущественного из двух,

с целью ограбления его. Петр Савойский, каноник Лозанны, стал в 1229 году, в возрасте двадцати шести лет, ректором женевских каноников; и, получив таким образом возможность познакомиться с городом, оценить важность его положения и открыть для себя красоты, которые его окружали, он проникся к нему симпатией. Будучи младшим сыном графа Савойского, он легко мог бы стать епископом, но под своим дружелюбием каноник скрывал руку солдата и гений политика. После смерти своего отца в 1232 году он сбросил сутану, стал солдатом, женился на Агнес, которую граф де Фосиньи сделал своей наследницей за счет ее старшей сестры, а затем занялся вольнонаемной охотой.²⁶ Несколько позже, будучи дядей Элинор Прованской, королевы Англии, он был пожалован графом Ричмондом своим племянником Генрихом III и изучал искусство управления в Лондоне. Но берега Темзы не могли заставить его забыть берега Лемана. Женевский замок оставался, как мы видели выше, частной собственностью его врага графа Женевского, и он решил его захватить. "Мудрый человек, - говорит старый хронист, - высокого роста и атлетической силы, гордый, отважный, грозный, как лев, похожий на самых знаменитых паладинов, настолько храбрый, что его прозвали доблестным (*preux*)" Карл Великий, обладающий организаторским гением, который основывает государства, и воинственным нравом, который их завоевывает, — Петр захватил Женевский замок в 1250 году и сохранил его в качестве залога за 35 000 марок серебром, которые, как он утверждал, граф был ему должен. Теперь он был кем-то в городе. Будучи человеком неутомимой деятельности, предприимчивого духа, редких навыков и неутомимого упорства, он использовал этот фундамент, на котором воздвиг здание своего величия в долине Леман.²⁷ Жители Женевы, начиная уставать от церковной власти, пожелали свободно пользоваться теми общинными привилегиями, которые духовенство называло "худшим из институтов".²⁸ Став графом Савойским, Петр, задумавший присоединить Женеву к своим наследственным государствам, пообещал дать гражданам все, что они пожелают; и последние, которые уже (за два с половиной столетия до Реформации) желали сбросить светское иго своего епископа, отдали себя под его опеку. Но вскоре они встревожились, они боялись меча воина больше, чем посоха пастуха, и были довольны своим духовным правлением

De peur d'en rencontrer un pire.²⁹

В 1267 году второй Карл Великий был вынужден публично заявить, что отказывается брать Женеву под свою защиту.³⁰ Испытывая отвращение к этой неудаче, ослабленный возрастом и измученный своей непрестанной деятельностью, Петр удалился в свой замок в Шильоне, где каждый день плавал по этому прекрасному озеру, роскошно наслаждаясь прелестями окружающей природы; в то время как гармоничный голос менестреля, смешиваясь с журчанием вод, прославлял перед ним высокие подвиги прославленного паладина. Он умер в 1268 году.³¹

Двадцать лет спустя Амадей V. смело возобновил наступление, в котором потерпел неудачу его дядя. Человек, полный амбиций и гения, по прозвищу 'Великий', он обладал всеми качествами успеха. Знамя принца должно реять над стенами этого свободного города. У Амадея уже был особняк в Женеве, старый дворец графов Женевских, расположенный в верхней части города. Он хотел иметь больше, и каноны дали ему возможность, которую он искал, начать свое завоевание. Во время вакантности епископского престола эти преподобные отцы разделились, и те, кто был враждебен Амадею, подвергшись угрозам со стороны некоторых членов его партии, в тревоге укрылись в замке Иль. Этот замок Амадей захватил, будучи полон решимости

показать им, что ни крепкие стены, ни два рукава реки, опоясывающие остров, не смогут защитить их от его гнева. Это завоевание не дало ему власти в городе, но Савойя не раз могла использовать его для своих амбициозных проектов. Именно здесь в 1518 году, вскоре после появления Лютера, епископ и герцог принесли в жертву самого бесстрашного мученика современной свободы.

Амадей не мог быть удовлетворен своими двумя замками: чтобы быть хозяином в Женеве, он не побрезговал стать слугой. Поскольку епископам, как церковникам, было противозаконно проливать кровь, во всех церковных княжествах был офицер, которому было поручено вершить смертную казнь, *вице-домини*, и поэтому этого лейтенанта звали *видомне* или *видаме*. Амадеус потребовал эту видеозапись в качестве награды за свои услуги. Напрасно горожане, встревоженные мыслью о столь могущественном видаме, собирались в церкви Святой Магдалины (ноябрь 1288 г.); напрасно епископ запрещал Амадею "во имя Бога, преславной Девы Марии, святого Петра, святого Павла и всех святых узурпировать должность наместника", ³² стервятник держал видами в когтях и не отпускал его. Горожане насмехались над этим суверенным принцем, превратившим себя в гражданского чиновника. "Хорошенькая работа для принца — это министерство (*ministère*), а не магистратура (*magistère*)— служба, а не доминион". "Хорошо, хорошо, - ответил савояр, - я знаю, как превратить слугу в хозяина".³³

Принцы Савойи, которые объединились с епископом против графа Женевского, чтобы свергнуть последнего, после столь успешного завершения своей первой кампании предприняли вторую и объединились с гражданами против епископа, чтобы сместить его. Амадей стал либералом. Он хорошо знал, что невозможно завоевать сердца людей лучше, чем став защитником их свобод. В 1285 году он сказал горожанам: "Мы будем *поддерживать, охранять и защищать* ваш город и имущество, ваши *права и привилегии*, и все, что принадлежит вам".³⁴ Если Амадеус был готов *защищать* свободы Женевы, это доказательство того, что они существовали: его язык - язык консерватора, а не новатора. 1285 год, как некоторые думали, стал свидетелем не зарождения женевских франшиз, а их возрождения. Однако в то время эти свободы переросли. Муниципальные учреждения стали более совершенными. Горожане, воспользовавшись поддержкой Амадеуса, избрали *ректоров* города, проголосовали за налоги и предоставили иностранцам свободу управления городом. Но честлюбивый принц ошибся в расчетах. Помогая гражданам сформировать корпорацию, достаточно сильную для защиты их древних свобод, он опрометчивой рукой воздвиг оплот, против которого были обречены на провал все планы его преемников.

В пятнадцатом веке графы Савойские, ставшие герцогами и еще более страстно желавшие завоевания Женевы, в третий раз изменили свою тактику. Они думали, что, поскольку в Риме есть папа, повелитель князей и княжеств земли, папская булла будет более могущественной, чем их армии и интриги, чтобы подчинить Женеву Савойе.

Это был герцог Амадей VIII. кто начал эту новую кампанию. Не удовлетворившись расширением своих владений за счет присоединения Женевы, Бюже, Верселя и Пьемонта, которые были отделены от него более века назад, он обратился к папе Мартину V. с просьбой даровать ему, к великой выгоде Церкви, светскую власть в Женеве. Но синдики, члены городского совета и депутаты встревожились при известии об этом новом маневре и, зная, что "Рим не должен *накладывать лапу* на королевства", решили, если потребуется, противостоять самому папе в защиту своих свобод, и, возложив руки на Евангелия, воскликнули: "Мы клянемся, что город и

его территория не будут отчуждены'. Амадей отозвал свое прошение; но папа Мартин V., пробыв три месяца в Женеве, по возвращении в 1418 году с Констанцского собора, начал сочувствовать идеям герцогов. Что-то в понтифике подсказывало ему, что свобода не соответствует папскому правлению. Он был встревожен, став свидетелем свобод города. "Он боялся генеральных советов, которые все портят, - говорится в рукописной хронике, хранящейся в туринской библиотеке. - Ему было не по себе из-за этих буйных людей, проникнутых идеями швейцарцев, которые всегда нашептывали на ухо женевам о *вседозволенности народного правительства*".³⁵ Свободы швейцарцев были дороги гражданам за столетие до Реформации.

Папа решил исправить это, но не так, как намеревались герцоги Савойские. Эти князья желали обеспечить независимость Женевы, чтобы усилить свою власть, в то время как папы предпочли конфисковать ее в своих собственных интересах. На Констанцском соборе, с которого в то время возвращался Мартин, было постановлено, что епископские выборы должны проводиться в соответствии с каноническими формами, согласно *капитулу*, если только по какой-либо *разумной и очевидной* причине папа не сочтет нужным назначить человека, более полезного для Церкви.³⁶ Понтифик считал, что необходимость сопротивления народной свободе была *разумным* мотивом; и соответственно, как только он прибыл в Турин, он перевел епископа Женевы на архиепископский престол Тарентского и, не обращая внимания на права каноников и граждан, назначил Жана де Рошетайе, патриарха *in partibus* Константинополя, епископа и князя Женевы. Четыре года спустя Мартин повторил эту узурпацию. Генрих V Английский, в то время магистр Парижа, испытывая неприязнь к Жану де Курт-Куссу, епископу этой столицы, папе римскому, из-за его суверенной власти, посадил Курт-Кус на епископский престол Женевы, а Рошетайе - на епископский престол Парижа. Таким образом, папы вырвали выборы у христианского народа и его представителей. Эта узурпация была для Женевы, как и для многих других частей христианского мира, неиссякаемым источником зла.

Из этого следовало, среди прочего, что при попустительстве Рима принцы Савойские могут стать князьями Женевскими. Но могли ли они обеспечить это попустительство? С этого момента деятельность туринского двора была направлена на то, чтобы заинтересовать пап, чтобы добиться предоставления епископства Женевы одному из принцев или приближенных Савойи. Исключительное обстоятельство благоприятствовало этой замечательной интриге. Герцог Амадей VIII, который был отвергнут гражданами несколько лет назад, неожиданно преуспел. В 1434 году, отрекшись от престола в пользу своего старшего сына, он принял одеяние отшельника в Рипайе на Женевском озере; и Базельский собор назначил его папой, он принял имя Феликс V. и воспользовался своей папской властью, чтобы провозгласить себя епископом и князем Женевы. Папа, делающий себя епископом ... Действительно, странная вещь! Вот ключ к загадке: папа был принцем Савойским, а престол был Женевским. Савойя желала заполучить Женеву любой ценой: можно было бы почти сказать, что папа Феликс считал повышение своего достоинства в том, чтобы стать женевским епископом. Это правда, что Феликс был папой в соответствии с епископальной, а не папской системой; будучи избранным собором, он был вынужден уйти в отставку из-за дезертирства большинства европейских князей. Женева и Рипай утешали его за Рим.

Как епископ и князь Женевы, он уважал привилегии своего нового приобретения; но бедному городу несколько позже было суждено послужить пищей для потомства этой хищной птицы. В 1451 году, после смерти Амадея, Петр Савойский, ребенок восьми или десяти лет, внук папы римского, отшельник и епископ, взошел на епископский престол Женевы; в 1460 году на

престол взошел Иоанн Луи, другой внук двенадцати лет от роду; а в 1482 году Франциск, третий внук. Женевцам семья папы казалась неисчерпаемой. Эти епископы и их наместники были подобны пиявкам, высасывающим Женеву даже до костей и мозга.

Их мать, Анна Кипрская, привезла с собой в Савойю несколько 'киприотских пиявок', как их называли, и после того, как они высосали кровь из состояния ее мужа, она запустила их в состояния своих детей. Один киприотский прелат, Томас де Сур, которого она назначила управляющим при маленьком епископе Петре, особенно отличился в искусстве отнимать у граждан их деньги и свободу. Самый страшный удар по Женеве нанес епископ Джон Луи, наименее злой из трех братьев. Мы расскажем, как это произошло, ибо этот драматический эпизод представляет собой картину нравов, возвращающую нас в Женеву с ее епископами и князьями и показывающую нам семью того Карла III. который в шестнадцатом веке был постоянным врагом свобод и реформации города.

Герцог Людовик Савойский, сын папы римского-герцога Амадея, был добродушным, безобидным, слабым, робким, а иногда и холериком; его жена, Анна Кипрская или Лузиньян, была высокомерной, амбициозной, жадной, интригующей и властной; пятый из их сыновей, по имени Филипп-Месье, был страстным, распутным и буйным молодым человеком. Анна, которая последовательно обеспечивала троих своих сыновей, посадив их на епископский престол Женевы, и которая никогда не встречала никакого сопротивления со стороны старшего Амадея IX, юноши, страдавшего эпилепсией, вступила в конфликт с Филиппом. Ссоры между ними были частыми и резкими, и она никогда не упускала возможности уязвить его в отцовских чувствах; так что герцог, который всегда уступал желаниям своей жены, оставил молодого принца без удела. Филип Лэклэнд (ибо таково было его имя), разгневанный тем, что оказался таким образом лишенным своих прав, отвечал матери ненавистью на ненависть; и вместо той семейной привязанности, которую часто воспевали даже поэты языческой древности, между матерью и сыном возникла непримиримая вражда. Этому Филиппу было суждено занять важное место в истории; однажды он должен был надеть корону и стать отцом Карла III. (шурин Карла V.) и дед Франциска I. через его дочь Луизу Савойскую. Но в то время ничто не предвещало высокого предназначения, которого он впоследствии достигнет. Постоянно окруженный молодыми распутниками, он вел веселую жизнь, бродя туда-сюда со своей шайкой головорезов, обосновываясь в замках или на фермах; и если жители возражали, бил тех, кто сопротивлялся, убивая одного и раня другого, так что он жил в постоянных ссорах. "Поскольку мой отец не оставил мне состояния, — обычно говорил он, — я беру свою собственность везде, где могу ее найти". - "Вся Савойя была в смятении, — говорят старые летописи, — наполнена убийствами, нападениями и бунтами".³⁷

Спутники молодого принца ненавидели *киприотку* (так они называли герцогиню) ничуть не меньше, чем он сам; и во время своих оргий над наполненными до краев чашами употребляли в ее адрес самые оскорбительные выражения. Однажды они намекнули, что "если она ограбила своего мужа и сына, то только для того, чтобы обогатить своих приспешников". Филипп поклялся, что добьется справедливости. Герцог Людовик в то время лежал больной подагрой в Тононе, на южном берегу Женевского озера. Лэклэнд отправился туда со своими товарищами и, войдя в часовню, где шла месса, убил управляющего своей матери, похитил канцлера своего отца, посадил его в лодку и отвез в Морджес, 'где он утонул в озере'. Герцог Людовик был в ужасе, но куда он мог бежать? В его собственных штатах не было места, где он мог бы

чувствовать себя в безопасности; он не видел другого убежища, кроме Женевы, и туда он решил отправиться.

Джон Луи, еще один из его сыновей, был тогда епископом, и он был достаточно силен, чтобы противостоять Филиппу. Хотя с младенчества он был предназначен для духовного звания, он не приобрел ни учености, ни хороших манер, 'поскольку у принцев не в обычае делать своих детей учеными', - говорится в летописях. Но, с другой стороны, он был хорошим фехтовальщиком; одевался не как церковник, а как солдат и проводил время за игрой в кости, соколиной охотой, выпивкой и распутством.' Надменный, резкий, вспыльчивый, он часто бывал великодушен и всегда прощал тех, кто по праву оскорбил его. 'Как явствует, ' говорится в старой хронике, - из истории плотника, который, застигнув его врасплох в комнате с женой, избил его дубинкой так сильно, что его оставили умирать. Тем не менее епископ не стал мстить и зашел так далеко, что отдал плотнику одежду, которая была на нем, когда его избили дубинкой.

Джон Луис благосклонно выслушал предложения своего отца. Герцог Кипрский Анна и все офицеры-киприоты прибыли в Женеву в июле 1642 г. и были размещены во францисканском монастыре и в других местах; но никто не мог выехать за пределы Женевы, не подвергнувшись нападениям ужасного Лэкленда.³⁸

Высокомерную герцогиню охватила тревога: будучи одновременно жадной и корыстолюбивой, она боялась, что Филиппу удастся наложить лапы на ее сокровища; и чтобы она могла спрятать их вне пределов его досягаемости, она отправила их на Кипр таким образом. В горах недалеко от Женевы раньше делали очень превосходные сыры; она купила их большое количество, желая (по ее словам), чтобы ее друзья на Кипре попробовали их. Она выскребла внутренности, бережно сложила свое золото в углубление и, нагрузив им нескольких мулов, отправилась на Восток. Филипп, получив известие об этом, остановил караван близ Фрибурга, разгрузил мулов и забрал золото. Теперь, когда у него в руках были эти поразительные доказательства вероломства герцогини, он решил утолить ненависть, которую испытывал к ней: он поедет в Женеву, донесет на мать отцу, добьется у разгневанного принца-киприота увольнения и получит, наконец, удел, которого эта женщина так долго лишала его.

Филипп, зная, что епископ не позволит ему войти в город, решил проникнуть в него хитростью. Он тайно отправился в Нион, а оттуда отправил в Женеву наиболее искусного из своих приближенных. Они сказали синдикам и знакомым молодым людям, что их хозяин желает поговорить со своим отцом герцогом по делу огромной важности. Один из синдигов (тот, без сомнения, кто отвечал за стражу), не видя в этом ничего, кроме того, что было вполне естественно, отдал указания патрулю; и 9 октября Филипп появился у городских ворот — в полночь, по словам Савьона, которому противоречат другие источники, — вошел и направился прямо в Рив, квартиру его высочества, с сердцем, полным горечи и ненависти к своей жестокой матери. Мы дословно процитируем древние летописи, которые живописно описывают эту встречу: 'Филипп стучит в дверь; вслед за этим подходит один из камергеров и спрашивает, кто там? Он отвечает: "Я Филипп Савойский, я хочу поговорить с моим отцом в его интересах". После чего слуга доложил, что герцог сказал ему: "Открой ему во имя всех дьяволов, будь что будет", - и мужчина немедленно открыл дверь. Как только Филипп вошел, он поклонился отцу и сказал: "Добрый день, отец!" Его отец сказал: "Дай бог тебе плохого дня и плохого года! Какой дьявол привел тебя сюда сейчас?" На что Филипп кротко ответил: "Это не дьявол, милорд, а Бог привел меня сюда ради вашей выгоды, ибо я предупреждаю вас, что вы ограблены и не знаете

этого. Моя госпожа-мать ничего тебе не оставляет, так что, если ты не будешь внимателен, она не только сделает твоих детей после твоей смерти беднейшими принцами христианского мира, но и тебя самого при жизни”.

При этих словах Филипп открыл ларец, в котором находилось золото, предназначенное для Кипра, и ‘показал ему необходимые средства’, - говорится в летописях. Но герцог, опасаясь бури, которую поднимет его жена, встал на ее сторону. Тогда месье рассердился: ‘Ты можешь терпеть это, если хочешь, - сказал он своему отцу, ‘я не буду. Я добьюсь правосудия над этими ворами’. С этими словами он обнажил меч и заглянул под кровать своего отца, надеясь найти под ней каких-нибудь киприотов, возможно, саму киприотку. Там он ничего не нашел. Затем он со своим отрядом обыскал все жилища и никого не нашел, так как киприоты бежали и спрятались в разных домах города. Месье не осмелился идти дальше, "ибо народ был против него, - говорится в летописи, - и по этой причине он покинул жилище своего отца, а также город, не причинив другого вреда".³⁹

Герцогиня поддалась порыву страсти, герцог был очень возмущен, а епископ Джон Луи рассердился. Люди собрались вместе, и поскольку они помешали киприотам повесить людей, открывших ворота месье, герцог избрал другую месть. Он сообщил епископу, что его зять Людовик XI, с которым он вел переговоры о некоторых городах в Дофини, ненавидел женеццев и жаждал их больших ярмарок, на которые съезжались люди со всей округи. Поэтому он умолял его передать в его руки хартии, дающие Женеве эту важную привилегию. Епископ открыл герцогу свои архивы; когда последний взял документы, о которых идет речь, и отвез их в Лион, где случайно находился Людовик XI, передал их ему. Король немедленно перенес ярмарки сначала в Бурж, а затем в Лион, запретив торговцам проезжать через Женеву. Это стало источником большого беспокойства для всего города. Разве не своим ярмаркам, привилегии которых имели такое давнее значение, Женева была обязана своим величием? В то время как Венеция была центром торговли на Востоке, а Кельн - центром торговли на Западе, Женева вполне могла стать центром центральной торговли. Теперь Лион должен был увеличиться за ее счет, и город больше не видел на своих улицах шумной, беспокойной толпы иностранцев, прибывающих из Генуи, Флоренции, Болоньи, Лукки, Бретани, Гаскони, Испании, Фландрии, берегов Рейна и всей Германии. Таким образом, католическая, или епископальная, власть, которая в одиннадцатом веке лишила Женеву ее территории, в пятнадцатом лишила ее богатства. Нужен был приток преследуемых гугенотов и промышленная активность протестантизма, чтобы оправиться от удара, нанесенного римской иерархией.⁴⁰

Однако этот бедный измученный город наслаждался кратковременной передышкой. В последний год пятнадцатого века, после скандалов, связанных с епископом Франциском Савойским, его духовенством и монахами, священник, которого мы можем в некоторых отношениях считать предшественником Реформации, получил епископскую кафедру. Это был Энтони Чемпион, суровый человек, который ничего не прощал ни в себе, ни в других. ‘Я желаю, - сказал он, - вымести грязь из моей епархии’. Он приложил к этому некоторые усилия. 7 мая 1493 года пятьсот священников, созданных им, собрались на синод в церкви Сен-Пьер. ‘Люди, преданные служению Богу, ’ с жаром сказал епископ, ‘должны отличаться чистотой жизни; теперь наши священники преданы всем порокам и ведут более отвратительную жизнь, чем их паства. Одни одеваются в открытые платья, другие надевают солдатский головной убор, третьи носят красные плащи или корсеты, посещают ярмарки, посещают таверны и дома с дурной славой, ведут себя как шарлатаны или игроки, дают ложные клятвы, дают займы под залог и

недостойно оказывают снисхождение клятвopепреступникам и убийцам.' Так говорил Чемпион, но он умер через восемнадцать месяцев после синода, и коррупция среди священников усилилась.⁴¹

По мере того, как слабела Женева, Савойя становилась сильнее. Герцог, в силу обстоятельств, которые, должно быть, казались ему провидением, недавно стал свидетелем того, как несколько провинций, принадлежавших разным ветвям его дома, были последовательно объединены в его собственные государства, и таким образом стал одним из самых могущественных князей Европы. Ла Бресс, Бюжи, женевцы, Жекс и Во, сменившиеся под его скипетром, окружили Женеву и блокировали ее со всех сторон. Бедный маленький городок был совершенно затерян посреди этих обширных провинций, ошестинившихся замками; а территория его была так мала, что, как говорили, звон колоколов Сен-Пьера слышали больше савояров, чем женевцев. Савойские государства опутали Женеву, как сеть, и считалось, что смелого удара могущественного герцога будет достаточно, чтобы сокрушить ее.

Герцоги были не только в окрестностях Женевы, но и внутри нее. Посредством своих интриг с епископами, которые были их отцами, сыновьями, братьями, двоюродными братьями или подданными, они проникли в город и усилили свое влияние либо лестью и взятками, либо угрозами и террором. Стервятник украл оперение у слабой птицы и вообразил, что теперь сожрать его будет несложной задачей. Герцог с помощью какого-нибудь ловкого трюка, в котором прелат был бы его сообщником, мог бы в мгновение ока полностью изменить свое положение — подняться с гостеприимного кресла, которое ему так учтиво предложили милорды Женевские, и гордо воссесть на трон. Как слабый город, затравленный, с кляпом во рту и скованный двумя угнетателями, смог сопротивляться и добиться своих славных свобод? Мы увидим.

В Европе начинались новые времена, Бог касался общества своей могущественной рукой; я говорю "общество", а не государство. Общество выше государства; оно всегда сохраняет свое преимущественное право и в великие эпохи дает о себе знать своей инициативой. Не государство воздействует на общество: движения последнего производят преобразования государства, точно так же, как атмосфера направляет курс корабля, а не корабль определяет направление ветра. Но если общество выше государства, то Бог выше и того, и другого. В начале шестнадцатого века Бог дохнул на человеческую расу, и это божественное дыхание произвело странные изменения в религиозных верованиях, политических взглядах, цивилизации, литературе, науке, морали и промышленности. Накануне должна была произойти великая реформация.

В порядке природы также происходят преобразования; но их ход регулируется творческой силой неизменным образом. Смена времен года всегда одна и та же. Муссоны, которые периодически дуют над Индийскими морями, продолжаются в течение шести месяцев в одном направлении, а остальные шесть месяцев - в противоположном. У человечества, напротив, ветер иногда столетиями дует с одной и той же стороны. В период, который мы описываем, ветер изменился после того, как почти тысячу лет дул в одном и том же направлении; Бог придал ему новое, животворящее и обновляющее направление. Мы знаем, что бывают ветры, которые вместо того, чтобы мягко гнать корабль вперед, рвут паруса, ломают мачты и швыряют судно на скалы, где оно разлетается на куски. Школа, штаб-квартира которой находится в Риме, утверждает, что такова была природа движения, разработанного в шестнадцатом веке. Но тот,

кто беспристрастно исследует этот вопрос, признает, что ветер Реформации унес человечество в счастливые страны света и свободы, веры и нравственности.

В начале шестнадцатого века в Женеве была живая сила. Показная митра епископа, жестокий меч герцога, казалось, господствовали там; и все же в его лоне зарождалось новое рождение. Принцип обновления был всего лишь жалким, бесформенным зародышем, затаившимся в героических душах нескольких безвестных граждан; но его будущее развитие не вызывало сомнений. В христианском мире не было силы, способной остановить вспышку человеческого разума, пробуждающегося от могучего голоса вечного Правителя. Следовало опасаться не того, что прогресс цивилизации и свободы, направляемый Божественным словом, не достигнет своей цели; но того, что, напротив, отказ от верховного правления приведет к превышению цели.

Давайте углубимся в историю подготовки к Реформе и поразмышляем о яростной борьбе, которая вот-вот начнется у подножия Альп между деспотизмом и свободой, ультрамонтанством и Евангелием.

ГЛАВА III. ЕПИСКОП, ПОСЛАННЫЙ ПАПОЙ, ЧТОБЫ ЛИШИТЬ ЖЕНЕВУ НЕЗАВИСИМОСТИ. (АПРЕЛЬ -ОКТАБРЬ 1513 г.)

13 апреля 1513 года в Женеве царило большое волнение. Люди таскали пушки по улицам и устанавливали их на стенах. Ворота были закрыты, и повсюду расставлены часовые.⁴² Шарль де Сейссель, епископ и принц Женевы, только что скончался по возвращении из паломничества. Он был человеком мягкого и откровенного нрава, 'по-настоящему хорошим человеком, ' говорит хронист, - и, что удивительно, великим поборником как церковной, так и светской свободы'. Герцог Карл Савойский, который был менее привязан к свободе, чем этот добрый прелат, недавно имел с ним несколько резких ссор. "Это я поставил тебя епископом, - надменно заявил разгневанный герцог, - но я лишу тебя сана, и ты будешь самым бедным священником в епархии".⁴³ Преступление епископа заключалось в том, что он хотел защитить свободы города от узурпации Карла. Принц сдержал свое слово и, если можно верить старым летописям, избавился от него с помощью яда.⁴⁴

Когда весть об этой трагической и неожиданной смерти достигла Женевы, горожане были встревожены: они утверждали, что, без сомнения, тайным намерением герцога было посадить члена своей семьи на епископский престол, чтобы таким образом получить сеньорию города. Взмолвленные горожане собирались группами на улицах, и страстные ораторы, среди которых был Филибер Бертелье, обращались к народу. Дом, из которого вышел этот великий гражданин, по-видимому, занимал высокое положение еще в двенадцатом веке; но он был одной из тех благородных натур, которые добиваются славы, отдавая себя на службу слабым. Казалось, не было человека, более подходящего для спасения Женевы. Справедливый, великодушный, гордый, решительный, он был прежде всего тверд, правдив и привержен тому, что правильно. Его блестящие амбиции не были революционными: он хотел отстаивать право, а не бороться с ним. Целью, которую он поставил перед собой, было, собственно говоря, не освобождение своей страны, а восстановление ее привилегий и свобод. Он не важничал, не употреблял громких слов, любил развлечения и шумные разговоры своих товарищей; но в нем всегда были

заметны серьезность мыслей, огромная энергия, сильная воля и, прежде всего, крайнее презрение к жизни. Очарованный древними свободами своего города, он всегда был готов пожертвовать собой ради них.

‘Герцог,’ говорили Бертелье и его друзья на своих оживленных собраниях, ‘немедленно получил известие о смерти епископа, как и папа. Гонцы скачут с новостями, каждый хочет получить свою долю шкуры убитого зверя.’ Патриоты утверждали, что если папа уже давно наложил лапу на Церковь, то герцог Савойский теперь желает наложить свою лапу на государство. Женева была бы не первым местом, ставшим свидетелем подобной узурпации. Другие города Бургундии, Гренобль, Гап, Валанс, Дье и Лион один за другим пали под властью иностранной державы. ‘Нам самим,’ говорили горожане энергичным и несколько домашним языком того времени, ‘уже так коротко подрезали крылья, что мы едва можем плюнуть со своих стен, не забрызгав герцога. Начав свое завоевание, он теперь желает завершить его. Он сунул свою *морду* в город и пытается проникнуть внутрь всем своим телом. Давайте сопротивляться ему. Есть ли люди, чьи привилегии старше наших? Мы всегда были свободны, и нет памяти человека, который бы говорил об обратном’.⁴⁵ Соответственно, горожане решили закрыть свои ворота перед влиянием Савойи и самим избрать епископа. Они вспомнили, что когда Ардуций, спустившийся из своего гнезда в скалах Мола, был назначен епископом Женевы, это произошло с согласия духовенства и народа.⁴⁶ “Ну же, каноники, - сказали они, - изберите нам епископа, который не позволит герцогу совать нос в свой суп”.⁴⁷ Это довольно вульгарное выражение означало просто следующее: “Изберите епископа, который будет защищать наши свободы”. Далеко им искать не пришлось.

Среди каноников Женевы был некто Эме де Гинженс, аббат Бонмона и декан капитула, человек знатного рода с хорошими связями в швейцарских кантонах. Его отец Жак, сеньор Джинжена, Дивонна и других мест, был советником, камергером и высшим управляющим герцога Савойского и даже послом от него при папе Павле II. Эме, который в очень молодом возрасте был назначен каноником собора Святого Пьера в Женеве, в то время было сорок восемь лет. Он был “лучшим компаньоном в мире, держал дом открытым и весело угощал друзей удовольствий”, любил слушать, как его товарищи смеются и поют, и отличался довольно свободными манерами, по обычаю Церкви; но он с улыбкой оправдывался, говоря, не краснея и не стыдясь: “Это *скользкий* грех”. Г-н де Бонмон был самым уважаемым из священников в Женеве, ибо, в то время как его коллеги были преданы савойскому дому сердцем и душой, настоятель поддерживал Женеву и не был чужд стремлений, которые руководили столь многими щедрыми людьми. умы должны обратиться к древним свободам. Народ провозгласил его епископом, и капитул подтвердил их выбор; и немедленно граждане приложили все усилия, чтобы поддержать избрание. Они умоляли швейцарские кантоны поддержать его перед папой римским и отправили в Рим “по почте как письма, так и агентов”.⁴⁸

Если бы это избрание капитулом было поддержано, вполне вероятно, что г-н де Гинген жил бы в хороших отношениях с советом и гражданами и эта гармония была бы сохранена. Но назначение епископов, которое в старину принадлежало духовенству и народу, почти повсеместно перешло к князю и папе римскому. Избрание начальника подчиненными уступило место выдвижению нижестоящего вышестоящим. Это было несчастьем: ничто так не гарантирует хороших выборов, как первая из этих двух систем, ибо интерес и честь управляемых всегда заключаются в том, чтобы иметь хороших губернаторов. С другой стороны, принцы или папы обычно выбирают чужаков или фаворитов, которые не завоевывают ни любви, ни

уважения своей паствы или низшего духовенства. Последние епископские выборы в Женеве, отделив епископат от народа и духовенства, лишили Церковь силы, в которой она так нуждалась, и способствовали Реформации.

Герцог Карл понимал важность кризиса. Этот принц, который в течение полувека занимал трон Савойи и Пьемонта, всю свою жизнь был непримиримым врагом Женевы. Слабый, но раздражительный, нетерпимый ко всякому противодействию, но нерешительный, гордый, неуклюжий, своенравный, любящий помпезность, но лишенный величия, чопорный, но лишенный твердости, не осмеливающийся противостоять сильным, но всегда готовый отомстить слабым, он имел только одну страсть — вернее, одну манию: обладать Женевой. Для этого ему нужен был послушный инструмент для реализации его честолюбивых замыслов — епископ, с которым он мог бы делать все, что ему заблагорассудится. Соответственно, он огляделся вокруг в поисках кого-нибудь, кто мог бы выступить против народного кандидата, и вскоре наткнулся на этого человека. На каждой увеселительной вечеринке при дворе непременно можно было найти маленького человечка, слабого, худощавого, некрасивого, неуклюжего, мерзкого телом, но еще более мерзкого умом, без оглядки на свою честь, склонного скорее творить зло, чем добро, и страдающего болезнью, ставшей следствием его распутства. Этим негодяем был Джон, сын девицы из Анже (*communis generis*, говорит Бонивар), чей дом был открыт для всех, как для священников, так и для мирян; она была весьма щедра в отношении своих денег (поскольку у нее не было средств), "она была чрезмерно свободна в своих продажных привязанностях". Франциск Савойский, третий из внуков папы-герцога, который, в свою очередь, занимал епископский престол Женевы, а также был архиепископом Ока и епископом Анже, "развлекался с ней, как и все остальные". Эта женщина собиралась стать матерью, 'но она не знала, - говорит хронист, - кого выбрать отцом; епископ был самым богатым из всех ее любовников, она зачала от него ребенка, и он воспитывался за счет предполагаемого родителя'. Епископ Анже, не желая иметь этого ребенка в своей епархии, отправил его в свой старый епископальный город, где были преданные ему люди.⁴⁹ Бедный маленький болезненный ребенок был соответственно доставлен в Женеву, и там он жил бедно, пока его не призвали ко двору в Турине, ему выделили определенную свиту, трех лошадей, слугу, капеллана и титул *бастарда Савойского*. Затем он начал высоко держать голову и стал самым жадным, самым интригующим, самым нерегулярным священником своего времени. 'Вот человек, который должен стать епископом Женевы, - подумал герцог. - Он у меня в таком большом долгу, что ни в чем не может мне отказать'. Не было такой сделки, на которую бастард не сорвался бы, если бы мог получить деньги или положение: уступить Женеву герцогу было для него легким делом. Карл послал за ним. "Кузен, - сказал он, 'я возведу тебя в епископство, если взамен ты передашь мне временную власть'. Бастард пообещал все: это был неожиданный способ выплатить свой долг герцогу, о котором тот довольно громко говорил. "Он продал нас не за ухо, а за клинок, - сказал Бонивар, - потому что он сделал нам подарок еще до того, как мы принадлежали ему".⁵⁰

Герцог, не теряя времени, отправил своего кузена в Рим под предлогом передачи поздравлений Льву X, который только что наследовал Юлию II.⁵¹ Иоанн Бастард и его спутники ехали так быстро, что прибыли раньше швейцарцев. В то же время туринский двор не упустил ничего, чтобы обеспечить владение городом, которого так долго желали. Во-первых, они начали опрашивать всех кардиналов, до которых смогли добраться. 24 февраля кардинал Сент-Виталья, а 1 марта кардинал Флиско пообещали свои услуги по получению епископства Женевы для Иоанна Савойского.⁵² 20 апреля королева Неаполя написала герцогу, что она рекомендовала

Иоанна своему племяннику, кардиналу Арагонскому.⁵³ Этого было недостаточно. Непредвиденное обстоятельство благоприятствовало планам Савоя.

Знаменитый Лев X, только что возведенный на папский престол, задумал присоединить свою семью к одному из старейших домов Европы. С этим намерением он обратил свой взор на принцессу Филиберту Савойскую; чистую, простодушную молодую девушку с возвышенным умом, подругу бедняков, младшую сестру герцога и Луизы Савойских, тетю Франциска I и Маргариты Валуа. Лев X. решил просить ее руки для своего брата Юлиана Великолепного, генерал-лейтенанта армий Церкви. До этого времени Джулиан вел не слишком поучительную жизнь; он был глубоко влюблен в вдову из Урбино, которая родила ему сына.

Чтобы склонить герцога к этому браку, который был очень лестен *парвенусу* Флоренции, папа дал "много обещаний", говорится в итальянских документах.⁵⁴ Он даже отправил посланника ко двору в Турине, чтобы сказать Карлу, что тот может "ожидать от него всего, чего лучший из сыновей может ожидать от нежнейшего из отцов".⁵⁵

Это дело могло быть решено только в Риме, и Лев X приложил много усилий по этому поводу. Он принял бастарда Савойского с величайшим почетом, и этому неприятному человеку отводилось главное место на банкетах, в театре и на концертах. Лео получил удовольствие от беседы с ним и заставил его описать прелести Филиберты. Что касается назначения его епископом Женевы, то это не вызвало ни малейших затруднений. Папе было наплевать на декана де Бонмона, капитул или женовцев. 'Пусть герцог отдаст нам свою сестру, а мы отдадим тебе Женеву', - сказал он неблагодарному кандидату. 'Затем вы передадите светскую власть герцогу....Римский суд не будет возражать против этого; напротив, он поддержит вас.' Все было улажено между папой, герцогом и бастардом. "Иоанн Савойский, - говорится в рукописи, - поклялся передать светскую юрисдикцию города герцогу, а папа поклялся, что заставит город согласиться под страхом навлечь на себя гром Ватикана".⁵⁶

Едва это дело было закончено, как прибыли швейцарские посланники, уполномоченные добиться утверждения декана де Бонмона в сане епископа. Простые и честные, но гораздо менее искусные, чем римляне и пьемонтцы, они предстали перед папой. Увы! у этих альпийских пастухов не было принцессы, которую они могли бы предложить Медичи. 'Нецио вос, ' сказал Лев X. 'Уходи, я тебя не знаю. У него были свои причины для такого отказа: он уже назначил бастарда Савойского епископом Женевы.

Большого вреда ни одной церкви невозможно было нанести. Чтобы власть, и особенно выборная власть, была легитимной, она должна находиться в руках лучших и умнейших, и тот, кто пользуется ею, управляя с усердием, не должен ущемлять свободы тех, кем он управляет. Но эти идеи никогда не приходили в голову никчемному человеку, назначенному папой главным пастором Женевы. Однако он немедленно нашел льстецов. Они написали ему (и эти письма хранятся в Архивах Женевы), что его избрание было совершено *паствой* ... 'не по милости смертных, а только с Божьей помощью'. Однако он был назначен благодаря милости королевы Неаполя, Карла III, и нескольким другим весьма смертным милостям. Его призывали управлять своей церковью честно, справедливо и усердно, что соответствовало его *исключительной серьезности и добродетели*.⁵⁷ Бастард не придавал большого значения этим увещаниям; его правление было жалким фарсом, затянувшимся скандалом. Лев X. не был счастливым человеком. Торговлей индульгенциями он спровоцировал Реформацию Виттемберга, а

избранием бастарда проложил путь к Реформации Женевы. Это два ложных шага, за которые Рим дорого заплатил.

Известие об этих выборах наполнило сердца женевских патриотов скорбью и негодованием. Они собирались в общественных местах, ропща и 'жалуясь друг другу', и голоса Бертелье и Хьюза были слышны громче всех остальных. Они заявили, что им не нужен этот ублюдок, что у них уже есть епископ, почитаемый Женевой и всей лигой, и который имеет все права на престол, потому что он был деканом капитула. Они намекнули, что если Лев Х осмелился заменить этого назойливого савояра их законным епископом, то это потому, что савойский дом хотел прибрать к рукам Женеву. Их особенно возмутил хорошо известный характер кандидата от Рима. 'Поистине, Его Святейшество оказал нам честь прекрасными выборами!' - сказали они. "В качестве нашего епископа он дает нам клерка с сомнительной репутацией; в качестве нашего наставника на пути добродетели - распущенного ублюдка; в качестве хранителя наших древних и почтенных свобод - негодяя, готового их продать'. ... Они не остановились и перед ропотом; Бертелье и его друзья заметили, что, поскольку буря надвигается с Юга, им следует искать убежища на Севере; и хотя Савойя подняла ногу на Женеву, чтобы сокрушить ее, Швейцария протянула руку, чтобы спасти ее. "Давайте будем хозяевами дома, - говорили они, - и закроем ворота перед кандидатом в папы".

Все думали по-разному: робкие люди, подбострастные священники и заинтересованные друзья Савойи трепетали, услышав эту дерзкую речь. Они думали, что если отвергнут епископа, присланного из Рима, то папа обрушит свои громы, а герцог - своих солдат на Женеву. Каноники собора и богатейшие купцы владели землями в штатах Карла, так что (говорится в рукописи) принц мог при желании 'уморить их голодом'. Эти влиятельные люди поддержали большинство, и было решено принять епископа, назначенного в Риме. Когда лидеры независимой партии обнаружили, что потерпели поражение, они решили немедленно осуществить разработанный ими план. 4 июля 1513 года Филибер Бертелье, Безансон Хьюз, Жан Таккон, Жан Бод, Н. Тиссо и Х. Поллье подали прошение Фрибургу о предоставлении права гражданства *для защиты своих жизней и имущества*; и оно было удовлетворено. Этот энергичный шаг мог привести к их гибели; герцог мог найти способ преподать им кровавый урок. Это не имело значения: был сделан важный шаг; барк "Женева" был пришвартован к кораблю, который отбуксирует их в воды свободы. Еще в 1507 году трое патриотов, Пьер Леврие, Пьер Таккон и Д. Фонте, вступили в союз со Швейцарией. Теперь их было девять, они встали на сторону независимости, действительно небольшое число, и все же победе было суждено остаться за ними. История часто показывала, что помимо численного большинства существует еще одно большинство.⁵⁸

В то время как эта небольшая группа патриотов направлялась к алтарю свободы в Швейцарии, герцогская и клерикальная партия готовилась рабски пасть ниц перед савойским принцем. Чем больше патриоты выступали против него, тем больше епископалы старались оказать ему великолепный прием. 31 августа 1513 года новый принц-епископ въехал в город под великолепным балдахином; улицы и галереи были увешаны гирляндами и гобеленами, торговцы ходили в великолепных костюмах под звуки флейты и барабана, а театры были импровизированы для представления чудес, драм и фарсов. Напрасно несколько горожан, пребывавших в дурном расположении духа, пожимали плечами и говорили: 'Он действительно такой же мерзкий телом, как и умом'. Раболепствующие поклонялись ему, некоторые даже смиренно извинялись за то, что выступили против него. Они заявили, что такая оппозиция была направлена не против личности его светлости, а просто потому, что они хотели сохранить свое

право на избрание. Иоанн Савойский, сказавший себе: 'Я не пришпорю коня, пока не буду твердо держаться в седле', ответил только улыбкой на своих мертвенно-бледных губах: и народ, и епископ играли свою роль. Оказавшись перед собором, новый прелат встретил каноников, одетых в мантии из шелка и дамаста, с капюшонами и крестами, каждый в соответствии со своим рангом. Они были несколько раздосадованы, увидев, что выбранный ими человек, аббат Бонмона, бесцеремонно отстранен папой от должности; но честь иметь своим епископом принца из герцогской семьи была некоторой компенсацией. Эти почтенные джентльмены, почти все они были сторонниками Савойи, приняли бастарда с большим почетом, смиренно склонившись перед ним. Затем епископ вошел в церковь и, стоя перед алтарем с открытым молитвенником перед собой, как обычно, принес синдикам торжественную клятву в присутствии народа сохранять свободы и обычаи Женевы. Некоторые добрые души поверили ему на слово и, казалось, были вполне успокоены; но на лицах более умных было написано недоверие, и они мало верили его протестам. Епископ, признанный и провозглашенный сувереном, покинул церковь и направился в епископский дворец, чтобы набраться сил после столь необычной усталости. Там он занял свое место в центре небольшого кружка придворных и, подняв голову, сказал им: "Что ж, господа, у нас на очереди *савоярдская* Женева. Город достаточно долго был отделен от Савойи только рвом, не пересекая его. Мне поручено заставить ее совершить прыжок". Это были почти первые слова, произнесенные ублиюдом после того, как он поклялся перед Богом сохранять независимость города.⁵⁹

Епископ, хитрый от природы и окруженный еще более хитрыми советниками, жаждал узнать, кто были самые влиятельные люди оппозиционной ему партии, решив оказать им какой-нибудь поразительный знак своего расположения. Сначала он встретил одно имя, которое было у всех на устах, — это был Филибер Бертелье. Епископ видел, как этот гражданин общался с народом, простой, жизнерадостный, переполненный сердечностью, принимал участие во всех увеселениях женевской молодежи, покая их живым очарованием своих манер и важными услугами, которые он всегда был готов им оказать. 'Отлично!' подумал Иоанн Савойский. - Вот человек, которого я должен заполучить. Если я заполучу его, мне нечего будет опасаться за свою власть в Женеве'. Он решил поручить ему одно из самых почетных поручений, имевшихся в его распоряжении. Некоторые люди пытались отговорить епископа: они говорили ему, что под пустяковой внешностью Бертелье скрывает мятежный, энергичный и непреклонный ум. 'Ничего не бойся,' ответил Джон, 'он весело поет и выпивает с городской молодежью'. Это правда, что Бертелье развлекался с *женевскими фанатами*,⁶⁰ но это было для того, чтобы разжечь их у своего костра. Он обладал двумя качествами, необходимыми для великих свершений: народным духом и героическим характером; практическим чутьем, позволяющим воздействовать на людей, и возвышенным умом, позволяющим вынашивать великие идеи.

Епископ, которому были незнакомы все благородные помыслы, казался совершенно очарованным великим гражданином; будучи всегда готовым продать себя, он не сомневался, что гордого женева можно купить. В замке Пеней, расположенном в двух лье от города, и построенном в тринадцатом веке епископом Женевы, в то время не было коменданта: 'Ты получишь губернаторство в Пенее', - сказал прелат Бертелье. Последний был поражен, ибо это был, как мы уже говорили, один из самых важных постов в государстве. 'Я все понимаю,' сказал он. - Пеней - это яблоко, которое змей подарил Еве'. 'Или, скорее, - добавил Бонивар, - "яблоко, которое богиня Раздора бросила на свадьбу Пелея'. Бертелье отказался; но бастард все еще настаивал, давая прекрасные обещания относительно будущего города. В конце концов он принял обвинение, но с твердым намерением отказаться от него, как только этого потребуют его

принципы. Епископ не мог даже мечтать об отставке: в его глазах такой поступок был бы чистым безумием; поэтому, полагая, что он поймал Бертелье, он думал, что теперь Женева не сможет ускользнуть от него. Это было еще не все; избранный епископ, месье де Гинженс, чье место занял бастард, обладал большим влиянием в городе. Иоанн назначил ему большую пенсию. Полагая, что таким образом избавился от двух своих главных противников, он часто шутил по этому поводу со своими придворными. "Это кость у них во рту, - говорили они, смеясь и хлопая в ладоши, - которая не даст им лаять".⁶¹

Следующим, кого нужно было завоевать, был народ. 'Женевцев характеризуют две черты, ' сказали епископу сторонники Савойи, ' любовь к свободе и любовь к удовольствиям'. Поэтому советники савойского принца пришли к выводу, что необходимо предпринять маневр, направленный на то, чтобы заставить одну из этих склонностей уничтожить другую. Соответствующий сигнал был дан. Во дворце и во всех домах савойской партии проводились вечеринки, балы, банкеты и увеселения. Однако было одно препятствие. Бастард от природы был меланхоличным и сварливым, и его болезнь никоим образом не способствовала смягчению этого угрюмого нрава. Но Джон совершил над собой насилие и решил держать дом открытым. ' Во дворце не было замечено ничего, кроме пирушек, игры в кости, танцев и пиршеств. Прелат, покидавший свои покои, появлялся на этих веселых развлечениях со своим изможденным и мрачным лицом и старался улыбнуться. Куда бы вы ни пошли, вы слышали звуки музыки и звон бокалов. Молодежь Женевы была очарована; но добропорядочные граждане были встревожены. "Епископ, церковники и савояры, - говорили они, - изнеживают и *трусят* наших молодых людей вкусным мясом, азартными играми, танцами и другими неумеренными удовольствиями'. Они не удовлетворились жалобами; они отвели молодых горожан в сторону и объяснили им, что если епископ и его свита расточают свои развлечения, то только для того, чтобы заставить их забыть о своей любви к общему благу. 'Они поступают так же, как Цирцея поступила со спутницами Улисса, - сказал один остроумный человек, - и их волшебные чары не имеют иной цели, кроме как превращать людей в свиней'. Но бастард, каноники и савойская знать продолжали ставить вино на свои столы и приглашать самых очаровательных девушек на свои балы. Молодежь не могла устоять; они оставили стариков на растерзание; в своем опьянении они предавались со всей порывистостью своего возраста чарующим танцам, чарующей музыке и унижительным беспорядкам. Некоторые молодые лорды, танцуя или выпивая, шептали им на ухо: 'Представьте, что было бы, если бы герцог основал свой двор с его великолепными празднествами в Женеве'. И эти легкомысленные молодые люди забыли о свободах и миссии своей страны.⁶²

Среди молодых людей, которых савойские придворные склоняли к пороку, был сын епископского прокурора-фискал. Одним из самых искусных приемов герцогов, желавших присоединить Женеву к своим государствам, было заставить определенное число своих подданных поселиться в городе. Этим савояров, как правило, богатых людей и из хорошей семьи, радостно встречали и часто назначали на какие-нибудь важные должности, но они всегда оставались преданными герцогским интересам. Среди них были Ф. Картелье из Ла-Бресса, М. Гийе, сеньор Монбара, и Пьер Навис из Румийи в Женеве; все они сыграли важную роль в кризисе, который мы собираемся описать. Навис, принятый в гражданство в 1486 году, избранный членом совета в 1497 году, был гордым и способным человеком, хорошим юристом, беззаветно преданным герцогу и считавшим, что служит ему верой и правдой, выдвигая

несправедливые обвинения против патриотов. Эндрю, младший из его сыновей, был игривым, шумным мальчиком, который, если иногда и проявлял определенное уважение к своему отцу, то часто был упрямым и непослушным. Когда он переходил от отрочества к юности, его страсти становились все более горячими, воображение - более пылким: семейных уз ему больше не хватало, и он чувствовал в себе некую тоску, которая толкала его к чему-то неизвестному. Познание Бога удовлетворило бы потребности его пылкой души, но он нигде не мог найти его. Именно в это время, когда ему было двадцать три года, Иоанн Савойский прибыл в Женеву, и его придворные начали хлопотать. Рождение Эндрю Нависа выделило его для их устройств, и ему было суждено стать одной из их первых жертв. Он предавался всевозможным удовольствиям со всей порывистостью юности, и удовольствие занимало главное место в его сердце. Он быстро спускался по ступеням нравственной лестницы: вскоре он погряз в разврате и не гнушался самыми постыдными поступками. Иногда в нем просыпалась совесть и уважение к отцу брало верх; но какое-то искусное обольщение вскоре снова втягивало его в порок. Он тратил на беспорядочную жизнь свои собственные деньги и деньги своей семьи. 'Когда мне нужны деньги, - сказал он, - я пишу в кабинете моего отца; когда они у меня есть, я трачу их со своими друзьями или в разъездах'. Вскоре он был вынужден работать посменно, чтобы найти средства для поддержания своего распутства. Однажды отец отправил его верхом в Шамбери, где ему нужно было уладить кое-какие дела. Эндрю увлекся азартными играми на дороге, проиграл свои деньги и продал свою лошадь, чтобы иметь шанс отыграть их обратно. Он поступил даже хуже этого: в двух случаях, когда у него не хватало денег, он крал лошадей и продавал их. Однако он был не единственным распутником в Женеве: епископ и его придворные обучали других; священники и монахи, которых Иоанн нашел в Женеве, также давали повод для скандала. Именно эти безнравственные поступки побудили горожан обратиться с ранними и серьезными жалобами к епископу.⁶³

ГЛАВА IV. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПЛАНУ ГЕРЦОГА, ПАПЫ И ЕПИСКОПА. (1513-1515 гг.)

Оппозиция епископу проявлялась по-разному и исходила из разных кругов. Магистраты, молодые и начинающие защитники независимости и, наконец, (чего отнюдь не ожидали) сами кардиналы сорвали разработанный план лишения Женевы ее независимости. По общему мнению, "царица мира", как ее называли, пренебрегала мирскими качествами священников, но не распутством. Разврат вошел в нравы папства. Средневековая церковь, внешний и формальный институт, обходилась без морали в своих служителях и членах. Данте и Микеланджело помещают в ад как священников, так и пап, будь то развратники или отравители. Преступления священника (согласно Риму) не порочат божественный характер, которым он наделен. Человек может быть святым отцом — нет, Богом на земле — и все же быть разбойником. В то время, когда началась Реформация, в римской церкви были навязаны определенные символы веры, определенные иерархии, церемонии и обычаи; но морали там не было никакой; напротив, все эти рамки естественным образом побуждали христиан обходиться без них. Религия (я оставляю за собой исключения) была не человеком: это был труп, облаченный в великолепные одежды, а под ними весь изъеденный червями. Реформация вернула жизнь Церкви. Если спасение заключается не в приверженности папе и кардиналам, а во внутреннем, живом, личном общении с Богом, обновление сердца обязательно. Именно в сфере морали в Женеве проявились первые реформаторские тенденции.

В октябре 1513 года жалобы в совете были очень громкими: "Кто должен подавать людям пример нравственности, если не священники?" - говорили многие знатные граждане. "Но наши каноники и наши священники обжоры и пьяницы, они незаконно удерживают женщин и рожают внебрачных детей, как известно всему миру".⁶⁴ Рядом с монастырем Серых монахов в Риве стоял дом, пользовавшийся очень дурной репутацией. Однажды никчемный малый по имени Морье пошел и обыскал монастырь в поисках женщины, жившей в этом доме, которую похитили эти преподобные монахи. Городская молодежь последовала за ним, нашла бедняжку, спрятанную в камере, и унесла ее с большим шумом. Монахи, привлеченные шумом, появлялись у своих дверей или в коридорах, но не осмеливались задерживать ее. Товарищи Морье с триумфом провожали ее обратно, отпуская шуточки в адрес монахов.⁶⁵ Августинцы ордена Пресвятой Богородицы были ничем не лучше францисканцев Рива, а монахи Сен-Виктора не оказали чести своему главе. Вокруг их монастырей было множество низких домов, в которых жили мужчины и женщины, наживавшиеся на их разврате.⁶⁶

Зло было еще большим среди доминиканцев Плейнпале: синдик и совет были вынуждены изгнать двоих из них, брата Марчепалу и брата Николина, за то, что они предавались отвратительным обычаям в этом монастыре.⁶⁷ Монахи даже предлагали приют городским развратникам; они распахнули за входную плату обширные сады своего монастыря, которые лежали между Роной и Арве, и густые тени которых служили укрытием для непристойных собраний и полуночных оргий.⁶⁸ Ни у кого в Женеве не было такой дурной репутации, как у этих монахов: они были известны своими пороками. В том, что касалось алчности, нечистоплотности и преступности, не было ничего такого, на что они не были бы способны. "То, что побоялся бы сделать упрямый дьявол, - сказал кто-то, - нечестивый и непослушный монах сделает без колебаний".⁶⁹

Чего можно было ожидать от духовенства, во главе которого стояли такие папы, как Иоанн XXIII, Александр VI или Иннокентий VIII, который, имея шестнадцать незаконнорожденных детей, когда надел тиару, был громогласно провозглашен "отцом римского народа"?⁷⁰ Разделение между религией и моралью было полным; все попытки реформ, столетиями предпринимавшиеся благочестивыми священнослужителями, потерпели неудачу: казалось, ничто не могло вылечить эту застарелую, эпидемическую и ужасную болезнь: ничто, кроме Бога и его Слова.

Магистраты Женевы решили, однако, попытаться провести некоторые реформы и, по крайней мере, выразить протест против невыносимых мерзостей. Во вторник, 10 октября, синдики всем составом предстали перед епископальным советом и высказали свои жалобы на поведение священников.⁷¹ Но чего можно было ожидать от совета прелата, который лично носил на себе, на виду у всех, позорные следы своего печально известного разврата? Они замяли жалобы, которые порочили честь духовенства, честолюбие герцога и митру епископа. Каким бы ни был нанесен удар, моральный эффект остался. С того часа одна мысль глубоко запала в сердца честных людей: они увидели, что требуется нечто новое для спасения религии, морали и свободы. Некоторые даже говорили, что, поскольку реформы снизу невозможны, необходима реформа с небес.

Именно в этот момент, когда ветер дул в сторону независимости и когда либеральная партия видела, что ее защитники множатся, в Женеву приехал блестящий молодой человек, искрящийся остроумием и полный идей Ливия, Цицерона и Вергилия. Священники сердечно

приняли его из-за его связей с несколькими прелатами, а либералы сделали то же самое из-за его добродушия; вскоре он стал всеобщим любимцем и героем момента. У него было так много воображения: он так хорошо знал, как развлечь свою компанию! Этот молодой человек не был поверхностным мыслителем: по нашему мнению, он один из лучших французских писателей начала 16 века, но он также и один из наименее известных. Фрэнсис Бонивар — так звали этого приятного ученого — в основном не отличался ни верой, ни нравственностью; но своим либерализмом, своей информацией и язвительной сатирой он сыграл в Женеве роль, мало чем отличающуюся от той, которую сыграл Эразм в великой Реформации. Выехав из города через ворота Сент-Антуан, вы почти сразу же подошли к круглой церкви, а рядом с ней - к монастырю, в котором жили несколько монахов из Ключи,⁷² нравственность которых, как мы видели, была не очень образцовой. Это был приорат Святого Виктора, и в его стенах проводились многие беседы и конференции, которые подготовили путь для Реформации. Сен-Виктор был небольшим государством с небольшой территорией, и его настоятель был суверенным князем. 7 декабря 1514 года приор Джон Эме Бонивар был при смерти, а рядом с ним сидел его племянник Фрэнсис, которому тогда было двадцать один год. Он родился в Сейсселе;⁷³ его отец занимал определенный чин при дворе герцога Филиберта Савойского, а его мать происходила из знатного рода Ментон. Франциск принадлежал к той группе дворян и церковников, которых герцоги Савойские переселили в Женеву, чтобы развратить граждан. Он получил образование в Турине, где стал зачинщиком буйной банды в университете; и, всегда сохраняя при себе свой жизнерадостный юмор, он, казалось, был создан для того, чтобы стать отличной приманкой для заманивания городской молодежи в сети Савойи. Но все было совсем иначе, он выбрал путь свободы.

В тот момент он думал только о своем дяде, конец которого, казалось, был близок. Он не сводил с него встревоженного взгляда, потому что старый приор был серьезно взволнован на смертном одре. Раньше, в минуту раздражения, он приказал отлить за счет Церкви четыре большие кулеврины, чтобы осадить сеньора Вири, одного из своих соседей, в его замке у подножия горы Салеве. Старый Бонивар совершил много других грехов, но они его мало беспокоили по сравнению с этим. Эти большие пушки, купленные на церковные доходы с целью убивать людей и разрушать замок старого друга, вызвали у него страшную боль.⁷⁴ В своем отчаянии он повернулся к племяннику. Он нашел средство, достойную работу, которая, казалось, должна была вернуть мир его взволнованной совести. 'Фрэнсис,' обратился он к племяннику, ' послушай меня; ты знаешь эти пушки ... их следует использовать на службе Богу. Я желаю, чтобы сразу после моей смерти из них отлили колокола для церкви'. Франциск дал свое обещание, и приор скончался удовлетворенным, оставив своему племяннику княжество, монастырь и кулевринов.

Близкая симпатия вскоре объединила Бертелье и Бонивара. У первых было больше энергии, у вторых - изящества; но они оба принадлежали к новому поколению; они стали братьями по оружию и пообещали вести беспощадную войну против суеверий и произвола власти. Они взаимно выражали друг другу свою привязанность, причем Бонивар был крестным отцом одного из сыновей Бертелье. Бертелье, нанеший своему другу визит соболезнования в самый день смерти своего дяди, услышал из его уст историю кулевринов. ' Как! ' воскликнул он. - Отлить пушки, чтобы сделать из них колокола! Мы дадим вам столько металла, сколько вам потребуется, чтобы сделать звон, который будет звучать достаточно громко, чтобы оглушить вас; но кулеврины должны оставаться кулевринами. ' Бонивар заявил, что, согласно приказу его дяди, пушки должны были быть использованы на службе Церкви. 'Церкви будет оказана

двойная помощь, ' возразил Бертелье. ' в Сен-Викторе, который является церковью, будут колокола, а в городе, который является церковной землей, - артиллерия'. Он вынес этот вопрос на рассмотрение совета, который проголосовал за все, что требовал Бертелье.⁷⁵

Но герцог Савойский, едва услышав об этом, сразу же потребовал оружие из монастыря. Для обсуждения этого дела был созван Совет Пятидесяти, и Бертелье не был одинок в поддержке прав города. Молодой гражданин двадцати пяти лет, с мягким, но бесстрашным характером, спокойный и в то же время деятельный, друг закона и свободы, без подлости и высокомерия, обладавший глубоко укоренившейся и могучей силой, — этот человек не боялся спровоцировать соперничество между Женевой и самым грозным из его соседей. Это был Безансон Хьюз, который только что потерял отца и начинал входить в общественную жизнь. Им руководила одна идея: сохранить независимость своей страны и противостоять узурпации Савойи, даже если это навлечет на него ненависть герцога. "От имени народа, - сказал он, - я выступаю против сдачи этой артиллерии его Высочеству, город не может ее пощадить'. Четыре орудия остались в Женеве, но с того часа Карл III. сердито посмотрел на Бертелье, Хьюза и Бонивара. "Я буду с ними в расчете", — сказал он. "Когда я засвидетельствовал ему свое почтение после смерти моего дяди, - сказал Бонивар, - "его высочество задрал передо мной нос".⁷⁶

Карл III, сын Филиппа Лэкленда, мало походил на этого предприимчивого принца. Когда Филипп достиг определенного возраста, он исправился; и, родив нескольких внебрачных детей, он женился на Маргарите Бурбонской, а после ее смерти - на Клодине Пентьеврской, или Бретани, и в 1496 году вззошел на трон Пьемонта и Савойи. Карл III, его сын от второй жены, скорее пошел в своего деда герцога Людовика; как и он, он был уравновешенным, но слабым, покорным своей жене и унаследовал от нее только вспышки страсти. Его понимание было невелико; но его советники, которые были очень способными, восполнили это. Им, казалось, владела одна-единственная мысль: присоединить Женеву к Савойе. Это было почти всей его политикой. Захватив Женеву, он потерял свои княжества. Басня Эзопа о собаке и тени никогда не была проиллюстрирована лучше.

В 1515 году все, казалось, благоприятствовало планам этого принца. Свадьба принцессы Филиберты, которая не была торжественно заключена в 1513 году из-за ее молодости, вот-вот должна была состояться. Епископ Женевы, находившийся в то время в Риме на Латеранском соборе, поддержал требование своего двоюродного брата, касающееся светского суверенитета. Министры Карла, двор, знать и священники - все они настаивали на аннексии Женевы. Разве этот город не был рынком сбыта для соседних с Савойей провинций? Разве это не было необходимо для стратегической обороны герцогства? Клод де Сейссель, искусный дипломат, автор "*Монархии Франции*", "горький презиратель любой республики", вскоре после того ставший архиепископом Турина, постоянно повторял герцогу, что, если Женева останется на его территории, не будучи частью нее, Савойя подвергнется большой опасности'. 'В самом деле, ' сказал Бонивар, услышав доводы Сейсселя, - нет никакой необходимости давить на его высочество, чтобы заставить его баллотироваться. Он начал отбивать табор и теперь собирается открыть танец".⁷⁷

Но примет ли папа участие в танцах? Уступит ли он Женеву Савойе? Вот в чем вопрос. Лев X. любил богатство, искусство, удовольствия и все радости жизни; он был щедрым, либеральным, даже расточительным и не слишком интересовался бизнесом. Он приготовил великолепный

дворец в городе пап и цезарей для Юлиана и его молодой жены. Необычайно пышными мероприятиями был отмечен союз Медичи со старинным семейством Гумберта белой руки. "Я не пожалею средств", - сказал Лео, и на самом деле эти радости обошлись ему в огромную сумму в 15 000 дукатов.

Как мог понтифик, всегда занятый грабежом других ради обогащения и возвышения своих сородичей, пойти на компромисс со столь славным союзом ради сохранения независимости неизвестного города в дикой стране Альп? Кроме того, ситуация в Женеве была тревожной; свободные учреждения города угрожали светской власти епископа, и если бы она была уничтожена, что стало бы с его духовной властью? Но если герцог Савойский станет там суверенным принцем, он отменит дерзкие свободы граждан и таким образом спасет епископскую прерогативу. Такова была история большинства городов в средние века: должна ли быть такой же история Женевы?⁷⁸ Лоренцо де Медичи имел обыкновение говорить: 'Мой сын Джулиан хороший; мой сын Джон (Лев X) хитрый; мой сын Питер безумец'. Лео считал, что проявляет немалый такт, принося Женеву в жертву славе Медичи и амбициям Савойи. "Герцог Савойский, - говорит католический историк, - воспользовался этим обстоятельством (браком), чтобы добыть буллу, подтверждающую передачу светской власти".⁷⁹ Карл III. восторжествовал. Он достиг цели, к которой веками стремились его предшественники: он сделал больше, чем Петр, прозванный Карлом Великим; больше, чем Амадей Великий; он воображал себя героем своей расы. 'Я суверенный лорд Женевы в мирских делах', - говорил он всем. 'Я получил это от нашего святого отца, правящего папы'. Но что сказали бы в Женеве? Склонили бы ли бы древняя республика свою голову под савойским игмом?⁸⁰

Весь город был в смятении, когда пришло это важное известие. Бертелье, Бонивар, Хьюз, Вандель, Бернар, даже самые католики из горожан, возмущенные такой узурпацией, бегали взад и вперед, оживленно беседуя и особенно обвиняя понтифика. 'Власть пап, - говорили они, - не над княжествами, а над грехами — именно с целью исправления пороков, а не для того, чтобы быть господами государей и народов, они получили ключи от царства небесного'. В Женеве было небольшое количество ученых (Бонивар был одним из них), которые открывали пыльные тома своих библиотек в поисках аргументов против папской резолюции. Разве святой Бернард не сказал папе Евгению: 'Возделывать виноградник Господень, выкорчевывать вредные растения - вот ваша задача.... Тебе нужен не скипетр, а мотыга'.⁸¹

25 мая депутация от совета прибыла к епископу. 'Мой господин, ' сказал первый синдик, ' мы заклинаем вас оставить общину в том же состоянии, в каком ваши предшественники передали ее вам, с соблюдением ее законных обычаев и древних привилегий'. Епископ был смущен: с одной стороны, он боялся рассердить людей, энергия которых была ему небезызвестна, а с другой - рассердить своего двоюродного брата, рабом которого он был; он ограничился тем, что пробормотал несколько слов. Синдики ждали следующего капитула: "Предотвратите это беззаконие, - сказали они каноникам, - поскольку оно *касается* вас не меньше, чем города". Но преподобные отцы, которые владели обширными бенефициями на территории герцога и боялись, что их конфискуют, ответили такими сложными фразами, что никто не смог их понять. И епископ, и каноники сдали Женеву человеку, который называл себя ее хозяином.

Весть о том, что город был решительно передан Савойе, с каждым днем распространялась все дальше и дальше: люди писали об этом со всех сторон. Синдики, тронутые полученными письмами, вернулись к епископу. 'Теперь это распространился слух, - сказали они. -

протестуйте, милорд, против этих странных слухов, чтобы узурпация, хотя и начатая, не была завершена'. Епископ посмотрел на них, затем уставил свои ввалившиеся глаза в землю и хранил упорное молчание. Синдикаты удалились, ничего не добившись. Что же теперь было делать? Казалось, в старой республике пробили последний час свободы. Граждане встречались друг с другом, необменявшись ни словом; только их бледные лица и удрученный вид выражали их скорбь. Однако среди них послышался один возглас: 'Поскольку правосудие бессильно, - сказали самые пылкие, - мы прибегнем к силе, и если герцог решится войти в Женеву, он переступит через наши тела'. Но большинство испытывало беспокойство; зная свою собственную слабость и могущество Савойи, они считали всякое сопротивление бесполезным. Старый Рим уничтожил независимость многих народов; новый Рим желал подражать ему.... Город был потерян. Спасение пришло оттуда, откуда его никто не ожидал.⁸²

Собралась священная коллегия, и князья Церкви, облаченные в пурпур, рассмотрели это дело. Лишить епископа его светского княжества ... какой опасный пример для самого папства! Кто знает, не захотят ли когда-нибудь князья сделать то же самое для его Святейшества? Слушая их, вы могли бы вообразить, что католицизм пришел бы в упадок и исчез, если бы он не соединил скипетр цезарей с пастушьим посохом. Кардиналы решили, что для того, чтобы князь Церкви мог законно отчуждать свою светскую юрисдикцию, необходимо, "во-первых, чтобы подданные восстали против своего князя; во-вторых, чтобы князь был недостаточно силен, чтобы усмирить их; в-третьих, чтобы у него было лучшее вознаграждение". Было ли это *вознаграждение* другим *временным обстоятельством* или просто денежной компенсацией? Об этом в документах не говорится. В любом случае, священная коллегия отказалась согласиться с решением папы, и булла была отозвана.⁸³

Герцог был удивлен и раздражен. Его советники успокоили его: они указали ему, что, согласно решению кардиналов, требуется только восстание для того, чтобы лишить епископа светской юрисдикции. "Женевцы, люди вспыльчивые и болтливые, - сказали они, - совершат какую-нибудь неосторожность, с помощью которой мы докажем священной коллегии, что ей *нужен более сильный пастырь, чем епископ*, чтобы вернуть их к исполнению своих обязанностей'. К этим представлениям они предложили добавить определенные хитроумные приспособления. Судебные чиновники герцогской партии составили бы длинные, неясные, невразумительные обвинительные акты против граждан; мои лорды кардиналы Рима, которые являются воплощением лени, отказались бы от чтения этих утомительных документов, им бы объяснили суть дела *живым голосом*; им бы сказали, что единственное средство спасти епископа - это передать герцогу власть над городом. Чарльз успокоился и отправил кузену новые инструкции. 'Поскольку я не могу получить дерево, - сказал он, - я хочу хотя бы попробовать плоды. Начинай грабить направо и налево (*по случаю и по факту*), чтобы наполнить мою казну.' Посредством этого грабежа женевцы были бы раздражены; они были бы вынуждены взяться за оружие, и таким образом герцогу удалось бы лишить их независимости с согласия не только папы, но и кардиналов.⁸⁴

ГЛАВА V.

БЕРТЕЛЬЕ И ЖЕНЕВСКАЯ МОЛОДЕЖЬ, ВОЗБУЖДЕННЫЕ НАСИЛИЕМ ЕПИСКОПА.

(1515-1517 гг.)

Епископ, смиренный слуга герцога, приготовился действовать в соответствии с его указаниями. Чарльз назначил над ним попечителя, который позволял ему только то, что было абсолютно необходимо для его содержания. Однажды, когда один выдающийся гражданин попросил его об одолжении, Иоанн Савойский воскликнул: 'У меня есть только мой посох и митра, все имущество принадлежит герцогу. Он епископ и аббат. ... "Поскольку, - добавляет хронист, - герцог был очень жаден, Джон был вынужден уступить бразды правления вымогателям его высочества'. Они налагали чрезмерные штрафы; там, где в судах низшей инстанции штраф не должен был превышать шестидесяти солей, они взыскивали пятьдесят ливров. Ни один принц никогда не прилагал таких усилий для подавления восстания, как бастард, чтобы разжечь его. Он был почти отважен в своих уловках, направленных на потерю своего княжества, но это было результатом раболепия. Он лишил синдикаты их судебных функций; он бросал людей в тюрьмы, чтобы отомстить за личные или мнимые преступления. Люди начали роптать: 'Странный это пастух!' - говорили они. 'Он не довольствуется стрижкой своего стада, но рвет и беспокоит их своими собаками'. Сторонники Савойи были в восторге. Одним из таких подвигов этот у блюдок едва не произвел революцию в Женеве.⁸⁵

Клод Вандель был одним из самых уважаемых граждан Женевы. Выдающийся юрист, человек благородного характера и безупречной порядочности, скромных и уважительных манер, но также и большого мужества, он защищал за свой счет слабых и бедняков от насилия великих. Гражданин, несправедливо преследуемый служащим епископа, Вандель взялся за его защиту и так разгневал прелата, что тот поклялся отомстить ему. Но с чего ему было начать? Народ уважал Ванделя; его предки занимали самые высокие посты в государстве; его жена, Ми дю Фреснуар, принадлежала к хорошей семье, связанной узами родства с Шатийонами и другими савойскими домами лучшей крови. Более того, у Ванделя было четверо сыновей, объединенных самой тесной привязанностью, полных почтения своего отца, и всем им было суждено однажды быть призванными к важным обязанностям. Роберт, старший, был синдиком; Томас - каноником, прокурором-фискалом и одним из первых священников, принявших Реформацию; из двух младших, которые были еще юношами, Гуго впоследствии стал представителем республики в Швейцарии, а Питер - генерал-майором. Во дворце епископа было известно, что сыновья Ванделя не допустят, чтобы кто-нибудь поднял руку на их отца, и что даже народ встанет на его защиту. Тем не менее было решено заставить женевцев согнуться под гнетом абсолютной власти. Томас, который в то время занимал пост главы Моржа, поспешил в Женеву, услышав о замысле, угрожавшем его отцу. Он был человеком с очень решительным характером и 'обращался с мечом лучше, чем со своим требником'. Когда они узнали, каковы были намерения епископа, он и его братья почувствовали в своих сердцах один из тех внезапных и неожиданных порывов, которые проистекают из самых благородных чувств, и они поклялись сделать свои тела оплотом для своего отца. Епископ и его придворные прибегли к хитрости. Вандель был в деревне, Роберт и Томас охраняли его. Распространился слух, что судебные приставы епископа придут с наступлением темноты и схватят адвоката. Следовательно, 'еще до наступления ночи' Роберт и Томас отправились высматривать людей, которые должны были похитить их отца. Но эти, вместо того чтобы уйти в назначенный час, отправились раньше и

спрятались возле дома. Как только стемнело, они покинули свое убежище, и, пока сыновья и друзья Венделя искали их в другом направлении, они схватили республиканца Клода, связали его, вывели в город через потайной ход и провели подземным ходом в тюрьму епископа.⁸⁶

На следующее утро сыновья Венделя в большом горе побежали к своим друзьям и обратились к людям, которых они встречали. Они утверждали, что только синдикаты имеют право на судебное разбирательство по уголовным делам и что, арестовав их отца, епископ растоптал привилегии города. Народ был взволнован, собрался совет; синдики отправились к епископу и призвали его отпустить Венделя или же передать им, его законным судьям, документы по его делу.

"Мой совет, - ответил епископ, - рассмотрит, противоречит ли этот *арест* вашим свободам, и в этом случае я изменю то, что должно быть изменено". Даже епископальный совет принял решение об увольнении Венделя, но бастард упрямо отказался.

Гнев народа теперь становился все более яростным против граждан, которые принимали пенсии епископа.

«Епископ очень хорошо знает,» сказали они, «что некоторые из них предпочитают его деньги городским свободам. Почему он должен бояться нарушить наши права, когда предатели продали их ему? Томас Вендель, священник, самый ревностный представитель семьи, поспешил к Бертелье. «Раздражение всеобщее,» сказал он, - и все же они колеблются. Никто не смеет звать кошку.» Бертелье присоединился к сыновьям Венделя, и их смелые заявления, а также ропот народа возбудили синдикат. День (29 июня) был уже далеко в разгаре; но это не имело значения, и в необычное время - в восемь часов вечера - совет собрался, и «все самые видные в городе, числом около трехсот человек», присоединились к собранию. Люди собирались толпами и заполняли зал.

Присутствовал Бертелье. Он все еще был губернатором Пеня, подарка епископа, и последний потешался со своими придворными над тем, что ему положили «кость в рот, чтобы он не лаял». Были некоторые женевцы, которые хмуро смотрели на него, как будто этот великий гражданин предал свою страну. Но Бертелье был спокоен, выражение его лица было решительным: он был готов нанести первый удар. Синдики рассказали о незаконном поступке епископа; сыновья заключенного призвали их отомстить за своего отца; а Бертелье воскликнул: «Чтобы сохранить свободы города, мы должны действовать без страха; давайте спасем гражданина, схваченного предателями». Джон Таккон, капитан-генерал и в то же время пенсионер епископа, остановил его: «Осторожно, - сказал он, - если мы поступим так, как вы советуете, могут возникнуть определенные неудобства». Бертелье в большом волнении воскликнул: «Теперь пенсионеры показывают себя!» При этих словах Таккон не смог сдержаться: «Это вы, - сказал он, - да, вы показали мне, как получать пенсию». Услышав этот упрек, Бертелье вытащил письма епископа о назначении его губернатором Пеня, которые он принес с собой на совет, и разорвал их на куски перед заседанием, сказав: «Поскольку я показал вам, как их принять, смотрите, теперь я показываю вам, как их отозвать». Эти слова подействовали как удар электрического тока. Со всех сторон раздался крик «Больше никаких пенсий!». Все пенсионеры заявили, что готовы разорвать свои письма-патенты, как Бертелье. Переполох был очень велик. «Звоните в колокол, созывая генеральный совет», - кричали некоторые. «Нет, нет, - сказали более благоразумные, - это послужило бы сигналом ко всеобщему восстанию, и люди сами бы исправились».⁸⁷

Однако необходимо было что-то предпринять. Часть собравшихся направилась к епископскому дворцу и начала призывать прелата: 'Освободите заключенного!' Но епископ не появлялся; двери и окна дворца оставались плотно запертыми. Раздражение стало всеобщим. "Поскольку епископ не желает показываться, - сказали они, 'мы должны собрать народ'. После этого Джон Бернард, трое сыновей которого сыграли важную роль в Реформации, побежал на башню Сен-Пьер, чтобы позвонить в колокол, созывая генеральный совет. Но священники, предвидя, что произойдет, заперли дверь колокольни. Бернард не отказался от своей цели: он схватил огромный молоток и начал колотить в дверь, когда подошли какие-то горожане и остановили его. Они только что узнали, что ублюдок не явился, потому что, опасаясь народного гнева, в большой спешке покинул Женеvu. Одна мысль утешила епископа во всем его ужасе: 'Несомненно, вот аргумент, который убедит священную коллегия: мой народ восстал!' Но епископальный совет думал иначе: арест Ванделя был незаконным, и они вернули ему свободу. С этого часа ненависть епископа к тем, кто не желал подчиняться его тирании, стала еще более смертельной.⁸⁸

Энергия, проявленная гражданами, показала ублюдку, чего ему следует ожидать, если он наложит лапу на их независимость. Поэтому его приспешники решили взяться за дело другим способом: ослабить этот гордый и решительный народ и с этой целью поощрять суеверия и распутство в Женеве. Суеверия помешали бы гражданам думать об истине и реформах, в то время как расточительность заставила бы их забыть о своем достоинстве, своих правах и самых дорогих свободах.

В начале 1517 года — года, когда в Германии началась Реформация, — босоногий монах по имени Томас приехал в Женеву и проповедовал на *итальянском* языке, и люди, которые не понимали ни слова, слушали его с восхищением. Дева Мария, святые и усопшие были его обычной темой. Бонивар пожал плечами, сказав: 'Он просто идиот со своими дурацкими историями!' Затем монах начал творить чудеса; к нему приводили больных после службы; он благословлял их направо и налево, и многие возвращались домой исцеленными. 'Что вы на это скажете?' - торжествующе спросили некоторые фанатики скептически настроенного приора. "Ну, *imaginatio facit casum*, это результат воображения", - ответил он. 'Глупцы так твердо верят, что он исцелит их, что исцеление последует за ними; но это длится недолго, и многие возвращаются в худшем состоянии, чем пришли'. Достопочтенные советники, одураченные, как и все остальные, прислали монаху 'королевские подарки'.

Поскольку суеверий было недостаточно, добавились развлечения и разврат. Герцог Филиберт Красивый, посетивший Женеву в 1498 году со своим незаконнорожденным братом Рене, уже использовал этот способ подчинения женеvцев. 'Идите, ' сказал он своим знатнейшим вельможам, - и расположите к себе всех этих лавочников и механиков, будучи с ними на самой дружеской ноге'. Савойская знать, приветливо обращаясь к женеvцам, обычно сидела с ними в тавернах, пила, смеялась и пела вместе с ними, приводя в замешательство простых людей своим высокопарным языком и 'величественным видом'. Они скрывали свое тонкое вероломство под красивыми фразами; и, отбросив всякий стыд, они даже позволяли себе отвратительные взгляды и жесты, заражая сердца нечистотой и развращая молодежь. Священники, далекие от того, чтобы противостоять этому разврату, были первыми, кто уступил ему. Постыдная распущенность породила преступные выходки, которые принесли бы разорение тем, кто им предавался, и самому городу. На улицах царила наглость. Иностранцы, останавливавшиеся в Женеве, восклицали: 'Это действительно город, до самых глаз

утопающий в удовольствиях. Церковь, знать и простой народ преданы всякого рода излишествах. Вы не видите ничего, кроме спорта, танцев, маскарадов, застолий, распутства и, следовательно, раздоров. Изобилие породило дерзость, и, несомненно, Женева заслуживает того, чтобы на нее обрушился бич Божий".⁸⁹

Филипп Бертелье, человек неукротимого мужества, неутомимой деятельности, восторженный стремлением к независимости и древним правам свободы, но зараженный общей болезнью, теперь привел задуманный им план в исполнение и решил обратить против Савойи распутные привычки, которыми она наделила его страну. Он принимал участие во всех их застольях, банкетах и кутежах; пил, смеялся и пел с женевской молодежью. Не было такого развлечения, на котором бы он не присутствовал: "*Bonus civis, malus homo*, хороший гражданин, но плохой человек", - говорили о нем. "Да, *malus homo*, - ответил он, - но поскольку добропорядочные граждане не станут рисковать своими удобствами в предприятии, от которого они отчаиваются, я должен спасти свободу с помощью безумцев". Он использовал свое практическое понимание и глубокую проницательность, чтобы расположить к себе людей,⁹⁰ и достиг цели, которую поставил перед собой. Собрания женевской молодежи сразу же изменили свой характер. Филиберт Красивый превратил их в школу рабства; Филиберт Бертелье превратил их в школу свободы. Те, кто выступал против узурпации савойских принцев, смело проводили свои собрания на этих радостных и шумных пирах. Великий гражданин, словно наделенный каким-то волшебным обаянием, полностью изменил мнение женева и, держа его в руке, заставлял делать все, что ему заблагорассудится. В адрес епископа и сторонников герцога сыпались сарказмы, и каждая шутка встречалась громкими взрывами смеха и аплодисментами. Если какой-либо епископальный служащий совершал противозаконный поступок, информация передавалась этим странным парламентам, и эти нарушители закона обязывались позаботиться о том, чтобы жертва была исправлена. Когда савойская партия поставила себя вне закона, женевская партия сделала то же самое, и началась война.

Выбрал ли Бертелье правильный курс? Может ли независимость Женевы быть установлена на таком фундаменте? Конечно, нет; истинная свобода не может существовать без справедливости и, следовательно, без моральных изменений, исходящих от Бога. Пока "юная Женева" превыше всего любила развлечения, епископ и герцог все еще могли наложить на нее руки. Любовь к удовольствиям у большинства этих молодых людей была такова, что они с жадной стремительностью ухватились бы за наживку, если бы только она была заброшена с достаточным мастерством. "Они чувствовали, что крючок убивает их", - сказал писатель шестнадцатого века; но у них не было сил вытащить его. Эта сила должна была прийти свыше. Человеческий разум, такой непостоянный и такой слабый, нашел в Слове Божьем силу, в которой он нуждался и которую свет пятнадцатого века никогда не смог бы им дать. Реформация была необходима для свободы, потому что она была необходима для морали. Когда протестантская идея пришла в упадок в некоторых странах, как, например, во Франции, человеческий разум также утратил свою энергию, расточительство снова охватило общество; и эта высокоодаренная нация, мельком увидев великолепный рассвет, снова погрузилась в густую ночь традиционного могущества Рима и деспотизма Валуа и Бурбонов. Свобода никогда не была прочно установлена, кроме как среди людей, где царит Слово Божье.⁹¹

ГЛАВА VI. ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИЕ СТОРОНЫ ГОТОВЯТСЯ К БИТВЕ. (1516-1517 гг.)

Поскольку в Женеве формировалась новая и могущественная оппозиция, герцогу и епископу стало необходимо более тесно объединиться. Примерно в это же время малозначительный инцидент едва не привел к их разногласиям и, таким образом, ускорил освобождение города.

Однажды, когда этот подагрический ублюдок, растянувшись на кушетке, жестоко страдал от своей болезни, он услышал шум на улице. - В чем дело? - спросил я. 'Они везут вора на повешение, - ответила старушка, ухаживавшая за ним, и добавила: 'Если бы ваша светлость только простили его, он молился бы за ваше здоровье все дни своей жизни'. Епископ, увлеченный той фантазией больных людей, которая заставляет их пробовать все в надежде, что это их вылечит, сказал: 'Пусть будет так, пусть они отпустят его на свободу'. В Женеве у синдигов был обычай — странный обычай — передавать видаме осужденных ими людей; видаме передавал их губернатору Гайяра в Савойе, а губернатор - палачу. Палач в сопровождении губернатора собирался повесить этого человека, когда офицеры епископа принесли приказ освободить его. 'Я слуга моего самого грозного господина герцога Савойского, ' сказал губернатор, - и я выполняю возложенный на меня долг'. Однако было решено, что казнь следует отложить, и епископ созвал свой совет, чтобы рассмотреть, имеет ли он право помиловать преступника, даже если он уже находится в руках офицера, уполномоченного казнить его. Среди членов епископального совета был человек благородного характера, которому суждено было занять место в истории Женевы рядом с Бертелье и даже выше его. Эме Леврье, судья уголовного суда, сын бывшего синдика, не знал никаких правил, кроме закона, и не имел никаких мотивов, кроме долга. Серьезный, спокойный, полный достоинства, наделенный мудростью Нестора, он был решителен и энергичен в приведении законов в исполнение, и как только в нем заговаривала совесть, он повиновался ей в своей скромной сфере с порывистостью Ахиллеса, если можно сравнить малое с великим. Волнения народа и своеволие князей одинаково непреклонно отражались на нем. Он увидел в этом маленьком инциденте серьезный спор между законной властью епископа и узурпацией герцога. 'Князь Женевы, ' сказал он, ' имеет право помиловать преступника, даже если он находится на территории Савойи и у подножия эшафота'. И затем, желая воспользоваться случаем и показать, что герцог был слугой в Женеве, а не хозяином, он вышел из зала, подошел к преступнику, разрезал его путы, взял его за руку и, приведя к епископу, сказал бедняге: 'Возблагодари Бога и моего господина'; и после этого смело отпустил его на свободу. Но епископ, который никогда не представлял себе существования такой силы, уже начал дрожать.

Им действительно не пришлось долго ждать гнева герцога. Если он отдал своему кузену Женевскую епархию, то только для того, чтобы самому получить верховную власть; и вот епископ, охваченный приступом независимости, зашел так далеко, что оспаривает свои права видама, свои функции палача!... Он воспользуется этой странной смелостью, чтобы поставить бастарда на место, избавиться от Леврье, уничтожить остатки свободы, которые еще сохранились в городе, и установить в нем герцогскую власть. Сеньор Ла-Валь-д'Изер в сопровождении двух других уполномоченных прибыл в Женеву, чтобы исполнить волю его высочества. Надменно войдя во дворец епископа, он грубо обратился к бастарду со стороны разгневанного герцога. Епископ расточал приветствия, знаки внимания и уважения, но все без

толку. Ла Валь д'Изер, хорошо усвоивший урок, повысил голос еще выше: Жалкий ублюдок! (он сказал) чего он хотел, помиловав человека, которого собирались повесить? Бедный прелат был на дыбе скорее мертв, чем жив; наконец герцогский посланник закончил свой суровый выговор, и епископ, дрожа, извинился, 'как наш отец Адам, когда он возложил вину на Еву', - говорит Бонивар. 'Это сделал некто Левье, судья и доктор юридических наук', - сказал он. Сеньор Ла-Валь-д'Изер дал епископу понять, что вместо того, чтобы потакать каким-либо стремлениям к независимости, он должен объединиться с герцогом в борьбе с духом свободы в Женеве.

Однако в определенной степени герцогский посланник признал оправдание прелата; он знал его слабость и видел, что в этом деле действовала иная воля, отличная от его собственной. Он сообщил герцогу де Леврье о проступке, и с этого часа этот бесстрашный судья стал ненавистен туринскому двору и был обречен на гибель. Савояры сказали, что, поскольку он спас вора от виселицы, его следует повесить вместо него. Герцог и его министры были убеждены, что любая попытка поработить Женеву потерпит неудачу, пока в ней есть такой энергичный защитник закона. Вечером того дня, когда Ла Валь д'Изер сделал выговор епископу, герцогский посланник с одним из своих коллег и видамом ужинали в монастыре Святого Виктора: посол был двоюродным братом Бонивара и нарочно отправился его навестить. Он хотел сделать своего кузена преданным агентом "Савойи" в Женеве и в качестве прелюдии нанять его для ареста непокорного судьи. После ужина Ла Валь д'Изер отвел приора в сторонку и принялся расхваливать его. 'Мой дорогой кузен, ' сказал он, - у герцога нет во всех его владениях человека, более подходящего для того, чтобы оказать ему услугу, чем вы. Я знаю тебя; я наблюдал за тобой, когда ты учился за горами, умный парень, искусный фехтовальщик, всегда готовый совершить любой дерзкий поступок, если это окажет услугу твоим друзьям. Ваши предки были верными слугами савойского дома, и милорд ожидает, что вы покажете себя достойным их. ' Изумленный Бонивар ничего не ответил. Затем Ла Валь д'Изер объяснил ему, как он может помочь герцогу в его планах против Женевы, добавив, что в этот самый момент он может оказать ему важную услугу. Там был Эме Леврье, решительный недовольный, мятежник, как и его отец, которого необходимо было арестовать.... Ла Валь д'Изер сообщил о своем заговоре Бонивару. Эме Леврье обычно ходил молиться в церковь Пресвятой Богородицы, недалеко от моста Арве. Бонивар последует за ним, схватит его в тот момент, когда он приблизится к церкви, и, схватив за горло, перейдет с ним мост и передаст его солдатам герцога, которые будут на другой стороне, готовые принять его. 'Это будет для вас легкой задачей, дорогой кузен, - добавил посол. ' все знают вашу готовность и ваше мастерство'. ... Ла Валь д'Изер добавил, что таким образом Бонивар получит два преимущества: во-первых, он отомстит епископу, которого он мало любил; и, во-вторых, он получит солидную награду от милорда Савойского. Это была странная идея - доверить это безобразие настоятелю монастыря, но это соответствовало нравам того времени. Интересы и семейные традиции Бонивара побудили бы его служить Савоие; но у него было просвещенное понимание и независимый дух. Он принадлежал новому времени. 'С тех пор как я начал читать историю, - сказал он, - я всегда предпочитал республиканское государство монархическому, и особенно тем, где трон передается по наследству'. Герцог воздал бы ему почести и изобилие богатств, в то время как он получил за дело, которое отстаивал, только нищету и темницу; и все же он никогда не колебался. Любовь к свободе овладела этим выдающимся человеком, и он всегда был верен ей: какими бы ни были его слабости, это слава, которую у него нельзя отнять. Бонивар хотел отклонить это предложение, не слишком, однако, раздражая посла. Он указал на свою рясу, молитвенник, своих монахов, свой монастырь и, назвав это причиной, сказал: 'Обращение с

мечом больше не мое дело; я сменил его на тревник'. На это Ла Валь д'Изер в великом разочаровании разозлился и сказал: 'Что ж, тогда, клянусь, я сам пойду сегодня ночью, возьму Леврье в его постели и отнесу связанным по рукам и ногам в Савойю'. Бонивар посмотрел на него с улыбкой: 'Вы действительно попытаетесь?' он спросил: 'Тогда пожмите друг другу руки'. Посол, думая, что его покорили, протянул ему руку. 'Вы собираетесь готовиться к этому событию?' — 'Нет, кузен, ' ответил Бонивар с поклоном, ' я знаю женеццев; предупреждаю тебя, они не снисходительны, и я пойду и отложу тридцать флоринов, чтобы завтра отслужить мессу за упокой твоей души'. Посол покинул его в сильном гневе.⁹²

Бонивар понял, что жизнь Леврье в опасности. В то время люди ужинали рано; настоятель дождался наступления темноты, а затем, переодевшись, покинул свой монастырь, крадучись прошел по улицам и, войдя в дом своего друга судьи, рассказал ему все. Леврье, в свою очередь, подбежал к Бертелье. - О, о! - воскликнул тот, который был комендантом города. ' Милорды Савойи хотят быть здесь хозяевами! мы научим их, что это не так-то просто".

В этот момент синдикам сообщили, что несколько ланскенцев находятся в Венгероне (в полулиге от города на правом берегу озера) и готовятся войти в предместье Сен-Жерве: было ясно, что Савой хотел похитить судью. Синдикаты приказали Бертелье нести вахту всю ночь с оружием в руках. Он собрал отряды, и люди прошли по улицам в сомкнутом строю под бой барабанов, проходя мимо дома видама Эймона Конселя, где остановились послы.

Сеньор Ла-Валь-д'Изер вместе с двумя своими коллегами, сьером Ж. де Кран и Питером Ламбертом, каждую минуту ожидал нападения этих вооруженных людей. Они вспомнили мессу по усопшим, о которой говорил Бонивар, и в целом провели ужасную ночь. К утру в городе воцарилось спокойствие, и едва рассвело, когда послы Савойи, приказав седлать своих лошадей, выехали через потайную дверь, ключ от которой был у епископа, и поспешили доложить своему повелителю.⁹³

Несмотря на их поспешное отступление, одна из целей их миссии была достигнута. Депутаты от Савойи покинули Женеву не одни; бастард был еще более напуган, чем они; страх прогнал подагру, он встал с постели и, взяв с собой графа Женевского, брата герцога, поспешил через горы в Турин, чтобы умиротворить своего ужасного кузена. Последний был крайне раздражен. Мало того, что посягнули на его права, они еще и вынудили его посланников бежать из Женевы. Ублюдок не жалел средств, чтобы оправдаться; он припал к ногам Шарля. Он сказал, что его больше всех следует жалеть; эти женеццы пугали его днем и ночью. 'Я забуду все, ' сказал ему наконец принц, - при условии, что вы поможете мне образумить этих республиканцев'. Это было то, что предвидел приор Сен-Виктора. Точно так же, как Ирод и Пилат согласился, в их темных замыслах, - сказал он, - так что герцог и епископ соглашаетесь на разорение Женевы.'—'Кузен, - продолжал герцог, - позвольте нам понять друг друга: в складке есть некоторые собаки , которые лают очень громко и защищать своих овец очень решительно, вы должны избавиться от них.... Я имею в виду не только Левье—сына - есть еще Левье-отец и Бертелье, на которых вы должны точить зубы.'— 'Старший Левье, - ответил бастард, - хитрая лиса, которая знает, как не попасть в ловушку; что касается Бертелье, он вспыльчивый холерик и прямо говорит то, что думает: у нас будет гораздо больше шансов поймать его; а когда с ним будет покончено, с остальными будет проще'. Таким образом, принцы Савойи, собравшись в кабинете герцога в Туринском дворце, замыслили разорение Женевы и гибель ее лучших граждан. Карл *Добрый* был самым жестоким и упрямым из троих. 'Давайте играть серьезно, - повторил он. ' мы должны заполучить их

живыми или мертвыми'. Герцог, граф и епископ распределили свои роли, и затем *волки* (так их называл Бонивар) дождались удобного случая, чтобы напасть на собак.⁹⁴

Пока они готовились в Турине сокрушить свободу, другие готовились в Женеве сражаться и умереть за нее. Обе стороны взялись за оружие: борьба не могла не быть серьезной, а вопрос важным для Женевы и общества. Двое друзей особенно не упускали из виду приближающуюся борьбу. Бертелье склонялся к возрождению Женевы из демократических побуждений; Бонивар - из любви к знаниям, философии и свету. Сидя друг напротив друга в монастыре Святого Виктора, за бокалом местного мягкого игристого вина, они беседовали о новых временах. Бонивар обладал неопиcуемой привлекательностью для Бертелье. Молодой приор, чей ум был полон изящества, простоты, поэзии, воображения, а также юмора, просыпался вместе с шестнадцатым веком и бросал одушевленный взгляд на природу и окружающий мир. Его стиль отражает его характер: он всегда находил самые сильные, самые язвительные выражения, без малейших оттенков деликатности или околичности. Однако в нем были и возвышенные стороны: он мог с энтузиазмом воспринять идею. Мысль, проходящая через его разум, пробуждала в его душе высокие устремления и придавала его устам красноречие. Но, как правило, мужчины вызывали у него неудовольствие. Хорошо воспитанный джентльмен, острый и изящный остро слов, светский человек, он находил окружающих его горожан вульгарными и не щадил их язвительностью своей сатиры. Когда Бертелье среди шума таверны горячо пожимал руку женевской молодежи и призывал ее участвовать в великой кампании за независимость, Бонивар смущенно отступал и надевал перчатки. "Эти мелкие людишки, - сказал он с некоторым презрением, - любят справедливость только в других; а что касается богатых торговцев, они предпочитают пиры и деньги савойской знати прелестям независимости'. Он был склонен подозревать зло: это была одна из неприятных черт его характера. Даже Безансон Хьюз был в его глазах ничем иным, как гордыней, скрытой под маской гражданина. Бонивар, как и Эразм, смеялся над всеми и вся, кроме двоих: как и он, он любил литературу и еще больше любил свободу. В Женеве он был человеком Возрождения, как Кальвин был человеком Реформации. Он преодолел свои антипатии, сел за стол с молодыми женевцами, поделился блестящими мыслями в их беседах и зажег в их понимании свет, который никогда не должен был погаснуть. Легкомысленный и серьезный, дружелюбный и ласковый, прилежный и легкомысленный, Бонивар нападал на старое общество, но новое ему не нравилось. Он бичевал чудовищные поступки монахов, но был встревожен суровыми доктринами Реформации. Он хотел радостно похоронить прошлое, но не знал, какое будущее установить на его месте.

Бертелье, который воображал, что знает, объяснил свои планы друзьям на их привычном языке. Свободе итальянских республик — эгоистичной свободе, полной раздоров и фракций, — пришел конец; более благородной, более жизненной, более прочной свободе было суждено появиться. Но ни политик Бертелье, ни эстет Бонивар не думали о новом элементе, который в новые времена должен был дать жизнь современным свободам: этим элементом была сильная вера, это был авторитет Бога, вознесенный ввысь, которому было суждено консолидировать общество после великого землетрясения, через которое ему предстояло пройти. После Бертелье республиканца, после Бонивара классика должен был появиться другой человек, *tertium genus*, третий вид, как говорили в то время, когда язычество и иудаизм исчезли раньше Евангелия. Христианский герой, смело стоящий над вулканом народных страстей, был призван посреди конвульсий папизма заложить в Женеве основы просвещенного общества, непреклонной морали, нестигаемой веры и таким образом спасти дело свободы. Труд

Кальвина, таким образом, следующий за трудами Бертелье и Бонивара, без сомнения, представляет собой очень странное сопоставление; но три столетия показали его необходимость. Реформация необходима для освобождения наций.

Бертелье, Бонивар и их друзья перевели взгляд в другую сторону. 'Покончим с банкетами и танцами,' сказал Бертелье своему другу. 'мы должны организовать "молодую Женеву" в лигу обороны'. 'Да, давайте двинемся вперед,' ответил Бонивар, 'и Бог даст хороший исход нашему смелому предприятию!'... Бертелье протянул руку. "Товарищ, - сказал он, - твою руку".⁹⁵ Затем, держа руку Бонивара в своей, он был тронут глубоким волнением: по его лицу пробежала тень, и он добавил: 'Но знай, что ради свободы Женевы ты потеряешь своего благодетеля и меня... Я потеряю голову'. 'Он говорил мне это сто раз', - добавил приор Сен-Виктора, который передал нам этот разговор. Мрачное предчувствие сбылось слишком быстро.

ГЛАВА VII.

СОБРАНИЕ, АГИТАЦИЯ И КОМЕДИЯ ПАТРИОТОВ. (1516-1517 гг.)

Без промедления Бертелье приступил к работе, которой поклялся посвятить свою жизнь. Желая тщательно подготовить его, он пригласил самого пылкого из молодых женевцев посоветоваться с ним о спасении страны. Он не выбрал для этой встречи какое-нибудь уединенное поле над берегами озера, как Грютли: ему предстояло иметь дело с жителями города, а не с детьми гор. Поэтому он занял зал на главной площади города, площади Молар, которая в то время почти омывалась водами реки, и назначил время для собрания, когда на улицах было больше всего народу. Однажды в сумерках, вероятно, в 1516 году (трудно точно установить дату этой важной встречи⁹⁶), Бертелье, а затем еще несколько патриотов отправились в Молар: они пришли с улиц дю Рон, ла Рив и Сите; те, кто пришел из верхней части города, прошли по улице дю Перрон. По дороге они беседовали о тирании епископа и заговорах принцев Савойских. Одним из тех, кто, по-видимому, оказал наибольшее влияние, был Амадей де Джойе, сын выдающихся, честных родителей, которые воспитали его в добродетели. Общественный деятель, назвав его 'веселым парнем', добавил, что он был честен и прямолинейен и имел связи со всеми хорошими людьми города: он выполнял почетную работу аптекаря и всегда пользовался хорошей репутацией в своем бизнесе. Недалеко от него находился Эндрю Навис: в сыне прокурора-фискале произошла перемена. Дело свободы озарило его пылкую душу во всей своей красоте: в нем он воображал, что нашел неведомое благо, которого так страстно искал; его воображение было воспламенено, сердце тронuto, и, оставив савойскую партию, одним из вождей которой был его отец, он со всей своей природной стремительностью перешел на сторону независимости. Его сопровождал один из его друзей, Джон Бидерман по фамилии Бланше, молодой человек лет двадцати четырех. Полный природного остроумия, не любящий работу, очень любящий веселье, Бланше 'бегал взад-вперед', узнавал все новости, повторял их наугад и вмешивался в чужие дела. Однако в глубине души у него было чувствительное сердце, и тирания епископа раздражала его. Бертелье, прибывший одним из первых, внимательно оглядел молодых людей и серьезных мужчин, присоединившихся к ним, и испытал чувство счастья при виде этого. В нем было существо, стоящее выше безумия банкетов. Повседневная рутина, мелкие страсти, вульгарность ума, жизнь такой, какой он ее знал до сих пор, утомили его. Наконец-то перед ним было собрание, собранное во имя благородного дела независимости; и по этой причине он с любовью пожимал руку всем желающим. В этот момент

в старой церкви Магдалины зазвонил колокол к вечерне, и его отчетливо слышали в Моларде. Вместе с Бертелье присутствовало около пятидесяти горожан — небольшое собрание, но все же более многочисленное, чем собрание Вальтера Фюрста и его друзей. Кроме того, разве все благородные сердца в Женеве не бились в согласии с сердцами пятидесяти патриотов?⁹⁷

Они собрались в кружок вокруг Бертелье и стояли молча; героический гражданин напомнил им, что с самых давних времен Женева была свободной, но что в течение одного или двух столетий принцы Савойи пытались поработить ее и что герцог только ждал благоприятного случая, чтобы навязать их стране свой узурпированный суверенитет. Затем, устремив свой благородный взгляд на слушателей, он спросил их, хотят ли они передать своим детям не свободу, а ... рабство? Горожане ответили отрицательно и с тревогой спросили, как можно эффективно сохранить свободы города? 'Как?' - спросил Бертелье. 'Объединившись, забыв о наших личных ссорах, единодушно противодействуя любому нарушению наших прав. У всех нас одинаковые права, давайте же у всех нас будет одно сердце. Если служители епископа поднимут руку на одного из нас, пусть все остальные защищают его своими мечами, ногтями, зубами!'⁹⁸ Затем он воскликнул: "*Кто прикаснется к одному, прикаснется ко всем.*" При этих словах все они подняли руки и сказали: 'Да, да! одно сердце, одно общее дело! Кто коснется одного, коснется всех!' — 'Хорошо, - продолжал Бертелье, ' пусть этот девиз будет названием нашего союза, но давайте будем верны благородному замыслу. Если констебли епископа посадят кого-нибудь из нас в тюрьму, давайте вызволим его из их рук. Если они занимаются преступным вымогательством, давайте разыщем отвратительную добычу даже в их домах. ' И тогда он повторил громким голосом: "*Кто коснется одного, коснется всех!*" И все же среди этого энтузиазма на некоторых лицах можно было разглядеть следы страха. Один горожанин с немалым беспокойством спросил, что бы они сделали, если бы милорд Женевский с помощью его Высочества напал на город с сильной армией? 'Ничего не бойтесь, ' резко ответил Бертелье, ' у нас есть хорошие друзья', - и вскоре добавил: 'Я отправлюсь в Швейцарию, приведу туда войска, и тогда... Я сведу счеты с нашими противниками'.⁹⁹

С этого времени консультации и дебаты становились все более частыми: дискуссии происходили в частных семьях, в соборе Святого Виктора, в домах видных горожан, иногда даже в общественных местах: мужчины напоминали друг другу об обычаях и привилегиях Женевы и обещали хранить взаимную верность.

Однажды Бертелье, Бланше и несколько других горожан, собравшихся у Мунье, чтобы поговорить за круглым столом об общих интересах, к несчастью, привели с собой мерзкого и продажного парня, приспешника епископа, по имени Карментран. Они сели, вино разлилось по кругу, и вскоре их головы разгорячились: 'Епископ, ' сказал один из них, - продал Женеву герцогу!' — 'Если он нарушит свою клятву, - сказал другой, - его измена не освободит нас от нашей. Когда государи попирают закон, граждане должны отстаивать его любой ценой'. — "Мы должны сообщить епископу, — добавил Бертелье, — о принятом нами решении защищать нашу независимость". - "Это нелегко, - заметил один из них. - Как мы можем подойти к милорду и осмелиться сказать ему всю правду?" - "Давайте замаскируемся, - возразил он. - Под нашими масками мы можем говорить неприятные вещи.... Давайте устроим *момон* во дворце. *Момон* был ставкой, которую делали маскирующиеся при игре в кости. Пеколат, казалось, не был убежден. 'Предоставьте это мне, ' сказал Бертелье, ' я найду способ поговорить с прелатом'. Карменрант слушал молча; он запечатлел в своей памяти каждое слово великого патриота, готовый дополнить их своими личными интерпретациями. Впоследствии он утверждал, что Бертелье

предлагал посягнуть на жизнь прелата; но было доказано обратное, и даже фарс с *момоном* так и не был осуществлен. Это не имело значения; самая незначительная шутка в то время превращалась в государственную измену.¹⁰⁰

Бертелье был не единственным человеком, за которым епископ велел следить; Бонивар, всегда блиставший остроумием, давал возможности доносчикам. В то время у него были разногласия с епископом по поводу права ловли рыбы в Роне. Однажды, прогуливаясь с Бертелье и другими друзьями, он пожаловался на скупость прелата; а затем, не удержавшись от шутки, сказал со смехом: 'Если я когда-нибудь встречу его возле моего промысла, кто-нибудь из нас поймает уродливую рыбу'. Против него было выдвинуто главное обвинение: он хотел *утопить* епископа. Они ошибались: Бонивар не был вспыльчивым человеком, но он был честолобив и, не желая епископу никакого вреда, втайне стремился к епископству. "Я поеду в Рим, - сказал он одному из своих близких друзей, - и не позволю сбривать бороду, пока не стану епископом Женевы".

Туринский суд не забыл знаменитое решение кардиналов. Несколько легких слов было недостаточно, чтобы доказать священной коллегии, что народ Женевы взбунтовался; *эмигрант* (как называли это савояры) снабдил эту партию оружием, которого они добивались.

5 июня 1517 года по всему городу ходили только разговоры о муле мессира Гро, который был мертв. Этот мул был хорошо известен, поскольку судья ездил на нем всякий раз, когда проводил судебные расследования. Люди серьезно обсуждали на улицах и за столами причину смерти этого знаменитого животного. "Это Адриан из Мальвенды, - говорили одни, - тот испанец, отец которого был родом из Валенс-ла-Гранде, который, поссорившись с судьей на званом обеде, подрезал животному сухожилия". "Нет, - говорили другие, - несколько молодых женеццев, встретивших судью верхом на его муле и желавших напугать его, закричали и обнажили мечи; его слуги тоже обнажили мечи, и один из них неловко ранил мула, так что он умер".¹⁰¹

Мессир Клод Гро, или Гросси, судья трех замков (Пеней, Тьез и Жюсси) был одним из тех суровых судей, которых ненавидит весь народ. Они связали его в этом отношении с финансовым прокурором Питером Нависом; и Бертелье, Де Люн и Де ла Туа часто угрожали им обоим местью патриотов. Их ненависть к этим двум магистратам была такова, что от нее пострадал даже Эндрю Навис. Напрасно он отдал себя всей душой партии свободы; к нему относились с недоверием, и люди спрашивали, может ли быть что-нибудь хорошее от дома прокурора-фискала. Совсем недавно у Эндрю был спор с Джоном Конодом на эту тему. Молодые люди, однако, помирились, и вечером того же дня, когда умер мул, Конод устроил ужин для Нависа и тридцати 'детей Женевы'. Это было название, которое они давали молодым людям, достигшим возраста, когда можно было носить оружие. В тот вечер, однако, к ним присоединились несколько граждан более зрелого возраста: среди них были Бертелье, Ж. де Люн, Э. де ла Мар, Ж. де ла Порт, Ж. де ла Той и Ж. Пеколат. 'Господа,' сказал Бертелье после ужина, 'эта веселая компания давно не развлекалась'. Все согласились. Бертелье получал удовольствие от того, что бросал вызов своим врагам, не заботясь о последствиях. 'Мул уважаемого Клода Гросси мертв, - продолжал он. - этот судья - негодяй, постоянно преследующий нас и наших друзей. Давайте сыграем с ним злую шутку: продадим шкуру его мула с аукциона тому, кто предложит самую высокую цену'. Предложение было принято путем аккламации. Двое или трое, однако, по-видимому, хотели отказаться: 'Пусть каждый идет под барабан под страхом быть оштрафованным на золотую крону', - сказал Бертелье. - Согласен, согласен!' закричал самый легкомысленный из присутствующих. При каждом Дворе и даже в

домах многих вельмож было принято держать *дураков*, которые имели привилегию безнаказанно говорить самую смелую правду. У аббата Бонмона был некто по имени мастер Литтлджон Смоллфут. Бертелье, желая довести розыгрыш до конца, послал за Литтлджоном. 'Вот, - сказал он, - вот прокламация, чтобы вы кричали на улицах. Вперед!' Все вышли с обнаженными мечами и во главе с барабанщиком двинулись по улицам, останавливаясь в каждом месте, где производились обычные публикации. После барабанной дроби мастер Литтлджон протрубил в рожок и прокричал своим скрипучим голосом: "О да, это для того, чтобы уведомить, что всякий, кто пожелает купить шкуру зверя, самого *грубого* осла в Женеве, и зайдет в дом, расположенный между домом зрителя и Ратушей, будет продан тому, кто больше заплатит". "Разве не там живет судья *Гро*?" - спросил случайный прохожий. "Да, это он - *грубый* осел", - ответил другой. Общий взрыв смеха последовал за этим заявлением. Эндрю Навис, в частности, участвовал в самых шумных демонстрациях; он стремился показать, что он такой же хороший патриот, как и все остальные.

Однако старейшим из патриотов было не по себе: старший Левье считал, что они движутся слишком быстро. "Ах, - сказал он, - эти молодые люди сыграют с нами в хорошенькую игру!" "Несомненно, - злобно добавляли другие, - у этого Бертелье исключительный талант затевать ссоры". [102](#) Шутка продолжалась большую часть ночи.

На следующий день судья трех замков поспешил подать жалобу видаме и епископальному совету. Видаме потребовал арестовать виновных, которые исчезли. Будучи вызваны звуком трубы явиться в замок Иль под страхом штрафа в сто крон, они вышли из своих укрытий, и Бертелье подал иск против видама за то, что тот угрожал ему и его друзьям штрафом, который не был санкционирован законом. Сторонники Савойи были еще более раздражены. 'Существует заговор против милорда, князя-епископа Женевы, - восклицали они. 'он один имеет право делать прокламации'. Они писали письмо за письмом в Турин и превратили дурацкую шутку в государственную измену. [103](#)

Принцы Савойи считали, что это беспорядок, которым они могут воспользоваться. В своих наследственных владениях Карл слыл нерешительным в принятии решений и слабохарактерным в исполнении; но всякий раз, когда дело касалось Женевы, он отваживался на смелые меры. Он отдал приказ об отъезде своему двору; взял с собой одного из самых образованных дипломатов того времени, Клода де Сейсселя, который, как он думал, ему понадобится в важных делах, которые предстояло решить, и прибыл в Женеву. Видам, все еще раздраженный историей с мулом, немедленно засвидетельствовал герцогу свое почтение и описал ситуацию в самых мрачных красках. "Вы видите, - сказал Карл своим советникам, - граждане Женевы взбунтовались: нужен *пастырь посильнее епископа*, чтобы вернуть их к исполнению долга'. Но Сейссел был человеком большого ума; он не был новичком ни в управлении государством, ни в истории; он изучал Фукидида, Аппиана, Диодора и Ксенофонта и даже перевел их на французский. Он более подробно разузнал об этом деле и узнал, что объявление было распространено настоятелем "Бонмонского шута" и что это был тот самый парень, который обычно распевал на улицах все шуточные песенки, созданные женевцами в сатирической манере. Дипломат улыбнулся. 'Эта история с мулом - просто розыгрыш, - сказал он герцогу. - Вы знаете, что дураки имеют привилегию говорить и делать все, что угодно; а что касается шайки остряков, окруживших шута, не позволяйте нам превращать этих молодых людей в Цетеги и Катилина. Кардиналы никогда не согласятся отдать нам временную власть в Женеве за такую глупость. Это было бы слишком, мой господин, для первого удара; мы должны

подниматься к вершине суверенитета более короткими шагами. Однако эта история не будет для нас совсем бесполезной; мы воспользуемся ею, чтобы посеять раздор среди наших врагов. ' В конце концов, способный Сейссель пришел к соглашению с епископом, и последний вызвал к себе тех из 'банды', то есть женевских детей, которых он считал наиболее сговорчивыми. 'Вы ничего не добьетесь, - сказал им Клод де Сейссель, - следуя за множеством бунтовщиков и мятежников. Сделав это заявление, вы совершили противоправный поступок и могли бы справедливо понести телесное наказание; но епископ - добрый монарх, склонный к милосердию; он простит всех вас, кроме Бертелье и его сообщников. Он даже даст вам должность, места и пенсии ... только не общайтесь больше с мятежными людьми. ' Многие, обрадованные тем, что выбрались из передраги, сердечно благодарили Сейсселя и обещали, что их больше не увидят среди недовольных. [104](#) Бастард проявил себя более сурово по отношению к сыну своего прокуратора-фискала: бравады Эндрю Нависа во время объявления о муле вызвали весь гнев прелата. Казалось бы, бедный отец не осмелился заступиться за своего блудного сына; один из его друзей добился его помилования, но только после того, как Навис пообещал исправиться. Он вернулся в кабинет своего отца, и можно было видеть, как он постоянно изучает законы и акты казначейства.

Этот маневр удался, и партия независимых была таким образом ослаблена, что епископ, герцог и их друзья решили, что ее главу следует убрать: этой главой был Бертелье. Однако избавиться от него было нелегко: он был членом совета, на которого в Женеве смотрели с уважением, и обладал мастерством и энергией, которые сводили на нет все их попытки. 'Чтобы поймать эту большую куропатку, ' сказал епископ, - мы должны сначала поймать маленькую птичку-подсадную утку'. Совет показался мне превосходным. Соответственно, принц решил поймать какого-нибудь друга Бертелье, менее грозного, чем он сам, который своими показаниями (поскольку *отвопроса* не было бы избавлено) скомпрометировал бы лучших граждан Женевы. Приманка своей песней заманивала крупных птиц в расставленные для их поимки сети. [105](#)

ГЛАВА VIII.

ПЕКОЛАТ ПОДВЕРГНУТ ПЫТКАМ, А БЕРТЕЛЬЕ ОБВИНЕН. (1517 г.)

Одним из лучших патриотов Женевы был Джон Пекола, с которым мы уже встречались на ужине у мула. У него не было силы характера Бертелье, но у него был дух. Подверженный попеременно энтузиазму и страху, временами предаваясь самым смелым поступкам или самой преступной слабости, подверженный самой черной меланхолии или приступам самого безумного юмора, Пеколат был одновременно героем и шутком. Его социальное положение предполагало те же контрасты. Один из его предков был синдиком в 1409 году, другой - советником в 1474 году; в 1508 году его отец выполнял высшие функции в государстве, и он сам был одним из членов Совета Пятидесяти; он был хорошо образован, понимал латынь и все же по профессии был чулочником. Это правда, что в наше время мы часто находим трейдеров, занимающих самые высокие посты; это одна из особенностей демократических манер; и мы встречаемся с примерами этого в современном обществе. Несчастный случай, лишивший его возможности пользоваться правой рукой, вынудивший его бросить свое дело, довел его до нищеты и поначалу поверг в глубокое уныние. Однако это длилось недолго, и в Женеве не было человека, у которого были бы такие приступы веселья. На банкете никто не был громче Пеколата; он

смеялся и шутил; каламбур следовал за каламбуром, быстро сменяя друг друга. "Какие счастливые вещи приходят ему в голову!" - говорили все, и "именно эти счастливые вещи, - добавляет хронист, - дали ему доступ к хорошим столам".¹⁰⁶ Когда он вошел в зал, его встретили искренним и сердечным приветствием, энтузиазмом, смешанным со смехом. Но едва Пеколат покинул своих друзей, как мрачные мысли закрались ему в голову. Сидя в своей тесной комнатке, он думал о своей искалеченной руке, о своей нужде, о своей зависимой жизни; он часто думал также о свободах Женевы, которые, на его глазах, были принесены в жертву; и этот странный человек, заставлявший смеяться весь город, заливался слезами. Вскоре Пеколат скомпрометировал себя таким образом, что стал поставлять оружие против патриотов Женевы.

Епископ Морьенский, регент кафедрального собора и каноник Женевы, у которого был иск против епископа, в то время находился в городе и 'угощал' горожан. Однажды, пригласив нескольких своих друзей, и среди прочих своего коллегу аббата Бонмона, который всегда был недоволен епископом за то, что тот лишил его епархии, он пригласил и Пеколата. Во время ужина оба прелата разыгрались в гневе против бастарда Савойского: каждый пытался, кто мог, наиболее ожесточенно напасть на него, и действительно, он дал им достойный отпор. Пеколат начал поступать так же, как и остальные, и раздражаться своими обычными эпиграммами в адрес бастарда. Жалобам Морьенны не было конца. "Прошу вас, милорд, - сказал Пеколат, - не огорчайтесь из-за несправедливости епископа: *non videbit dies Petri*: он не проживет так долго, как святой Петр!" Это была поговорка, которую они имели обыкновение применять к папам во время их коронации; и Пеколат хотел сказать, что епископ, который, как всем было известно, страдал неизлечимой болезнью, долго не проживет. Двое савояров, креатуры герцога и епископа, которые были в этой компании, немедленно отправились и повторили эти слова бастарду. 'За роскошными столами,' сказал приор Святого Виктора, который, вероятно, был одним из гостей, - всегда найдутся обжоры, подбиравшие слова, которые принесут им еще один обед'. Епископальный суд пришел к выводу из латинской пословицы, что независимые составили заговор против епископа, и что Пеколат объявил о скорой смерти прелата. Однако этой речи было недостаточно, чтобы отдать его под суд: они ждали какого-нибудь действия, которое послужило бы предлогом для обвинения в убийстве.¹⁰⁷

Вскоре представилась такая возможность. Вскоре после этого герцог, пересекший горы, чтобы засвидетельствовать свое почтение королеве Бретани Клод, на которой Франциск I только что женился и которая в то время находилась в Лионе, пригласил епископа приехать и навестить его в этом городе. Бастард немедленно отправился в путь: его управляющий заказал несколько рыбных паштетов в качестве провизии в дорогу, и поставщик, то ли от спешки, то ли из желания получить большую прибыль, использовал рыбу, которая хранилась слишком долго. Епископ не прикасался к ним, но некоторые из его людей, отведав их, заболели; утверждалось, что один из них умер. Этот ублюдок, чья совесть была не из самых легких, повсюду видел убийцу; и хотя в деле с пирожками не было ничего, кроме самого естественного, он думал или казалось, что думал, что это была попытка отравления. Некоторым савоярам пришла в голову мысль, что они могли бы использовать эту историю, чтобы обвинить Пеколата и показать кардиналам, что подданные князя-епископа сговорились против него.

Пеколат имел так мало общего с кухней милорда, что поначалу видам отказался возбуждать уголовное дело; но после того, как произошла история с мулом мессира Гро, которая сильно разозлила судей, они больше не колебались. Пеколат был одним из тех, кто кричал "Шкура грубого зверя!" 27 июля 1517 года, когда на него был выдан ордер.

Необходимо было арестовать Пеколата; но это было нелегко, поскольку члены общества, *которые трогают одного, трогают всех*, без сомнения, встали бы на его защиту. Было решено тщательно уладить это дело. Сначала они увезут самых решительных молодых людей из Женевы; затем заманят Пеколата в какое-нибудь уединенное место; и, наконец, поскольку они не знали, что может случиться, епископ должен уехать и поселиться в каком-нибудь замке, недоступном женеvцам. Эта тройная уловка была немедленно приведена в исполнение. Граф Женевуа, игравший роль веселого хозяина, организовал грандиозную охоту на диких зверей, назначив встречу в Вуаше, в двух лье к западу от Женевы; он пригласил аббата Бонмона, Бонивара и многих молодых людей города, чьи имена были занесены в *черную книгу*, то есть от которых они хотели избавиться. Во время этого радостного компании была охота с гончей и рога у подножия горы Мон-Салев, епископ, желающих насладиться свежим воздухом (это было сказано) были отремонтированы, в сопровождении нескольких джентльменов, чтобы его замок Thiez между горами моль, Voiron, и Reposoir, по дороге в Мон-Блан, чуть выше места, где Жифр торрент присоединяется к Арве. В то же время некто Мауле, секретный агент vidame, пригласил Пеколата прогуляться с ним в Прессинг, деревню, расположенную между озером и Вуаронами, где у одного из них была какая-то собственность. Десять всадников, выехавших из замка Тьез, устроили засаду. Они окружили двух пешеходов, связали и доставили их в замок, где епископ, освободив искусителя, бросил Пеколата в тюрьму. Когда весть об этом предательстве достигла Женевы, раздражение было направлено против Моле еще больше, чем против епископа. Предатель, который, по-видимому, вел распутный образ жизни, был осыпан народными проклятиями. "Пусть рак съест Мауле!" - кричали они; и это высказывание впоследствии стало пословицей, применимой к предателям. ¹⁰⁸

Однако он так хорошо сыграл свою роль, что заключенный Пеколат разозлился не на него, а на своего самого близкого друга Бертелье. Его охватил черный припадок. Он сказал себе, что, хотя это человек с самым безобидным характером, ему, похоже, суждено искупить ошибки всей своей компании. В чем они могли его упрекнуть? Просто шутки и смех.... Бертелье был настоящим заговорщиком, и он был на свободе.... 3 апреля Пеколата вывели из темницы, в которую он был брошен, и отвели на самый верх замка, под крышу. Епископ приказал 'допросить его и заставить говорить правду', а комната пыток находилась на верхнем этаже замка. После обычных предварительных процедур начался допрос. Заговор "*невидибита*" и "соленой рыбы" был слишком абсурден; г-н де Туар, следовательно, мало на нем останавливался и особенно старался (поскольку это было целью ареста) добиться таких признаний, которые погубили бы Женеву и ее главных граждан. Поскольку Пеколат не заявил ничего такого, что могло бы их обвинить, его привязали за одну руку к веревке, а поскольку он по-прежнему отказывался отвечать, подняли на четыре фута над полом. Бедняга глубоко застонал и, с трудом выговаривая слова, ¹⁰⁹ сказал: 'Будь проклят Бертелье, из-за которого я заперт!' Однако он так и не признался.

На следующий день они прибегли к другому средству. Епископ доставил себе удовольствие держать несчастного на веревке, пока тот был за обедом. Слуги, ходившие взад и вперед в ожидании своего хозяина, сказали Пеколату: 'Ты очень глуп, что позволяешь подвергать себя таким пыткам: признайся во всем. Чем поможет тебе твое молчание? Мол рассказал все; он назвал имя Такого-то ... например, аббата Бонмонта, которого вы хотите сделать своим епископом после того, как сделаете все для моего господина. Все эти ловушки были бесполезны — он не сделал никакого признания. Затем было решено подвергнуть Пеколата более жестоким пыткам: палачи связали ему руки за спиной, а затем натянули веревку так,

чтобы поднять его руки над головой; наконец, они приподняли его на пять или шесть футов от пола, чего было достаточно, чтобы вывихнуть ему плечи. Пеколат ужасно страдал, и он не был Регулусом. 'Подведи меня! подведи! - кричал он. - и я все расскажу'. ... Судьи, обрадованные тем, что наконец-то победили упрямого мятежника, приказали опустить его на землю. Ужас был в его сердце, а черты лица выдавали душевное смятение. Человек, обычно такой веселый и остроумный, сейчас был бледен, испуган, его глаза блуждали, и он воображал себя окруженным голодными собаками. Он сказал все, что они хотели от него услышать. На самые лживые обвинения в адрес благороднейшего из своих друзей он отвечал "Да, да!", и довольные судьи отправили его обратно в темницу. [110](#)

Это не принесло утешения несчастному Пеколату: там его ждали еще более ужасные муки. Мысль о том, что он выступил против своих лучших друзей и даже навлек на себя вину залжесвидетельство, серьезно встревожила его: страх перед Божьим судом превзошел все ужасы, которые причинили ему люди. 'Господа, ' сказал он благородному Ф. де Туару и другим, стоявшим вокруг него, ' мои показания были вырваны у меня только под страхом пыток. Если бы я умер в тот момент, я был бы навеки проклят за свою ложь'. [111](#)

Ублюдку, не нравилось находиться в одних стенах со своей жертвой, и он удалился в Сент-Жуар, в двух лье от Тьева, и там внимательно наблюдал за допросом и пытками. Ему это вошло во вкус, и, соответственно, 5 августа он приказал допросить еще одного заключенного. "У меня здесь есть люди, которые говорят много хороших вещей", - писал он в Женеву. [112](#) Этими 'хорошими вещами' были лжесвидетельства, добытые с помощью боли и позволившие заключить в тюрьму невиновных. Террор в Женеве усиливался с каждым днем. Люди сидели по домам, улицы были пустынные: только несколько рабочих можно было увидеть в полях. Бонивар, опасавшийся, и не без основания, что епископ и герцог захотят увезти и его, не покинул собор Святого Виктора. 'Ситуация в таком состоянии, ' сказал он, - что никто не осмеливается въезжать в страну, опасаясь, что с ним будут обращаться как с Пеколатом'. Многие граждане покинули Женеву. Однажды двое друзей случайно встретились в номере гостиницы Сен-Жермен на Юре. 'Куда вы направляетесь?' - спросил один из них, только что приехавший из Лиона. 'Я уезжаю из Женевы', - ответил другой, по имени Дю Буше. 'Они так пытали Пеколата, что его руки остались висеть на веревке, и он умер на дыбе'. Дю Буше добавил: 'Церковь не имеет права предавать людей смерти, милорд Женевский должен будет послать кого-нибудь в Рим, чтобы получить для него отпущение грехов. Говорят, он сильно плачет по этому поводу; но я не верю таким крокодильим слезам!... Я еду в Лион'. [113](#)

Епископу и в голову не приходило оправдываться перед папой: напротив, он думал только о том, как отомстить. *Приманка* была в клетке, а с ней несколько маленьких птичек; теперь он хотел любой ценой поймать большую — Бертелье. Большая часть женевской молодежи была либо сбита с пути, либо впала в уныние; лига, *которая касается одного, затрагивает всех*, была почти распущена в тот момент, когда она должна была быть готова спасти своего основателя. Епископ счел излишним прибегать к хитрости или насилию и просто потребовал от синдиков выдать ему великого агитатора. В восемь часов вечера 28 июля 1517 года совет заседал, когда президент, стоявший на стороне епископа, сказал: "Моему господину угодно, чтобы мы взяли под стражу одного из его подданных, против которого у него есть достаточная информация, которую он сообщит в надлежащее время и в надлежащем месте; и что, когда упомянутый субъект окажется в тюрьме, синдик совершат правосудие, если этого потребует дело". [114](#) При этих словах все посмотрели на место, которое впервые пустовало. Друзья Бертелье были

встревожены; и поскольку епископ избрал законный курс, совет ответил прелату, что они рассмотрят дело обвиняемого при условии, что он, со своей стороны, сохранит свободы Женевы.

Когда члены совета покидали Отель-де-Виль в темноте, они сказали друг другу: 'Это Бертелье'. Друзья, которые у него были среди них, побежали сообщить ему эту новость, заклиная его спастись бегством от мести принца. Бонивар присоединился к их мольбам: "Меч занесен над твоей головой", — сказал он. "Я знаю это, - ответил Бертелье, - да, я знаю, что умру, и я не скорблю об этом". "Право же, - сказал Бонивар, - я никогда не видел и не читал о человеке, который так дешево ценил жизнь". Друзья благородно мыслящего гражданина удвоили свои мольбы. Они сообщили ему, что в Женеве осталось лишь небольшое количество гражданской гвардии, недостаточно обученной владению оружием; ¹¹⁵ что одна часть горожан из страха согласится на заговоры савойской партии, а другая часть будет помогать им. Бертелье все еще сопротивлялся: "Бог, - сказал он, - чудесным образом лишит их власти". ¹¹⁶ Его друзья прибегли к другому аргументу. Как раз в это время в Женеве находились посланцы из Фрибурга; друзья Бертелье умоляли его уехать вместе с ними. 'За пределами Женевы, ' сказали они, - вы послужите городу лучше, чем внутри'. Это соображение решило его. Ночью он отправился в гостиницу Фрибургеров. 'Мы уезжаем завтра, ' сказали они ему. ' Вот ливрейный плащ с гербом Фрибурга; надень его, и в таком виде ты поедешь с нами, как один из государственных наездников. Если вас не узнают у ворот Женевы или на площади Во, вы в безопасности.' Фрибургцы покинули город очень рано: стражник на мгновение задержал на них взгляд, когда они проходили через ворота, но не заподозрил, что с ними был великий республиканец. Он был в безопасности.

На следующий день синдик Нергаз передал послание совета бастарду Савойскому, последний был раздражен, потому что вместо того, чтобы схватить Бертелье, они просто сказали ему, что намерены это сделать. 'Вы имеете в виду дать ему время скрыться?' - спросил он. Совет немедленно распорядился о большой демонстрации силы для ареста лидера либералов. Его друзья, члены совета, которые знали, что он уже далеко в стране, позволили его врагам идти дальше. 'Закройте все городские ворота', - сказали они. "Соберите десятников и десятников; призовите видаме помочь в исполнении закона; пусть синдики лично руководят поисками преступника". ¹¹⁷ 'Браво!' зашептались кто-то в стороне. - Закройте клетку... птица улетела'. Самые рьяные из сторонников епископа поспешили закрыть ворота. Синдики и сборщики десятины отправились в путь, сопровождаемые большим количеством горожан, и все направились к дому Бертелье. Они обыскали каждую комнату, прощупали каждое укрытие, но никого не нашли. Одни были разгневаны, другие смеялись вполголоса; самые буйные, предположив, что он сбежал к кому-то из своих друзей, встали во главе отряда и обыскали каждый дом, который Бертелье имел обыкновение часто посещать. Поскольку шестидневные поиски ни к чему не привели, они были вынуждены удовлетвориться вызовом обвиняемого по звуку трубы. Ни у кого больше не было сомнений в его побеге: либералы были в восторге, но в замке царили гнев и досада.

ГЛАВА IX.

БЕРТЕЛЬЕ ПРИЗЫВАЕТ ШВЕЙЦАРЦЕВ НА ПОМОЩЬ ЖЕНЕВЕ; ГУГЕНОТЫ И МАМЛЮКИ; НАСИЛИЕ ЕПИСКОПА.

Полет Бертелье был больше, чем просто полетом. Он уехал в Швейцарию, и с того дня Швейцария повернулась лицом к Женеве и протянула ей руку.

Переодетый в ливрею швейцара города Фрибурга, верный горожанин беспрепятственно прибыл туда. Никто там не испытывал большей привязанности к Женеве, чем советник Марти, управляющий госпиталем, который благодаря своей энергии, рангу и уму обладал большим влиянием в городе. Бертелье пошел в свой дом, сел у очага и некоторое время оставался печальным, молчаливым и неподвижным. Вот так некогда прославленный римлянин сидел с покрытой головой у очага чужестранца; но Кориолан искал среди вольсков средства уничтожить свою страну, Бертелье искал во Фрибурге средства спасти свою. Великая идея, которая уже давно зародилась в сердцах его самого и некоторых других патриотов, посетила его разум, пока он ехал по территории Водуа. Времена изменились. Длительный заговор Савойи против Женевы был близок к успеху. Упрямый герцог, обещанный епископ, коварный граф — все объединили свои силы, чтобы подорвать независимость города. Только Швейцария, после Бога, может спасти ее от рук савояров. Женева должна стать кантоном или, по крайней мере, союзником Швейцарии. "За это, - сказал Бертелье, - я бы отдал свою голову". Он начал фамильярную беседу с хозяином. Он сказал ему, что прибыл во Фрибург бедным, изгнанным, преследуемым и просителем; не для того, чтобы спасти свою жизнь, а для того, чтобы спасти Женеву; что он приехал умолять Фрибург принять женевцев в гражданство. В то же время он красноречиво описывал бедствия своей страны. Растроганный Марти протянул ему руку, велел набраться мужества и следовать за ним в "аббатства", где собирались гильдии. "Если вы добьетесь их, - сказал он, - ваше дело выиграно".

Женевец и фрибургец немедленно отправились вместе к руководителю этих "аббатств" или клубов. Едва они вошли в зал, как Марти в некотором замешательстве прошептал на ухо своему спутнику: 'Здесь несколько пенсионеров герцога; скройте смысл своих слов, опасаясь, что они помешают нашей работе'. Бертелье понял намек и, насторожившись из-за присутствия своих врагов, заговорил двусмысленным языком, скрывая свои мысли, но так, чтобы о них можно было догадаться. Он говорил о войнах, которые Бургундия вела против Швейцарии, и о Карле Смелом; таким образом он намеревался напомнить им о войне, которую Савойя сейчас вела против Женевы, и о Карле *Добром*. Он намекнул, что швейцарцам следует с недоверием относиться к герцогу Савойскому, какую бы улыбку он им ни демонстрировал. Разве они не разорили его страну во время бургундских войн и разве они до сих пор не оккупировали часть ее? "Ваши предки, — сказал Бертелье, — грабили и опустошали определенные провинции - вы знаете, какие именно, - и в любом случае *другие* не забывают этого.... Если *кто-то* станет хозяином Женевы, он укрепит ее против вас ... но если бы Женева стала вашим союзником, вы могли бы сделать ее своим бастионом против всех принцев и властителей. Все знали, о ком говорил Бертелье. Но если он видел устремленный на него сердитый взгляд какого-нибудь савойского пенсионера, он становился более осторожным, его речь становилась более образной и прерывистой; он говорил тише и "как бы наугад", - сказал Бонивар. Затем, вспомнив Женеву, он воспрянул духом, и его энергичный акцент снова прозвучал во фрибургском соборе. Тогда он забыл всякое благоразумие и, как говорит хронист, громко *пожаловался* на угнетение,

под которым стонал город. Эта речь, вызвавшая бурю неистовства, не должна была остаться бесполезной: красноречивые слова Бертелье были плодотворными мыслями, вложенными в сердца жителей Фрибурга. Подобно тем семенам, которые, принесенные бурей, падают тут и там в Альпах, им было суждено однажды возродить в Женеве древнее дерево ее свобод. [118](#)

Изгнанник желал, чтобы фрибургцы увидели несчастья Женевы собственными глазами и сблизилась с тамошними видными людьми. Если Женева и Фрибург объединятся, думал он, пламя вспыхнет и союз будет скреплен. Он достиг своей цели. Некоторые граждане Фрибурга отправились в путь, прибыли в Женеву и были встречены Безансоном Хьюгом, Ванделем и всеми патриотами. Они обедали иногда с одним, иногда с другим. Они говорили о свободах швейцарцев; они описывали их героическую борьбу, и в этих оживленных беседах сердца растаяли и объединились таким образом, что стали одним целым. Депутаты, будучи принятыми советом, пожаловались на нарушение городских правил и потребовали обеспечить безопасность Бертелье. Трое членов совета немедленно отправились в Сен-Жуар, деревушку в горах, в нескольких лье от Женевы, где бастард случайно остановился в принадлежащем ему там замке. Джону не нравилось, когда его беспокоили в его загородном убежище; однако он отдал приказ допустить магистратов, когда они довольно ясно изложили ему жалобы фрибургцев. 'Что? Я нарушаю правила!' воскликнул он с изумлением. 'Я даже не думал об этом. Охранная грамота для Бертелье ... ему она не нужна. Если он считает себя невиновным, пусть приходит; я хороший принц.... Нет, нет, нет! Нет охранной грамоты!' 12-го августа синдикат передал этот ответ фрибургцам. Швейцарцы были возмущены, и, как будто синдики имели какое-то отношение к этому делу, они упрекнули их: 'Почему даже турки не отказались бы от охранной грамоты, и все же епископ осмеливается это делать! Охранная грамота бесполезна?... Разве Пеколата не схватили несколько дней назад за пределами города? Разве они не подвергли его таким пыткам, что боль вытянула из него все, что они хотели? Горожане в тревоге покинули город; другие заперлись в своих домах. Разве они не всегда доставляют тем или иным неприятности? И все же епископ отказывает Бертелье в охранной грамоте?... Очень хорошо! мы соберем воедино все эти жалобы и проследим за их устранением. Будьте уверены в этом... мы будем рисковать нашими людьми и нашими товарами. Мы придем с такой силой, что захватим губернатора его высочества в Пэй—де—Во, друзей Савойи в вашем городе, а затем... мы поступим с ними так, как вы поступили с нашими друзьями'. - После этого они ушли в сильном гневе, говорится в современных рукописях. [119](#)

Язык фрибургцев, повторяемый из дома в дом, воспламенил все сердца. Союз между Женевой и Швейцарией был, так сказать, заключен до того, как какой-либо публичный акт сделал его официальным и аутентичным. Бертелье предвидел, что Женева найдет в гельветической лиге более мощную защиту, чем у молодых людей, записавшихся под флагом распутства. [120](#) С этого момента медленно сформировалась политическая партия, спокойная, но твердая, которая поставила себя во главе движения и заменила распущенную банду "детей Женевы".

Фрибургские депутаты едва успели покинуть город, как партия герцога обратилась к независимым женецам и, галлицизируя каждый по-своему немецкое слово *Eidesgenossen* (союзники), которое они не могли выговорить, назвала их в честь *эйдгенотов*, *игнотов*, *эйгенотов*, *гугенотов*! Это слово встречается в хрониках того времени, написанных по-разному; [121](#) Мишель Розе, самый уважаемый из этих авторитетов шестнадцатого века, пишет о *гугенотах*; мы принимаем эту форму, потому что это единственная, которая перешла в наш язык. Вполне возможно, что имя гражданина Безансона Хьюга, который стал главным лидером

этой партии, возможно, способствовало предпочтению этой формы перед всеми остальными. В любом случае следует помнить, что до окончания Реформации это прозвище имело чисто политическое значение, ни в коем случае не религиозное, и обозначало просто друзей независимости. Много лет спустя враги протестантов Франции называли их этим именем, желая заклеить их и приписать им иностранное, республиканское и еретическое происхождение. Такова истинная этимология этого слова; было бы очень странно, если бы эти две конфессии, которые на самом деле являются всего лишь одной, играли столь большую роль в шестнадцатом веке, в Женеве и во французском протестантизме, не имея никакой связи друг с другом. Чуть позже, примерно к Рождеству 1518 года, когда дело создания альянса продвинулось более далеко, его использование стало более распространенным. Не успели приверженцы герцога произнести это прозвище, как их противники, отплатив им их же монетой, крикнули: 'Придержите свои языки, мамелюки!... Как мамелюки отреклись от Христа, чтобы последовать за Магометом, так и вы отрицаете свободу и общественное дело, чтобы подчинить себя тирании'.¹²² Во главе этих мамелюков стояли около сорока богатых торговцев, людей достаточно добрых в душе, несмотря на свое прозвище, но они были деловыми людьми, которые боялись, что беспорядки уменьшат их доходы. Термин "мамелюки" привел их в сильное возбуждение: 'Да, - продолжали гугеноты, ' султан Селим победил мамелюков в прошлом году в Египте; но, по-видимому, эти рабы, изгнанные из Каира, нашли убежище в Женеве. Однако, если вам не нравится это имя ... останьтесь, поскольку вы предаете Женеву из-за жадности, мы будем называть вас Иудами!'"¹²³

Пока город был таким образом взбудоражен, епископ, гордый тем, что замучил несчастного Пеколата, удалился из Сен-Жуара в Тонон. Он никогда не испытывал такого удовольствия от того, что давал почувствовать свою власть, и был в восторге от этого, ибо, хотя и раболепствовал перед герцогом, в нем были некоторые черты тирана. Он заставил кое-кого трепетать! ... и поэтому он считал ловушку, расставленную Пеколату, славным делом и желал насладиться своим триумфом в столице Шабле. В то же время он повторял каждому, кто соглашался его слушать, что не вернется в Женеву: "Они убьют меня", - сказал он. Женевцы, добросовестно подчиняясь установленному порядку, решили продемонстрировать свою лояльность заметным образом. В то время в Женеве жил уважаемый всеми старик Пьер д'Орсьер, семья которого владела поместьем с таким названием в Вале, по дороге к перевалу Сен-Бернар. Сорок лет назад (в 1477 году) он был одним из заложников, переданных швейцарцам; с тех пор его шесть раз избирали главным магистратом государства. Его сын Хьюгонин был сделан каноником из уважения к своему отцу; но он был фанатичным священником и в последующие дни самым враждебным из всего духовенства к Реформации. Совет решил послать торжественную делегацию к епископу и поставил орсьерского синдика во главе ее.

Возможно, их желание казаться лояльными подданными зашло слишком далеко, и этим добрым женевам предстояло узнать, чего стоит льстить тирану. Бастард решил одержать новые победы. Измученный болезнью, он нуждался в развлечении; страдания его врагов доставляли ему определенное удовольствие — в его стиле это было сочувствие. Он питал смертельную ненависть ко всем женевам, даже к самым большим католикам: представилась возможность удовлетворить ее. Когда депутация предстала перед ним и проявила всяческое уважение, он устремил свои налитые кровью глаза на благородного старика, чья седая голова смиренно склонилась перед ним, и приказал схватить его, увести с глаз долой и бросить в темницу. Если раньше он гордился своими подвигами против Пеколата чулочника, то теперь еще больше гордился тем, что одним смелым ударом устранил с дороги человека, чья семья

блистала на первом месте и которого его сограждане наделили священным званием посла. Когда весть об этом безобразии достигла Женевы, весь город (гугеноты и мамелюки) закричал. Человек, самый уважаемый во всем штате, был схвачен как преступник в тот самый момент, когда он давал епископу доказательства самой преданной верности. Они не сомневались, что это преступление послужит сигналом к нападению на город; горожане немедленно схватились за оружие, натянули цепи поперек улиц и заперли ворота. [124](#)

Герцог был недоволен этими ошибками епископа, и они обрушились на него в трудный момент. Карл III, слабый и непостоянный принц, в то время склонялся на сторону императора и вызвал неудовольствие своего племянника Франциска I, который, казалось, был склонен преподать ему суровый урок. Более того, действия фрибургцев встревожили его, поскольку Женева была бы потеряна для Савойи, если бы швейцарцы взялись за ее дело. Свобода, до сих пор оттесненная к Германским Альпам, водрузит свое знамя в этом городе на Лемане и воздвигнет платформу, с которой она будет воздействовать на все население, говорящее на французском языке. Самые искусные политики Савойи - Сейссель, который только что был назначен архиепископом Турина, и Юстас Шапюи, который досконально разбирался во взаимных отношениях государств и которого Карл V впоследствии использовал в своих переговорах с Генрихом VIII, — объяснили герцогу, что он должен любой ценой позаботиться о том, чтобы не оттолкнуть швейцарцев. Перепуганный Карл III согласился на все, и Шапюи был уполномочен исправить ошибки, допущенные епископом.

Этот образованный дипломат ясно видел, что главное - по возможности воздвигнуть непреодолимый барьер между швейцарцами и женевцами. Он обдумал, как это осуществить, и, решив показать себя добрым и беззлобным, отправился в Женеву. Благодаря вмешательству герцога он был назначен чиновником епископального суда; в этом качестве он был приведен к присяге перед синдиками; затем он применил все свое мастерство, чтобы оттолкнуть женевцев от швейцарцев и присоединить их к савойскому дому; но его прекрасные слова не многих обратили в свою веру. 'Герцог, ' сказал приор Сен-Виктора, - видя, что его кошки не поймали ни одной крысы, посылает к нам ловчайшего из мышеловов'. Чаппюи немедленно отправился во Фрибург, где начал *практиковаться* на пенсионерах. 'Ха!' сказали они. 'Бертелье - пример того, на что способны принцы Савойи'. Дипломат не остановился ни перед чем: он позвонил беглецу и умолял его вернуться в Женеву, обещая ему помилование. 'Помилование! — воскликнул надменный гражданин. - Помилование касается не хороших людей, а преступников. Я требую отпущения грехов, если я невиновен, и наказания, если я виновен". [125](#)

Твердость Бертелье парализовала все усилия дипломата, и было решено, что герцог сам посетит Швейцарию. Сделав вид, что уехал по делам в Женеву и Лозанну, Карл III прибыл во Фрибург и Берн. Он попытался привлечь на свою сторону кантонистов, убедил их отговорить короля Франции от войны с ним, возобновил свой союз с Лигой, и когда они пожаловались на тиранию его кузена епископа, на незаконный арест Пеколата и изгнание Бертелье, он дал им самые честные обещания. [126](#)

Но он не принимал во внимание своего хозяина: епископ, обладавший более подлым характером, чем герцог, обладал и более упрямым характером. Поскольку его прославленный кузен посетил Швейцарию, его долгом было быть там, чтобы принять его; соответственно, он вернулся в Женеву, и поскольку некоторые разумные люди дали ему понять, насколько глубоко он был скомпрометирован арестом Д'Орсьера, он отпустил доброго старика на свободу. Если он

соглашался уступить в этом пункте, то был полон решимости не уступать и в других. Когда синдики пожаловались ему на нарушения, совершенные в городе и за его пределами, заявив, что граждане были арестованы без причины, и к тому же не судебными приставами, а — что беспрецедентно — его собственными лучниками, прелат остался глух; он отвернул голову, посмотрел на то, что происходило вокруг, и отпустил магистратов так вежливо, как только мог. Соответственно, когда герцог вернулся из Фрибурга, синдики изложили ему все свои претензии: 'Епископ нарушает наши привилегии. Гражданин не может быть арестован за пределами нашей страны, и все же Пеколат был задержан в Прессинге. Все уголовные дела подпадают под юрисдикцию синдиката, однако Пеколата судили чиновники епископальной церкви.' После чего епископ и герцог, желая создать видимость того, что они доставляют хоть какое-то удовлетворение швейцарцам и женевцам, перевели Пеколата из его тюрьмы в Тьеze в Женеву и заперли его в замке Иль. Но ни герцог, ни епископ и не думали отпускать его; будет ли у них когда-нибудь лучшая возможность показать кардиналам, что жизнь епископа в опасности? Но если Пеколат предстанет перед синдиками, своими судьями, будет ли он осужден? Друзья герцога покачали головами. "Один из них, старший Леврие, неисправимый маразматик, - говорили они, - скорее сядет в тюрьму, как в 1506 году, чем уступит дорогу; другой, Ришарде, вспыльчивый малый, разгневается и, возможно, обнажит меч; а Порраль, шутник, как и его старший брат, отвернется и посмеется над мамлюками!"

ГЛАВА X. НОВЫЕ ПЫТКИ, ОТЧАЯНИЕ ПЕКОЛАТА И ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ.

Осуждение Пеколата стало главной задачей туринского суда в его отношениях с Женевой. Архиепископ Сейссель, который в то время обладал большим влиянием, не был сторонником деспотизма: он одобрял ограничение королевской власти, но ненавидел республики и хотел воспользоваться процессом Пеколата, чтобы сокрушить дух свободы, который проявлял так много энергии в Женеве и который мог распространиться дальше. Чувствуя важность этого дела для борьбы с влиянием гугенотов, архиепископ решил, если возможно, увести женевца от его естественных судей и прибегнул к уловке, недостойной столь великого государственного деятеля. Он доказывал, что государственная измена, преступление, в котором обвинялся Пеколат, не входило в число тех, которые подпадают под действие конституции города, и что, следовательно, ответственность за это принадлежала принцу; но он не мог добиться успеха. "У нас есть полномочия, - ответили синдики, - рассматривать каждое уголовное дело". Все, чего смог добиться Сейссел, - это чтобы епископ назначил делегатов, которые присутствовали бы в суде и высказывали свое мнение, но не голосовали.¹²⁷

Судьи встретились в замке Иль 10 декабря 1517 года; их окружали адвокаты герцога и епископа, губернатор Во и другие сторонники Савойи. Среди шести советников, которые должны были заседать с синдиками (таким образом, судей было десять), было несколько убежденных сторонников герцога, на которых епископ мог положиться в вынесении обвинительного приговора. Видаме привел бедного Пеколата, все еще страдающего. Вид синдиков — старшего Левье, Ришарде и Порраля — придавал ему мужества: он знал, что они были простыми людьми и врагами епископального деспотизма. 'Признания, которые я сделал в Тизе, ' сказал он, - были вырваны у меня пытками: судья продиктовал слова, и я повторил их за ним. Я знал, что если я не скажу то, чего они хотят, они сломают мне руки и искалечат меня навсегда".¹²⁸

После этого заявления начался допрос: ясность ответов Пеколата, его мягкость и прямота показали всем присутствующим, что перед ними невинный человек, которого могущественные князья хотели уничтожить. Синдики заявили, что они обязаны оправдать его, епископ сказал: 'Задайте ему этот вопрос, и вы ясно увидите, что он виновен'. Синдикаты отказались, после чего два принца обвинили их в пристрастности и подозрительности. Таким образом, епископальный совет постановил, что город и епископ должны назначить по четыре судьи каждый — незаконная мера, на которую подчинились синдики.

Новое обследование должно было состояться 20 января 1518 года; но Пеколат, страдавший от прошлых пыток и напуганный предстоящими, серьезно заболел, и к нему пришлось прислать врача. Этот человек согласился на то, чтобы его доставили в суд. Четверо епископальных судей немедленно потребовали допроса, но синдики воспротивились этому, и делегаты епископата начали изучать этот живой труп. Внимательно осмотрев его, они сказали: "Он все еще выдерживает некоторые пытки; его можно подвергнуть *нескольким пыткам*" (таково выражение в отчете). Нергаз встал на сторону савойских врачей, и решение о пытке было принято. Бедный Пеколат задрожал с головы до ног; он знал, что должен выдать всех своих друзей, и проклинал собственную слабость. Они связали ему руки за спиной, показали дыбу и допросили его.... 'Однако они не пытали его, ' продолжается отчет, - учитывая слабость его тела и долгое заключение'. Онидумали, что страха перед дыбой будет достаточно, чтобы заставить его заговорить; они были обмануты; больной — мы могли бы почти назвать его умирающим человеком, хотя и связанный, держа перед собой орудие пытки, отвечал просто и откровенно. Даже судьи епископа были поражены его прямоотой, и двое из них, "имея перед глазами страх Божий", по словам Бонивара, а не страх перед людьми, *прямо* заявили: 'Они причинили зло этому бедняге. *Non invenimus in eo causam*. Мы не находим в нем никакой вины". 129

Это благородное заявление смутило герцога тем более, что у него на уме были другие заботы. Новости из Пьемонта были плохими: каждый день он получал письма, призывающие его вернуться. 'Маркиз Монферратский, ' сказали ему, - совершает серьезные грабежи'. Но упрямый принц был готов потерять свои собственные государства, если бы только мог заполучить Женеву — и потерял их вскоре после этого. Оказавшись на грани раскрытия заговора, рассчитанного на то, чтобы удовлетворить кардиналов, он решил не сдаваться. Его приспешники и приспешники прелата проводили конференцию за конференцией; наконец они нашли средство — дьявольское средство — предать Пеколата смерти. Видя, что народных заседателей невозможно убедить осудить невинного человека, они решили, что его должны судить священники. Чтобы привести этот план в исполнение, необходимо было превратить мирянина — бывшего чулочника, весельчака, присутствовавшего на каждом банкете и на каждом маскараде, — в церковника. Им это удалось. "Чтобы удовлетворить свой аппетит, - сказал Бонивар, - они предъявили поддельное письмо, в котором говорилось, что Пеколат был *рукоположенным клерком* ... и поэтому его дело принадлежало не светскому, а церковному судье'. Мошенничество нашло, или казалось, что нашло признание в официальном мире. 'Соответственно, ' продолжает хроника, ' они перевели его из замка Иль, который был тюрьмой для мирян, во дворец епископа, который был церковным судом, и он снова оказался в руках фарисеев'. Это был ход, достойный знаменитого религиозного ордена, которого еще не существовало, но который вот-вот должен был быть основан для борьбы с Реформацией. Отныне мы не увидим ни малейшего подобия того глупого соображения, той тонкой осмотрительности, к которым прибегали непрофессионалы. Епископ, теперь ставший судьей и участником процесса, "обдумывал, как лучше с ним обращаться'. После того, как несколько

человек заявили, что Пеколат не выдержит пытки, врачи снова осмотрели его бедное тело: одни сказали "да", другие "нет", поэтому судьи решили, что первые были правы, и орудие пытки было подготовлено. Не только героические люди, такие как Бертелье и Леврье, своим смелым противостоянием произволу власти воздвигали тогда здание свободы; но и эти нечестивые судьи, эти князья-тираны, эти жестокие палачи, которые своими колесованиями и дыбами готовили новые, более справедливые времена современного общества. [130](#)

Когда Пеколату сообщили о роковом решении, его страхи возобновились. Перспектива новых пыток, мысль о том, какие обвинения он выдвинет против своих друзей, тревожили его совесть и повергали в отчаяние.... Черты его лица были искажены этим, борода растрепана, глаза измождены: все в нем выражало страдание и ужас. Его хранители, не понимая такого состояния его ума, думали, что в него вселился дьявол. "Бертелье, - говорили они, - великий *чаровник*, в нем есть что-то знакомое. Он очаровал Пеколата, чтобы сделать его нечувствительным к пыткам; как мы ни стараемся, он ничего не скажет. В то время существовало поверье, что *заклинатели* вселяли определенных дьяволов в волосы пациентов. Длинная жесткая борода заключенного встревожила офицеров епископа. Было решено, что Пеколата следует побрить, чтобы изгнать демона. [131](#)

Согласно правилу, они должны были послать за экзорцистом, а не за цирюльником. Облаченный в стихарь и епитрахиль священник должен был осенить Пеколата крестным знаменем, окропить его святой водой и произнести громкие анафемы против злого духа. Но нет, епископ удовлетворился тем, что прислал цирюльника, что было гораздо прозаичнее; возможно, бастард, помимо всех своих прочих пороков, был свободомыслящим. Пришел цирюльник и приготовил бритву. Дьяволом, которого Пеколат боялся, была его собственная трусость. 'Я обвиню своих лучших друзей, - сказал он себе. - Я признаюсь, что Бертелье хотел убить епископа; я скажу все, что они хотят от меня услышать.... И тогда, если я умру на дыбе (что было вполне возможно, учитывая истощение его сил) Я буду навеки проклят за то, что солгал в смертный час.' Эта мысль встревожила его; буря взбудоражила его душу; он уже был в агонии. 'Лучше, ' подумал он, - отрубить руку, ногу или даже язык, чем подвергнуться вечной гибели'. В этот момент цирюльник, намочивший бороду, вышел из комнаты, чтобы вылить воду из таза; Пеколат схватил бритву, которую мужчина оставил на столе рядом с собой, и поднес ее к языку; но моральные и физические силы покинули его, и он сделал лишь порез. Он попытался сделать еще одну попытку, когда вернулся цирюльник, в ужасе набросился на него, выхватил бритву у него из рук и поднял тревогу. Тюремщик, его семья и хирург принца ворвались внутрь и обнаружили Пеколата 'кашляющим и выплевывающим кровь в большом количестве'. Они схватили его и начали останавливать кровь, что было нетрудно сделать. Его язык не был отрезан, как утверждали некоторые; была только глубокая рана. Чиновники герцога и епископа приложили невероятные усилия, чтобы вылечить его, 'не для того, чтобы сделать ему добро, - говорят хроники, - но чтобы в другой раз причинить ему еще большую боль и чтобы он мог использовать свой язык, распевая все, что им заблагорассудится'. Все были сильно поражены этой тайной, о которой много говорили по всему городу. [132](#) Рана Пеколата была перевязана, ублюдок потребовал, чтобы его вздернули на дыбу, но Леврье, будучи убежден, что Пеколат был невинной жертвой незаконного судебного разбирательства, воспротивился этому. Епископ все еще настаивал на необходимости добиться от него признания: "Признание! — ответил судья. - он не может говорить". - "Что ж, - ответил не палач, а епископ, - пусть он *напишет* свой ответ'. Леврье, столь же твердый, когда было необходимо сохранить уважение к человечности, как и послушание закону, заявил, что подобная жестокость не должна применяться перед его

трибуналом. Епископ был вынужден уступить, но он учел это новое нарушение со стороны непокорного судьи. [133](#)

Вся Женева жалела несчастного человека и спрашивала, неужели нет никого, кто вызволил бы его из этого разбойничьего логова? Бонивар, человек, впоследствии лично познавший ужасы тюрьмы, никогда не переставал думать о средствах его спасения. Он любил Пеколата; он часто восхищался его простой натурой, такой импульсивной, такой сильной и в то же время такой слабой, и прежде всего его преданностью делу защиты свобод города. Он чувствовал, что человеческие и божественные права, сострадание к несчастным, его долг по отношению к Женеве ("хотя я и не местный", — сказал он) - все это обязывало его приложить усилия. Он покинул свой монастырь, навестил Эме Леврие и выразил свое желание спасти Пеколата. Леврие объяснил ему, что епископ запретил какие-либо дальнейшие действия и что судьи не могут действовать без его согласия. 'Однако есть одно средство', - добавил он. 'Пусть родственники Пеколата потребуют от меня справедливости; я откажусь, ссылаясь на благоволение принца. Тогда пусть они подадут апелляцию на основании отказа в правосудии [134](#) в столичный суд Вены.' Бонивар, полный воображения, изобретательности, ресурсов, не обращающий внимания на прецеденты и энергичный, немедленно решил попробовать этот курс. Архиепископ Вены (утверждал он), всегда ревновавший к епископу Женевы, был бы рад смирить своего могущественного коллегу. 'У меня есть друзья, родственники и влияние в Савоие, - сказал он. - Я переверну небо и землю, и мы преподадим этому ублюдку хороший урок'. Он вернулся в свой монастырь и послал за двумя братьями Пеколата. Один из них, Стефан, пользовался полным доверием своих сограждан и впоследствии был возведен в высшие чины; но тирания князей встревожила всех: 'Требуйте, чтобы ваш брат предстал перед судом', - сказал Бонивар двум братьям. — 'Нет,' ответили они, 'риск слишком велик'. ... Наконец красноречие Бонивара взяло верх. Не желая оставлять им времени на размышления, он немедленно отвез их в Леврие; прошение, ответ и юридическая апелляция были должным образом поданы; и Стефан Пеколат, который благодаря общению с этими двумя великодушными душами стал храбрым, отбыл во Вьенну в Дофини с теплой рекомендацией настоятеля. Церковь Вьенны с древних времен носила титул святой, *maxima sedes Galliarum*, а ее митрополит был примасом всей Галлии. Этот прелат, обрадованный возможностью дать почувствовать свою власть епископу, который в то время был более могущественен, чем он сам, призвал прокуратора-фискала, епископальный совет и епископа Женевы в течение определенного срока предстать перед судом Вены для вынесения приговора. Тем временем он запретил епископу возбуждать дело против заключенного под страхом отлучения от церкви. 'Теперь мы на правильном пути', - сказал Бонивар Леврие. Но кто мог вручить епископу этот дерзкий вызов? Эти венские указы пользовались таким пренебрежительным уважением у могущественных прелатов Женевы, что было обычным избивать их предъявителей дубинками. Можно было предвидеть, что епископ и герцог испробуют все средства, чтобы аннулировать цитату или побудить архиепископа отозвать ее. Короче говоря, это был необычный случай. Если бы Пеколат был признан невиновным, если бы его показания против Бертелье были признаны ложными, что стало бы с планом Карла III? и Лев X. которому сам епископ так подло потворствовал? Женева останется свободной.... Возникшие трудности не обескуражили Бонивара; он считал, что планы, направленные на порабощение города, были отвратительными, и что, поскольку он хотел жить и умереть там, он должен защищать его. 'И тогда,' добавляет хронист, - командующий Сен-Виктором был скорее смел, чем мудр'. Бонивар принял решение. 'Никто, - сказал он, - не смеет звать кота... тогда я

попытаюсь совершить подвиг"... Но его положение не позволяло ему 'перейти реку в одиночку'. Было необходимо, чтобы епископальный пристав вручил епископу грамоту митрополита. Он начал искать такого человека; и вспомнив о некоем бедном клерке, который прозябал в убогой комнате в городе, он послал за ним, вложил ему в руку две кроны и сказал: 'Вот письмо от митрополита, которое должно быть доставлено епископу. Послезавтра герцог и прелат отправляются в Турин; завтра утром они отправятся слушать мессу в Сен-Пьере; это будет самое позднее время. После этого времени не будет. Передайте этот документ милорду.' Клерк испугался, хотя две кроны сильно соблазняли его; Бонивар надавил на него: 'Хорошо, - сказал бедняга, - я обещаю вручить судебный приказ при условии, что вы поможете мне лично'. Бонивар согласился это сделать.

На следующий день приор и клерк вошли в собор. Принцы присутствовали, окруженные большой помпой: это была торжественная месса, прощальная месса; никто не отсутствовал. Бонивар в качестве каноника занимал почетное место в соборе, которое приближало его к епископу; но он старался не заходить туда и держался на некотором расстоянии позади причетника, чтобы наблюдать за ним; он боялся, как бы бедняга не испугался и не сбежал. Освящение, возвышение, пение, все пышные формы римского богослужения, все великие люди, склоняющиеся перед алтарем, подействовали на воображение незадачливого судебного пристава. Он начал дрожать, а когда месса закончилась и настал момент действовать, "видя, - говорит Бонивар, - что игра ведется всерьез", он потерял мужество, украдкой отполз назад и приготовился убежать. Но Бонивар, наблюдавший за ним, внезапно шагнул вперед, схватил его за воротник и, положив другую руку на кинжал, который он держал под одеждой, прошептал ему на ухо: "Если ты не сдержишь своего обещания, клянусь, я убью тебя". Клерк был напуган почти до смерти, и не без причины, "потому что, - добавляет Бонивар в своих откровенных "Хрониках", - "Я должен был это сделать, чего я не говорю в похвалу; теперь я знаю, что поступил глупо. Но молодость и привязанность увлекли меня. Однако он не убил клерка; он был доволен тем, что крепко держал его за большой палец, и твердой рукой держал его рядом с собой. Несчастный, охваченный ужасом, тщетно пытался убежать: кинжал Бонивара не давал ему двигаться; он был подобен мраморной статуе.¹³⁵

Тем временем герцог, его брат граф и епископ покидали церковь в сопровождении своей великолепной свиты и возвращались в епископский дворец, где должен был состояться грандиозный прием. "Теперь, - сказал Бонивар клерку, - больше никаких проволочек, вы должны выполнить свое поручение", - затем он вложил столичную грамоту в свободную руку и, все еще держа его за большой палец, повел во дворец.

Приблизившись к епископу, энергичный приор отпустил большой палец, который он держал как в тисках, и, указав на прелата, сказал клерку: 'Выполняй свой долг'. Епископ, услышав эти слова, 'сильно испугался, - говорит Бонивар, - и побледнел, думая, что я приказываю убить его'. Трусливый прелат, с тревогой повернувшись к предполагаемому убийце, бросил полный отчаяния взгляд на окружающих. Клерк дрожал так же сильно, как и он; но, встретив грозный взгляд приора и увидев кинжал под его рясой, он упал на колени перед епископом и, поцеловав предписание, вручил его ему со словами: "Мой господин, *inhibitur vobis, prout in copia*".¹³⁶ Затем он сунул документ ему в руку и убежал: 'После этого, ' добавляет приор, 'я удалился в свой монастырь Святого Виктора. Я чувствовал такое детское и глупое высокомерие, что не боялся ни епископа, ни герцога.' У Бонивара больше не было своих кулеврин, но он все же выдержал бы

осаду, если бы потребовалось довести это дело до успешного завершения. Епископ никогда не забывал испуга, который причинил ему Бонивар, и поклялся быть с ним честным.

Это энергичное действие придало смелости другим. Восемьдесят граждан, более или менее замешанных вместе с Пеколатом в деле о тухлой рыбе, — "все честные люди" — предстали перед князьями и потребовали, чтобы, если они с Пеколатом виновны, они были наказаны; но если они невиновны, то это должно быть публично признано. Принцы, положение которых становилось все более трудным, отнюдь не горели желанием иметь на руках восемьдесят дел вместо одного. 'Мы уверены,' ответили они, 'что это отравление придумано некоторыми злыми людьми, и мы смотрим на всех вас как на честных людей. Но что касается Пеколата, он всегда был непослушным парнем; по этой причине мы хотим ненадолго задержать его в тюрьме, чтобы исправить его'. Затем, опасаясь, что он может быть освобожден силой во время их отсутствия, принцы Савойи перевели его в замок Пеней, что противоречило городским привилегиям. Передача произошла 29 января 1518 года.¹³⁷

Раскол в Церкви пришел Пеколату на помощь. Со времен борьбы между Виктором и Поликратом во втором веке, между Киприаном и Стефаном в третьем, разногласия между католическими епископами никогда не прекращались; и особенно в средние века между епископами и их митрополитами часто возникали серьезные разногласия. Архиепископ Вьенский не понимал, что нужно уступать епископу Женевскому, и в тот самый момент, когда тезисы Лютера гремели по всему христианскому миру — в 1517 и 1518 годах, — римская церковь на берегах Роны давала плохую иллюстрацию своего мнимого единства. Митрополит, сочтя его ссылки бесполезными, приказал епископу освободить Пеколата под страхом отлучения от церкви;¹³⁸ но епископские чиновники, оставшиеся в Женеве, только посмеялись, как и их хозяин, над митрополитом и его угрозами.

Друзья Пеколата отнеслись к делу более серьезно. Они опасались за его жизнь. Кто мог сказать, не отдал ли этот ублюдок приказ избавиться от заключенного и не покинул ли Женеву, спасаясь от народного гнева? Эти опасения были небеспочвенны, ибо впоследствии в замке Пеней пришлось принести в жертву не одного честного человека. Стефан Пеколат и несколько друзей его брата ждали в Сен-Викторе; 'Высшая столичная власть приказала освободить Пеколата, - сказали они. - мы немедленно отправимся на его поиски'. Проницательный Бонивар объяснил им, что тюремщики не выдадут его, что замок крепок, и они потерпят неудачу при атаке; что весь народ должен требовать освобождения невинного человека, заключенного епископом в его темнице, несмотря на свободы города и приказы его митрополита. 'Немного терпения,' продолжал он. 'мы приближаемся к началу Великого поста, страстная неделя не за горами; тогда митрополит опубликует интердикт. Христиане, обнаружившие, что их лишили причастия, взбунтуются и вынудят чиновников епископа отпустить нашего друга на свободу. Таким образом, запрет, который мы применили к епископу в его дворце, произведет свой эффект, несмотря на него'. Совет был сочтен разумным, они согласились с ним, и все в Женеве с нетерпением ждали Пасхи и отлучения от церкви.

Энтони де ла Коломбьер, чиновник венской митрополии, прибыл, чтобы выполнить приказ своего начальника, и, достигнув взаимопонимания с приором Сен-Виктора и судьей Левье, он приказал, 18 марта, что Пеколат должен быть освобожден в течение двадцати четырех часов. Он ждал восемь дней, но ждал напрасно, потому что епископальные служители продолжали ему не повиноваться. Затем, в Страстную пятницу, столичные чиновники, вынесшие приговор

об отлучении от церкви и интердикте, проследовали в собор в два часа дня и там, в присутствии Джона Галлатина, нотариуса, и трех других свидетелей, они вывесили ужасное объявление; в четыре часа они сделали то же самое в церквях Сен-Жерве и Сен-Жермен. На самом деле это не было громом среди ясного неба Ватикана, но, тем не менее, это было отлучение от церкви прелата, который в Женеве занимал первое место после папы римского в римской иерархии. Каноники, священники и прихожане, отправляясь на вечернюю молитву, подошли к плакатам и были совершенно ошеломлены, прочитав их. 'Мы отлучаем от церкви, - кричали они, - должностных лиц епископата и приказываем, чтобы это отлучение было опубликовано в церквях с помощью колокола, книги и свечи. Более того, мы приказываем, под страхом такого же отлучения, синдикам и советникам атаковать замки и тюрьмы, в которых содержится Пеколат, и освободить его силой. Наконец, мы объявляем запрет на все места, где находятся эти отлученные от церкви. И если, подобно глухой гадюке, они упорствуют в своем нечестии, мы запрещаем совершение не только таинств, но и богослужений в церквях Сен-Пьер, Нотр-Дам-ла-Нев, Сен-Жермен, Сен-Жерве, Сен-Виктор, Сен-Леже и Святого Креста'.¹³⁹ После того, как каноники и священники прочитали этот документ, они в ужасе остановились на пороге церкви. Они посмотрели друг на друга и спросили, что же делать. Хорошенько поразмыслив, они сказали: 'Вот барьер, который мы не можем преодолеть', - и удалились.

Поскольку число набожных католиков в Женеве было все еще довольно велико, произошло то, что предвидел Бонивар, и волнение стало всеобщим. Больше никаких служб, никаких месс, никаких крещений, никаких браков ... богослужение приостановлено, крест спрятан, алтари разобраны.¹⁴⁰ ... Что было делать? Капитул заседал, и несколько граждан предстали перед ними в сильном раздражении. 'Это вы, - сказали они перепуганным каноникам, 'являетесь причиной всего этого'... И это было не все. Отлученные от церкви савойские приходы епархии приходили каждый год с приближением Пасхи и обращались к чиновнику епископа с прошением о *согласии*, чтобы приходские священники могли дать им *причастие*. 'Так вот, таких людей в Женеве оказалось очень много. Расцвет, говорили они, бесполезно устранять одно препятствие, когда немедленно возникает другое, и все по вине этих епископальных чиновников!' ... Разгневанные савоярды объединились с женеvцами, и взволнованная толпа собралась перед воротами собора; мужчины роптали, женщины плакали, даже священники присоединились к мирянам. Вскоре послышались громкие крики. Терпение народа лопнуло; он выступил против своего епископа. 'На Рону, - кричали набожные, 'на Рону с предателями! злодеи, которые мешают нам принять нашего Господа!' Отлученные от церкви епископальные офицеры едва не утонули. Вся епархия считала себя отлученной от церкви, и, соответственно, смятение распространилось за пределы города. Подошли синдики и призвали граждан к спокойствию; а затем, отправившись на епископальный совет, поскольку епископ все еще отсутствовал, они сказали: 'Освободите Пеколата, или мы не сможем защитить вас от гнева народа'. Епископальные чиновники, видя епископа и герцога с одной стороны, митрополита и народ - с другой, движимые в противоположных направлениях, не знали, кому повиноваться. Им сообщили, что весь город охвачен волнением, что самые набожные католики желают любой ценой пообщаться в пасхальное воскресенье и что, рассматривая их как единственное препятствие, мешающее им принять гостей, они решили сбросить их с моста. 'Первый из вас, кто выйдет, пойдет туда', - закричала толпа. Они были охвачены большой тревогой и, полагая, что уже наполовину утонули, написали губернатору Пеней, чтобы тот немедленно освободил Пеколата. Гонец удалился, и друзья и родственники заключенного, не доверяя епископальному суду, последовали за ним. В течение трех четвертей часа, которые заняла прогулка, толпа

продолжала говорить: —Предположим, губернатор откажется выдать свою жертву; предположим, агенты ублюдка уже увезли его — возможно, предали смерти?" Ни одно из этих предположений не было реализовано. Глубоко в подземелье замка бедняга, закованный в тяжелые цепи, в кромешной тьме, измученный как разумом, так и телом, предавался самой черной меланхолии. Внезапно он слышит шум. Он прислушивается; ему кажется, что он узнает хорошо знакомые голоса: это были его братья и друзья, шумно прибывающие под стены замка и выражающие свою радость.

Однако их успех был менее уверенным, чем им казалось. На самом деле в тот момент в Женеве происходили странные вещи. Епископ и герцог не были столь пассивны, как это представлялось, и в тот самый момент, когда гонец с приказом от епископального двора в сопровождении отряда женевцев выезжал через французские ворота, курьер с приказом от римского двора въехал через савойские ворота. Последний со всей поспешностью отправился к представителям епископа и вручил им папские грамоты, которые были получены князьями и которыми папа *отменял порицания митрополита*. Этот римский гонец привез вдобавок приказ епископа, запрещающий им *ценой своей жизни* освободить Пеколата. Ублюдок содрогнулся при мысли, что негодяй, которого он так успешно пытал, может сбежать от него: он перевернул небо и землю, чтобы удержать его в тюрьме. Мы можем представить себе волнение и тревогу, охватившие членов епископального совета, когда они прочитали врученные им письма. Совпадение момента, когда эти два противоречивых приказа покинули Женеву и прибыли туда, настолько поразительно, что мы можем спросить, не были ли эти письма из Рима и Турина предполагаемыми — выдуманными самими епископальными чиновниками; но в повествовании нет ничего, указывающего на уловку. "Сразу же после прочтения писем епископальные чиновники *со всем усердием* отменили освобождение". Эти слова в 'Анналах' показывают, с какой поспешностью они пытались исправить совершенную ими ошибку. На самом деле нельзя было терять ни момента, если они хотели сохранить Пеколата. Несколько офицеров вскочили на коней и пустились во весь опор.

Кавалеры этого ордена не прошли и половины пути, когда им встретилась многочисленная ликующая и шумная толпа, возвращавшаяся из Пеней. "Друзья Пеколата", которым предшествовали официальные письма, адресованные губернатору, предстали перед этим офицером, который, перечитав депешу снова и снова, счел своим долгом повиноваться. Друзья Пеколата поспешили за тюремщиком, который со связкой ключей в руке пошел открывать камеру; они вошли вместе с ним, крича: "Освободите!" Они разорвали цепи с пленника и, обнаружив, что он так слаб, отнесли его на руках и положили на солнышке во дворе замка. Не теряя времени, они посадили его в крестьянскую повозку, и все отправились в Женеву. Это была толпа, встреченная епископальными чиновниками. Женевцы возвращали своего друга с радостными криками. Напрасно епископальные служители останавливали эту веселую ватагу и требовали, чтобы пленника отвели обратно в Пеней; напрасно они говорили о епископе и даже о папе; все было бесполезно. Несмотря на *предписания* папы римского, прелата и посланников, народ с триумфом проводил Пеколата обратно. Это сопротивление, оказанное римскому понтифику в тот момент, когда он оказывал помощь бастарду в его притеснении бедного невинного человека, было, так сказать, делом аванпостов; и женевцы, таким образом, готовились к более заметным сражениям. 'Вперед, - кричали они, - в город! в город!' и толпа, оставив епископальных чиновников одних посреди дороги, поспешила к воротам.

Наконец они подъехали к Женеве, и там волнение было не менее велико, чем в дороге. Возвращение Пеколата было триумфом права над несправедливостью, свободы над деспотизмом, и, соответственно, его праздновали с энтузиазмом. Бедняга, онемевший (потому что его рана еще не зажила), раздавленный пытками и истощенный долгим пленом, молча смотрел на все вокруг и испытывал эмоции, которые едва мог сдержать. После таких испытаний он возвращался в старый город под радостные крики населения. Однако его друзья не забыли приказов папы и епископа; и, опасаясь, как бы видаме снова не схватил беднягу, они отвезли его в монастырь Серых монахов в Риве, приют, считавшийся неприкосновенным, и поместили его в келье его брата, монаха Ивонне. Там бедный инвалид получил всю необходимую заботу; некоторое время он оставался безмолвным; но, наконец, к нему вернулся дар речи, "по заступничеству *святого*", - как, по-видимому, сказали священники и сам Пеколат. Искренне или в шутку он говорил об этом мнимом чудесном исцелении? Мы не будем решать. Бонивар, который, возможно, больше не верил в чудеса святых, называет другую причину: 'Хирурги перевязали рану на его языке'; и он добавляет: 'Он всегда немного заикался'. Если Бонивар сомневался в святых, то он верил в верховную справедливость Бога: "Затем произошло нечто, - сказал он, - о чем не следует забывать: все судьи, приговорившие Пеколата к пыткам, умерли в этом году один за другим, что мы не можем предположить иначе, как *божественное наказание*."

Воспоминание о пытках Пеколата надолго осталось в памяти граждан Женевы и способствовало тому, что они отвергли власть римских епископов.¹⁴¹ На самом деле интерес, испытываемый к этой жертве епископальной жестокости, проявлялся во всех отношениях. Келья брата Ивонне в монастыре Серых монахов никогда не пустовала; все хотели увидеть жертву епископа. Приор Святого Виктора пришел одним из первых в сопровождении нескольких друзей. Бедняга, у которого заплетался язык, рассказал "тайну своих страданий пальцами", - говорит Бонивар. В Женеве давно не было такого интересного зрелища. Горожане, стоявшие или сидевшие вокруг него, не могли отвести глаз от его худого бледного лица. Своими жестами и позами Пеколат описывал сцены допроса, пыток и бритвы, и посреди этих воспоминаний, от которых у него на глаза наворачивались слезы, он время от времени отпускал шутку. Женевские юноши смотрели друг на друга и дрожали от негодования ... а потом иногда смеялись, что 'ужасно бесило' епископальных чиновников. Последние, по правде говоря, были раздосадованы и разгневаны. Что? они получают приказ от епископа, приказ от папы римского, и всего за несколько минут до этого они отдали противоположный приказ! Странное происшествие! Не зная, кого винить, они заключили в тюрьму губернатора, который освободил Пеколата только по их приказу, и, чтобы скрыть свою ответственность, фактически планировали предать его смерти.

Некоторые робкие и встревоженные горожане не осмеливались пойти и повидать Пеколата; одним из них был Бланше, друг Эндрю Нависа, который присутствовал на знаменитой встрече у Молара и на ужине у *момона* и который, вскоре после этого поддавшись насилию епископа, был обречен искупить свои ошибки самой жестокой смертью. Бланше - тип персонажа, часто встречающийся в эту эпоху. Узнав вскоре после знаменитого банкета *Момона*, что некий человек, имени которого даже он не знал, но который, по его словам, "дал ему в лицо ложь", находится в Бургундии, Бланше отправился за ним, дал ему пощечину и вернулся. Он вернулся в Женеву, оттуда отправился в Фосиньи, а затем в Италию; он принял участие в войне между папой и герцогом Урбинским (который так ужасно напугал Льва X); вернулся в Павию, оттуда в Турин и, наконец, в Женеву. Его двоюродный брат Питер, живший в Турине, рассказал ему, что во время своих путешествий Пеколат был арестован за заговор против епископа. 'Я не пойду к

нему, ' сказал он, ' из страха скомпрометировать себя'. Несмотря на свои чрезмерные предосторожности, он не смог в конце концов избежать варварской мести прелата.¹⁴²

ГЛАВА XI.

БЕРТЕЛЬЕ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ В ЖЕНЕВЕ; БЛАНШЕ И НАВИС СХВАЧЕНЫ В ТУРИНЕ; БОНИВАР СКАНДАЛИЗОВАН В РИМЕ.

(1518 г.)

Никто не обнимал Пеколата с такой радостью, как Бертелье, который вернулся в Женеву всего через несколько дней. На самом деле герцог, желая угодить швейцарцу любыми средствами, выдал ему, а также заставил епископа выдать ему охранную грамоту, которая, датированная 24 февраля 1518 года, действовала до Троицы, 23 мая того же года. Благосклонность, оказанная герою-республиканцу, была невелика, поскольку ему разрешили вернуться в Женеву *для того, чтобы предстать перед судом*; и друзья прелата надеялись, что его не только будут судить, но и осудят и предадут смерти. Несмотря на эти дурные предчувствия, Бертелье, человек решительный и твердый в своих намерениях, возвращался в свой город, чтобы завершить работу, которую он подготовил в Швейцарии, а именно заключить союз Женевы с кантонами. Он очень беспокоился по этому поводу, пока жил среди конфедератов. Его постоянно видели "посещающим, едящим, выпивающим в домах своих друзей или в гильдиях (называемых аббатствами), беседующим с горожанами и доказывающим им, что этот союз принесет большую пользу всей стране, входящей в Лигу". Бертелье был тогда полон надежд; Женева доказывала, что достойна свободы; шло энергичное движение к независимости; народ устал от тирании князей. В генеральном совете были слышны свободные голоса. 'Никто не может служить двум хозяевам', - говорили некоторые патриоты. 'Человек, получивший какую-либо пенсию или должность от принца или принесший присягу иным властям, кроме республики, не должен быть избран ни синдиком, ни советником'. Эта резолюция была поддержана подавляющим большинством голосов. И что еще лучше, граждане выбрали в синдикат трех человек, способных охранять привилегии сообщества; ими были Рамель, Вандель и Безансон Хьюз. Мамелюк, "учитывая большую репутацию партии", также был избран, но только один, Монтион; он был главным синдиком.¹⁴³

В то время как патриоты, таким образом, прилагали усилия для сохранения независимости города, герцог, епископ, граф, архиепископ Сейссель и другие члены совета, собравшиеся в Турине, преследовали противоположные планы. Добьются ли они успеха? Сейссель, знаменитый автор "*Великой монархии*", мог бы рассказать им, что в одиннадцатом и двенадцатом веках во Франции, Бургундии и Фландрии епископ и лорд-мирянин объединились против городских свобод и с помощью оружия и анафем вели войну против коммун, которая закончилась уничтожением прав и привилегий граждан. Тогда ночь в социальном мире действительно была темной. В Женеве эти права все еще существовали : вы могли видеть мерцающий свет, слабо мерцающий посреди темноты. Но разве епископу и герцогу не удалось бы погасить его? Если бы это было так, деспотизм держал бы всю Европу под своей жестокой рукой, как в магометанских и других странах мира. Почему операция, проведенная в Камбре, Нуайоне, Сен-Кантене, Лаоне, Амьене, Суассоне, Сансе и Реймсе, потерпела неудачу на

берегах Лемана? Для этого действительно была причина, но они не приняли ее во внимание. Мы не находим эту причину — по крайней мере, не единственную — в том факте, что герои свободы были более бесстрашными в Женеве, чем где-либо еще. Предоставление избирательных прав должно было прийти из высшего источника: тогда Бог принес свет и свободу. Заканчивались средние века, начиналось новое время. Князья и епископы Римского католицизма в тесном союзе повсюду превратили в пепел здание общественных свобод. Но среди этого пепла были найдены несколько угольков, которые, вновь разожженные огнем с небес, еще раз зажгли в мире факел законной свободы. Женева была препятствием на пути к окончательному уничтожению популярных франшиз, и в Женеве самым сильным препятствием был Бертелье. Неудивительно поэтому, что савойские принцы согласились с тем, что для того, чтобы остановить торжество духа независимости, абсолютно необходимо избавиться от этого гордого, энергичного и непреклонного гражданина. Они начали готовиться к осуществлению своего ужасного проекта. Странная слепота - это та, которая воображает, что, удалив человека из мира, можно помешать замыслам Бога!

Бертелье, спокойный из-за своей невинности, снабженный, кроме того, епископской охранной грамотой, предстал перед синдиками для суда. Герцог и епископ отдали приказ своим агентам, виду Конселю и Питеру Навису, прокурору-фискалу, добиться его осуждения. Начался судебный процесс: 'Вы обвиняетесь, - сказали эти два судьи, - в участии в буйных увеселениях женевской молодежи'. — 'Я хотел, ' откровенно ответил Бертелье, - поддержать добрую волю тех, кто боролся за свободу против узурпации тиранов'. Оправдание было хуже, чем обвинение. 'Давайте схватим его за горло, как если бы он был волком', - сказали двое судей. 'Вы вступили в заговор, - продолжали они, - против жизни князя-епископа', - и в качестве доказательства они представили показания Пеколата. 'Все это ложь, ' холодно сказал Бертелье, - ложь, добытая на дыбе и впоследствии опровергнутая. Затем Навис представил заявления предателя Карментранта, который, как мы видели *наужине с момоном*, взял на себя обязанности информатора. 'Карментрант!' презрительно воскликнул обвиняемый. 'Один из слуг епископа, который каждый день приходит во дворец, ест, пьет и веселится ... действительно, симпатичный свидетель! Епископ убедил его, хорошо заплатив, допустить, чтобы его отправили в тюрьму, чтобы он мог выкрикивать против меня все, что ему подскажут ... Карменрант сам этим хвастается!' Когда они отправили отчет епископу, он, прочитав его, понял, что это расследование, вместо того чтобы продемонстрировать вину обвиняемого, лишь выявило беззаконие обвинителя; поэтому встревоженный прелат написал виду и Навису, чтобы они "приняли все мыслимые меры предосторожности". Было необходимо уничтожить Бертелье, не компрометируя епископа.

Навис был подходящим человеком для этого. Обладая хитрым и зловредным характером, он ничего не понимал в женевских свободах; но он был искусным юристом. 'Он так смешивает розничную правду с оптовой ложью, - говорили люди, - что заставляет вас поверить, что все это правда. Если обнаруживается какой-либо проступок епископа, он сразу же затыкает дыру. Он постоянно подделывает новые пункты обвинения и требует отсрочки.' Навис, обнаружив, что его ресурсы на исходе, начал всячески переворачивать охранную грамоту: она прямо запрещала задержание личности Бертелье. Это не имело значения. "Я требую, чтобы Бертелье был арестован, - сказал он, - и допрошен в заключении; поскольку охранная грамота, если вы хорошо все взвесите, не противоречит этому". ¹⁴⁴— 'Первая из добродетелей, - сказал Бертелье, - это сдержать свое обещание'. Навис, мало тронутый такой моралью, решил добиться своего с помощью настойчивости; на следующий день он потребовал, чтобы

"Бертелье был строго заперт в тюрьме"; 20 апреля он потребовал, чтобы "его заключили в тюрьму"; и на следующий день он обратился с той же просьбой; примерно в конце мая он в двух разных случаях потребовал не только, чтобы "благородный гражданин был арестован, но и подвергнут пыткам". ... Все эти несправедливые просьбы были отклонены судом. ¹⁴⁵ Навис, будучи смущенным и раздраженным, умножил свои обвинения; его жалоба была подобна разливающемуся потоку: "Обвиняемый, — сказал он, - скандалист, драчун, организатор ссор, незаконных собраний и мятежей, непокорный принцу и его офицерам, привыкший выполнять свои угрозы, развратитель городской молодежи, и все это без того, чтобы его ошибки и излишества были исправлены". - "Признаюсь, что я не исправлен в том, что касается эти ошибки, - презрительно ответил Бертелье, - потому что я никогда не был в них виновен". ¹⁴⁶ Было решено связать с синдиками некоторых уполномоченных, преданных епископу; но синдики ответили, что это противоречило бы закону. Видаме и Навис, не зная, что делать дальше, написали герцогу и прелату, чтобы найти какие-нибудь обоснованные претензии. 'Вы получите их, - ответили они. - У нас есть определенные свидетели, которых нужно допросить здесь, по эту сторону гор"... Кто были эти свидетели? Навис и представить себе не мог, что один из них - его собственный сын и что расследование закончится катастрофой, которая вырвет у него крик боли. Давайте теперь посмотрим, что происходило в Турине. ¹⁴⁷

Бланше, испытывавший отвращение к своему состоянию с тех пор, как побывал на войне, мало заботился о Женеве. Во время его пребывания в Турине, в доме великолепного сеньора де Мексимье, великолепие заведения ослепило его. Его любовь к свободе остыла, его вкус кроскоши и комфорту жизни усилился. 'Я буду искать покровителей и богатства', - часто повторял он. С этой целью он вернулся из Женевы в Турин. Это был момент, когда епископ был на страже, чтобы поймать одного из 'детей Женевы'. Бланше был схвачен и брошен в тюрьму, и это было еще не все. ¹⁴⁸

Эндрю Навис, который после истории с мулом вел более размеренный образ жизни, ужасно устал от отцовской конторы. Однажды в воскресенье г-н де Вернье устроил своим друзьям великолепный завтрак, на который были приглашены Навис и Бланше. Эндрю никогда не уставал слушать, как "странник" рассказывает об Италии, ее восхитительных пейзажах, мягком климате, фруктах, памятниках, картинах, концертах, театрах, красивых женщинах и о войне между папой римским и герцогом Урбинским. Желание пересечь Альпы овладело Эндрю. 'Как только в Женеве появляется какой-нибудь слух о войне за границей, ' сказал он, ' некоторые из моих товарищей спешат туда: почему бы мне не поступить так же?' Герцог Урбинский, гордившийся тайной поддержкой Франции, в то время вызывал большую тревогу у Льва X. Открытая война против папы соблазнила Нависа. Пороки, от которых он страдал, были не теми низменными заблуждениями, которые сводят человека на нет; но теми пылкими пороками, теми энергичными движениями, которые оставляют некоторую надежду на обращение. Облокотившись на письменный стол своего отца, испытывая отвращение к мелкому надувательству, он почувствовал потребность в более активной жизни. Представилась возможность. Женщина по имени Джорджия, с которой у него ранее были преступные отношения, вынужденная ехать в Турин к мужчине, который не был ее мужем, попросила Эндрю сопровождать ее, пообещав ему 'весело провести время'. Навис принял решение и без ведома отца покинул Женеву и своих друзей и прибыл в Турин в полдень субботы, 8 мая. Некто Габриэль Жерве, женевец, ждал его: 'Будьте настороже, - сказал он. - Бланше задержан из-за каких-то недоразумений с епископом'. Сын прокурора-фискала думал, что ему нечего бояться. Но на следующее утро, около шести часов вечера, пришел тот же Габриэль Жерве и поспешно сказал

ему: "Они собираются арестовать тебя: беги". Эндрю сразу же отправился в путь, но был схвачен, когда собирался покинуть город, и доставлен в замок.¹⁴⁹

Епископ и герцог хотели арестом этих молодых женевцев наказать их независимый дух и, прежде всего, добиться от них признаний, которые могли бы вызвать осуждение Бертелье и других патриотов. 26 апреля епископ Женевы выдал ордер всем офицерам герцогства и, как мирный церковник, завершил его следующими словами: "Мы протестуем, что не желаем, насколько это в наших силах, чтобы за это последовало какое-либо кровопролитие или смерть, или какое-либо увечье конечностей, или что-либо другое, что может привести к каким-либо нарушениям".¹⁵⁰ Мы увидим, с какой тщательностью епископ избегал *увечья конечностей*. Герцог выдал ордер в тот же день.

Допрос Бланше начался 3 мая во дворе Туринского замка. Он считал себя обвиняемым в покушении на жизнь епископа и не сомневался, что ему уготованы пытки и, возможно, жестокая смерть; соответственно, этот молодой человек, дружелюбный, но слабый нравом, стал жертвой самой черной меланхолии. 5 мая, когда его доставили обратно во двор замка, он обратился к лейтенанту де Брессу, который помогал прокурору-фискалу, и, не дожидаясь допроса, сказал: "Я невиновен в преступлении, в котором меня обвиняют". — "А в чем обвиняете вы?" - спросил лейтенант. Бланше ничего не ответил, но разрыдался. Затем фискальный прокурор приступил к допросу, и Бланше снова заплакал. Подвергнутый искусному допросу, он позволил себе удивиться и дал несколько показаний против Бертелье и других патриотов; затем, осознав свою глупость, он резко остановился и воскликнул со стонами: "Я никогда не осмелюсь вернуться в Женеву! мои товарищи убили бы меня.... Я умоляю милорда герцога о милосердии. Бедняга Бланше вызвал сострадание даже у своих судей. Навис, когда 10 мая его привели в тот же суд, не плакал. "Кто ты?" - спросили они. "Я из Женевы," ответил он. - писец, нотариус, сын дворянина, мне двадцать восемь лет". Допрос был недолгим. Епископ, находившийся в то время в Пиньероле, пожелал прибрать пленников к своим рукам, как он когда-то держал Пеколата; соответственно, они были переведены туда.¹⁵¹

14, 15 и 21 мая Нависа и Бланше привели в большой зал замка к великолепному Иоанну Люцернскому, члену совета, и мессииру д'Анкина. - Говори так, как мы того желаем, - сказал залог, "и тогда ты окажешься в благосклонности его высочества. Поскольку они не произносили ни слова, сначала им пригрозили двумя витками веревки, а поскольку этого было недостаточно, их вздернули на дыбу; их привязали к веревке и подняли на расстояние вытянутой руки от пола. Навис был в агонии, но вместо того, чтобы обвинить Бертелье, он обвинил самого себя. Заповедь, которая гласит: "Почитай отца твоего и мать твою", постоянно была у него в голове, и он чувствовал, что именно вследствие нарушения ее он впал в распутство и бесчестье. "Увы!" - сказал он, когда мне задали этот вопрос. "Я был бродягой, не слушался своего отца, бродил туда-сюда, проматывал свои и отцовские деньги в тавернах.... Увы! Я не был послушен своим родителям.... Если бы я был послушным, я бы не страдал так, как страдаю сегодня". 10 июня, говорится в отчете, его снова подвергли пыткам и подняли на высоту локтя. Пробыв там с минуту, Навис взмолился, чтобы его отпустили, пообещав все рассказать. Затем, сидя на скамейке, он горько обвинил себя в преступлении, в котором чувствовал себя виновным; он признался... в том, что *ослушался своих родителей*.¹⁵² Питер Навис, по мнению многих, был страстным судьей; Эндрю видел в нем только отца; и презрение к отцовской власти было великим грехом, который мучил несчастного молодого человека. Заглядывая в себя, предвидя роковой исход судебного процесса, он не поддавался, подобно Бланше, страху смерти, но

оплакивал свои ошибки. Семейные воспоминания пробудились в его сердце, самые священные узы восстановили свою силу, и образ отца преследовал его днем и ночью.

Епископ зашел так далеко в своих преследованиях, когда узнал, что Бонивар только что проехал через Турин по пути в Рим. Обрадованный тем, что приор Сен-Виктора попался в его сети, прелат приказал схватить его по возвращении. Не Бонивар ли вызвал у него такую тревогу во дворце по случаю вызова митрополита? Разве не этот человек лишил его Пеколата и даже мечтал когда-нибудь сесть на его епископский престол?... Такова природа некоторых животных - тащить свою добычу в свои берлоги, чтобы сожрать ее. Бастард Савойский уже утащил Нависа и Бланше в свою темницу и готовился искалечить им конечности; но было бы еще лучше, если бы он мог поймать и разорвать ненавистного Бонивара своими когтями.¹⁵³

Последний так мало подозревал о надвигающейся опасности, что приехал в Италию, чтобы добиться наследства прелата. Было очевидно, что болезненному ублюдку осталось жить недолго. "Я поеду в Рим, - сказал Бонивар своим друзьям, - чтобы получить епископские бенефиции посредством *кардинализации*" (интрига кардиналов).¹⁵⁴ Он страстно желал стать епископом и князем Женеви; если бы ему это удалось, его либерального католицизма, возможно, было бы достаточно для граждан и предотвратило бы реформацию. Бонивар беспрепятственно добрался до Рима через шесть лет после Лютера и, как и реформатор, был сразу же поражен царившей там коррупцией. "Церковь, - сказал он, - настолько полна дурного настроения, что стала водянкой".¹⁵⁵ Это было во времена понтификата Льва X. Все, о чем думали священники, монахи, епископы и кардиналы, - это присутствовать на фарсах и комедиях и ходить в масках по домам куртизанок.¹⁵⁶ Бонивар видел все это собственными глазами и оставил нам несколько историй, в которых он допустил, что выражения, которые мы должны смягчить, и детали, которые мы должны умолчать. 'Однажды, имея дело с наложницей папского кабинета (оставим эти необычные выражения, значение которых не очень поучительно), мне пришлось пойти и найти его у куртизанки.... На ней были нарядные перья, развевающиеся над тонкой золотой прической, и шелковое платье с разрезами на рукавах; вы бы приняли ее за принцессу'.¹⁵⁷ В другой раз, прогуливаясь по городу, он встретил одну из этих "мисс", переодетую мужчиной и ехавшую верхом на испанской дженнете; на крупе позади нее ехал *жанен*, завернутый в испанскую накидку, которую он тщательно натянул себе на нос, чтобы его не узнали. 'Кто это?' - спросил Бонивар. 'Это кардинал Такой-то со своим фаворитом', - последовал ответ. "У нас на родине говорят, - возразил он, - что не все сумасшедшие в Риме; и все же я вижу, что у вас их в избытке".¹⁵⁸

Приор Сен-Виктора не упускал из виду цель своего путешествия и непрестанно вел агитацию, но начал отчаиваться в успехе. 'Вы хотите знать, ' спросили его, - что вы должны сделать, чтобы получить запрос от папы и кардиналов?' Скажи им, что ты убьешь любого, на кого они затаят злобу, или что ты готов прислуживать им в их удовольствиях, сводить с ними *донну*, играть с ними в азартные игры, разыгрывать из себя хулигана и повесу — короче говоря, что ты распутник. Бонивар не был строгим; и все же он был удивлен, что в столице католицизма все так обернулось. Его разум, жаждущий знаний, спрашивал, каковы причины этого упадка.... Он приписывал это исчезновению христианского индивидуализма в Церкви, так что личное обращение, создание нового творения больше не требовалось. 'Это в первую очередь потому, - сказал он, - что, когда князья становились христианами, весь их народ крестился вместе с ними. С тех пор дисциплина была подобна паутине, которая ловит маленьких мух, но не может удержать крупных. И далее это следует из примера пап.... Я дожил до того, чтобы увидеть трех

понтификов. Во-первых, Александр VI, *смышленный парень*,¹⁵⁹ бездельник, испанец с италиянизацией, — и что было хуже всего, - в Риме! человек без совести, без Бога, который ни о чем не заботился, при условии, что исполнял свои желания. Следующим был Юлий II, гордый, холерик, больше занимавшийся своей бутылкой, чем требником; без ума от своего папства и не думал ни о чем, кроме как о том, как ему подчинить не только землю, но и небеса и ад.¹⁶⁰ Последним появился Лев X., нынешний папа, знавший греческий и латынь, но особенно хороший музыкант, большой обжора, любитель выпить; у него были прекрасные пажи, которых итальянцы величают *рагацци*; всегда окруженный музыкантами, шутами, актерами и другими шутами; соответственно, когда ему сообщили, что он о любом новом деле он говорил: *Ду грация, ласковый год, папский вопрос в темпе; Доминируй надо мной на свидании. Andate da Monsignor di Medici.*¹⁶¹ ... При дворе продается все: красные шапки, митры, судейские должности, посохи, аббатства, должности ректора, каноники.... Прежде всего, не доверяйте слову Льва Десятого, ибо он утверждает, что, поскольку он освобождает других от их клятв, он, несомненно, может освободиться и сам".¹⁶²

Бонивар, пораженный ужасным состоянием, в которое папы и кардиналы, священники и монахи погрузили Церковь, спросил, откуда может прийти спасение.... Не прошло и шести месяцев с тех пор, как Приериас, хозяин священного дворца, опубликовал книгу под названием "*Диалог против самонадеянных положений Мартина Лютера*".¹⁶³ "Лев X. и его предшественники, - сказал Бонивар, - всегда считали немцев животными: *ресора сатри*, так их называли, и вполне справедливо, потому что эти простодушные саксы позволяли седлать себя, как ослов. Папы угрожали им побоями (отлучением от церкви), соблазняли их чертополохом (индальгенциями) и таким образом заставляли их бежать на мельницу, чтобы принести им еды. Но однажды, слишком сильно нагрузив осла, Лео заставил его качаться, так что мука рассыпалась, а белый хлеб пропал. Этого осла (добавил он), как и всех ослов, зовут *Мартин*, а фамилия у него *Лютер*, что означает *просветитель*".¹⁶⁴

В Риме обнаружили, что Бонивар не обладает покладистостью, необходимой римскому епископу; и приор, видя, что у него нет шансов на успех, отряхнул пыль с ног католической метрополии и отбыл в Турин. Однако его путешествие не было бесполезным: он усвоил урок, который никогда не забывал и который всю свою жизнь рассказывал любому, кто соглашался его слушать. Добравшись до Турина, он отправился навестить своих старых университетских друзей, но они с тревогой воскликнули: 'Навис и Бланше находятся на волосок от смерти, и было решено арестовать вас. Лети, не теряя ни минуты. Бонивар остался. Должен ли он оставить в когтях стервятника тех двух молодых людей, с которыми он так часто смеялся на шумных банкетах "женевских детей"? Он решил сделать все, что в его силах, чтобы заинтересовать своих друзей их судьбой. Целую неделю он ходил от дома к дому и бродил по улицам, совершенно не маскируясь. Казалось, нет ничего проще, чем схватить его, и герцогская полиция попыталась бы это сделать, но он никогда не был один. Ученые, очарованные его духом и независимостью, сопровождали его повсюду, и эти легкомысленные упрямые юноши защитили бы его ценой своей крови. Бонивар, желая пустить в ход все средства, написал по какому-то тайному каналу Бланше и Навису; тюремщик перехватил письмо и отнес его епископу, который, полагая, что усмотрел в нем заговор, вынашиваемый против него даже в Турине, настаивал на осуждении заключенных и приказал немедленно схватить Бонивара. Осведомленный о том, что его ожидало, умный приор проявил большое спокойствие. "Я останусь в Турине еще на месяц, - сказал он всем, ' чтобы повеселиться со своими старыми

друзьями'. Ему было сделано множество приглашений, и он принял их все; но на следующий день, еще до рассвета, он сел на лошадь и поскакал галопом в Женеву. [165](#)

ГЛАВА XII.

КАЗНЕНЫ БЛАНШЕ И НАВИС. ИХ ВЕТВИ БЫЛИ ПОДВЕШЕНЫ К ОРЕХОВОМУ ДЕРЕВУ У МОСТА АРВЕ.

(Октябрь 1518 г.)

Этот ублюдок был потрясен, когда ему сообщили, что Бонивар сбежал. Однако он утешал себя мыслью, что у него под рукой есть средство удовлетворить свои вкусы и отомстить, и сосредоточил все свое внимание на Нависе и Бланше. Что ему делать с этими двумя молодыми людьми, которые так бездумно попались в его сети? Как, нанеся удар по ним, он мог бы наилучшим образом нанести удар по независимым людям Женевы? Ибо он думал не просто о том, чтобы избавиться от этих двух авантюристов, но о том, чтобы наполнить ужасом весь город их смертью. Напрасно ему напоминали, что отец одного из заключенных был самым ревностным из его офицеров; бастарда мало заботило горе отца, и он думал, что Питер Навис послужит ему еще лучше, когда тот подаст ему яркий пример того, как он хотел, чтобы ему служили. Он настаивал на том, чтобы суд поторопился с судебным разбирательством. Анчина, судья по уголовным делам; Караччи, сеньор Фаржа и генеральный прокурор Савойи; и Лисия, его заместитель, назначенные герцогскими грамотами судьями Нависа и Бланше, объявили их торжественно осужденными, во-первых, за то, что они присутствовали на собрании в Моларе и пообещали им и их сообщникам быть "единодушными против должностных лиц епископа и вызволить из их рук любого из их числа, кого эти епископальные агенты могли бы взять под стражу"; во-вторых, за то, что предложили, в случае, если герцог примет участие в собрании в Моларде, против них, бежать и подчиниться иностранному правительству (Швейцарии), отказавшись таким образом от суверенитета Савойи и великолепия белого креста". Двое заключенных были приговорены к обезглавливанию, а затем четвертованию, согласно желанию епископа. Они немедленно приготовились к казни. [166](#)

Навис не проронил ни звука; сознание своего неповиновения отцу заставило его замолчать; по-видимому, Бланшэ оправился от ужаса, осушил слезы и признал свою глупость. Ничто не указывает на то, что покаяние этих двух женевских юношей было истинно христианским; но было бы несправедливо игнорировать их благородное признание в смертный час. Начальник тюрьмы и его люди, получив их из рук магистратов, повели к месту казни. Их внешний вид был подобающим, а взгляд серьезным; они шли между своими охранниками, спокойные, но без слабости или тревоги. Когда они взошли на эшафот, Навис заговорил: "Желая прежде всего загладить причиненное нами зло, мы забираем назад все, что говорили в отношении некоторых наших соотечественников, и заявляем, что такие признания были вырваны у нас из-за страха пыток. Заявляя о невиновности других, мы признаем себя виновными. Да, мы жили так, что справедливо заслуживаем смерти, и мы молим Бога в этот наш последний час простить наши грехи. Однако поймите, что эти грехи - не те, в которых нас обвиняют; мы не сделали ничего, противоречащего привилегиям и законам Женевы: в этом мы чисты.... Грехи, которые нас осуждают, - это наш разврат. Навис хотел продолжить, но начальник, раздосадованный тем, что он уже сказал, приказал палачу выполнять свой долг. Мужчина немедленно приступил к делу: двое молодых людей опустились на колени, он поднял свой меч, и "таким образом они были обезглавлены, а затем четвертованы". [167](#)

Наконец епископ увидел, что его желания удовлетворены; в его распоряжении были головы и четвертаки двух 'детей Женеvy'. Этот маленький человечек, такой хрупкий, мертвенно-бледный, уродливый, превратившийся почти в тень, без гения и без воли, тем не менее обладал волей и гением зла. Несмотря на свой протест против *нанесения увечий конечностям*, он решил, что три четверти двух тел должны быть выставлены над воротами Турина, и оставил для своей доли четверть тела Нависа и Бланше с двумя головами. Он приказал замариновать мясо, так как намеревался сохранить его как можно дольше; и когда эта жестокая операция, достойная могавков, была завершена, он поместил головы и конечности в две бочки, на которых был нанесен герб графа, брата герцога. Епископ хотел показать своей пастве образец своего ума; и поскольку казнь состоялась не в Женеве, он намеревался, по крайней мере, прислать конечности жертв, 'чтобы возбудить и утешить негодяев'. Носильщики этих двух кадок с маринадами отправились из Турина, пересекли гору Сени, прибыли в бассейн реки Леман в субботу, 2 октября 1518 года, и поселились "по ту сторону Арве". ¹⁶⁸

На берегу этой реки, которая тогда отделяла герцогские владения от женевских, у подножия моста на Савойской стороне, росло прекрасное ореховое дерево, густые ветви которого раскинулись напротив церкви Пресвятой Богородицы на женевской стороне. Агенты епископа, получившие приказ устроить выставку изуродованных конечностей в пользу женевцев, проследовали к мосту в субботу вечером, чтобы выполнить свое позорное поручение под покровом темноты. В дополнение к бочонкам, наполненным мясом, рассолом и кровью, они несли с собой лестницу, молоток, несколько гвоздей и веревку. Добравшись до дерева, они открыли стволы и обнаружили, что его черты хорошо сохранились и легко узнаваемы. Агенты ублюдка забрались на дерево и прибили головы и руки к ветвям таким образом, чтобы их видели все прохожие. Внизу они прикрепили плакат с надписью: 'Это предатели Женеvy', а вверху - белый крест Савойи. Затем они удалились, оставив пустые бочки у подножия дерева. "Это было сделано по приказу вашего епископа, - сказал герцог в письме, написанном тремя днями позже (5 октября) своим очень дорогим, любимым и верным гражданам Женевы, - вашего епископа, которого мы в этом поддерживали и облагодетельствовали, что должно быть к вашему удовлетворению". ¹⁶⁹

Наступил день, люди встали, открыли окна и вышли из своих домов; некоторые направлялись в город. Один человек собирался перейти мост, когда ему показалось, что он увидел что-то странное, он подошел ближе и с удивлением обнаружил человеческие конечности, свисающие с дерева. Он содрогнулся, предположив, что это было сделано кем-то из убийц просто из бравады, и, желая предать огласке это необычайное происшествие, ускорил шаги. 'Первый, кто увидел эту тайну, не стал держать ее в секрете, а побежал и рассказал новость всему городу. "В чем дело?" люди спрашивали... и тогда все поспешили туда', - добавляет хронист. По правде говоря, вскоре вокруг дерева собралась огромная толпа горожан — мужчин, женщин и детей. Было воскресенье, день, который бастард, вероятно, выбрал для этого назидательного зрелища; все были свободны от своих обычных занятий, и в течение всего этого священного дня возбужденная толпа непрерывно толпилась вокруг дерева, на котором висели окровавленные останки двух жертв. Они внимательно присмотрелись к ним и изучили черты лица: 'Это Навис', - сказали они. 'Это Бланше'. ... 'Ах!' воскликнул один гугенот. - проникнуть в эту тайну нетрудно. Это одно из посланий моего господина епископа, пришедшее к нам туринской почтой!' Бонивар, вернувшийся в Женеву, считал себя счастливым, что быстрота его лошади унесла его за пределы досягаемости прелата, и радовался, что его голова не оказалась между головами Бланше и Нависа; но в то же время его переполняли негодование и злоба против

чудовища, которое так обошлось с двумя его юными друзьями. Женевский юноша позволил себе горькую иронию. 'Прекрасное майское дерево они воздвигли нам сегодня утром на границе города!' - сказали они. "Они уже водрузили флаг; для завершения представления не хватает только нескольких лент и цветов!" Но вид этих окровавленных обломков, болтающихся в воздухе, не был подходящим предметом для шуток; в городе царил великий траур; в толпе слышались стоны и рыдания; женщины давали выход своему ужасу, а мужчины - своему негодованию.

Отец Нависа, человек, которого ненавидели женевцы, был не последним, кому сообщили; несколько человек прибежали, чтобы сообщить ему о трагическом событии, взбудоражившем весь город. 'Идите, ' сказали они, ' идите и посмотрите, какую награду посылает вам епископ за вашу верную службу. Тебе хорошо платят; тираны по-королевски вознаграждают тебя за немилость, которую ты заслужил от всех нас; они прислали из Турина в качестве платы голову твоего сына. ... Питер Навис, возможно, был несправедливым судьей, но он был отцом: поначалу он был ошеломлен. Эндрю был непослушен, но неблагодарность ребенка не смогла погасить родительскую любовь. Несчастный человек, разрывавшийся между привязанностью к сыну и уважением к своему принцу, проливал слезы и старался скрыть их. Поверженный горем и стыдом, бледный и дрожащий, он склонил голову в угрюмом молчании. Иначе обстояло дело с матерью, которая поддавалась самой бурной привязанности и самому экстравагантному отчаянию. Горе родителей Нависа, которое выражалось такими разными способами, поразило всех зрителей. Бонивар, который в этот трагический момент смешался с взволнованными группами горожан, был потрясен всем увиденным и услышанным и, вернувшись в свой монастырь, воскликнул: "Какой ужас и негодование вызывает такое зрелище! даже незнакомые люди, которых это не касается, испытывают отвращение.... Что теперь будут делать бедные граждане? бедные родственники и друзья? их отец и мать?"...

Женевцы не ограничились бесполезными причитаниями; они не обратили внимания на только что полученный ими удар, они смотрели на руку, нанесшую его; это была рука их епископа. Все знали о недостатках Нависа и Бланше, но в этот момент никто не говорил о них; они могли видеть только двух молодых и несчастных мучеников свободы. Гнев народа нарастал безудержно и излился скорее на прелата, чем на герцога. 'Епископ, ' говорили они, - это волк под пастушьим плащом. Если бы вы знали, как он кормит своих ягнят, сходите на мост Арве!' Их лидеры думали так же: они говорили, что князю-епископу недостаточно погрузить семьи и целый город в траур, но его воображение хладнокровно просчитывало способы усилить их скорбь. Эти подвешенные головы и руки были ярким примером той жестокой изобретательности, которая всегда отличала тиранов. Истязание в Пьемонте тел их юных друзей не удовлетворило прелата, но он должен истязать все сердца в Женеве. Что за дух движет им? Каковы тайные мотивы этих ужасных казней?... Деспотизм, своекорыстие, фанатизм, ненависть, месть, жестокость, честолюбие, безрассудство, безумие.... Действительно, все это было вместе взятое. Не думайте, что он остановится в разгар своего успеха: это только первые плоды его нежности. Составлять проскрипционные списки, убивать друзей свободы, выставлять напоказ их трупы, убивать Женеву, — одним словом, следовать схеме за Программой во всем, [170](#) — таково отныне будет *врачевание душ* этого сына папы.

Соппротивление граждан посягательствам прелата с этого часа приобрело характер, который неизбежно должен был привести к упразднению римского епископства в Женеве. Существует карающее правосудие, от которого принцам не скрыться, и часто именно невинные преемники

оказываются свергнутыми со своих тронов преступлениями своих провинившихся предшественников; за последние полвека мы видели многочисленные примеры этого. Наказание, которое не постигло отдельного человека, ложится на семью или учреждение; но наказание, которое обрушивается на учреждение, более ужасное и поучительное. Искалеченные конечности, повешенные на берегах Арве, произвели неизгладимое впечатление на умы женеццев. Если мамелюк и гугенот случайно проходили по мосту вместе, первый, указывая на ореховое дерево, говорил второму с улыбкой: "Ты узнаешь Нависа и Бланше?" - гугенот холодно отвечал: "Я узнаю своего епископа".¹⁷¹ Институт князя-епископа, имитирующий институт короля-епископа, с каждым днем становился все ненавистнее женеццам. Его конец был неизбежен — его конец в Женеве: впоследствии суды Божьи постигнут его и в других местах.

Волнение охватило не только народ: синдики созвали совет. 'Сегодня утром, ' сказали они, ' перед рассветом две головы и две руки были привязаны к дереву напротив церкви Пресвятой Богородицы Грейс. Мы не знаем, по чьему приказу'.¹⁷² Все догадывались, чьи это головы и по чьему приказу они были разоблачены; но взрыв был не так силен в совете, как в толпе. Они, должно быть, понимали, что этот жестокий поступок предвещал зловещие замыслы; они слышали раскаты грома, предшествующие буре; и все же каждый человек пришел к своему выводу. Некоторые каноники, монахи и другие агенты Римской церкви, пособники тирана, призывали к абсолютному подчинению. Некоторые дворяне думали, что если их освободить от гражданских советов, то они смогут более непринужденно демонстрировать свои аристократические притязания. Некоторые торговцы, савоярцы по происхождению, которым больше нравились "большие выгоды от рабства, чем маленькие выгоды от свободы", развлекали себя мыслью, что если герцог станет хозяином города, он будет жить там со своим двором, и они будут получать более высокую цену за свои товары. Но истинные женеццы с радостью согласились с тем, что их страна должна быть маленькой и бедной, при условии, что она будет средоточием света и свободы. Что касается гугенотов, то две головы были сигналом сопротивления. 'С противником, который соблюдает какие-либо меры, - говорили они, - мы можем немного ослабить наши права; но нет никаких соображений, которые следует соблюдать с врагом, совершающим убийства.... Давайте бросимся в объятия швейцарцев'.

Таким образом, преступление епископа стало одним из этапов на пути к свободе. Несомненно, жертвы были виновны, но убийцы были виновны еще больше. Все благородное в Женеве вздыхало о независимости. Мамелюкские магистраты тщетно пытались оправдать поступок, который наносил ущерб их делу; им отвечали грубо; в совете взад и вперед высказывались противоположные мнения, и 'произошло большое волнение'. Наконец они решили отправить посла к князьям, чтобы узнать, был ли этот варварский акт совершен по их приказу, и в таком случае сделать им замечание. Это решение было очень неприятно мамлюкам, которые попытались смягчить суровое послание, доверив его приятным посланцам. 'Чтобы получить от принцев то, чего вы хотите, вы должны послать им людей, которые им приятны', - сказал первый синдик. Соответственно, собрание назвало видама Эймона Конселя, бесстыдного агента Савойи; бывшего синдика Нергаза, плохого человека и личного врага Бертелье; и Делеамона, губернатора Пеней, против которого гугеноты не раз обнажали меч. Герцог, находившийся в то время в своих савойских провинциях, холодно принял депутацию на публичной аудиенции, но много беседовал с ней наедине. Послы вернулись через три дня с ничего не значащим ответом.¹⁷³

Епископ находился в Пиньероле, где он руководил ужасной бойней. Совет удовлетворился тем, что написал ему, учитывая расстояние; и поскольку он все еще гордился своим подвигом, он ответил, превознося мягкость своего правительства: 'У вас никогда не было принца или прелата с такими благими намерениями, как у меня', - писал он из Турина 15 октября. "казнь, совершенная по ту сторону моста Арве, предназначена для того, чтобы преподать урок тем, кто желает вести дурную жизнь". Соответственно, бастард призвал женевцев проявить понимание его доброты, ответив ему двойной долей любви. Эти казни, отнюдь не вызвав у него никаких угрызений совести, пробудили в нем желание большего; он предложил женевцам отблагодарить его за нежные услуги, подарив ему голову Бертелье и еще нескольких человек. Признавшись совету в своей самой сокровенной тоске, он выразил опасение, что, если эти головы не упадут до его возвращения, это помешает ему насладиться удовольствиями за столом. "Исполняй свой долг, - сказал он, - чтобы, когда я буду с тобой, тебе не оставалось ничего другого, как *поднимать настроение*'. Жить весело и предавать смерти своих самых прославленных подданных - вот два главных пункта его епископального врачевания душ. Чтобы быть более уверенным в получении этих голов, он пригрозил Женеве своей местью: "Если вы откажетесь, - сказал он в заключение, - поймите ясно, что я буду молить моего господина (герцога) и его брата (графа) сохранить мои законные права; и я уверен в них, что они не позволят попирать меня; кроме того, я рискну своей жизнью и своим имуществом'. Эта мягкая пастораль была подписана: Епископ Женевы. [174](#)

Таким образом, все играли в лиге против Женевы. Будет ли она разгромлена? Была ли в этой маленькой республике достаточная сила, чтобы противостоять двоякой оппозиции мирян и клерикальных кругов, которая сокрушила так много вольных городов в темные века? Как мы видели, в формировании современных свобод действовали определенные влияния, и мы находим в Женеве представителей трех великих школ, в которых Европа изучала принципы управления. Характерной чертой немецких свобод была энергичная любовь к независимости; теперь Бертелье и многие его друзья были настоящими немцами в этом отношении. Характерной чертой римских свобод была законность; мы находим это ярко выраженным у Леврие и других выдающихся людей. Третьим элементом независимости этого народа должен был стать тот христианский принцип, который, подчиняя совесть Богу и таким образом придавая человеку твердость, превосходящую человеческую, заставляет его ступать по пути свободы и проходить вдоль пропастей, не поворачивая головы и не спотыкаясь ногами. Еще несколько лет, и огромное количество женевцев найдут этот последний элемент в Евангелии. Этому Женеве в основном обязана своим существованием.

После убийства Бланше и Нависа страсть к независимости стала доминирующей. "С того времени, - сказал судья семнадцатого века, - на герцога и епископа в Женеве смотрели как на двух тиранов, которые стремились только к опустошению города". [175](#)

ГЛАВА XIII.

ГУГЕНОТЫ ПРЕДЛАГАЮТ СОЮЗ СО ШВЕЙЦАРЦАМИ, И МАМЛЮКИ РАЗВЛЕКАЮТСЯ В ТУРИНЕ.

(Октябрь-декабрь 1518 г.)

Настал момент, когда решительные люди были готовы взяться за эту работу. Патриоты узнали, что посягательские замыслы Савойи бесповоротны и что, следовательно, необходимо оказать

им энергичное и непреклонное сопротивление. Бертелье, 'великий презирающий смерть', холодно улыбнулся угрозам епископа; великодушный, твердый и решительный, он воображал, что приближается счастливый момент, когда осуществится его самая заветная мечта — отдать свою жизнь за спасение Женевы. Если он хотел спастись от жестокостей князей, которые угрожали ему со всех сторон, он должен был опуститься на дно, удалиться, отказаться от своих самых благородных планов: он с ужасом содрогался от этой мысли. Противостоять заговору, направленному против свобод Женевы, было его долгом; если бы он пренебрег им, он унизил бы себя в собственных глазах, он подвергся бы угрызням совести; в то время как если бы он выполнил эту задачу, он почувствовал бы себя на своем месте; ему казалось, что он станет лучше и угоднее Богу. Но им двигал не только властный, непобедимый долг: это была страсть, благороднейшая из страстей; ничто не могло утихомирить бури, бушевавшие в его груди. Поэтому он энергично бросился навстречу опасностям. Напрасно Бонивар выказывал признаки уныния и говорил своему великодушному другу на их встречах в Сен-Викторе: "Вы видите, пенсии и угрозы принца побуждают многих известных здравомыслящих людей *втянуть рога*". Бонивар не мог оспорить решение Бертелье. Не заботясь ни о чем, даже о своей жизни, при условии, что он сохранит свободы Женевы, бесстрашный гражданин прошелся по городу, заходя от дома к дому, увещевая граждан "одного за другим", увещевая их наедине. ¹⁷⁶

Его увещевания не были напрасными: сильное брожение начало будоражить умы людей. Они вспомнили, как эти швейцарцы, от которых они ожидали избавления, завоевали свою свободу. Шляпа, водруженная в Альторфе на верхушку шеста; яблоко, по жестокому приказу водруженное на голову ребенка, были, согласно старым традициям этого народа, знаком его независимости. Был ли этот ублюдок менее тираническим, чем Гесслер? Эти две головы, эти две руки — разве они не были еще более страшным сигналом? Останки Нависа и Бланше долгое время оставались незащищенными: напрасно несчастный отец, судья Навис, часто инастойчиво обращался к епископу с просьбой убрать их; прелат получал удовольствие от этой демонстрации своей власти. ¹⁷⁷ Это была странная слепота с его стороны. Эти мертвые конечности, эти закрытые глаза, эти окровавленные губы проповедовали гражданам, что пришло время защитить их древние свободы.... Великий агитатор воспользовался жестокостью бастарда и, используя энергичный язык того времени, сказал: 'Одна и та же булавка висит на плаще каждого из нас. Мы должны сопротивляться. Давайте объединимся, давайте протянем руку помощи Лиге и ничего не бояться, ибо никто не осмеливается тронуть своих союзников ... не больше, чем огонь святого Антония. ¹⁷⁸... Давайте поможем себе, и Бог поможет нам".

Молодые, бедные, все великодушные сердца прислушались к словам Бертелье; "но великие и богатые, - говорит Бонивар, - испугались из-за своего богатства, которое они предпочли своей жизни". ¹⁷⁹ Эти великие и богатые люди, Монтион и герцогская фракция, видя опасности, угрожавшие принцам Савойским в Женеве, решили отправить второе посольство с приказом отправиться на этот раз даже в Турин и Пиньероль. Эта миссия была поручена тем же трем мамлюкам. Патриоты были возмущены: "Как! — сказали они, - вы хотите спасти овец и все же выбираете для этого волков?" - "Неужели вы не понимаете, - ответил Монтион, - что если вы хотите *приручить* принцев, вы должны позаботиться о том, чтобы не посылать людей, которые им неуютны?" Делегация прибыла в Турин, где в то время находился герцог. Они потребовали аудиенции, чтобы выразить свое почтение его высочеству, и, поскольку их чувства были известны, их молитва была легко удовлетворена. Они робко изложили свои претензии. 'Это сделал не я, - сказал Шарль. - Это сделал милорд Женевский; идите к епископу в Пиньероль'. Депутация направилась в этот город, расположенный по соседству с раскольничьими

вальденсами, которых прелат ненавидел по меньшей мере так же сильно, как и женевцев. Получив аудиенцию, они повторили преподанный им урок: 'Город очень удивлен тем, что вы казнили двух наших граждан и разместили их на границах Женевы. Если бы какие-либо частные лица нанесли вам оскорбление, скажем, наши граждане, вам стоило только обвинить их, и они были бы наказаны в Женеве'.¹⁸⁰ — 'Это сделал не я, - сказал епископ, - это сделал мой господин герцог'. Депутаты-мамелюки были решительно склонны признать половину утверждений двух принцев и полагать, что, вероятно, убийство совершено не Джоном и не Чарльзом. Официальная миссия была завершена, и прелат, хорошо знавший, с кем ему приходится иметь дело, распорядился, чтобы послов развлекли. Последний не желал ничего лучшего. Епископ "соответственно развлекал их, - говорится в хрониках, - угощал, пировал и веселился вместе с ними". Увеселительные вечеринки быстро сменяли друг друга, и трое мамелюков, забыв о своих дипломатических делах, нашли итальянские вина превосходными, а бастарда и его двор весьма пленительными.¹⁸¹

Однако всякому веселью приходит конец: политики туринского двора хотели извлечь выгоду из посольства и, хотя оно было направлено против узурпации власти принцами Савойскими, умело обратить его против свобод жителей Женевы. Это было нетрудно, поскольку их представители предавали их. Три посла, епископ, его офицеры и герцогские советники обсуждали ответ, который следовало направить Женевскому совету. Принцы, доверяя своим пенсионерам, презирали либеральную партию; но три посланника, видам, Нергаз и Делеамон, близко видевшие опасность, были далеки от того, чтобы поступить так же, и были встревожены такой беспечностью. 'В Женеве есть верноподданные, - говорили они, - но есть и негодяи, мятежники и заговорщики, которые, чтобы избежать наказания за свои злодеяния, убеждают народ заключить союз с Фрибургом. Зло больше, чем вы себе представляете; гельветические республики установят свое проклятое народное правительство в Женеве. Поэтому вы должны самым суровым образом наказать советников по таким вопросам и сокрушить мятежников'.¹⁸² Два кузена не желали ничего лучшего. Карл не желал, чтобы либеральные принципы приблизились к Савойе и, возможно, к Турину; но он предпочел дать совету лишь устный ответ. Депутаты, встревоженные возложенной на них таким образом ответственностью, настояли на письменном ответе, и соответственно было составлено письмо. В нем герцог и епископ проинформировали совет, "что они будут считать их верноподданными, если они без колебаний помогут *предать смерти Бертелье и десять или двенадцать других*", которых они назвали. 'Мы вручаем вам это письмо, - сказали герцог и епископ депутатам, 'но вы не передадите его синдикам и совету Женевы, пока они не пообещают под присягой (перед прочтением) незамедлительно выполнить содержащиеся в нем приказы'. Никогда еще монарх не выдвигал таких огромных претензий. Бог сначала имеет в виду тех, кого Он намеревается погубить. Подобострастные послы постарались не выдвигать возражений и, довольные успехом своего посольства и особенно блестящими празднествами туринского двора, отбыли со странными инструкциями, которые дали им два принца.¹⁸³

В то время как мамелюки и савояры устраивали заговоры в Турине и Пиньероле против свобод города, Бертелье и его друзья думали, как их сохранить. Беззакония герцога и епископа с каждым днем все больше и больше убеждали их в необходимости независимости. Они решили предпринять решительный шаг. Бертелье, Бернар, Бонивар, Левье, Вандель, Де ла Мар, Безансон Хьюз и некоторые другие встретились для консультаций. 'До сих пор, ' сказал Бертелье, 'только в гостиных и чуланах мы советовали заключить союз со швейцарцами; теперь мы должны провозгласить это на крышах домов; простых разговоров больше недостаточно:

пришло время прийти к общему решению. Но, увы! где, когда и как?... Принцы Савойи приучили нас собираться только для собственного удовольствия. Кто когда-либо думает на наших собраниях о безопасности города?' Затем начал говорить Бонивар: 'В доме месье де Джинжена и в моем доме в Сен-Викторе часто собирались небольшими группами для дружеских бесед. Теперь нам нужны комнаты побольше и более многочисленные собрания. Вот мое предложение. Давайте использовать для совершения добра те же средства, которые мы до сих пор использовали для совершения зла. Давайте воспользуемся встречами, на которых до сих пор не думали ни о чем, кроме удовольствия, чтобы впредь подумать о сохранении наших свобод'. Это предложение встретило благосклонный прием.

После убийства Бланше и Нависа проводить эти собрания гугенотов стало еще труднее. Угрозы Савойи были таковы, что люди боялись всего, что могло послужить поводом для насильственных мер. "В прежние времена в Женеве существовало братство Святого Георгия, - заметил один из собравшихся, - которое теперь выродилось, но не уничтожено; давайте возродим его и воспользуемся им; давайте используем его для спасения привилегий, которым угрожают савойские князья".¹⁸⁴

Бертелье приступил к работе, как только собрание закончилось. Когда он хотел собрать своих друзей, он обычно проходил, насвистывая, под их окнами. Он начал прогуливаться по улицам с беззаботным видом, но не сводя глаз с часов, и свистел всякий раз, когда проходил мимо дома преданного горожанина. Гугеноты прислушались, поняли сигнал своего вождя, вышли и направились к нему: встреча была назначена на определенный день и час.

Настал день. 'Нас было около шестидесяти', - сказал Бонивар. Это было небольшое число, но все они были людьми духа и предприимчивости. Это не было собранием заговорщиков: собрались самые достойные члены республики, которые не собирались выходить за рамки прав, которые давала им конституция. На самом деле Бертелье и Безансон Хьюз предложили просто союз со швейцарцами. 'Эта мысль - не фантазия, возникшая в пустом мозгу, - говорили они. - принцы Савойи вынуждают нас к ней. Отнимая у нас ярмарки, попирая законы, разрывая наши отношения с другими странами, они вынуждают нас объединяться со швейцарцами'. Когда они обнаружили, что Савойя яростно ломает ветви дерева и даже пытается вырвать его с корнем, эти патриоты были полны решимости привить его к старому и более крепкому стволу гельветической свободы.¹⁸⁵

Слух об этом решении, который, однако, пытались сохранить в секрете, достиг Турина. Ничто в мире не могло вызвать большего гнева и тревоги у епископа и герцога. Они ответили немедленно, 13 октября, отправив приказ о привлечении Бертелье к суду в следующем месяце перед епископальными комиссарами; это означало приговорить его к смертной казни. Советник Фрибурга Марти, человек прямолинейный, но в то же время умный, сердечный, преданный и готовый, узнав о происходящем, поспешил в Женеву. Самая священная дружба завязалась между ним и Бертелье, когда, сидя у одного очага, они беседовали о Женеве и свободе. Мысль о том, что насильственная смерть может внезапно унести столь дорогого человека, серьезно встревожила Марти. Он проследовал в ратушу, где заседал Совет Пятидесяти, и сразу же показал, как полон нежности к Бертелье и гнева к его врагам. 'Господа, - сказал он прямо, - я прихожу сюда по одному и тому же делу уже в пятый раз; прошу вас, чтобы это было в последний. Защищайте Бертелье, как того требуют свободы вашего города, или берегитесь! Фрибург всегда желал вам добра; не вынуждайте нас менять наше мнение.... Не

останавливайтесь между двумя сторонами: выбирайте ту или иную. Герцог и епископ говорят одно, а делают всегда другое: они думают только о том, чтобы уничтожить ваши свободы, а Фрибург - о том, чтобы защитить их'. Совет, который счел более удобным подать правую руку одному, а левую - другому, чтобы сохранить хорошие отношения с Фрибургом и епископом, счел эту речь немного грубой. Они все равно поблагодарили Марти, но добавили, что, прежде чем дать решительный ответ, они должны дождаться возвращения депутатов, посланных к епископу и герцогу. "Тем не менее, - добавили синдики, - что касается Бертелье, мы сохраним свободы города".¹⁸⁶

Депутаты, которых они ожидали из Турина, — Нергаз, Делеамон и видаме — вскоре прибыли. Когда они вернулись в вольный город, они все еще были ослеплены пышностью пьемонтского двора и полны идей, которые им внушили сторонники абсолютной власти. 'Все зависит от принца, - говорили они, - и у народа не должно быть другой воли, кроме его'. Думая только о том, чтобы заявить об абсолютной власти епископа, они предстали 29 ноября перед Государственным советом и повелительным тоном заявили: 'У нас есть приказ от моего господина епископа не выполнять нашу миссию, пока вы не пополните свое число двадцатью наиболее выдающимися гражданами'. Таким образом, принцы Савойи хотели добиться большинства. Совет согласился с этим требованием. 'Мы требуем от них, - добавил синдик Нергаз, - принести клятву в нашем присутствии, что они не расскажут ничего, что могут услышать'. — 'Что означает вся эта тайна?' - спрашивали друг друга члены совета; но клятва была дана. Затем послы сделали еще один шаг вперед: 'Вот письмо, в котором мой господин излагает свою суверенную волю; но прежде чем оно будет вскрыто, вы все должны поклясться выполнять содержащиеся в нем приказы'. Это странное требование было встречено угрюмым молчанием; такой открытый деспотизм изумил не только друзей свободы, но даже мамлюков. 'Передайте нам адресованное нам письмо, чтобы мы могли его прочесть', - попросили Безансон Хьюз и другие независимые члены совета. 'Нет, ' ответил Нергаз, ' сначала клятва, а потом письмо'. У некоторых сторонников Савойи хватило наглости поддержать это требование, но "друзья независимости" оказали решительное сопротивление, и митинг был разогнан. 'В этом письме, должно быть, содержится какая-то опасная для народа тайна', - сказали они. Было решено созвать генеральный совет, чтобы послы могли лично передать свое послание. Это обращение к народу было очень неприятно трем депутатам, однако они поощряли друг друга выполнять свою миссию до конца.¹⁸⁷

В воскресенье, 5 декабря, раздался звук трубы, зазвонил большой колокол собора, горожане обнажили мечи, и большой зал Рива был 'совершенно заполнен людьми'. От депутатов потребовали 'передать их послание'. — 'Наше послание содержится в письме, - сказал Нергаз, ' и наши единственные инструкции заключаются в том, что до того, как совет Женевы вскрыет его, они должны поклясться выполнять его распоряжения'. Эти слова вызвали огромное волнение в народе. 'У нас такой хороший вождь, ' говорили они с иронией, ' что мы должны следовать за ним с закрытыми глазами и не бояться упасть вместе с ним в канаву! Как мы можем сомневаться в том, что тайна, содержащаяся в этой таинственной бумаге, является тайной справедливости и любви?... Если среди нас есть скептики, пусть они идут к ореховому дереву на Арвском мосту, где все еще висят конечности наших друзей.' - "Господа, — сказали более серьезные люди, - мы возвращаем вам письмо нераспечатанным и просим вас отослать его обратно тем, кто его вам передал". Тогда Нергаз, почувствовав раздражение, с горечью воскликнул: "Я предупреждаю вас, что у милорда Савойского много войск на поле боя, и что, если вы не выполните приказы, содержащиеся в этом письме, ни один гражданин Женевы не

будет в безопасности в своей стране". государства. Я слышал, как он так сказал. 'Люди, услышав это, были очень раздражены. 'В самом деле!' воскликнули они. - Если мы заранее не поклянемся сделать что-либо, не зная об этом, со всеми, кто владеет землями в Савойе или путешествует туда, будут обращаться так же, как с Нависом и Бланше'. ... Вслед за этим несколько горожан повернулись к трем депутатам и сказали: 'Неужели вы оставались пять или шесть недель в горах, пировали, развлекались, ликовали и жили весело, чтобы привезти нам такие депеши? К Роне с предателями! к Роне! Трое мамлюков трепетали перед гневом народа. Неужели их действительно собирались бросить в реку, чтобы очистить от нечистот, которыми они заразились на праздниках в Турине?... Леврье, Безансон Хьюз и другие знатные люди успокоили горожан, и подобострастные депутаты отделались испугом. Восстановив спокойствие, советники вернули письмо принца Нергазу и его коллегам, сказав: 'Мы не будем его вскрывать'. Они опасались влияния савойских выходцев, которых было много в Большом Совете. Мы даем это название учрежденному в 1457 году Органу, который сначала состоял всего из пятидесяти человек и который, часто увеличиваясь, несколько позже стал Советом Двухсот. Народ лишил это собрание привилегии, данной им в 1502 году, и постановил, что отныне только генеральный совет должен принимать решения по всему, что касается свобод Женевы. 188

ГЛАВА XIV.

ГУГЕНОТЫ ТРЕБУЮТ СОЮЗА С ФРИБУРГОМ: МАМЛЮКИ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ЭТОГО. БЕРТЕЛЬЕ ОПРАВДАН.

(Декабрь 1518 - январь 1519 гг.)

Жестокая резня Нависа и Бланше и дерзкое запечатанное письмо были действиями, разоряющими тех, кто их совершил. Если бы епископ обладал только духовной властью, он не был бы втянут в подобные меры; но, желая объединить земное владычество с религиозным руководством, он потерял и то, и другое: справедливое наказание тех, кто забывает слова Христа: 'Царство Мое не от мира сего'. Епископ разорвал контракт, который связывал его со свободными гражданами древнего города. Борьба становилась ожесточеннее с каждым днем и неизбежно должна была закончиться падением римского епископата в Женеве. Не Реформация должна была свергнуть представителя папы римского: это было дыхание свободы и законности, которое должно было выкорчевать это бесплодное дерево, а реформаторы должны были прийти позже, чтобы возделывать почву и разбросать повсюду семена жизни. Две группы, обе незнакомые с Евангелием, стояли тогда лицом к лицу. С одной стороны были епископ, викарий и фискал-прокуратор, каноники, священники, монахи и все агенты папства; с другой - друзья света, друзья свободы, сторонники закона, представители народа. Битва шла между клерикальным и светским обществом. Эта борьба не была чем-то новым; но если в средние века клерикальное общество всегда одерживало победу, то в Женеве, напротив, в шестнадцатом веке должна была начаться серия его поражений. Этот феномен легко объяснить. Церковное общество долгое время было самым развитым, равно как и самым сильным; но в шестнадцатом веке светское общество предстало во всей силе молодости и вскоре должно было одержать победы более зрелого возраста. С клерикальной властью было покончено: оружие, которое она применила в Женеве (письмо и ореховое дерево), свидетельствовало о полном унижении человеческого достоинства. Устаревшая, впавшая в ребячество и дряхлость, она больше не могла противостоять непрофессиональному телу. Если дуэль происходила на открытой местности, без тайных договоренностей, без обмана, обещанная церковная власть

неизбежно должна была пасть. Эпикурейская свинья (если нам будет позволено воспользоваться древним выражением), одновременно грязная и жестокая, которая со своего епископского престола грубо попирала ногами самые священные права, бессознательно готовила в Женеве славное пришествие Реформации.

Не успел митинг 5 декабря быть распущен, как граждане разошлись по городу. Дерзкая просьба князей и отказ народа были предметом всех разговоров: ни о чем другом не говорилось 'ни публично, ни в частном порядке, ни на пиру, ни на похоронах'. Письмо, в котором от имени Женевы требовалось заключить союз с Фрибургом, не было скреплено печатью, как у епископа; его открыто выставляли напоказ на улицах и носили из дома в дом; большое количество горожан поспешили поставить свои подписи: их было триста. Необходимо было отвезти это прошение во Фрибург; Бертелье, который все еще находился под судом, не мог покинуть город; кроме того, было бы лучше нанять нового человека, возможно, более спокойного и дипломатичного. Они обратили свой взор на синдика Безансона Хьюза, который по характеру был чем-то средним между Бертелье - человеком действия, и Левье - человеком закона. 'Никто не может быть более желанным гостем среди конфедератов, чем вы', - сказали они. "Конрад Хьюз, ваш отец, сражался при Морате в рядах Цюриха". — 'Я поеду, - ответил он, - но как простой гражданин'. Они хотели дать ему коллегу более добродушного характера и выбрали Де ла Мара. Некоторое время он жил в поместье, которым владела его жена в Савойе; но местная знать "сыграла с ним много злых шуток", поскольку он был женеvцем, и он вернулся в город, пылая ненавистью к савойскому владычеству.

Два депутата встретили теплый прием и большие почести во Фрибурге. Пенсионеры Савойи напрасно сопротивлялись их требованию; триста женеvцев, подписавших петицию, получили свободу города с предложением сделать альянс генеральным, если этого пожелает община. Во вторник, 21 декабря, два депутата вернулись в Женеву, а в следующий четверг предложение альянса было вынесено на рассмотрение народа в генеральном совете. Это должен был быть великий день, и соответственно обе стороны отправились на совет, преисполненные решимости, каждая из них, предпринять последнее усилие. Сторонники абсолютизма и гражданских свобод, граждане, привязанные к Риму, и те, кто был склонен сбросить свои цепи, старые времена и новые, встретились лицом к лицу. Сначала с обеих сторон прозвучало несколько красноречивых речей: 'Мы не допустим, чтобы закон и свобода были изгнаны из Женевы, - заявили граждане, - чтобы на их месте установилось произвольное правление. Сам Бог является гарантией наших привилегий'. Вскоре они перешли на более теплые выражения и, наконец, так разволновались, что обсуждение стало невозможным. Депутат от Фрибурга, вернувшийся вместе с Хьюгом и Де ла Маром, тщетно пытался успокоить их; совет был вынужден разойтись, так и не придя ни к какому решению. Швейцария предложила ей союз, но Женева его не приняла. [189](#)

Сторонникам независимости было не по себе; большинству из них не хватало информации и аргументов; они восполняли недостаток инстинктом свободы, смелости и энтузиазма; но эти качества иногда подводят и исчезают. Соответственно, многие из них опасались, что свободы Женевы в конце концов будут принесены в жертву благоволению епископа. Более просвещенные, напротив, думали, что права граждан останутся в безопасности; что ни привилегии, ни хитрости, ни насилие не свергнут их; но что борьба, возможно, будет долгой, и если, согласно пословице, Рим не был построен за один день, значит, его нельзя разрушить за один день. Эти выдающиеся люди, чьим девизом было 'Время приносит все', призвали людей к

терпению. Это было не то, чего хотел пылкий Бертелье. Он желал действовать немедленно и, видя, что наиболее осведомленные люди колеблются, сказал: 'Когда мудрые отказываются, мы используем дураков'. Он снова обратился к молодым женецам, с которыми давно был связан, с целью склонить их на свою сторону в своих патриотических планах. Он был не одинок. Теперь на сцену выходит еще один гражданин, член одной из самых влиятельных семей города, по имени Бодишон де ла Мезон-Нев, человек благородного и возвышенного характера, смелый, желанный везде, безмерно пренебрегающий всеми традициями старых времен, часто беспокойных, и человек, который, возможно, больше, чем кто-либо другой, способствовал расчистке в Женеве пути, по которому должна была прийти Реформация. Эти два патриота и некоторые из их друзей пытались возродить в народе память об их древних правах. На банкетах, где собиралась женевская молодежь, звучали эпиграммы против герцогской партии, исполнялись гражданские и гельветические песни, и среди прочих одна, сочиненная Бертелье, непоэтичный, но очень патриотичный смысл которой звучал так: "Да здравствует сюртук, господа союзники!"

Каждый день этот припев звучал со свежим энтузиазмом. Ветер дул в сторону независимости, и волны популярности продолжали подниматься. 'Большая часть города присоединяется к нашему братству,' сказал Бонивар. 'определенно, горожане самые сильные'. Рождественские праздники способствовали ликованию горожан. Самые горячие из женевских юношей разгуливали по улицам; по ночам они разжигали костры на площадях (которые они называли *ардре де фэй*), и мальчики, делая факелы из скрученной соломы, бегали взад и вперед по городу, крича: 'Ура Лиге! гугеноты навеки!' Вооруженные люди несли караул по всему городу и, проходя мимо домов мамлюков, осыпали их насмешками. 'Они были очень веселы,' сказал Бонивар, - и производили больше шума, чем было необходимо'. Эти две партии с каждым днем становились все более отчетливыми: гугеноты носили крест на камзолах и перо на шляпах, как швейцарцы; мамелюки носили на голове веточку остролиста. 'Всякий, кто прикоснется ко мне, будет уколот', - говорили они, дерзко указывая на это. Ссоры были частыми. Когда группа друзей Савойи случайно встречала нескольких друзей Лиги, первые кричали: 'Гугеноты!', а вторые отвечали: 'Мы храним этот титул в чести, ибо его приняли первые швейцарцы, когда они связали себя клятвой против тирании своих угнетателей!... Но вы, мамелюки, всегда были рабами!' — 'Берегитесь,' сказал видам, - ваши действия мятежны". — "Необходимость побега из рабства делает их законными", - ответили Бертелье, Мезон-Нев и их сторонники. Горный поток стремительно неся вниз, и люди спрашивали, смогут ли воздвигнутые на его пути дамбы сдержать его ярость.¹⁹⁰

Савойская партия решила нанести решающий удар. Никто не подвергался большей угрозе, чем Бертелье. Два принца, возможно, сохранили бы жизнь другим гражданам, чьи имена содержались в письме; но что касается Бертелье, то они должны были получить его голову, и как можно скорее. Это было общеизвестно: люди боялись скомпрометировать себя, отдавая ему честь, и робкие люди отворачивались, когда видели, что он приближается, что заставило Бонивара, оставшегося ему верным, с беспокойством воскликнуть: 'Увы! его бросили почти все состоятельные люди!' Но Бертелье не бросил себя. Он видел меч, занесенный над его головой; он знал, что удар вот-вот будет нанесен, и все же он был самым безмятежным и воодушевленным из граждан Женевы; именно он 'словом и примером всегда утешал молодых людей'. Он просто просил, чтобы *все было сделано правильно*. 'Меня обвиняют в том, что я марплот, потому что я требую справедливости; — ни на что не годный, потому что я защищаю свободу от предприятий узурпаторов; — заговорщик против жизни епископа, потому что они

замышляют против меня заговор'. Рассмотрение его дела откладывалось неделю за неделей. Его друзья, тронутые спокойствием его щедрой души, громко потребовали созыва общего совета. Народ собрался 19 января: "Все, чего я прошу, - сказал Бертелье, - это предстать перед судом; пусть они накажут меня, если я виновен; и если я невиновен, пусть они заявят об этом". Генеральный совет приказал синдикам вершить правосудие. [191](#)

Они больше не колебались: они внимательно изучили обвинительный акт; они трижды вызывали видейма и фискала-прокурора, чтобы изложить свои обвинения. Видаме, зная, что это невозможно, убрался с дороги: его не могли найти. Навис появился один, но только для того, чтобы заявить, что не будет давать никаких показаний. После соблюдения всех формальностей Большой совет, состоявший в то время из 117 членов, собрался 24 января 1519 года и вынес оправдательный приговор. Синдики, держа в руках свои служебные жезлы, в сопровождении всех членов совета заняли свое место (согласно древнему обычаю) на платформе перед ратушей. Вокруг собралась огромная толпа горожан; многие цеплялись за стены; все с энтузиазмом устремили взгляды на обвиняемого, который спокойно и непоколебимо стоял перед своими судьями. Тогда Монтион, главный синдик, мамелюк, но верный блюститель закона, сказал ему: 'Филибер Бертелье, обвинения, выдвинутые против вас, основаны не на вероятных доказательствах, а на насильственных и вымогаемых признаниях, осуждаемых всеми законами человеческими и божественными. Мы, синдики и судьи уголовных судов этого города Женевы, имея перед глазами Бога и Священное Писание, осеняя себя крестным знамением и говоря от имени Отца, Сына и Святого Духа, своим окончательным приговором объявляем тебя, Филибер, ни в какой степени не причастным или виновным в преступном заговоре против нашего и вашего принца, и объявляем выдвинутые против тебя обвинения необоснованными и несправедливыми. Поэтому вы должны быть освобождены от них, и настоящим вы освобождены и оправданы'. Это решение, вынесенное магистратом, преданным герцогу и епископу, было благородной данью уважения справедливости дела, которое защищал Бертелье. Торжественное чувство, какое сопутствует великому и справедливому освобождению, охватило ассамблею, и радостные патриоты спросили, не является ли оправдание Бертелье залогом освобождения Женевы. [192](#)

Но если радость гугенотов была велика, то ужас мамлюков был еще больше. Эта *тайна*— ибо так они называли оправдание невинного человека — привела их в ужас. Они воображали, что их дела обстоят лучше, и вдруг оказались в отчаянии. Та благородная голова, которую они хотели опустить, теперь поднялась спокойной и жизнерадостной среди восторженного народа. В довершение их несчастья, именно один из членов их собственной партии вынес этот отвратительный оправдательный вердикт. Они отправили новость своим друзьям в Пьемонт, добавив, что их дела никогда не были в худшем положении. Оправдательный приговор Бертелье произвел глубокую сенсацию при туринском дворе. Это был триумф закона и свободы, который поставил под угрозу все планы Савойи. Захватив Бертелье, они надеялись погасить тот пожар независимости и вольности, который они могли различить издали на женевских холмах; и теперь пожар, который, как они надеялись, был потушен, разгорался все ярче и выше....

Архиепископ Турина, поклявшийся уничтожить всякую республиканскую независимость, разъяснил своему суверену истинное значение только что вынесенного приговора. Слабый герцог, который не знал, как осуществить свои предприятия, и больше боялся потратить деньги, чем потерять свои владения, до этого момента пребывал в состоянии глупой уверенности.

Теперь он проснулся: он понял, что союз со Швейцарией навсегда лишит его Женевы, и расценил оправдание Бертелье как оскорбление его чести. Он решил разорвать союз, отменить судебное решение и задействовать, в случае необходимости, все силы Савойи. Однако он начал с дипломатических мер.¹⁹³

30 января его послы, президент Ланды, сеньор де Бальезон, Бернар де Сен-Жермен и искусный и энергичный Салнев, прибыли в Женеву и, будучи представлены генеральному совету, сначала громко заверили его в дружбе. Но вскоре, сменив тон и желая устроить своими угрозами, они сказали: "Тем не менее его высочество узнает, что некоторые из вас составляют заговор против него". При этих словах в собрании поднялось большое волнение: "Кто заговорщики?" назовите их!" - раздались крики со всех сторон. Сеньор Ландский, пропустивший это слово мимо ушей, исправился и заверил их, что герцог был рад услышать, что народ отказался поддержать тех, кто был против него. Но посол напрасно сменил тон — женевская восприимчивость была взбуждена: это злополучное слово "*заговор*" распространилось по городу. "Чтобы составить заговор против герцога, он должен сначала стать нашим принцем", - говорили некоторые. - Теперь, что бы он ни говорил, он всего лишь *видаме*, то есть гражданское должностное лицо, и как таковое подчиняется верховному совету. Мы не будем отвечать послам Савойи до тех пор, пока они не назовут имена заговорщиков. Савояры усилили свое внимание и выказывали самую нежную заботу о кошельках женеvцев. "Мы весьма встревожены, - сказали они, - количеством золотых флоринов, которые вам придется заплатить Фрибургу за его союз". Они тщательно прятались под овечьими шкурами; но что бы они ни делали, время от времени неожиданно выглядывали волчьи клыки; и пока вожди занимались дипломатией, между горожанами и приближенными послов возникали острые споры. "Все женеvцы - предатели!" - воскликнул слуга из казначейства Шамбери. Негодяй получил выговор, но послы сочли благоразумным покинуть город. Они были раздражены и по возвращении в Турин сказали герцогу: "Вы ничего не добьетесь, рассуждая с этими гражданами. Если вы скажете, что вы их принц, они будут утверждать, что вы их вассал". — "Что ж, - сказал герцог, - давайте уладим этот вопрос не пером, а мечом". Это было именно то, чего хотел энергичный Салнев.¹⁹⁴

ГЛАВА XV.

ЛЮДИ В ГЕНЕРАЛЬНОМ СОВЕТЕ ГОЛОСУЮТ ЗА АЛЬЯНС. ГЕРЦОГ ПЛЕТЕТ ИНТРИГИ ПРОТИВ НЕГО.

(Февраль и март 1519 г.)

Женеvцы знали, какой слух будет о них в Турине; поэтому они решили опередить герцога и как можно скорее заключить союз со швейцарцами, который позволил бы им дать решительный отпор савоярам. Ничто не могло быть более законным. Свобода в Женеве существовала давно: деспотизм князей был новшеством. Народ собрался по обычаю в воскресенье, 6 февраля 1519 года, чтобы избрать четырех синдигов на год, и вперед выступил Безансон Хьюз. Сначала казалось, что он говорит в личных целях, но его сердце наполняла только одна мысль — он хотел видеть Женеву объединенной со Швейцарией. Предложить это открыто означало бы подвергнуть опасности его жизнь и, возможно, дать преимущество врагу; поэтому он искусно приступил к работе. "Суверенные государи," сказал он, - послы Савойи говорили о заговорщиках; я думаю, они имели в виду меня и имели в виду мое путешествие во Фрибург. Теперь я заявляю, что не сделал ничего, противоречащего долгу гражданина.... Кроме того, - добавил он как бы в скобках, - если вы хотите знать об этом все, вы найдете подробное

объяснение в письме от совета Фрибурга.' — "Письмо, прочтите письмо", - закричали они. Это было именно то, чего хотел Хьюз: Фрибург, таким образом, внесет предложение, которое он не осмеливался выдвинуть сам. Письмо было зачитано перед всем собранием. "Когда всему сообществу Женевы будет угодно объединиться в дружбе и гражданстве с жителями Фрибурга, - сказал автор, - последние с радостью согласятся, не ущемляя ни прав епископа и князя Женевы, ни свобод и привилегий города, и ни одна из сторон не будет платить дань другой". 195

Услышав это верное и великодушное письмо, люди пришли в восторг. Сами швейцарцы протягивали им руки. Радость была всеобщей; раздались крики о том, чтобы предложение этих благородных союзников было поставлено на голосование. Монтион, мамелюкский синдикат, был встревожен; он был застигнут врасплох; это грандиозное дело, против которого епископ и Савой объединили свои силы, вот-вот должно было разразиться, словно шторм. Даже патриотически настроенный Вандель был запуган и предложил немедленно приступить к выборам синдиков в соответствии с порядком дня. Было слишком поздно. С 22 декабря Бертелье и его друзья проявляли неустанную активность: за шесть недель партия гугенотов добилась огромного прогресса. Желание, надежда и радость воодушевляли горожан. Однако к этому энтузиазму примешивалось еще одно чувство, и это было негодование. Следует помнить, что послы Савойи намекнули, что Женеве придется отдать должное Фрибургу. 'Где те знаменитые золотые флорины, которыми они нас пугали?' - спрашивали горожане. 'Герцог, который среди нас всего лишь гражданский чиновник, в своем желании стать принцем снисходит до гнусной лжи, чтобы добиться успеха!' ... Со всех сторон раздавались крики: 'Опрос, опрос! гражданство с Фрибургом! Опрос, опрос!' Поскольку два первых синдиката упрямо отказывались, Хьюз вспомнил, что бывают моменты, когда только смелость может спасти людей. Он отбросил свои обычные угрызения совести и, действуя исключительно под свою ответственность, предложил союз. 'Да, да', - ответило большинство собрания, подняв руки. Несколько мамелюков, удивленных, смущенных и обескураженных, хранили молчание и неподвижность. 196

Таким образом, в тот самый момент, когда туринский суд выражал свое недовольство оправдательным приговором Бертелье, народ ответил резолюцией, которая еще больше угрожала честолюбивым планам Савойи. Жители Женевы открыли свои ворота швейцарцам. Повернувшись спиной к югу, они отказались от деспотизма и папства; повернувшись лицом к северу, они пригласили свободу и истину.

Выдвижение кандидатуры синдиков, которое последовало за этим, казалось, подтвердило это торжественное голосование: это были самые гугенотские выборы, когда-либо известные. Трое из новых синдиков были преданными сторонниками независимости, а именно: Стивен де ла Мар, родственник Джинджинов, сопровождавший Хьюза во Фрибург; Джон Бод, шурин Хьюза; и Луи Плонжон, сеньор Бельрива. Гигес Прево, премьер-синдик, действительно имел очень тесные отношения с партией герцога, но он был человеком благих намерений. Многим старым советникам пришлось уступить дорогу преданным патриотам. Женева начинала воспарять: она хотела быть свободной. Послы немедленно отправились во Фрибург, чтобы объявить, что народ проголосовал за альянс. 197

Затем разразился один из тех великих порывов, которые охватывают целую нацию, когда после многих сражений она улавливает проблеск свободы. По всему городу горели костры, раздавались радостные возгласы, песни, проходили шествия и банкеты. Но то тут, то там,

посреди этой великой радости, виднелись мрачные лица; мамелюки тщетно пытались сдержать свой гнев; он внезапно вылился в оскорбления и бунты. Реакция действительно была быстрой: в присутствии простого веселья народа друзья герцога сблизились, и их вечеринка была организована. У савойского дома все еще было много приверженцев в Женеве, способных противостоять стремлению к независимости и правде. Здесь были старинные савойские семьи, преданные герцогу; люди, которые были проданы ему; молодые люди знатного происхождения, жаждущие абсолютной власти; священники и миряне, влюбленные в Рим; торговцы, испытывающие отвращение к войне, которая нанесла бы ущерб их бизнесу; слабые люди, трепещущие при малейшем волнении, и множество низших людей без занятий, которые легко возбуждаются на бунт. Партия чувствовала необходимость рассчитать свои силы и прийти к какому-то взаимопониманию; но не самые выдающиеся ее лидеры вышли вперед. Франсис Картелье, уроженец Бресса и председатель синдика в 1516 году, образованный, благоразумный и хитрый, но подлый человек, собрал основных членов синдика в комнате в монастыре Рив, которая называлась 'маленькая печурка'. Туда последовали, помимо Монтиона и Нергаза, которых мы уже знаем, другие мамелюки, молодые и полные рвения: г-н де Брандис, стоявший во главе женевского общества; двое де Фернекс, получившие свое имя от лорда, прославившегося в последующие годы; Марин де Версонекс, чья семья отличалась добрыми делами, молодой человек ограниченного понимания, но пылкого воображения, склонный к легкомыслию и страстно преданный Римской церкви, которая, как он считал, одна могла спасти его; рядом с ним был один из самых влиятельных людей в мире. его двоюродный брат Персиваль де Песмес, связанный с ним искренней дружбой и чьи предки были среди баронов-крестоносцев, последовавших за Людовиком Святым; наконец, многие другие благородные мамелюки, решившие даже до смерти воспротивиться торжеству партии свободы и Швейцарии. Эти старые магистраты и эти молодые дворяне оказались в Женеве не в своей тарелке. Искренние по большей части в своих убеждениях, они верили, что видят в наступающем над миром новом дне бурю, которая, уничтожив то, что существовало, ничего не поставит на место. Что нужно сделать, чтобы предотвратить столь ужасное несчастье? Они решили проинформировать герцога о союзе, за который только что проголосовали, и призвать его приложить все усилия, чтобы предотвратить его осуществление. [198](#)

Все эти усилия оказались бесполезными. Свобода начала поднимать голову в одном из самых маленьких, но самых древних городов Империи и Церкви. Странно, что город, несущий на своем флаге символы этих двух абсолютных властей — ключ пап и орла императоров, — поднял это очень важное знамя и таким образом провозгласил, словно в духе противоречия, свободу Церкви и государства. В то время как другие нации (если не считать Швейцарской лиги) спали под феодальным скипетром своих хозяев, эта маленькая республика в центре Европы пробуждалась. Подобно мертвецу, лежащему на огромном кладбище, оно зашевелилось и в одиночестве с триумфом вышло из своей могилы. Во всех соседних странах, в Швейцарии, Савойе, Франции и местах более отдаленных, люди говорили о странных движениях, происходящих в Женеве, и о смелом сопротивлении, оказанном несколькими энергичными гражданами принцу, который был шурином Карла V и дядя Франциска I. Люди прежних времен встревожились. Правда, это было всего лишь облачко, маленькое, как человеческая ладонь, но оно могло перерасти в яростную бурю, в которой две древние опоры феодального и римского общества — абсолютная власть в духовных и светских вопросах — могли быть разрушены. Что произошло бы тогда? Не могло бы это освободительное движение распространиться по всей Европе? В Женеве люди говорили о политической свободе; в Виттемберге — о религиозной

реформе: если бы этим двум потокам довелось соединиться, они образовали бы грозный поток, который обрушил бы здание темных веков и унес его руины в великую пропасть. 'Люди повсюду говорили, - рассказывает нам Бонивар, - о гугенотах и мамлюках, как когда-то говорили о гвельфах и гибеллинах'. Приор Сен—Виктора, которому сообщили об этих событиях, поразмыслил над ними и сказал в своих размышлениях: "Женева начинает становиться членом христианского мира, о котором говорят странные вещи". Однако, изучая их, он подумал, что есть место для ослабления как надежд, так и страхов: "Слава, как поет Вергилий, - это богиня, которая делает вещи более значительными, чем они есть".¹⁹⁹ Эти вещи были более значительными, чем думал Бонивар. Женева, отправившись на поиски свободы, должна была найти Евангелие.

Герцог, граф и епископ, которым последовательно сообщили об этом их послы, видаме и, наконец, мамелюки из "печурки", "испили этой горькой воды" и спросили себя, собираются ли они потерять этот город, от которого савойский дом получал такую огромную прибыль на протяжении веков. Они начали понимать неосмотрительность своей грубой политики; они начали сожалеть об арестах и убийствах; им хотелось бы, чтобы 'эта работа была проделана заново'. Это казалось трудным, и все же после многих совещаний три принца согласовали определенные планы, тот или иной из которых, по их мнению, должен был увенчаться успехом.

Первое: они стремились разорвать союз с помощью своих пенсионеров во Фрибурге. Последние, желая заработать свои деньги, начали интриговать, декламировать и дискутировать. Но фрибургцы, преданные делу Женевы и свободы, оказали им сопротивление, и народ, узнав о происках пенсионеров, восстал против них. На улицах произошли большие беспорядки, и происходил обмен ударами. 'Что? неужели даже Фрибург встал на сторону новых идей?' - говорили люди при туринском дворе. Фрибург принял их не потому, что они были новыми, а потому, что они были старыми. Пенсионерам Савойи пришлось поднять паруса, и они написали герцогу: "Все, кто не танцует под музыку, которую играет народ, подвергаются риску избиения."²⁰⁰ ... Ваше высочество, пожалуйста, извините нас?

Эта попытка потерпела неудачу, туринский двор перешел к другой и попытался привлечь на свою сторону лидеров оппозиции в Женеве. 'Они очень широко открывают рты, - говорили савояры, - набивают их золотом'. Для осуществления этого нового маневра требовалось большое мастерство. Епископ Морьенский, регент Женевского кафедрального собора, гибкий, способный, вкрадчивый человек, пользующийся большим уважением среди "друзей свободы", был избран герцогом для выполнения этой деликатной миссии. Принц заявил ему с самыми крепкими клятвами (чтобы это можно было повторить), что он не имеет никакого отношения к смерти Нависа и Бланше. 'Это было сделано милордом Женевским единолично, без моего ведома', - сказал он. 'Ах, я был бы очень рад, что этого никогда не случилось, даже если бы это стоило мне очень дорого. Повтори все, что я скажу Бертелье. Предложи ему золото и серебро; одним словом, сделай все, чтобы привлечь его ко мне на службу. Морьен прибыл в Женеву. В то время никто не сомневался, что каждый человек имеет свою цену. 'Его высочеству, - сказал епископ Бертелье, - известно, что преступления, в которых вы обвиняетесь, являются выдумками ваших врагов'. Затем последовали обещания золота и серебра. "Только, - добавила Морьен, - пусть Женева откажется от своего союза со швейцарцами'. Бертелье, который с непоколебимым сердцем ожидал часа, когда он отдаст свою жизнь за независимость Женевы, презрительно улыбнулся при этих словах; затем он вздрогнул и, отставив в сторону позолоченный, но отравленный кубок, который подарила ему Морьен, холодно ответил:

‘Низменный интерес никогда не заставит нас отдать невинный народ на растерзание вашему принцу’. Морьен, отвергнутый Бертелье, ‘посещал все места собраний, - говорится в рукописи, - чтобы убедить главных сторонников союза отказаться от него; но он только ослабил свои усилия’. Все, кого он пытался соблазнить, желали обрести свободу и объединиться со Швейцарией.²⁰¹

Герцог, видя, что его усилия напрасны, предпринял еще одно героическое усилие. ‘Что ж, ’ сказал он, ‘ давайте поднимем на ноги всю Швейцарию’. Энергичный Саленев, способный Шаппюи и дипломатичный Ламбер были отправлены послами из Савойи к депутатам кантонов, заседавших в то время в сейме, и горько жаловались на Женеву. Будет ли этот маленький городок весить на весах столько же, сколько могущественный дом, чьи владения простираются по обе стороны Альп? “Фрибург, - сказал президент Ламберт, - ведет переговоры *санклав*ами без согласия светлейшего князя, в чьих штатах они находятся’. Это новое имя, данное женевцам, очень позабавило Бонивара. “О, о! - воскликнул он. - больше не смея называть нас своими подданными, поскольку это слово устарело, герцог называет нас своими *анклавами*!” На этот раз Карл III. и его правительство выбрали правильный курс. Кантоны, оскорбленные тем, что Фрибург действовал в этом вопросе в одиночку, желая ублажить герцога и не будучи знакомыми с фактами, пообещали призвать “некоторых своевольных и непокорных женевцев отказаться от своего предприятия”.²⁰² Эта маленькая республика в момент своего пробуждения обнаружила, что против нее ополчились как соседние князья, так и значительное большинство кантонов. Сейм высказался в пользу герцога и отправил сьера д’Эрлаха в Женеву поддержать протест герцога. Что могла сделать маленькая Женева, на которую одновременно давили Савойя и Швейцария? Это было так, как если бы два корабля на всех парусах шли в противоположных направлениях, угрожая раздавить хрупкую лодчонку, которая плыла между ними. Но бедное маленькое суденышко несло на себе балласт, который был его спасением, а именно свободу и защиту Бога. Такие суда, даже если они терпят крушение, рано или поздно снова всплывают на поверхность. Фрибургцы не отказались от борьбы за независимость, а послали Джона Фабри в Женеву от их имени. Два депутата встретились почти в одно и то же время на берегах Лемана, один принес мир, другой - войну.

Генеральный совет собрался 1 марта 1519 года, и великодушный Фабри, верный отчаянному делу, выступил первым и не скрыл от собрания, что подавляющее большинство высказалось против Женевы. ‘Обдумайте этот вопрос и посмотрите сами, что следует предпринять”, - сказал он. ‘Что касается нас, мы будем сохранять альянс до последней капли нашей крови’. Эти слова наэлектризовали аудиторию. ‘И мы тоже!’ - кричали они со всех сторон. Горожане были взволнованы: они пожимали друг другу руки, благословляли Фрибург и обнимали Фабри: все клялись быть верными альянсу. Фрибургцы покинули зал, тронутые благородным видом нации, готовой противостоять величайшим опасностям ради защиты своих прав.

Следующим был принят депутат от Лиги. Холодный и дипломатичный, чопорный патриций и непреклонный судья, Д’Эрлах заговорил властным голосом: ‘Повинуйтесь герцогу”, - сказал он. ‘ Будьте отныне его верными подданными; разорвите свой союз с Фрибургом. Лига требует этого от вас под страхом своего глубокого негодования; а что касается Фрибурга, то они приказывают это сделать’. Эта короткая и грубая речь поразила женевцев. Как долго они были подданными Савойи?... Неужели Швейцарская лига сбросила свое собственное ярмо только для того, чтобы навязать его другим? Зажгли ли они факел свободы в своих собственных горах только для того, чтобы погасить его в другом месте?... Что? должны ли представители древних свобод

выстроиться в боевой порядок против новой свободы? Самые гордые из женецев, высоко подняв голову, высокомерно заявили, что даже швейцарцы не смогли заставить их согнуться. Однако не все горожане были такими храбрыми. Можно ли было спасти Женеву, если Швейцария откажется от нее? Многим стало не по себе, некоторые были опечалены: одни мамлюки радовались и торжествовали. Место собрания огласилось плачем, стонами и проклятиями. Смятение продолжало нарастать.

Когда депутат от Берна удалился, депутат от Фрибурга, воодушевленный самыми героическими чувствами, вернулся, чтобы успокоить народ; и, несмотря на заявления бернского комиссара, он твердо заявил, что Берн не оставит Женеву. 'Ничего не бойтесь,' сказал он. 'милорды Бернский и Фрибургский - братья; они не станут ссориться друг с другом из любви к Савоие. И хотя Берн должен покинуть вас, с Божьей помощью мы достаточно сильны и не позволим растоптать ни вас, ни себя.... Объявите откровенно, желаете ли вы союза: скажите "да" или "Нет". Затем с громким криком люди воскликнули: 'Да! да! Лучше видеть, как убивают наших жен и детей, лучше самим умереть тысячью смертей, чем разорвать союз с Фрибургом! Генеральный совет, желая энергично доказать свою волю и сделать резолюцию бесповоротной, постановил, что если кто-либо предложит расторгнуть союз, он должен быть немедленно обезглавлен. Синдики вернулись в гостиницу, где Д'Эрлах холодно ожидал их ответа. Это было так же подобающе и гордо, как повелительна была речь Д'Эрлаха. "Мы пошлем депутацию на следующий сейм, - сказали они, - когда докажем, что мы не подданные герцога и что мы ничего не сделали во вред ему".²⁰³

Величие народа не зависит от размеров его территории. В этом маленьком народе была душа, и в этой душе жили возвышенные устремления. Если бы все силы земли восстали против Бертелье, Левье и Хьюза, эти энергичные люди не дрогнули бы. На заседании генерального совета на следующий день (2 марта 1519 г.) союз был подтвержден; Хьюз и Мальбуиссон немедленно отправились во Фрибург с инструкциями подписать помолвку, которую гельветический сейм только что приказал отменить. Таков был ответ Женевы швейцарцам. Преданность Фрибурга должна быть навсегда вписана в качестве примера в летописи истории. Но своей независимостью женецы в значительной степени обязаны не швейцарцам в целом, как принято считать, а Богу и сильной воле, которую Бог дал им.²⁰⁴

ГЛАВА XVI.

КАНОНИКИ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ГЕРЦОГУ, А НАРОД ВОССТАЕТ ПРОТИВ НИХ.

(Март 1519 г.)

Герцог больше не колебался. Мирные и дипломатические средства были исчерпаны; теперь он должен был обнажить меч и его острым лезвием сокрушить гордость Женевы. Тем не менее, чтобы сохранить видимость, он пожелал, чтобы какая-нибудь влиятельная организация выступила против альянса; ибо тогда казалось бы, что он поддерживает женецкую партию, и его вмешательство с применением вооруженных сил выглядело бы менее одиозно. Чтобы достичь своей цели, он обратил свой взор на капитул Сен-Пьера, естественный совет епископа, в его отсутствие представляющий католическую церковь. Поскольку все его члены были дворянами или получили юридическое образование (что в то время приравнивалось почти к дворянству), в конституции Женевы этот орган можно было бы рассматривать как палату

лордов.²⁰⁵ Герцог поручил своим агентам поработать над канонами, и их могли видеть ходящими от двери к двери по улице, которая до сих пор носит их имя. Они посоветовали каноникам быть настороже; этот союз со швейцарцами ставит под угрозу все, и особенно их функции и выгоды. Их заколдовали написать милордам Лиги, заявив, что орден не одобряет данный союз. Каноники, польщенные тем значением, которое его высочество Савойский придавал их мнению, поспешно облачились в скапулярии и дружбу и собрались в капитул. Успех этого герцогского маневра не вызывал сомнений. Только один каноник был уроженцем Женевы; и это был Майкл Навис, брат того, кого убил епископ, — человек столь же раболепный, сколь независим был его брат. Либералами были только двое: Де Гинген, аббат Бонмона, и Бонивар, приор Сен-Виктора, который был самым молодым в капитуле и не имел права голоса, потому что не состоял в священном сане. Все остальные каноники были посвящены герцогу — все достойные джентльмены, весьма впечатленные собственным достоинством, подобно тем каноникам святого Иоанна Лионского, которые, получив свои дворянские звания, потребовали привилегии не преклонять колени при вознесении воинства. Капитул открыл свои прения; и "отважные придворные, имевшие право говорить первыми, начали произносить *аминь*". Бонивар, который видел, как эти толстые каноники один за другим низко склоняли свои раздутые лица, встревожился тем, какой оборот принимали дела. Каковы были бы последствия, если бы Церковь сказала "Нет", в то время как народ сказал "Да"? Какие беспорядки дома, какая слабость за границей! Он видел, что оппозиция в капитуле выпала на его долю; он доблестно выполнил свой долг и дорого заплатил за это. Его голоса не спросили, и секретарь готовился передать резолюцию в письменном виде, когда приор поднялся и сказал: "Остановитесь немного, господин секретарь, хотя я не *в sacris* (в орденах) и не имею права голоса в капитуле, у меня есть долг здесь. Теперь мне кажется, что, прежде чем удовлетворить просьбу прославленного герцога, вам следует получше обдумать ее смысл.²⁰⁶ Это имеет тенденцию разорвать союз с Фрибургом, который так близок жителям этого города, что они скорее потеряют своих жен и детей, чем откажутся от него. Подумайте о том, что вы делаете.... Высокочтимые господа, вы не можете ответить герцогу, не узнав об этом нашем народе, с которым вы обещали жить и умереть. Что они скажут о вас? С вашего позволения, я расскажу вам. Они скажут, что вы разыгрываете трюк скорпиона — спереди притворяетесь друзьями, а сзади наносите смертельную рану своим хвостом.... Бойтесь их гнева. Будьте уверены, что если они ничего не скажут сейчас, то вспомнят о вас в другой раз'. 'Стойкие хозяева', которые были далеки от храбрости, начали чувствовать себя неловко и повернулись в своих стойлах. Они оказались перед неловкой дилеммой. - Есть один способ удовлетворить обе стороны, - продолжал Бонивар, ' это ответить милорду Савойскому, а также народу, что ваше дело не распространяется на союзы и другие подобные гражданские дела, а касается только духовных вопросов; что вас не касается заключение или расторжение договоров; и что ваша функция состоит только в том, чтобы молиться Богу, и молиться главным образом о мире между всеми людьми. Если ты сделаешь это, ни у кого не будет причин быть недовольным тобой".

Таким образом, Бонивар в начале шестнадцатого века установил категорическое различие между духовным и светским правительством и утверждал, что Церковь и государство имеют свою собственную сферу деятельности. Каноники сочли эту теорию очень странной, и еще более странной то, что двадцатипятилетний молодой человек осмелился преподавать ее им.

Епископ Морьенский, считавший себя великим дипломатом, был серьезно оскорблен. 'Неужели вы думаете, господин де Сен-Виктор, ' сказал он, - что мы не знаем, как написать письмо?' ... Савойские каноники были возмущены тем, что один из их соотечественников желал

чего-либо, кроме того, чего желал герцог. 'Савойский дом,' сказал г-н де Монту, 'оказал много милостей вашим предшественникам, и таким образом вы выражаете свою благодарность? ... 'Я охотно оказал бы услугу герцогу,' ответил Бонивар, 'но прежде всего я сдержу свою клятву Женеве и Церкви. При этих словах, прозвучавших как упрек, со всех сторон послышался ропот. Бонивар не испугался. Честный сердцем, с благородными намерениями, мудрый в советах, обладавший незаурядным умом и выдающимся талантом, он был намного выше гнева своих почтенных коллег. 'Очень хорошо, тогда, джентльмены, - сказал он, - делайте, что вам заблагорассудится, но я протестую, что я не согласен'. Затем, повернувшись к секретарю, он сказал: 'Запишите это, господин секретарь', - и покинул капитул. Каноники были слишком преисполнены чувства собственной значимости, чтобы прислушаться к протесту. Убежденные в том, что их долг - сдержать политическое движение, которое, кроме того, могло привести к религиозной революции, эти церковники, желая проявить мужество, подобное мужеству римских сенаторов, безапелляционно составили свою декларацию против союза со Швейцарией, не принимая во внимание сопротивление народа, которое предсказывал Бонивар.

На заре канонического института, когда разрозненные священники церкви были собраны епископом в одно тело, эти священники или каноники поначалу вели жизнь настолько размеренную и строгую, что люди были ими восхищены. Но это длилось недолго, и жизнь этих священнослужителей слишком часто становилась настолько беспорядочной, что миряне отворачивались от них с отвращением и ненавистью. Так было и в Женеве. Решение каноников вскоре стало известно в городе, и люди немедленно в большом количестве собрались на площади Молар. Они описали сцену из главы, на которую Бонивар, возможно, дал некоторые намеки, и пожаловались, что ленивые священники осмеливаются высказывать свое мнение по общественным вопросам и принимать сторону врагов Женевы. Они говорили, что церковники всегда хотели вмешиваться в политику и стремились льстить авторитету, чтобы удовлетворить свою алчность и увеличить свою власть. Было предложено нанести визит этим преподобным мужам и попросить их заниматься своими собственными делами и оставить государственные дела в покое. На самом деле патриоты зашевелились и были готовы, по словам Бонивара, 'в великой ярости броситься на штурм канонов'. Эме де Гинген, аббат Бонмона и епископальный викарий, живший со своими коллегами на улице, до сих пор известной как Рю де Шануан,²⁰⁷ со всей поспешностью послал за своим другом, приором Сен-Виктора, чтобы он мог остановить людей. Согласится ли он? Поскольку каноники отвергли его совет, не мог бы он предоставить им самим выбирать, как они могли, из злого пролива, в который они попали? Бонивар, по правде говоря, ненавидел деспотизм и был одним из самых честных либеральных людей шестнадцатого века. "Монархические князья всегда являются врагами свободы народа, - сказал он, - и слуги, которых они держат, такие же, потому что они могут жить более вольно при короле, чем при законе. Это едва не привело к разорению Рима, когда молодые люди составили заговор с целью восстановления королей, о чем свидетельствует Ливий во второй книге".²⁰⁸

Но если Бонивар был противником деспотизма князей, то в равной степени он был против беспорядков в народе. Поэтому он, не колеблясь, поспешил к епископальному викарию. Де Гинген, который в сильнейшем беспокойстве ожидал возвращения своего гонца, бросился навстречу приору, восклицая: 'Ах, святой Виктор, если ты не отдашь приказа, с канониками случится какая-нибудь беда. Наши предки совершили глупость, и люди услышали об этом: посмотрим, сможете ли вы их успокоить'.²⁰⁹

Бонивар поспешно зажег факел (ибо была ночь) и побежал навстречу людям. Он нашел их на вершине Перрона, крутой улочки, которая начинается между кафедральным собором и улицей Шануан. Бертелье и бывший синдик Хьюз 'были впереди', - говорит он нам. Первый из них, увидев своего друга Бонивара в конце улицы в меховом плаще на голове, держащего в одной руке факел, а другой делающего нетерпеливые знаки, чтобы они остановились, воскликнул с проклятием: 'Ах! вы, *буше-коппоны*, выставляете напоказ себя спереди, а сзади предательство". — "Буше-Коппон (или монах в капюшоне) - это имя, которое они дали нам, - говорит приор, - потому что зимой мы носили амису на головах".²¹⁰

Момент был критический: трепещущие каноники ожидали увидеть, как народ обрушится на них; некоторые из их слуг, с тревогой выглядывая с Перрона, с верхней части улицы наблюдали за движением толпы и внезапно в ужасе отпрянули назад, услышав крики наступающих гугенотов. На самом деле люди были возмущены и требовали привлечь священников к ответственности за вмешательство в политику. Бонивар не дрогнул: 'Спокойно, добрые господа, - сказал он горожанам, - не расстраивайтесь по пустякам; причинено не так много вреда, как вы думаете'. Затем, приписывая каноникам свои собственные идеи, он продолжил: 'Эти преподобные джентльмены написали, что они не будут жить под другой защитой, кроме защиты Бога и Святого Петра, и что что касается союза с Фрибургом, то они не намерены ни принимать, ни отказываться от него.... Письмо еще не отправлено ... вы его увидите! После этого Безансон Хьюз жестом приказал людям остановиться, и толпа подчинилась столь уважаемому судье. Со своей стороны, Бонивар поспешно отправил гонца к епископу Морьена, самому умному из каноников, проинструктировав его 'немедленно изменить смысл письма'. Морьенна тайно послала за секретарем и продиктовала ему новое донесение, такое, какое требовал Бонивар. Бертелье, Хьюз и Пеколат, назначенные народом, прибыли вскоре после этого в сопровождении Бонивара, когда Морьен показал им новый документ. Они заподозрили подвох. 'О нет! чернила еще совсем влажные", - сказали они. Однако, поскольку содержание их удовлетворило, они не стали рассматривать письмо слишком пристально, и люди, не желавшие устраивать беспорядки без всякой цели, тоже были удовлетворены. 'Пусть это дело будет улажено на этот раз, - сказали они, - но давайте прибережем пинок для других придворных'. Они, без сомнения, имели в виду, что, преподав хороший урок каноникам, они оставили честь преподавать еще один мамлюкам. "Я вставил это, - говорит Бонивар, завершая свой отчет об этом инциденте, - чтобы предостеречь все республики от того, чтобы они никогда не оказывали доверия или авторитета людям, воспитанным при дворах принцев".²¹¹

ГЛАВА XVII.

ГЕРЦОГ ВО ГЛАВЕ СВОЕЙ АРМИИ ОКРУЖАЕТ ЖЕНЕВУ. (Март и апрель 1519 г.)

Ресурсы герцога были на исходе, а история с капитулом довела его негодование до предела. Хватит комедии — пора переходить к трагедии. Все должно быть готово к тому, чтобы сокрушить Женеву и свободу.

Герцог собрал армию 'по эту сторону гор (то есть в Савойе) так тайно, как только мог". Затем, опасаясь, что фрибургцы, если их предупредят, поспешат на помощь городу, и желая "поймать рыбу, не замочив лап", он отправил г-на де Ламбера в Швейцарию развлекать кантонистов прекрасными речами. Пока посол таким образом привлекал внимание господ де Фрибург, савойская знать поспешно призвала своих вассалов к оружию. Герцог передал свои войска под

командование сьера де Монтротье, двоюродного брата Бонивара и превосходного капитана. Последний ночью отвел свои войска и в молчании собрал их вокруг Женевы, так что герцог с семью тысячами солдат достиг Сен-Жюльена, расположенного в лиге от города, прежде чем что-либо стало известно о его предприятии. Савояры никогда раньше не преуспевали так хорошо. За короткое время жители окрестностей, толпами спешившие под его знамена, довели численность герцогской армии до десяти тысяч человек.²¹²

Затем герцог больше не скрывал своих намерений. Он держал свой двор в Сент-Джульене, и там вокруг принца собиралось все большее число дворян в богатых одеждах и великолепных доспехах; и особенно молодых джентльменов, полных дерзости, которые жаждали выступить в поход против шумных лавочников. Никогда прежде этот маленький городок не был свидетелем такого зрелища и не слышал столько хвастовства. 'Мы должны уложить их нашими хлыстами для верховой езды', - говорили некоторые. Сказано - сделано. 15 марта 1519 года пятнадцать из этих кавалеров выехали из Сен-Жюльена, чтобы осуществить свой план кампании; они прибыли в Женеву, направились прямо в отель-де-Виль, оставив своих лошадей со слугами на улице, и с важным видом вошли в зал заседаний совета, все в сапогах и забрызганные грязью. Не дожидаясь, пока им предложат стулья, они грубо уселись и без всяких предисловий заявили: 'Мой господин, желающий войти в этот город, приказывает вам сложить оружие и открыть ворота'. Женевские сенаторы, сидевшие в своих курульных креслах, с удивлением смотрели на это необычное посольство; однако они сдержались и сразу же твердо и сдержанно ответили, что герцогу будут рады в Женеве при условии, что он приедет со своей обычной свитой и только для того, чтобы повеселиться, как он часто делал раньше. "В таком случае, - добавили синдики, - оружие, которое у нас есть, будет использовано только для его охраны". Это, по-видимому, подразумевало, что им может быть найдено другое применение; и соответственно джентльмены надменно ответили: 'Мой господин войдет в ваш город с кем пожелает и будет делать в нем все, что ему заблагорассудится'. — "Тогда, ' прямо ответили синдики, ' мы не позволим ему войти'. При этих словах пятнадцать кавалеров поднялись, как один человек: 'Мы войдем, несмотря на ваши зубы, - сказали они, - и будем делать в вашем городе все, что нам заблагорассудится'. Затем, шумно ступая по каменным плитам своими сапогами со шпорами, они покинули зал, снова сели на лошадей и галопом помчались по Сент-Джульен-роуд.²¹³

Когда их увидели спешно едущими вперед, население охватило страх. По правде говоря, момент был критическим. С тех пор Женева более века находилась под ружьем и неоднократно, особенно в эпоху знаменитой эскалады 1602 года, отражала атаки Савойи. Но впоследствии Реформа придала ему силу, которой он сейчас не обладал. Сейм Швейцарии приказал им принять герцога; в городе было всего от десяти до двенадцати тысяч душ, включая женщин и детей; и принц Пьемонтский, герцог Савойский, был у их ворот с десятью тысячами солдат. Они вообразили, что Карл собирается войти, сжечь и устроить резню: многие семьи в тревоге бежали, прихватив самое ценное из своего имущества. Но их бегство было бесполезным, потому что вооруженные люди Савойи заняли дороги, так что беглецы натыкались на них повсюду. Некоторые вернулись в город: 'Вся Савойя вооружена, - сказали они, - и многие из наших людей были схвачены и подвергнуты пыткам'. Было три часа дня.²¹⁴ Патриотов собрались: Бертелье, Хьюз, Бонивар и многие другие встретились, чтобы прийти к какому-то взаимопониманию. Они решили, что было бы целесообразно отправить посольство во Фрибург, чтобы сообщить своим союзникам об этом инциденте и попросить прислать гарнизон, поскольку герцог не осмелился бы стрелять из пушки по стенам, охраняемым Лигой. Но кого они должны были послать? Многие причины, одной из которых был вопрос расходов, сдерживали

граждан, поскольку они были бедны. Бонивар разгорячился: 'Вы разозлили волка; он у ваших ворот, готовый сожрать вас, ' сказал он, - а вы предпочитаете позволить ему поедать ваше молоко, ваше масло и ваш сыр - о чем я говорю? вы скорее позволите ему съесть себя, чем отдадите часть своих грошей мастифу, который будет вас охранять '. На собрании был один человек, который никогда не рассчитывал, когда целью было спасение его страны: это был Безансон Хьюз. Он был болен, он уже влез в долги на благо Женевы, но это не имело значения! "Я пойду", - сказал он и удалился.²¹⁵

За это время пятнадцать джентльменов вернулись в Сент-Джульен и доложили о своем визите совету. Карл и его советники сочли свои действия не слишком дипломатичными и решили действовать более официально, но и более дерзко. На следующий день, в пятницу, 1 апреля, военный король Провена де Шабле (он получил это имя от провинции, где родился) прибыл в Женеву и был представлен совету с обычной церемонией. Кираса прикрывала его до пояса; на левой руке он носил свой *casaque*, или герб, а в правой руке держал жезл, — *gaule*, говорится в рукописи. Он вошел с гордо поднятой головой, не снимая шляпы и не кланяясь совету. 'Сядьте рядом со мной, ' вежливо сказал ему главный синдик, - и изложите свое послание. Шабле остался стоять, презрительно поджав губы и храня молчание, хотя приглашение было повторено трижды. Это безмолвное посольство изрядно удивило женевский сенат. Наконец, воинственный король изменил свою неподвижную позу и по собственному желанию сел, но не рядом с синдиками, а над ними, которые оставались невозмутимыми. Затем он сказал: 'Достопочтенные синдики и советники, не удивляйтесь, если я не сел, когда вы того пожелали, и если я сяду сейчас без приглашения; я назову вам причину. Я здесь от имени моего самого грозного принца и повелителя, герцога Савойского, моего *ивашего* господина. Вам не подобает предлагать ему сесть — это его привилегия делать это, когда и где ему заблагорассудится: не рядом с вами, а *над* вами, как вашим суверенным принцем; и как представляющий его личность, я сделал это сам. Теперь со своего места я оглашаю свое поручение, и оно заключается в следующем. Мой и ваш господин поручает и *приказывает* вам подготовить его жилище в вашем отель-де-виль с роскошью и великолепием, которые подобают такому принцу. Точно так же он приказывает, чтобы вы приготовили провизию для него и его роты, которая составит десять тысяч пехотинцев, не считая кавалерии; ибо он намерен поселиться здесь с этой свитой, чтобы вершить правосудие в Женеве".²¹⁶

Главнокомандующему было предложено удалиться, совет пожелал обсудить вопрос о возвращении ответа. Дискуссия не была долгой, все были единодушны в том, что твердо отстаивают свободы Женевы. Снова позвали герольда, и первый синдик сказал ему: "Сэр Шабле, мы одинаково удивлены тем, что вы *делаете*, и тем, что вы *говорите*. На то, что вы делаете; ибо после того, как мы предложили вам место, вы отказались от него; а когда вы отказались, вы заняли его.... На то, что вы говорите; ибо вы говорите, что милорд Савойский - ваш принц *инаш* ... Вещь неслыханная до сих пор. Он может быть вашим принцем — в это мы верим; но и нашим ... нет! Мы его самые смиренные слуги, но мы не его подданные и не его вассалы.... Следовательно, ни вам, ни ему не принадлежит сидеть на том месте, где вы находитесь.... Что касается того, что вы говорите о нашем отеле, мы не знаем, что вы имеете в виду; герцог может выбрать любое жилье, какое ему заблагорассудится, кроме нашего отеля, который мы не можем выделить. С ним будут обращаться так же, как в прежние времена, — если возможно, лучше. Он желает вершить правосудие; это дело епископа и совета, делать это в соответствии с правами, в которых он сам поклялся. Если кто-то из нас обидел его, пусть сообщит нам. Наконец, что касается большого состава, которым он желает сопровождаться, то

это исключительная компания для отправления правосудия! Пусть он соблаговолит прибыть со своей обычной свитой, нет, с пятьюстами людьми, но не считая десяти тысяч человек и кавалерии.... У нас нет припасов на стольких человек".[217](#)

Шабле выслушал холодно и презрительно. 'Будете вы подчиняться приказам моего господина или нет? - спросил он. Первый синдик ответил прямо: 'Нет'. Затем герольд поднялся, надел свой герб и громким голосом произнес: "Тогда от его имени я объявляю вас непокорными *вашему* принцу - и объявляю вам войну огнем и мечом'. Затем, швырнув свой жезл в середину зала, он продолжил: 'Я бросаю тебе вызов со стороны моего господина, в знак чего я бросаю этот жезл (*gaule*); пусть поднимает его тот, кто пожелает". С этими словами он покинул зал.[218](#)

Новость об этом необычном вызове была немедленно доведена до людей, которые были встревожены этим. Гугеноты, видя, что они должны умереть или стать рабами (говорят летописи), выбрали первую альтернативу и приготовились к смерти, решив, однако, продать свои жизни, а не выбрасывать их на ветер. Чувствуя себя сильнейшим отрядом в городе, они созвали народ. 'Пусть каждый возьмется за оружие!' - сказали они. Они даже принудили к этому мамлюков. Ворота были закрыты, цепи натянуты поперек улиц, артиллерия укомплектована, часовые расставлены: "они сделали все приготовления к войне в соответствии с умением и опытом, которые у них были в этом деле".[219](#)

Герцог, зная, что право не на его стороне, решил обнажить меч. По совету Монтротье, отважного офицера, он воспрянул духом и, перекрыв все дороги, разослал свои войска во всех направлениях. Была суббота, 2 апреля, и в Женеве был базарный день. Рынок прошел "без единого слова"; они разрешили входить и выходить всем, кто хотел;[220](#) но около полудня весть о маневре герцога достигла города, и жители взялись за оружие. Крестьяне, возвращавшиеся с рынка, описывали савоярдам, возможно, с некоторым преувеличением, военные приготовления женеццев. Приступ храбрости герцога немедленно сменился приступом страха. Бонивар ожидал этого и, услышав, что принц стоит во главе армии, пожал плечами. 'Герцог знает о войне столько же, - сказал он, - сколько монах, воспитанный в монастыре с семи лет'. Эта демонстрация десяти тысяч человек, собранных в лиге от Женевы, эти войска, разосланные во всех направлениях, — все закончилось жалким отступлением. Господин де Люсинж, появившись перед советом, сказал: 'Его Высочество приказал мне сообщить вам, почтеннейшие лорды, что он желает прийти и дружески поужинать с вами. Если он не может поселиться в ратуше, будьте так добры, приготовьте жилье в другом месте для него, его большой свиты, [221](#) человека и всего двух-трех сотен пехотинцев.... Он никому не желает причинять насилия.' Мамелюки предложили немедленно открыть ворота для герцога, но синдикаты ответили, что они проконсультируются с генеральным советом завтра. Советники-мамелюки, считавшие, что герцог оказал Женеве большую честь, приехав в нее, с удивлением оглянулись, услышав ответ: для них величайшим счастьем было приблизиться к принцу и оказать любезность его высочеству, а эти непреклонные гугеноты повернулись к нему спиной. 'Что ж, ' сказали они, 'если они не позволят герцогу прийти к нам, мы пойдем к нему'. После этого Монтион и еще несколько человек из его свиты покинули зал совета. Двор ратуши был полон горожан, ожидавших узнать результат митинга: они с удивлением наблюдали, как проходят мамлюки. Зрители шептались друг другу на ухо: 'Они собираются присоединиться к савоярам'. ... Вскоре послышался громкий крик, и несколько гугенотов, схватив несколько копий, прислоненных к стене, побежали за мамлюками, чтобы схватить их; они были почти настигнуты, когда советники, посланные синдикатами, умоляли их ради безопасности города не допустить

междоусобицы между гражданами. Разгневанные патриоты вернулись в отель-де-виль. Все были огорчены, узнав, что среди них есть люди, способные оставить Женеву ради герцога Савойского.[222](#)

Нелоялисты (как их называли) поспешили по Сент-Джюльен-роуд. Помимо Монтиона, там были Картелье, Делеамон, Нергаз, Рэй, двое Де Фернекс и другие, всего от тридцати до сорока. 'Наша беседа с герцогом должна быть конфиденциальной', - сказал хитрый Картелье, который чувствовал, насколько преступным был шаг, на который они шли. Герцог дал им понять, что в определенный час ночи он будет под определенным деревом в Соколином саду. Туда они прибегали один за другим, и вскоре все собрались вокруг дерева, не будучи в состоянии узнать друг друга, кроме как по голосу. Интригующий Картелье был представителем. Политические взгляды повлияли на Монтиона, Де Версонекса и других; но в нем это была ненависть, которую он питал к гугенотам, и желание отомстить им. Он заверил герцога, что большинство народа готово признать его своим сувереном. "Но, - добавил он, - плохие закрыли ворота, натянули цепи, выставили охрану.... Войди в Женеву, милорд, с мечом в руке. Затем они обсудили свои преступные планы, и шепотом было решено, что мамелюки должны сделать, чтобы облегчить вход савояров в город. "Предатели, - говорит Бонивар, - вступили в заговор с герцогом".[223](#)

Рано утром в воскресенье Карл занял более выгодную позицию и отправился в свой укрепленный замок Гайар на реке Арве, в трех четвертях лиги от Женевы. Весть о его намерениях распространилась по всей долине Лемана, и джентльмены и компании из Пай-де-Во, Шабле и Фосиньи столпились там. Более того: каноники и священники города, быстро забыв полученный урок, поспешили в Гайяр. Бонивар, который был почти единственным священнослужителем, оставшимся в Женеве, увидел, что все его теории подтвердились. Это была его максима, гласившая, что "люди, воспитанные при дворах принцев, всегда помнят свою первую трапезу". — 'А теперь, ' сказал он, - из всех каноников и людей длинной мантии в Женеве остались только Де ла Биоле, Навис и я. Все уехали навестить герцога в Гайяр, даже господин де Бонмон, который считался главным другом общественного блага".[224](#) Вскоре замок заполнила внушительная толпа, более многочисленная, чем в Сен-Жюльене.

Приближалась буря, опасность возрастала час от часу; маленькая группа патриотов все еще была полна мужества; но увы! это был муравейник на который вот-вот должен был упасть камень с Альп. Они с тревогой наблюдали за священниками, но не желали их останавливать. "У этих птиц такой острый нюх, - говорили, - что они спешат туда, где есть хоть какая-нибудь плоть". Если бы Фрибург только послал несколько доблестных воинов на помощь жителям Женевы, эта савойская армия вскоре была бы рассеяна; но Фрибург хранил молчание. Беспокойство передавалось от одного к другому; на улицах встречались унылые лица.... Внезапно на швейцарской дороге появляются два всадника.... О радость! они носят цвета Фрибурга!... В одиннадцать часов утра в воскресенье, 3 апреля 1519 года, друг Бертелье, советник Марти, в сопровождении герольда въехал в Женеву. 'А ваши вооруженные люди?' - спросили они его, и в ответ им сообщили, что, по крайней мере, в настоящее время, таковых нет. Генеральный совет был собран для того, чтобы ответить г-ну де Люсинжу, и Марти немедленно отправился туда, но был принят не так хорошо, как он ожидал. 'Нам нужны послы в камзолах, а не в длинных мантиях, ' сказали ему гугеноты. - не дипломаты, а солдаты". Марти направился к Гайяру, но женевцы видели, как он отбыл без всякой надежды; по их мнению, единственным ответом савоярдам должны были стать аркебузы.[225](#)

Фрибургец, приблизившись к Гайяру, был поражен большим количеством войск вокруг замка. В этот момент герцог давал аудиенцию каноникам, которые отвечали все поклоны и комплименты, которым научились в прежние дни при дворе; он надеялся вовлечь их в заговор, и поэтому был очень раздосадован появлением этого посредника. Нетерпеливо повернувшись к своим офицерам, он вполголоса произнес в его адрес несколько презрительных слов. Тем не менее, несколько минут спустя, приглядевшись к нему повнимательнее, Карл набрался смелости, не сомневаясь, что его политическое мастерство легко справится с этим альпийским пастухом. 'Он кажется хорошим, простым человеком, которого легко обмануть', - сказал герцог, который, начиная свои маневры, добавил: 'Садитесь, господин посол', после чего щедро угостил его и сказал ему много хороших слов. Но простой человек, который на самом деле был смелым и хитрым фрибуржцем, ответил на своем цыганском наречии: "Милорд, вы уже наговорили моим друзьям столько лжи, что я не знаю, поверят ли они вам еще".²²⁶ Герцог, оскорбленный этой грубой речью, заговорил более резко: 'Я войду в Женеву как друг, - сказал он, - или, если им это не понравится, как враг. Вся моя артиллерия готова *обстрелять* (савоннер) город в случае отказа'. Марти в тревоге потребовал перемирия, хотя бы на ночь, чтобы он мог поговорить с жителями Женевы и уладить этот вопрос, что герцог и предоставил.²²⁷

Все горожане были на ногах: стража у ворот, пушки на стенах, часовые днем и ночью на улицах. В десять часов прибыл Марти и направился прямо в совет, заседания которого были объявлены постоянными. "Джентльмены, — обратился он к синдикам, - я думаю, вы должны довериться герцогу и позволить ему войти в город". - "А помощь Фрибурга?" - спросили некоторые; на что Марти ответил: "Мои лорды далеко!"²²⁸ Казалось, он потерял всякую надежду. Однако он добавил: 'Действует перемирие до завтрашнего утра'. Было решено созвать Большой Совет на следующее утро до рассвета, чтобы обсудить, что следует предпринять в связи с этим ужасным кризисом; и поскольку горожане были в пути три ночи, им было разрешено, учитывая перемирие, пойти и немного отдохнуть. Было тогда одиннадцать часов.

Пробило двенадцать. Не было слышно ни звука, кроме размеренных шагов часовых; темная ночь окутала город своим покровом, и все спали. Внезапно на вершине одной из трех башен Сен-Пьера сверкнул факел; это был сигнал, согласованный Картелье и герцогом на ночном совещании, проходившем под деревом в Соколином саду: эта вспышка возвестила, что швейцарцы могут войти без сопротивления. Почти сразу же за городом, в направлении Сент-Антуана, послышался топот лошадей, и в ворота раздался громкий удар. Это был Филипп, граф Женевский, брат герцога, во главе своей кавалерии: постучав, он подождал, пока мамлюки откроют, как они и обещали. Ночасовой у Сент-Антуанских ворот, который видел факел и слышал стук, заподозрив предательство, выстрелил из аркебузы и поднял тревогу. Тотчас же зазвонил набат; горожане проснулись, схватились за оружие и поспешили в направлении атаки. 'Все были очень напуганы и раздосадованы, и в городе поднялся большой шум'. Все бежали, кричали и отдавали приказы. Граф, который слушал, начал опасаться, что заговор провалился. В разгар неразберихи раздался раскат грома, который поверг в ужас обе стороны. Граф и его сторонники, не колеблясь больше, удалились; женевцы сделали то же самое, и несколько разгневанных патриотов, проходя мимо дома Марти по пути домой, вошли и сердито спросили его: "И это то прекрасное перемирие, которое вы нам принесли?"²²⁹

Большой совет собрался до рассвета в понедельник, 4 апреля. Мамлюки нашли оправдание ночному происшествию: это, без сомнения, был кавалерийский патруль, который продвинулся

слишком далеко. Но Марти не скрывал опасности: 'Герцог у ваших ворот со всей своей армией', - сказал он. "Если вы выполните его требования, он сказал мне, что вы будете довольны им; если нет, он войдет силой сегодня же днем. Сделайте из необходимости добродетель или, по крайней мере, пошлите к нему депутацию. Синдики немедленно отправились в Гайяр. Герцог принял их очень любезно. 'Я войду в Женеву только со своей обычной свитой, - сказал он им. - Я возьму только пятьсот пехотинцев для своей охраны и распушу всю остальную мою армию. Я не причиню вреда ни обществу, ни отдельным людям, и мое пребывание здесь не будет долгим.' Его высочество дал столько обещаний и клятв, что ему наконец уступили вход.

Когда стало известно об этом решении совета, возмущенные патриоты побросали свои аркебузы; все сложили оружие, и глубокое уныние охватило умы людей. Были слышны крики досады и скорби, но здесь все еще оставалась надежда, что Бог, наконец, освободит город.²³⁰

Утром во вторник, 5 апреля, герцог привел в движение всю свою армию. *Все!...* Услышав об этом, женевцы поспешили возразить ему. 'Мои люди пройдут только через Женеву,' ответил он. 'Ничего не бойтесь, но откройте свои ворота'. — 'Конечно, - добавили некоторые мамлюки, 'будьте спокойны; они войдут в одни ворота и выйдут в другие'. Торжество насилия и коварства было вот-вот достигнуто. Народ, слишком простой и доверчивый, теперь должен был быть раздавлен ногами могущественного князя и его многочисленных спутников. Все ворота были открыты, а те, что были замурованы, выломаны. Гугеноты, которые без колебаний проголосовали против вступления Карла в город, с негодованием взирали на это печальное зрелище; но они были полны решимости до конца присутствовать при унижении Женевы. Бонивар был самым предусмотрительным; он поднял тревогу: в его монастыре теперь не было кулеврин, и он не смог бы противостоять савойской армии со своими десятью монахами. 'Дать согласие на въезд герцога... что за безумие! - воскликнул он. "Конечно, те, кто знает о его честности, одним из которых я являюсь, знают о том, что произойдет'. И это, по мнению Бонивара, означало, что он будет первой жертвой, принесенной герцогом в жертву, и что будет много других. 'Желая,' говорит он нам, 'быть мудрее и сообразительнее остальных', он поспешно сбежал в Плати-де-Во. Бертелье, который был более уязвим, чем его друг, и который ясно видел, что приближается его конец, не испугался. Он знал, что защитники закона и свободы служат своему делу не только жизнью, но и смертью, и был полон решимости дожидаться нападения Чарльза и бастарда.²³¹

ГЛАВА XVIII.

САВОЙСКАЯ АРМИЯ В ЖЕНЕВЕ.

(Апрель и май 1519 г.)

Савойская армия подошла к воротам Сент-Антуан: это было похоже на триумфальное шествие. Монархия, по мнению политиков, вот-вот одержит победу над республиканизмом. 'Впереди шествовал граф Женевуа в полных стальных доспехах, - говорят хроники, - с длинным плюмажем и верхом на крепком жеребце, который изгибался так, что на него было приятно смотреть'. За ним следовала кавалерия в нагрудниках. Затем шли основные силы численностью около восьми тысяч пехотинцев, возглавляемые шестью женевскими мамелюками. Последним появился герцог, за ним следовала вся его охрана; он отбросил свой любезный юмор и пожелал, чтобы в его появлении было что-то воинственное и внушающее тревогу. "Монтротье, - сказал он своему главному капитану, - я поклялся, что войду в Женеву только через ворота'. Монтротье понял его и, двинувшись вперед с отрядом солдат, разрушил Сент-Антуанские

ворота и прилегающую стену. Довольный герцог возобновил свое триумфальное шествие. Он был вооружен с головы до ног и ехал в красивом наемном экипаже: два пажа несли перед ним его копье и шлем. Одним из них был Ж. Ж. де Ватвиль, впоследствии *авoyer* из Берна. Слабоумный Чарльз, окрыленный своим успехом, остановил своего скакуна и заставил его лапаты непокорные камни. 'Настоящий Дон Кихот,' говорит католический историк, - он проявлял ту же гордость, что и осыпанный славой завоеватель, который ценой большой крови и усталости взял крепость после долгой и опасной осады'. И если мы можем верить документам того времени, "Карл продвигался вперед скорее как Юпитер, окруженный своими громами, чем как завоеватель; его голова была непокрыта для того, говорили его придворные, чтобы его глаза, сверкающие гневом, поразили дерзость женевцев, которые были бы достаточно опрометчивы, чтобы посмотреть ему в лицо'. Вся армия, миновав ворота вслед за ним, промаршировала по городу, чтобы продемонстрировать свой триумф на улицах и бросить вызов горожанам.²³²

В соответствии с обязательствами, данными герцогом, его солдаты, вошедшие через одни ворота, должны были, пересекши город, выйти через другие. Бонивар, услышав об этом, покачал головой. 'С Женевой будет то же, что и с Троей, - сказал классический приор. - савояры, проникнув сюда хитростью, подобно грекам Синона, впоследствии останутся там силой'. Так и случилось, ибо вся армия немедленно разместилась в городе. Банды Фосиньи, которые были самыми ужасными, по приказу герцога обосновались в Сен-Жерве; банды Пей-де-Во - в Сен-Леже, вплоть до Арве; банды Шабле - в Моларе и вдоль Роны; банды Савойи и Женевы - в Бург-де-Фор и верхней части города. Дворяне селились в лучших домах, расположенных в основном между Райвом и Моларом. Герцог поселился также на левом берегу, недалеко от озера, в Ниццком доме, принадлежавшем Бонивару. Граф, назначенный своим братом губернатором города, разместил свою штаб-квартиру в отель-де-виль. Женева была взята; герцог Савойский сделал себя хозяином этой страны путем лжесвидетельства и намеревался там остаться. Многие граждане считали свою страну навсегда потерянной. Планы, вынашивавшиеся в течение стольких лет и даже столетий, наконец осуществились; деспотизм, восторжествовавший в Женеве, был готов растоптать закон, конституцию и свободу. Савояры видели со своих горных вершин пожар в этом городе, который их встревожил, — пожар, пламя которого могло распространиться и поглотить обветшалые здания, возведенные их отцами. Теперь они собирались загасить это пламя, погасить тлеющие угли и развеять пепел; герцог, император, его шурин и племянник Франциск I. отныне они могли по своему усмотрению угнетать своих подданных, предавать смерти мучеников, смотреть сквозь пальцы на беспорядки знати и монахов и спокойно спать на своих подушках.

Савойские принцы вели себя как в городе, взятом штурмом. В тот же вечер 5 апреля граф Женевуа снял пушки с крепостного вала, расставил их вокруг своих апартаментов и зарядил, чтобы они были готовы стрелять по народу, и таким образом отель-де-Виль превратился в цитадель для удержания Женевы в повиновении. Несмотря на эти предосторожности, граф чувствовал себя неловко; он нарушил свои клятвы и знал, что имеет дело с энергичными людьми. Он не лег, и в два часа ночи его офицеры отправились по его приказу и постучали в двери четырех синдиков, приказав им немедленно проследовать в отель-де-виль. 'Дай мне ключи от ворот, - сказал граф, - от крепостного вала, арсенала и складов с провизией. Если бы магистраты действительно воображали, что савояры приедут как друзья, их глупое заблуждение должно было бы теперь развеяться и повязка упала бы с их глаз. Но как они могли сопротивляться? Армия заполнила весь город, и горожане разделились: синдикаты сделали то,

что от них требовалось. Фанатизм неверных мамлюков еще не был удовлетворен. Картелье, Пьер Жоли, Томас Мойн и другие, взяв урок у ужасного Монтротье, который хотел полностью *заткнуть* рот женевцам, обошли все улицы, площади и церкви и начали срывать скобы и замки с городских цепей и ворот и даже колоколов. Синдикаты тщетно пытались остановить это насилие. Негодяи не забыли ни одной улицы и, разоружив Женеву, отнесли все эти трофеи герцогу. 'Это знак,' сказали они, кладя их перед ним, 'реальной передачи юрисдикции города, чтобы запугать мятежников и лишить их всякой надежды на помощь. Женева лежит у ног вашего высочества'. Это произошло перед рассветом.²³³

Наконец наступил рассвет среды, 6 апреля, и этот день был не менее скорбным, чем предыдущий. Савойские солдаты, забыв, что своим успехом они обязаны вопиющему нарушению самых священных обещаний, опьяненные в равной степени ненавистью и гордыней, начали проявлять дерзость победителей. Мы знаем, какие беспорядки устраивали недисциплинированные армии того периода во взятых штурмом городах. Солдаты герцога, не менее жестокие, но более фантастические, разыграли при разграблении Женевы некоторые из тех фарсов, которые империалисты разыграли восемь лет спустя при разграблении Рима. Горожане, укрывшиеся на чердаках, уступили солдатам свои пуховые перины. Последний крепко спал, а на следующее утро, чтобы наверстать упущенное за битву, предался чему-то совсем другому. Вместо мячей они швыряли друг другу в головы подушки; принимая кровати за врагов, они вонзали свои шпаги по рукоятке в перья: — это были самые тяжелые удары, нанесенные в этой войне солдатами Карла III. — Затем, желая продлить свои грубые шутки, они вытряхнули кровати из окон, наблюдая с хохотом за эволюциями, совершаемыми перьями в воздухе. Затем они потребовали ключи от погребов и, образовав круг вокруг бочонков, постукивали по ним в разных местах, напиваясь как можно громче. 'Наконец, - говорится в хронике, 'они выдернули краны, так что погреб наполнился вином; и, спотыкаясь, снова поднялись по лестнице в дом, оскорбляли всех, кого встречали, с криками носились по улицам, произносили хвастливые речи и совершали тысячи актов насилия'. В Риме империалисты посмеялись над папством; в Женеве солдаты герцогства, опьяненные вином и радостью, попирали независимость ногами и ликовали по поводу свободы. Но внезапно была поднята тревога: хвастуны вообразили, что женевцы собираются защищаться, и, поскольку самые шумные болтуны, как правило, самые большие трусы, все они бросились врассыпную — одни побежали направо, другие налево; многие побежали к реке и спрятались под мельницами; более хитрые искали другие убежища.²³⁴ Это была всего лишь ложная тревога; граф Женевский, будучи недоволен их поведением, устроил ее, чтобы это послужило уроком остальным. мародеры.

Все это время мамлюки день и ночь просиживали в 'печурке', совещаясь о наилучших средствах навсегда подавить дух национальной независимости в Женеве. Они верили, что город никогда не сможет принадлежать Савойе, пока живы те, кто голосовал за союз с Фрибургом. Один римский король, прогуливаясь в своем саду, срезал своей палкой головки самых высоких маков. Заговорщики, решив извлечь пользу из уроков истории, начали составлять проскрипционный список и включили в него четырех синдиков, двадцать одного члена совета и других знатных граждан, таким образом, чтобы их было сорок. Желая побыстрее покончить с этим делом, некоторые мамлюки пошли к палачу и спросили его: "сколько он возьмет за сорок голов?" Похоже, что он потребовал больше, чем стоили головы, в соответствии с той стоимостью, которая была установлена за них, поскольку современные документы сообщают нам, что они 'торговались' по этому поводу. Три хроники того времени,

заслуживающие доверия, описывают этот отвратительный визит к палачу.²³⁵ Слух распространился повсюду, и вся Женева затрепетала. Некоторые, кто знал, что они были в списке, спрятались. 'Очень глупый поступок', - говорили другие. "Без Бога самые тайные убежища - всего лишь фантазии детей, которые закрывают глаза руками и думают, что их никто не видит'. Самые смелые гугеноты были полны негодования: вместо того, чтобы спрятаться, они опоясались мечами, подняли головы и гордо расхаживали по улицам. "Но они были созданы для того, чтобы *чувствовать шнур* (*sentir la corde*)'. Мы не знаем, означает ли это, что их избивали или только угрожали. "После этого, - продолжает Савьон, - не было другого выхода, кроме как вверить себя Богу".²³⁶

Бертелье и его друзья поспешили к Марти. Они объяснили ему, что в тот момент, когда герцог давал такие прекрасные обещания, он думал только о том, чтобы нарушить их; они добавили, что, несомненно, этому лжесвидетельствующему принцу придется ответить за свое преступление. Пристыженный и возмущенный фрибургец подошел к герцогу и сказал: 'Что вы имеете в виду, милорд? Вы хотите, чтобы меня сочли предателем? У меня есть ваше слово. Вы просили меня заверить жителей Женева в вашей доброй воле; следовательно, они добросовестно открыли свои ворота; в противном случае вы не вошли бы без сильного стука. Но теперь вы нарушаете свое обещание.... Милорд, вы, несомненно, пострадаете от этого". Герцог, смущенный и раздраженный, неспособный оправдаться, пришел в ярость и нанес фрибургскому послу самое грубое оскорбление: "Уходи, - сказал он, обращаясь к Марти с эпитетом, настолько грязным, что история не может передать его слова, - убирайся из моего присутствия".²³⁷

Этот инцидент, однако, заставил Чарльза задуматься и принять решение придать окраску своему насилию. Собрав всех своих воинов, он созвал общий совет. Присутствовали только мамлюки, да и то не все; но, несмотря на свою малочисленность, эти герцогские приверженцы, окруженные вооруженными силами, не постеснялись отказаться от союза с Фрибургом во имя Женева.

Герцог немедленно развил свою победу; и, желая ощутить руку магистра, приказал утром в четверг, 7 апреля, чтобы приставы и латники явились в "Сити герольд" и выступили с воззванием с усиленной демонстрацией силы. 'О да! О да! О да! - воскликнул герольд. - от имени нашего самого грозного принца и повелителя, монсеньора герцога Савойского. Никто под страхом трех ударов страппадо не должен носить никакого наступательного или оборонительного оружия. Никто не должен покидать свой дом, какой бы шум там ни был, или даже высовывать голову из окна под страхом за свою жизнь. Всякий, кто воспротивится приказу монсеньора, будет повешен на окнах своего собственного дома'. Таковы были порядок и справедливость, установленные герцогом Карлом.²³⁸ Можно было бы сказать, что, стремясь напугать женевацев, он хотел, чтобы они не могли выходить из своих домов, не оказавшись среди его жертв. Воззвание повторялось с места на место, и толпа постепенно увеличивалась. Внезапно среди людей наблюдалось определенное движение. Тут и там появлялось несколько мужчин, во взгляде которых было что-то таинственное; они разговаривали со своими друзьями, но это было шепотом. Волнение вскоре усилилось; оно передавалось от одного к другому: здесь человек подавал знаки радости, там ужаса. Наконец тайна была объяснена. 'Фрибург! - воскликнуло несколько голосов. 'Фрибургская армия приближается! При этих словах городской

герольд, воины, мамелюки и савояры, сопровождавшие его, остановились и, узнав, что только что прибыл курьер из Пэй-де-Во, разошлись.... Гугеноты и мамлюки распространились по городу и распространили радостную весть: 'Швейцарцы! швейцарцы!' - и со всех сторон раздался крик: "Да здравствуют гугеноты!" Таким образом, упомянутое воззвание не могло быть распространено по всему городу", - говорится в рукописи того времени.[239](#)

Безансон Хьюз, избежав всех дорожных опасностей, прибыл во Фрибург и, не давая себе времени перевести дух, немедленно предстал перед советом. Он описал вероломство и жестокость Карла, опасности и запустение Женевы; он показал, что город вот-вот будет присоединен к Савойе, а вожди республики вот-вот будут преданы смерти. Если Фрибург не поторопится, то не найдет ничего, кроме их голов, висящих у ворот, как у Нависа и Бланше.

Вид великодушного гражданина, одушевление всей его личности, красноречие его призыва воспламенили каждое сердце. Их глаза наполнились слезами, и жители Фрибурга положили руки на свои мечи.[240](#) Полностью вооруженных полков немедленно выступили на Женеву; и это было еще не все; цвет молодежи стекался отовсюду, и вскоре армия насчитывала 5 000 или 6 000 человек. Войдя в Пэй-де-Во, они схватили губернатора его высочества, сира де Люллена. 'Напишите своему хозяину, ' сказали вожди Фрибурга, ' чтобы он не причинял вреда нашим согражданам; ваша голова ответит за их голову; кроме того, мы собираемся устроить ему праздник в Женеве'. Вскоре их освободительные флаги развевались на холмах над озером. К ним присоединилось большое количество молодых людей из Пэй-де-Во, и армия собралась перед Моржем численностью от 13 000 до 14 000 человек. При их приближении перепуганные жители этого города, преданные герцогу, бросились в свои лодки и бежали в Савойю. Фрибургцы вошли в свои опустевшие дома и стали ждать ответа его высочества.[241](#)

Губернатор де Люллен не смог не предупредить своего хозяина, и именно это сообщение прервало провозглашение. Герцог, одновременно вспыльчивый и малодушный, испугался и внезапно стал таким же смиренным, каким до этого был дерзким. Послав за фрибургским послом, он обратился к нему как к дорогому другу: 'Поспешి в лагерь в Морже, ' сказал он, - и прекрати это: убеди своих лордов вернуться'. Марти, который не забыл грубого оскорбления Чарльза, с горечью ответил ему: 'Неужели ты думаешь, что такой ... как я, может заставить армию отступить? Поручите своим людям нести вашу ложь".[242](#) Тогда герцог, еще более напуганный, послал господина де Мальяна, капитана кавалерии, охранять перевал в Ньоне и, "изменив свою песню", приказал прокричать по всему городу, 'чтобы никто не смел причинять вред или неудовольствие кому-либо из жителей Женевы под страхом виселицы'. В то же время сьер де Саленев и еще один советник его Высочества отправились на генеральный совет, но на этот раз без хлыстов и жезлов для верховой езды и с доброжелательной улыбкой на лицах. Там, после того как они заверили народ в любви, которую питает к ним герцог, их попросили послать двух граждан в Морж, чтобы заявить фрибургцам, что герцог не причинит вреда Женеве. Два мамелюка, Таккон и Де Лестильи, ушли.[243](#)

В Женеве все изменилось. Предложение отрубить сорок голов было отклонено, к великому сожалению Картелье, который впоследствии сказал: 'Какая жалость! если бы не эти фрибургцы, все было бы кончено".[244](#) Гугеноты, собравшись с духом, "насмехались над фосиньерцами и другими воинами".[245](#) Жители предместья Сен-Жерве, сильно склонные к насмешкам, атаковали своих гостей песнями, эпиграммами и сарказмами. Гугеноты ввели для своих посетителей строгий пост (это было время Великого поста) и давали им в рацион только мелкую

рыбу, называемую *безольес* (ныне *ферас*). "Вы слишком добрые христиане, - иронически говорили они савоярам, - чтобы есть сейчас мясо". И поэтому они насмешливо называли экспедицию "Безольской войной", название, зафиксированное в хрониках того времени.

В Морже они так и не смогли прийти к взаимопониманию. Безансон Хьюз и Мальбуиссон подталкивали фрибургские войска к наступлению; Таккон и Де Лестийи подталкивали их к отступлению. И пока лидеры колебались, прибыли депутаты от кантонов и предложили средний курс: Савойя должна вывести свои войска, а Фрибург - заключить союз. Цюрих, Берн и Солер стремились таким образом воспользоваться возможностью отозвать из Женевы единственную помощь, которая, после Бога, могла спасти ее. Гугеноты, покинутые кантонами, стояли ошеломленные. "Откажитесь от вашего союза с Фрибургом, - повторила Лига, - *без ущерба для ваших свобод*". 'Но они этого не сделали,' сказал Бонивар, 'потому что у них было большинство голосов'. Следовательно, реальное большинство не согласилось с этим роковым предложением; но, по-видимому, оно снова было выдвинуто призраком всеобщего совета, на котором не присутствовал никто, кроме мамлюков. Когда это было сделано, герцог поспешил покинуть Женеву, но с меньшей помпой, чем при въезде; и его место заняла чума.²⁴⁶

Когда Чарльз покинул город, он оставил после себя печальные предчувствия. Швейцарцы обвинили женевцев в насилии и оскорблениях, объявив их виновными в позорном поведении по отношению к герцогу, их самому прославленному союзнику.²⁴⁷ Епископ, находившийся в Пиньероле, написал горожанам: "Оправившись от тяжелой болезни, я подумываю о том, чтобы перейти горы на благо моего города".²⁴⁸ Теперь все помнили, что он использовал те же слова, когда казнил Нависа и Бланше. Знамения были угрожающими: небо затянуло бурей. Горожане трепетали за тех, кто был им дороже всего, и ужасные деяния вот-вот должны были усилить и продлить их ужас. "С войны 1519 по 1525 год, - говорит ученый государственный секретарь Шуэ, - народ Женевы пребывал в великом смятении".²⁴⁹

ГЛАВА XIX.

АРЕСТ БОНИВАРА И БЕРТЕЛЬЕ.

(Апрель-сентябрь 1519 г.)

Ни герцог, ни епископ не исчерпали своих планов. Головы Бланше и Нависа, семь месяцев назад подвешенные на ореховом дереве, все еще были там, развеваемые каждым порывом ветра и говорящие прохожим, что гнев принцев еще не утих. Епископспросил себя, будут ли эти простолюдины, претендующие на свободу в государстве, медлить еще долго, прежде чем требовать свободы в Церкви.... Люди говорили об экстраординарных вещах, происходящих в Германии. Виттембергский врач подал апелляцию от папы римского на всеобщий собор и готовился поддержать определенные положения в Лейпциге, в которых отрицалось первенство Римской церкви как противоречащее истории одиннадцати веков и тексту Священного Писания. Распространятся ли эти странные представления, достойные немцев, на страны, расположенные ближе к Риму? Станут ли Виттемберг и Женева, эти два маленьких уголка земли, двумя вулканами, сотрясающими землю вокруг них? Любой ценой должно быть применено средство правовой защиты, и будут задушены те принципы гражданской и религиозной свободы, которые, если не позаботиться о них вовремя, могут вызвать странные революции в мире.

Епископ, возвращаясь из Турина, просто проезжал через Женеву и, спасаясь от чумы, нашел убежище в Рипайе, недалеко от Тонона, откуда обратился с самыми серьезными жалобами к женецам. "Вы постоянно строите козни, - писал он, - чтобы удовлетворить аппетиты *кучи* людей, которые строят козни против своей чести и против меня".²⁵⁰ Примерно в конце июня он переехал в замок Трош, недалеко от Довена. Главные мамлюки поспешили в этот древний поместный дом.²⁵¹ У них не было очень ясных представлений о том, что происходит в Германии, и о последствиях, которые могут возникнуть в Европе; их приверженность делу герцогства и епископства зависела скорее от мотивов заинтересованности и семейных традиций; но они инстинктивно чувствовали, что в Женеве началась борьба между старым и новым временем и что сторонники первого должны объединить все свои силы против второго. Они оглашали залы замка Рехо своими громкими голосами; они вступали в трусливые заговоры; эти сторонники феодализма, какими бы благородными они ни были в других вопросах, не гнушались никакими преступлениями, чтобы помешать наступлению свободы. Был один гражданин, которого они особенно ненавидели, — одна жизнь, которой нужно было пожертвовать. 'Во-первых, - сказали они епископу, ' мы требуем смерти Бертелье и молимся, милорд, чтобы удар был нанесен быстро. Во-вторых, мятежные советники должны быть отправлены в отставку. В-третьих, ваша светлость должны прибыть в город ... с *хорошими мечами!* Мамлюки взялись найти применение этим мечам, и епископ сказал 'Аминь'.

Жестокость принцев Савойских уже обрушилась на Бонивара. В тот самый день, когда герцог въехал в город, приор Сен-Виктора покинул его, 'переодевшись монахом', в сопровождении двух друзей из Пэй-де-Во, с которыми он был хорошо знаком, съера де Воруза и аббата Монтерона. 'Ничего не бойся, ' сказал ему тот. ' сначала мы отправимся в мое аббатство; затем мы проводим тебя в Эшаллен, город, зависящий от Берна, где ты будешь в безопасности'. Но они вели его совсем в другое безопасное место. Священник и джентльмен составили свой отчет вместе. Они говорили, что епископ и герцог Бонивар никого в Женеве так не ненавидели, как Бониварда, что в их глазах он был не женецем, а савояром, предавшим своего принца; так что, чтобы заполучить его в свою власть, эти принцы отдали бы его на вес золота. Приорат Святого Виктора был хорошим подспорьем; поэтому два вероломных друга решили предложить обмен: они передадут герцогу во владение приора, в то время как герцог передаст им во владение приорат. Это заведение, естественно, должно было перейти к аббату, но последний обязался выплачивать съеру де Ворузу ежегодную пенсию в размере двухсот флоринов из его стипендии. Блеск золота ослепил этих негодяев, и они заключили свою позорную сделку. Джентльмен и аббат, казалось, удвоили бдительность, чтобы с приором не случилось чего-либо плохого. Когда трое путешественников добрались до Монтерона, расположенного в лесу Джорат, между Лозанной и Эшалленом, приора учтиво провели в комнату, которой, сам того не подозревая, предстояло стать его тюрьмой. На следующее утро Воруз, которому Бонивар доверял как брату, вошел в комнату, сел напротив него и, положив на стол лист бумаги, сказал: 'Откажитесь от своего приората Святого Виктора в пользу аббата'. — "Что? - воскликнул пораженный Бонивар. ' Вы строите эти заговоры в знак дружбы?' — 'Вы наш пленник", - холодно ответил Воруз. - "Все попытки к бегству будут бесполезны". Теперь Бонивар понял, в чьи руки он попал. ' Значит, вместо того, чтобы отвезти меня в Эшалленс, - сказал он, - ты помешаешь мне отправиться туда. Он заявил, что не приложит руку к подобному грабежу, и наотрез отказался сложить с себя полномочия приората. ' Герцог собирается казнить Бертелье и его товарищей, ' холодно продолжил Воруз. ' Будьте осторожны. Если вы не сделаете то, что мы вам скажем, мы передадим вас в его руки, и на эшафоте будет еще одним гугенотом больше. Ты свободен; делай

свой выбор — отставка или смерть!’ Бонивар не хотел умирать. Мог ли он так скоро покинуть этот мир, который так страстно любил? Мог ли он видеть, как грубо прерывают эту прекрасную мечту о свободе, философии и поэзии, химерам которой он так долго потворствовал? Он соглашался на все. - Хорошо! - сказал Воруз, забирая подписанное приором отречение и запирая за собой дверь.

Бонивару, который считал себя свободным теперь, когда стал бедным, пришлось узнать, что нежное милосердие нечестивых жестоко. Воруз и аббат немедленно передали его герцогу, который приказал капитану своей стражи доставить его в Гекс. Тщетно он утверждал, что его единственная вина заключалась в том, что он был другом гугенотов и швейцарцев; Карл, в глазах которого это было большим преступлением, заточил его в замок Гроле, на берегу Роны, в двух лье от Белли.²⁵² Это первое заключение, длившееся два года, было предвкушением его более сурового и длительного заточения в Шильонском замке. Герцог передал аббату во владение приорат Святого Виктора; Воруз получил свои двести флоринов; нечестивцы восторжествовали, а Бонивар в своем одиночестве предавался мрачным мыслям. Неужели на дне мрачного подземелья должны были начаться новые времена света и свободы?

Герцог нанес первый удар, теперь настала очередь епископа. Он брал отпуск, путешествовал из Рипайля в Трош, из Троша в замок Бонн, оттуда в другие прилегающие места и употреблял все свое епископское рвение на воспитание солдат. 16 августа крестьяне этих округов, пришедшие на рынок в Женеве, упомянули, что епископ собирает вооруженных людей для своего въезда в город. Синдик Де ла Мар и один из его коллег, встревоженные за будущее республики, немедленно отправились в Бонн и поблагодарили епископальную нежность Иоанна за то, что он посетил город. ‘Увы!’ сказали они. - он поражен двойным бичом - чумой и мечом". Прелат, такой же лживый, как и его кузен, ответил: ‘Вас обманули, господа; я непременно въеду в Женеву завтра, но только с сотней или ста пятьюдесятью лакеями для моей охраны. Я хочу жить там весело с гражданами и защищать каждого в его правах'.²⁵³ Де ла Мар и его друг поверили тому, что сказал им Иоанн Савойский, и составили свой отчет. Жители города несколько успокоились: этот маленький, слабый и умирающий от голода епископ, так похожий на труп, казался им не очень грозным. Они решили, по крайней мере, скрыть недовольство и страхи, которые они испытывали в глубине души. "Магазины будут закрыты, как в праздничный день, - сказал совет, - и те, у кого есть лошади, выйдут встречать его светлость".

В субботу, 20 апреля 1519 года, синдикаты и большая часть города были в движении. В четыре часа пополудни показался эскорт епископа; вероломный прелат, прибывший с целью предать смерти благороднейшего из горожан, с хитрым видом отметил, какому ему оказали радушный прием. Шестьсот солдат, крепких грубых людей, окружили женевского пастора; ‘епископ счел это число необходимым, - говорится в "анналах", - чтобы взять Бертелье’. Женевцы, вспомнив, что Иоанн должен был привести с собой только сто или сто пятьдесят латников, сосчитали ... и нашли шестьсот. Они увидели, что появление прелата было всего лишь повторением появления герцога. Бастард, довольный оказанным ему приемом, немедленно отправился в свой дворец и без промедления созвал генеральный совет на следующий день. Печаль была в сердцах всех мужчин.

В воскресенье утром, когда народ был в сборе, появился епископ в окружении своих советников и придворных. Он казался едва живым, но его угрюмый свирепый взгляд говорил о суровых мерах. ‘Моему господину осталось жить не так уж много дней, - сказал чиновник, - и он желает,

чтобы все было приведено в порядок до его кончины. Поэтому он привел с собой несколько солдат, чтобы наказать любого, кто будет достаточно безумен, чтобы сопротивляться ему".²⁵⁴

Передав это угрожающее послание, епископ поспешно вернулся в свой дворец, где просидел взаперти два дня, не подавая никаких признаков жизни. Он выбрал свою первую жертву и в тишине размышлял о том, как можно принести его в жертву. 'Он не шевелился, - сказал Бонивар, - наблюдая за Бертелье, которого считал вожаком стаи'. Однако в это время его спутники не молчали. Будучи расквартированы у гугенотов, они крали все, что могли унести; если оказывалось сопротивление, они использовали оскорбительные выражения; они занимались мародерством. Но епископ по-прежнему не произносил ни слова, ни знака. Эта тишина встревожила весь город, и каждый ожидал того, что должно было произойти.²⁵⁵

Только один человек в Женеве сохранил спокойное сердце и безмятежный взгляд; это был Бертелье. Он не хотел бежать ни тогда, когда вошел Карл, ни когда этот бастард; его тщетно умоляли вернуться во Фрибург; все было бесполезно. Он ждал смерти; 'обман' надежды (если воспользоваться общепринятым выражением) не обманул его. 'Волк в загоне, - говорили его друзья, - и ты будешь первой жертвой'. Бертелье выслушал, улыбнулся и прошел дальше. По его мнению, для того, кто понял, что жизненные лишения не являются злом, в жизни не может быть зла. Он спокойно ожидал того трагического конца, который сам предсказал, каждый день подвергая себя нападкам своих врагов. После прибытия епископа "он ушел и пришел точно так же, как и раньше; можно было бы сказать, что вместо того, чтобы убежать от смерти, он бежал за ней".²⁵⁶

За городом, в уединенном местечке, которое тогда называлось Жерваза (ныне преобразованном в *Савуаз*), был тихий луг, омываемый своими быстрыми водами Роны: это было любимое убежище Бертелье. Вдали от городского шума, сидя на живописном берегу реки, наблюдая за быстро плывущими мимо голубыми волнами, он размышлял о быстротечности времени и, серьезно заглядывая в будущее, спрашивал себя, когда Женева станет свободной? "Каждый день он имел привычку получать там удовольствие, - говорится в "Анналах", - и никогда не отказывался от этого, хотя в то время у него было очень много врагов в Женеве".²⁵⁷

Во вторник, 23 августа, он вышел между шестью и семью часами подышать утренним воздухом в своем любимом убежище.²⁵⁸ Бертелье было теперь сорок лет; все предвещало ему близкий конец; но он предпочел без страсти и страха совершить переход от жизни к смерти. Этот активный и наводящий ужас гражданин начал резвиться, но с серьезной мягкостью, на краю могилы. У него была маленькая ласка, которую он очень любил, и "для большего презрения к своим врагам" он взял ручное "создание на грудь и таким образом вышел в свой сад, играя с ним". Видам, который знал об этих утренних прогулках, отдал приказ выставить определенное количество солдат за стенами города, в то время как он оставался внутри, чтобы напасть на Бертелье сзади. Как раз в тот момент, когда последний собирался миновать ворота, ожидавший его отряд выступил вперед. Бертелье, "всегдаобутый и готовый отправиться к неизведанным берегам вечности", и не думал возвращаться в город и будоражить женевскую молодежь; он не свернул с дороги, а продолжал нежно ласкать свою ласку и "направился прямо к вооруженным людям с такой гордостью, как будто собирался взять их в плен".²⁵⁹

"Они встретились, - говорится в рукописи, - под решеткой перед гостиницей "Гусь""²⁶⁰ и видаме, который спускался с холма на своем муле и поравнялся с ним одновременно, положил руку ему на плечо, сказав: "Именем моего повелителя Женевы я арестовываю тебя", - и

приготовился отнять у него шпагу. Бертелье, которому достаточно было издать свой ужасный свист, чтобы собрать восторженных защитников, стоял спокойно, не думая о сопротивлении, и спокойно передал свой меч видаме, удовлетворившись словами: "Будь осторожен с этим мечом, ибо тебе придется за это ответить".

Видам поставил его в середину своих солдат, и Бертелье спокойно удалился, все еще неся с собой ласку. Маленькое робкое животное сунуло свою хорошенькую головку на грудь своему хозяину, в то время как тот поощрял его нежными ласками. Таким образом, он добрался до замка Иль, и видаме, расставив повсюду охрану, даже в камере узника,²⁶¹ запер его в башне Цезаря. На том месте, где разрушитель римских свобод некогда воздвиг стены, скромный и почти неизвестный гражданин, один из основателей современной свободы, должен был найти окровавленную тюрьму.²⁶²

Бертелье, запертый в крепости и окруженный стражниками, расхаживающими взад и вперед по его покоям и по всему замку, чувствовал себя свободнее, чем все они. Мы не говорим, что он обладал свободой, которую дает христианство; возможно, скорее от *тускуланцев* Цицерона, чем от Евангелия, он почерпнул спокойствие, которым была наполнена его душа; и все же почти невозможно не распознать в нем благородное, серьезное, можно сказать, почти христианское чувство. Когда он увидел приближающуюся смерть, он сказал, что все, что ей нужно было сделать, это снять маску, потому что под ней было лицо друга. Умереть ... что это было? Разве самый подлый солдат не подвергает себя этому на поле боя? Разве смерть, которую ему предстояло понести за независимость своей страны, не была в тысячу раз слаще и славнее, чем смерть наемника? *Dulce et decorum pro patria mori.*²⁶³

И все же душа его была взволнована. Эти улыбающиеся поля, которые он так любил, эти изящные берега озера и реки, эти горы, где заходящее солнце зажигало вечные снега, эти друзья, кумиром которых он был, его страна превыше всего и свобода, которую он хотел завоевать для нее... все эти образы встали перед ним в тюрьме и глубоко взволновали его сердце. Но вскоре он вернулся к более спокойным мыслям. Он надеялся, что его смерть приведет к освобождению Женевы, и тогда к нему вернулось мужество. И все же в нем не было бравады, и окружавшим его солдатам он показывал только простую и искреннюю душу. Его маленькое любимое животное все еще играло у него на груди; удивляясь всему, что с ним происходило, ласка при малейшем шуме наостряла свои короткие широкие уши. Бертелье улыбнулся и погладил его. "Чтобы лучше поиздеваться над своими стражниками, - говорит приор Сен-Виктора, - он играл со своей лаской".²⁶⁴ Бонивар, склонный смотреть на вещи с другой стороны, видел насмешку там, где было только добродушие. На самом деле, стражники, грубые и вспыльчивые люди, тронутые таким терпением и мужеством, сказали Бертелье: "Просите прощения у милорда". — "У какого лорда?" — "У милорда герцога Савойского, вашего и нашего принца". — "Он не мой принц, 'сказал он, - а если бы и был, я бы не просил прощения, потому что я не сделал ничего плохого. Это грешники должны просить прощения, а не добрые'. — "Тогда он предаст вас смерти", - сказали стражники. Бертелье ничего не ответил. Но через несколько минут он подошел к стене и написал: "*Non moriar sed vivam et narrabo opera Domini*— Я не умру, но буду жить и возвещать дела Господни". Эта цитата из сто восемнадцатого псалма, где Мессия говорит устами Давида, показывает, что Бертелье обладал определенными знаниями Священного Писания; возможно, она показывает нам также, что его душа возложила все свои тяготы на Господа.²⁶⁵

В то время (1519 г.), когда христиане, верящие в Библию, восстали в Виттемберге против абсолютной власти в духовных вопросах, граждане, верящие в древние хартии свободы, восстали в Женеве против абсолютной власти в мирских вопросах. В то время не было слияния этих двух принципов. Возможно, Лютер не стал либералом; Бертелье, конечно, не стал протестантом. Но перед лицом смерти этот великий гражданин искал утешения в Слове Божьем, а не в церемониях священника, которые составляют суть протестантизма. Отрывок, написанный им на стене, имеет отношение к воскресению Спасителя. Нашел ли Бертелье в этом преображении Короля верующих вескую причину ожидать для себя воскресения, славного преобразования? Надеялся ли он после этого мира на прославленный мир нетленного блаженства, на вечную обитель детей Божьих?— Мы верим в это.

ГЛАВА XX.

ФИЛИБЕР БЕРТЕЛЬЕ, МУЧЕНИК СВОБОДЫ. ТЕРРОР И УГНЕТАНИЕ В ЖЕНЕВЕ.

(Август и сентябрь 1519 г.)

Вскоре прибытие судебных приставов отвлекло заключенного от этих благих мыслей. Согласно женевским привилегиям, его могли судить только синдики; но бастард подозревал этот законный трибунал и, не найдя ни одного честного человека, который осмелился бы действовать против закона, он назначил провостом Жана Дебуа, жителя Шамбери, жившего тогда в Женеве и 'бывшего зубочисткой', как говорится в современных документах. Этот импровизированный судья, тщеславный своими обязанностями, пожелал начать допрос. 'Когда синдики, которые являются моими судьями, будут задавать мне вопросы, я отвечу им, ' сказал Бертелье, ' но не вам, у которых нет на это права'. — 'Я приду снова, ' сказал Дебуа после этой тщетной попытки, ' и заставлю вас ответить мне тогда'. Проректор пошел и доложил епископу о неудовлетворительном начале исполнения им своих высоких обязанностей.266

Волнение было всеобщим в Женеве. Друг ее свобод, основатель лиги *Тех, кто трогает кто трогает всех*, был готов заплатить жизнью за свой энтузиазм в деле независимости. Смельчаки, бросившие вызов папскому тирану, предложили рассматривать этот поступок епископа как простой разбой (каковым он и был на самом деле) и поддержать законы, спасая Бертелье. Но магистраты предпочли более умеренный курс. Был спешно собран Большой Совет, и по их приказу синдики явились к епископу. 'Милорд, ' сказали они, - Бертелье был оправдан в соответствии с законом, и теперь он арестован без предъявления обвинения и без предварительной информации. Если он невиновен, пусть будет отпущен на свободу; если он виновен, пусть мы предадим его суду; не допускайте нарушения привилегий в вашем городе". — "Это правда, что обвинителя нет, - сказал епископ, - но за него говорит обычная молва; предварительной информации нет, но дурная славаэтого поступка оправдывает его; что касается судей, которых это касается, то ущерб, нанесенный принцу, является делом его должностных лиц.' Затащив таким образом овцу в свое логово, волк не отпускал ее.267

Когда им сообщили об этом отказе в правосудии, более энергичная партия громко запротестовала. Они спросили, есть ли какой-либо долг более священный, чем защита невиновных? Мог ли народ равнодушно видеть, как права, принадлежавшие ему с незапамятных времен, попираются князем, поклявшимся защищать их? Епископ и его приспешники, опасаясь, как бы не разразилась буря, решили побыстрее убрать с дороги

мятежника. Разбирательство не длилось два дня, как пишет Бонивар; все было сделано за один день (23 августа) между шестью и семью часами утра и четырьмя часами дня.²⁶⁸ Бертелье видел, что готовится, но спокойствие никогда его не подводило. Он вспомнил, что, согласно мудрецам древности, добровольная жертва, которую люди приносят в жертву своей жизни из любви к своим соотечественникам, обладает таинственной силой спасти их. Разве этого не наблюдалось у греков и римлян? И среди тех самых игроков лиги, которых так любил Бертелье, разве не Арнольд из Винкельрида, вонзив вражеские копыя себе в грудь, освободил Швейцарию?... Но если Бертелье хотел спасти Женеву, то Женева хотела спасти его. Добрые люди, сторонники справедливости и приверженцы присягнувших привилегий граждан, считали, что древние законы государства заслуживают большего уважения, чем деспотическая воля лжесвидетельного и жестокого монарха. Замок, в котором содержался освободитель (частное владение савойского дома), уже давно был приведен в состояние, не допускающее внезапности; но Шампель, обычное место казни, находился на небольшом расстоянии от города; момент, когда Бертелье будут вести туда, представился бы благоприятный. Едва он сделает сотню шагов за мост, как гугеноты, поднимаясь как один человек и выходя со всех сторон, спасут его от палачей, которые являются не чем иным, как убийцами перед законами человеческими и правосудием Божиим.

Эти слухи достигли ушей бастарда, который принял соответствующие меры. Были выдвинуты шестьсот латников, и все мамлюки присоединились к ним. Видам разместил отряд на стороне Сен-Жерве (правый берег), чтобы отрезать жителям предместья всякий доступ на остров; большую часть он разместил 'с оружием в руках и в боевой готовности' вдоль левого берега, чтобы занять мост, улицу дю Рон и поперечные улицы. Среди савойских капитанов, санкционировавших свое присутствие на этом законном убийстве, был Франсуа де Тернье, сеньор Понверре, человек жестокий и энергичный, но в то же время великодушный. Кровь Бертелье, которая вот-вот должна была пролиться, возбудила в его сердце жажду, которую могла утолить только кровь гугенотов; с этого часа Понверре стал злейшим врагом Женевы и женеvцев. Но (как сказали бы в языческой древности) ужасная Немезида, дочь Юпитера и Ночи, богиня мести и возмездия, держащая в одной руке меч, а в другой факел, однажды настигла его всего в нескольких шагах от того места, где вот-вот прольется кровь Бертелье, и божественное правосудие, призванное наказать преступление, отомстит за эту несправедливую смерть его собственной кровью.²⁶⁹

Все было готово. Дебуа вошел в тюрьму в сопровождении исповедника и палача. 'Я вызываю тебя во второй раз для ответа,' сказал он Бертелье. Благородный гражданин отказался. 'Я вызываю вас в третий раз, - повторил бывший дантист, - под страхом потерять голову'. Бертелье не ответил ни слова: он будет отвечать только своим законным судьям, синдикам. Кроме того, он знал, что эти апелляции были пустыми бланками, что он был не обвиняемым, а жертвой. Затем, без всяких других формальностей, мэр вынес приговор: "Филибер Бертелье, видя, что ты всегда бунтовал против нашего самого страшного повелителя и своего, мы приговариваем тебя к отсечению головы для отделения души от тела; твоё тело будет повешено на виселице в Шампеле, твоя голова прибита гвоздями к виселице у реки Арве, а твоё имущество конфисковано в пользу принца'. Затем хозяин представил исповедника, 'с которым Бертелье не вел долгих бесед'. После этого третий персонаж, палач, вышел вперед и связал его.²⁷⁰

Во всех кварталах Женевы взгляды мужчин были прикованы к замку Иль. Его старые ворота распахнулись, первыми вышли стражники, следующим вышел хозяин, за ним - палач,

державший Бертелье. Выражение лица мученика свидетельствовало о величии его души. Между замком и рекой было и до сих пор есть узкое пространство, настолько защищенное Роной и крепостью, что пятьдесят человек могли удерживать его против всех жителей Женевы. Князь-епископ, столь сведущий в искусстве тирании, не был невежественен в том, что, если жертва, подлежащая принесению в жертву, любима народом, смертельный удар должен быть нанесен в тюрьме, во дворе суда, на узком пляже или во рву замка. Бертелье, сделав несколько шагов, очутился между замком и рекой. 'Помолись, - сказал хозяин. Герой знал, что его вот-вот убьют: он сотворил 'короткую молитву' и, поднявшись с колен, приготовился 'произнести несколько слов перед смертью', чтобы дать последнее свидетельство о свободах Женевы; но мэр не позволил ему. Повернувшись к палачу, он сказал: 'Поторопись со своей работой'. — "Встань на колени", - сказал мужчина своей жертве. Тогда Бертелье, то ли желая выразить свою скорбь по поводу мрачного будущего своих сограждан, то ли растроганный тем, что его принесли в жертву и никто из его друзей не появился, чтобы защитить его, воскликнул, падая на колени: 'Ах!... Господа из Женевы'... Это было все, что он сказал; не успел он произнести эти слова, как палач отрубил ему голову: это было 23 августа 1519 года. Епископ хорошо справился с делами. Этот жестокий человек был больше похож на дикого зверя, пожирающего стадо, чем на пастуха, защищающего их; он показал себя поистине *потрясающе скоростным животным*, 'животным ужасающей быстроты', как говорит Плиний о тигре; но в отличие от этого животного, он был труслив и жесток. Женевцы, чьим отцом он должен был быть, с ужасом отвернулись от него, и ангел-мститель невинных приготовился нанести ему страшный удар после его смерти. Напрасно воды Роны веками текли бы по этому узкому пространству — там остались пятна крови, которые никогда не смоет никакая вода.²⁷¹

Епископ намеревался, однако, чтобы Бертелье был доставлен к месту казни преступников; он только счел более благоразумным доставить его туда мертвым, чем живым, будучи уверенным, что таким образом 'женевская молодежь' не сможет вернуть ему свободу. Безжизненное тело мученика положили на повозку; палач забрался внутрь и встал рядом с ней, держа в руке голову жертвы. Всеобщий ужас охватил людей, и многие, убитые горем из-за того, что не смогли спасти своего друга, заперлись в своих домах, чтобы скрыть свою ненависть и свой позор. Длинная процессия, стартовавшая из замка, двинулась вперед, ее предворяли и замыкали иностранные солдаты; в середине ехала повозка с мертвым телом, а вплотную за ней следовали многие мамлюки, "не в последнюю очередь из их отряда, с большой наглостью насмехавшиеся над собственным бедствием; но добрые люди не смели дышать, видя, что, когда царит сила, правое дело должно оставаться на месте".²⁷² Однако несколько гугенотов, скорбных и возмущенных, появились на улицах или у их дверей. Тем временем палач, шествовавший в своей триумфальной колеснице, насмешливо раскачивал взад и вперед окровавленную голову мученика и кричал: 'Это голова предателя Бертелье: пусть она послужит всем предостережением'. Процессия продолжила свое шествие до Шампеля, где палач подвесил тело отца женевской свободы к виселице. Оттуда, проявив необычайную изощренную жестокость, они направились к Арвскому мосту, и голова мертвеца, который так часто навоевывал ужас на епископа, была водружена на то место, где так долго висели головы Бланше и Нависа. Прелату, казалось, доставляло удовольствие воскрешать в памяти свои прежние бои.

Таким образом, этот добросердечный человек, которого все любили, этот героический гражданин, вокруг которого были сосредоточены все надежды друзей свободы, был принесен в жертву своим епископом. Эта смерть, такая поспешная, такая незаконная, такая трагическая, наполнила женевцев ужасом. Судьба его вдовы и детей тронула их; но судьба Женевы тронула

их еще глубже. Бертелье пал жертвой своей страсти к своей стране, и эта страсть, которая заставляла биться чаще многие другие сердца, вызывала слезы даже у самых эгоистичных людей. Тело, подвешенное к виселице, голова, прибитая гвоздями у моста Арве, воспоминание об этой печальной процессии говорили не только о чувствах; сердца людей были разорваны, словно от сильного удара, и многие отказывались от всякого утешения. Были также некоторые гордые, стойкие духом люди, которые, не в силах плакать, извергали проклятия. Их можно было встретить молчаливыми и хмурыми на улицах, и их вид, тон голоса, походка, ироничные и горькие слова выражали неопишное презрение к убийцам. Они прокручивали в уме ту странную борьбу между жестокими принцами и великодушным, простодушным, бедным, но свободным человеком. С одной стороны, великолепия трона, величие духовенства, армии, палачи, пытки, эшафоты и все ужасы власти; с другой - смиренный человек, противостоящий своим врагам благородством своего характера и непоколебимой твердостью своего мужества.... Бой был неравным, и голова великого гражданина пала. Епископ с восторгом смотрел на кровь одного из своих прихожан, в которой он омыл свои ноги, нагло нарушая все законы страны. Но — и это было утешением для этих гордых граждан — пролитая кровь пробудила бы ужасный голос. Оскорбленное правосудие и истекающая кровью свобода издали бы долгий и скорбный вопль, который достиг бы ушей Швейцарской лиги. Тогда горы и долины, замки и коттеджи, города и деревушки, и каждое эхо Альп повторяло бы это друг за другом, и тысячи оружейников однажды объединились бы, чтобы защитить этот маленький город, столь недостойно угнетенный.[273](#)

Смерть Бертелье должна была иметь еще более серьезные последствия. Его враги надеялись задушить свободу, убив его. Возможно ... но это была одна из тех смертей, за которыми следует славное воскрешение. В только что разыгравшейся битве пролилась благородная кровь, но именно кровь в конце концов приводит к победе. *Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно пребудет одно; но если оно умрет, то принесет много плода.* Три столетия назад свобода вероисповедания принесла много жертв во всех странах Реформации; но самые благородные мученики политической свободы в наше время пали в Женеве (если мое суждение не вводит меня в заблуждение), и их смерть не была бесполезной для всеобщего дела цивилизации. *Распинайте, закручивайте, проклинайте ... sanguis christianorum, semen.* Кровь мучеников — это семя, которое пускает корни и приносит плоды не только в том месте, где оно было посеяно, но и во многих других частях мира.

Друзья Бертелье были поражены его презрением к смерти и уверенностью в вечной жизни. Казалось, они все еще слышали благородное свидетельство его бессмертия. Поэтому один из них написал ему такую благородную эпитафию:—

Quid mihi mors nocuit? Virtus post fata virescit;
Nec cruce nec gladio sævi perit illa tyranni.[274](#)

Как мы видим, идея воскресения, жизни после смерти, над которой человек не властен, по-видимому, занимала главное место в сознании как Бертелье, так и его друзей. Этот человек не был обычным мучеником за свободу.

"Поистине, - говорили некоторые, - недавно высказанная максима верна: герои и основатели республик и империй имеют после Бога наибольшее право на поклонение людей".[275](#)

Епископ поспешил воспользоваться своей победой. 'Смерть Бертелье, - сказал его друг Бонивар, - приносит тирану большое утешение, потому что, когда убивают сторожевого пса, он может легко управляться с разбежавшимися овцами'. Таким образом, епископ начал двигаться вперед и предпринял революцию в Женеве. Сначала он решил сменить магистратуру. Через четыре дня после казни он собрал генеральный совет и, приняв вид победителя, явился на него с многочисленной свитой. 'Мы, Иоанн Савойский, - сказал он в сохранившемся документе, - епископ и князь Женевы, будучи осведомлены о раздорах в этом городе, не побоялись прибыть сюда с большими затратами, чтобы силой оружия применить самое эффективное средство; и мы вели себя как добрый пастырь. Милорд герцог Савойский, который необычайно любит этот город, пожелав войти в него, синдикаты и мятежники с невероятным раздражением восстали против столь кроткого принца;²⁷⁶ и если бы этот прославленный принц не был тронут состраданием, если бы он своим милосердием не превзошел милосердие Искупителя²⁷⁷ ... мы все должны были быть уничтожены.' После этих странных слов епископа, который поставил герцога выше Иисуса Христа, в то самое время, когда этот принц сделал себя соучастником убийства, мэтр Шапюи, чиновник, воскликнул: 'Скажите, разве это не так?' На собрании не присутствовал никто, кроме мамлюков, и среди них несколько человек, которые не имели права там находиться. Многие голоса кричали: 'Да, да!' - потому что тогда царил террор. Синдики, 'более готовые уступить епископу свои булавы, чем свои головы', как говорит Бонивар, положили перед ним знаки отличия своей должности. На следующий день другой генеральный совет избрал четырех мамлюжских синдигов: П. Версона, П. Монтиона, П. де Фернекса и Г. Данеля, "которые везде и во всем делали то, чего желали епископ и герцог". В тот же день все гугеноты были исключены из обоих соборов, а епископ запретил гражданам носить оружие или собираться ночью под страхом штрафа в двадцать пять ливров и десяти полос веревки.

Печаль и смятение наполнили сердца людей. Женевка лежала как бы под одним из тех погребальных покрывал, которые натягивают на мертвых. Никто не шелохнулся, никто не произнес ни слова; все было неподвижно и безмолвно; чувствовался воздух деспотизма, который нависал над душой и оцепеневал. Безансон Хьюз, А. Леврье и другие патриоты разошлись по домам; но они не теряли надежды; они молча ждали, пока Бог не приведет к тому, что дело свободы снова восторжествует в их стране.²⁷⁸ Вскоре, однако, несколько отважных духов проснулись и зашевелились. Патриоты почувствовали необходимость вместе излить свое горе, и епископу сообщили, "что несколько человек из секты гугенотов²⁷⁹ имели обыкновение тайно встречаться в разных местах". Затем преследования начались заново: "Они щадили хороших так же мало, как и плохих, - говорит Бонивар, - и обвиняли их в ложных преступлениях, чтобы отомстить им".

Незадолго до описываемого нами периода Амадей де Жуайе, один из друзей Бертелье, совершил поступок, сам по себе не имеющий большого значения, но ставший первым признаком противодействия в Женеве римским суевериям. Два года ранее Лютер написал Спенлейну свое прекрасное письмо об оправдании верой; он разъяснил послание к Галатам и, вероятно, опубликовал свои тезисы. Цвингле, назначенный проповедником в Айнзидельне, выступал против паломничеств, подношений, изображений и обращения к Деве Марии и святым. Дошел ли слух об этих проповедях до Женевы? Это возможно, поскольку, как мы видели, между этим городом и немецкими кантонами существовали постоянные сношения. Как бы то ни было, многие женевцы уже задавались вопросом, "не была ли слава Божья осквернена такой глупой и безжизненной вещью, как изображение"? Амадеус де Жуайе, с которым мы уже встречались на ассамблее Молара и которого его враги обвиняли в дружбе с Бертелье,

Пеколатом и "многими другими негодьями", не испытывал особого уважения к *куклам* епископа. Так вот, в Женеве была знаменитая черная деревянная статуя высотой от двух до трех футов, называвшаяся Святой Баболин. Некоторые католики относились к нему с большим благоговением, неся его в длинных процессиях и оказывая ему всевозможные почести. Однажды ночью, когда поклоняющиеся Святому Баболину собрались в доме Ами Моти, один из них, Де Джой, возмущенный их идолопоклонством и думающий, что уродливая фигура больше похожа на дьявола, чем на бога, унес ее и, намереваясь преподать урок сторонникам идола, отнес в дом Моти. Окно было открыто; он прислушался к разговору этого маленького благочестивого кружка и, набравшись смелости, поднял статуэтку как можно выше к оконному стеклу и швырнул ее в гущу молящихся. Следует признать, что это была не совсем подходящая полемика, но на дворе был шестнадцатый век, и женевцы отличались дерзким и насмешливым юмором. Пораженные последователи Баболина с изумлением смотрели на своего святого, который, казалось, сошел с небес. Внезапно дверь открылась, и громкий голос крикнул: 'Это дьявол ... он съест вас всех! При этих словах Моти вскочил, схватил дротик и приготовился метнуть его в незваного гостя; но Де Джой поспешно ретировался. Не было нанесено ни одного удара, и не пролилось никакой крови.²⁸⁰

Этот инцидент был почти забыт, когда агенты епископа, решившие быть суровыми к друзьям свободы, заперли де Жуая в замке Иль, где был заключен в тюрьму Бертелье, и попросили разрешения синдиков допросить его и подвергнуть пыткам, чтобы добиться правды (7 сентября 1519 г.). Помимо этого дела с изображением, ему было предъявлено обвинение в "присутствии на незаконных собраниях, где граждане связали себя клятвой противостоять любому посягательству на их свободы словом или делом".²⁸¹ Синдикаты распорядились, чтобы Де Джойе был допрошен в тюрьме *педе лигатосо* связанными ногами. Начато судебное разбирательство.

'Я родился от достойных, честных и выдающихся родителей, - сказал Де Джойе, когда предстал перед синдиками, - и они воспитывали меня в добродетели до совершеннолетия. С тех пор я общался со всеми хорошими людьми города, и в профессии, которой я занимаюсь, у меня всегда была хорошая репутация. Я был далек от того, чтобы затевать ссоры, я старательно избегал их и многих примирил. Наконец, я всю свою жизнь был верен и послушен моему господину епископу".²⁸² Эти слова, которые мы приводим из документов судебного процесса, должны были внушить судьям определенное уважение, но они этого не сделали. Сначала Клод Дюбуа, помощник видама, а затем комендант замка, предложили подвергнуть Де Жуая пыткам, чтобы заставить его признаться в вменяемых ему преступлениях;²⁸³ но было решено начать с допроса свидетелей, которые рассказали о том, что они *слышали от говорящих лиц, имена которых они не могли вспомнить*. Прекрасное доказательство, на основании которого можно подвергнуть человека пыткам!²⁸⁴ Губернатор не отказался от своего проекта; видаме явился лично, чтобы убедить синдиков *доставить ему это удовольствие*.²⁸⁵ Можно ли было отказать им, когда дело касалось всего лишь презирующего святого Баболина? Амадей не знал Евангелия; его неприятие черного образа проистекало просто из отвращения, которое суеверие внушает интеллигентным умам, и в его характере было больше огня, чем твердости, больше порывистости, чем упорства. Этот кроткий, слабый и немощный человек, которого пугала мысль о пытках, вообразил, что его конечности уже вывихнуты, и, начиная плакать, предложил поклясться в своей невиновности на мощах святого Антония. На все вопросы, которые ему задавали, он отвечал только стоном и слезами. Видаме, сердце которого ожесточилось, снова потребовал, чтобы его подвергли пыткам. 'Моя правая рука искалечена', - воскликнул бедняга. -

"сухожилия сведены". Два хирурга после осмотра заявили, что он, возможно, и смог бы перенести страппадо, но не смог бы выдержать пытки *шатте* без потери сознания.²⁸⁶ В списке палачей были наказания для всех темпераментов, как для больных и калек, так и для сильных. Де Джойе, который после того, как посеял свой дикий овес, стал уважаемым гражданином, не был ни героем, ни революционером. Смущенные судьи, не найдя в шутке Баболина достаточных оснований для казни человека, помогли ему сбежать ночью и таким образом сохранили видимость. Преследования епископа не ограничивались одним человеком. Иоанн Савойский наслаждался властью и хотел показать кардиналам, что он достаточно силен, чтобы подавить восстание. "Они сажали в тюрьмы, - говорит Бонивар, - они избивали, они пытали, они обезглавливали и вешали, так что это было довольно жалко".²⁸⁷ Женева была разгромлена.

Поскольку недостаточно было наложить руки на людей, принцы Савойи наложили руки на конституцию. Война велась против принципов в еще большей степени, чем против личностей. Необходимо было подавить те странные стремления, которые влекли умы людей к новым идеям, и положить конец фантазиям, отрицавшим законность абсолютной власти. Герцог, в согласии с епископом, издал, хотя он и был иностранным принцем, закон, ограничивающий свободы Женевы, который изгонял из генерального совета всех молодых людей (поскольку их подозревали в независимости) и лишал народ прямых выборов синдиков. 3 сентября генеральный совет, на котором присутствовали лишь немногие, кроме мамлюков, принял эти статьи в молчании. Так герцог Савойский с помощью епископа восторжествовал над принципами, правами и свободами и подумал, что задушил в их гнезде молодых орлят, которых он когда-то боялся увидеть парящими в небесах. Женеву, униженную и замолчавшую из-за плохого принца и искалеченной конституции, больше нельзя было бояться.

Скорбь была всеобщей, и можно было бы предположить, что у общины хватило сил только на то, чтобы испустить свой последний вздох. Но как раньше было видно в Израиле, как в моменты кризиса поднимались пророки и пророчицы, так и в Женеве раздавались голоса — голоса слабейших созданий, — возвещавшие гибель народа и осуждавшие ужасные суды Божьи. Бедная девушка три дня ходила взад и вперед по городу, не ела и не пила, но всюду на ходу кричала: *Le maz mugnier! le maz molin! le maz molu! ... tout est perdu*. 'Злой мельник! злой мельница! злая мука!.... Все пропало!' Мельник был принцем, мельница была конституцией, еда была народом.... Кажется, этот монотонный и печальный голос подействовал на всех, даже на мамлюков; в те дни мир охотно верил в чудесное, и видаме не осмелился арестовать пророчицу. Синдик Балар, один из самых просвещенных людей в Женеве того времени, увидел глубокий смысл в миссии бедной девушки.²⁸⁸

ГЛАВА XXI.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ. ЛЮТЕР. СМЕРТЬ ЕПИСКОПА. ЕГО ПРЕЕМНИК. (1520-1523 гг.)

Пророчица ошиблась: *трапеза* была вкусной. Внезапно небо, до сих пор такое темное, прояснилось, и в нем забрезжил солнечный свет. Герцог, подумывавший о женитьбе, вернулся в Турин; епископ, который был серьезно болен и нуждался в теплом воздухе, удалился в свое аббатство Пиньероль, а гугеноты, освобожденные от двух своих угнетателей, подняли головы.

Рамель, Хьюз, Таккон, Бодишон де ла Мезон-Нев и двое других явились к епископскому викарию, протонотарию святого престола, и потребовали отмены указов, противоречащих свободам города, и освобождения всех граждан, заключенных епископом в тюрьму. "В случае отказа, - сказали они, - мы обратимся к Венскому митрополичьему престолу".²⁸⁹ Викарий, помня об отлучении от церкви по делу Пеколата, встревожился и удовлетворил все их требования. Эта уступка придала смелости самым робким, и патриоты немедленно провели митинги, чтобы обеспечить безопасность города. Эме Леврье, судья, был особенно заметен. Бертелье был человеком действия, Леврье был человеком права: он с сожалением наблюдал, как сила заменяла закон. По его мнению, следовало бороться со всякой идеей, враждебной праву, а правление епископа основывалось не на законах, а на произволе власти и терроризме. У Леврье были примеры в его собственной семье: прелат стал причиной того, что его шурин (прокуратор Шамбет) был брошен в тюрьму за то, что он был гугенотом, и подвергался таким жестоким пыткам, что у него не было суставов. 'Бог сделал человека свободным,' сказал Леврье, 'века делали Женеву свободной; ни один правитель не имеет права делать нас рабами'. Отчаявшись когда-либо увидеть, как епископ правит справедливо, он предложил эффективное средство: 'Давайте подадим петицию папе о лишении прелата звания'. Смелое предложение было одобрено, и Леврье было поручено отправиться в Рим, чтобы проследить за его исполнением. Принцам Савойским удалось остановить его и парировать удар, по крайней мере частично. Однако Лев Х, признав, насколько позорным было поведение епископа, приказал бастарду никогда не возвращаться в Женеву и выбрать ему на замену коадьютора. Это был жестокий позор для прелата.

И это было еще не все: народ восстановил свои древние права. Пришло время избирать синдигов на год; герцог и епископ, как вы помните, лишили граждан права избирать, и, соответственно, Большой Совет назначил этих магистратов; но сразу же послышались громкие протесты. Престарелый Джон Фавр²⁹⁰ лет и его двое сыновей, а также Де ла Мар, Мальбуиссон, Вандель, Ришарде и другие энергично протестовали против этого незаконного акта и заявили, что выборы должны состояться в соответствии с древними избирательными правами. В то время народ был собран на всеобщий совет. Мамелюки, не желая восстанавливать свободы, которые их вожди отняли у граждан, оказали упорное сопротивление, и в собрании поднялся страшный шум. Гугеноты, как всегда расторопные, немедленно организовали бюро, не обращая внимания на протесты своих противников, и начались всенародные выборы. Услышав эту новость, министры епископа и герцога поспешили к совету, восклицая: 'Остановитесь! это большой скандал; Большой Совет уже назначил синдигов!' Гугеноты оказали сопротивление; они заявили, что восстановят древние привилегии, которых их лишил иностранный принц; и министры двух кузенов (Карла и Иоанна), обнаружив, что их единственным средством было выиграть время, потребовали и добились отсрочки выборов до завтра. Гугеноты чувствовали себя слишком сильными, чтобы не ждать. На следующий день, в понедельник, горожане со всех концов устремились к Сен-Пьеру, полные энтузиазма по поводу конституций, переданных их предками. Насилие не могло аннулировать право; выборы были проведены народом в соответствии со свободами Женевы. Но гугеноты, вернув себе свободу, продемонстрировали еще более удивительную умеренность, чем их энергия. Они знали, что, проявив терпение, они станут сильными; они думали, что избрание синдигов-гугенотов может при нынешних обстоятельствах вызвать разразившуюся бурю и обрушить на город неисчислимые бедствия; поэтому они вернули тех же синдигов, что и Большой Совет. Победив абсолютизм, они победили самих себя. Их целью не было спешное

сооружение строительных лесов, которые впоследствии можно было бы легко сбросить; они хотели заложить прочный фундамент для храма свободы.²⁹¹

Они сделали больше: попытались примириться. Трое из них, возглавляемые Робертом Ванделем (который был синдиком в 1529 году), обратились к синдику мамелюков Данелю и сказали: 'Давайте забудем наши взаимные обиды и заключим мир; давайте отбросим имена мамелюков и гугенотов, и пусть в Женеве не будет никого, кроме женевцев. Передайте дело на рассмотрение совета'. Гугеноты, как истинные граждане, желали союза в своей стране; не так обстояло дело с мамлюками, которые были проданы иностранцам. Они передали это предложение викарию и епископальному совету, а затем епископу и герцогу — верное средство гарантировать его провал.²⁹² Умеренность, согласие, уважение прав всех были на стороне свободы. Единственной мыслью священников и мамлюков было отделиться от общественного дела. В то время этому было яркое доказательство.

Необходимо было собрать деньги для покрытия расходов на войну (известную как война *безолей*). Духовенство, несмотря на свое богатство, отказывалось платить положенную ему норму, не подозревая, что своей скупостью они подготавливают почву для Реформации.²⁹³ Напрасно гугеноты, проявившие себя столь великодушными при избрании синдиков, предприняли серьезное движение к примирению всех партий; священники, думая только о своих кошельках, ответили одной из тех жестоких мер, которые были обычны при папстве. Цитата из Рима внезапно обрушилась на Женеву; папа призвал главных должностных лиц республики предстать перед ним, чтобы дать отчет о налоге, который они осмелились взимать со священников; и 30 апреля агенты римского двора вывесили цитату на воротах церкви Сен-Пьер. Горожане подбежали, чтобы прочесть это. Что? священники всегда должны держаться особняком! Бедняки, которые в поте лица добывают себе пропитание, вынуждены экономить на хлебе для своих детей, чтобы уплатить этот долг; а эти распутные монахи, эти ленивые священники все еще в изобилии наслаждаются плотскими удовольствиями и не желают принести ни малейшей жертвы? Общественное сознание было взбудоражено, город трепетал от негодования, 'все были очень раздосадованы'; на следующий день гнев, вызванный этим новым актом подлости, этим вопиющим эгоизмом, вырвался наружу, и 'произошли некоторые беспорядки'.

Имела ли Реформация какое-либо отношение к этому противостоянию эгоизму священников и деспотизму Рима? Это возможно, нет, вероятно; но было бы ошибкой смешивать с этим Виттембергского реформатора. "Лютер, - говорит Бонивар, - в то время уже давал наставления многим в Женеве и в других местах".²⁹⁴ *Наставление*, упомянутое приором церкви Святого Виктора, явно относится к христианской истине в целом, а не к поведению женевцев в нынешних обстоятельствах. Сделал ли Лютер больше? Обращался ли он к Женеве с каким-либо из своих евангелических учений, как, по-видимому, указывает Бонивар? Начал ли он в этом городе работу, которую завершил Кальвин, как думает один из редакторов Бониварда?²⁹⁵ Это кажется нам более чем сомнительным. Влияние, оказанное Лютером на Женеву, бесспорно; но оно проистекало исключительно из его сочинений; это было общее влияние евангельских идей, рассеянных по миру великим Реформатором.

Это был 1520 год. Лютера знали в Женеве. Несколько гугенотов, возмущенных римской буллой, спросили, не доказал ли этот монах, о котором уже говорили во всем христианском мире, что папа часто ошибался и ошибается каждый день? Когда папа осудил его, разве Лютер не

обратился с апелляцией к папе? Разве он не говорил, что власть суверенного пастыря не должна использоваться для убийства 'агнцев Христовых и бросания их в пасть волку'? ... Когда папа выпустил буллу против этого смелого доктора, как он сейчас запустил цитату против Женевы, разве Лютер не спросил, как получилось, что вы не смогли найти во всей Библии ни единого слова о папстве, и что, хотя Священные Писания часто упоминают мелочи, они положительно ничего не говорят о том, что, как мы уверены, является величайшим в церкви?²⁹⁶ ... "Мы больше не так пугаемся папских колоколов, - сказали женевцы, - и не позволим поймать себя в его сети".²⁹⁷ Таково было первое эхо в Женеве крика, прозвучавшего в Виттемберге. На этих холмах, которые так грациозно возвышаются на краю этого прекрасного озера, была почва, готовая принять семя, которое Лютер разбрасывал в воздухе. Ветер принес его с берегов Эльбы даже к берегам Роны. Женева и Виттемберг начали пожимать друг другу руки.

Женевские священники, услышав имя Лютера, встревожились; им показалось, что они уже видели страшное лицо главного еретика в Женеве, и начали устраивать длинные процессии, чтобы отвратить гнев небес. Однажды, желая любой ценой спасти свои кошельки и свою веру, они организовали шествие большего масштаба, чем обычно. Выйдя из города, они с громкими песнопениями направились к Богоматери Благодати на берегу стремительного потока Арве, мутные воды которого спускаются с ледников. Там были все — каноники, священники, монахи, ученые в белых стихарях, в то время как клерки, гордясь своей должностью, несли перед собой изображение святого Петра, символа папства. Зрелище очень не понравилось горожанам. Если, думали они, мы можем обойтись без папы, как Лютер, то не можем ли мы также обойтись без этих каноников, монахов и священников? Разве Лютер не сказал, что "христианин, избранный христианами для проповеди Евангелия, является более истинным священником, чем если бы все епископы и папы посвятили его в сан"?²⁹⁸ Едва ли женевцам пришла бы в голову мысль применить на практике эту теорию Реформатора; но некоторые из них желали уволиться из римской армии на жалованье герцога Савойского. 'Все священники ушли, - сказали они. - воспользуемся случаем, чтобы закрыть ворота города и помешать им вернуться!' Поскольку священники противопоставляли свои интересы интересам города, казалось логичным незаметно выдворить их из Женевы. "Все эти черные мундиры, - говорит синдик Розет, - были почти изгнаны из страны, отделившись от республики".²⁹⁹ Можно представить себе испуг священников, когда они узнали, что было предложено. По их мнению, не было ничего, на что эти гугеноты не были бы способны, и такой бесцеремонный способ избавиться от духовенства одним махом очень соответствовал их характеру. Однако горожане не были достаточно смелы для этого. 'Благоразумные предотвратили это', - говорит Бонивар. Испуганные монахи и священники поспешно и без сопротивления вернулись в свои гнезда и снова зажили в своей тарелке: они отделались хорошим испугом. Это странное предложение, сделанное несколькими решительными людьми, было сочтено прелюдией к Реформации в Женеве. Это говорит слишком много; для этого требовалось, чтобы Евангелие было сначала проповедано в городе, и это было настоящей прелюдией. Час Реформации еще не наступил; тем не менее урок не был упущен, и с духовенством была достигнута договоренность, которое оплатило часть военных расходов.

Другие события вселили некоторую надежду в женевцев, чьи привилегии были так грубо растоптаны; их самый большой друг вышел из тюрьмы, а их самый большой враг покинул этот мир. Бонивар все еще находился в заключении, но его родственники, имевшие большое влияние при дворе, умоляли герцога вернуть ему свободу. 'Я не осмеливаюсь, - сказал Карл, - из страха оскорбить папу римского. Затем они обратились в Рим: Лев X поручил епископу

Беллейскому расследовать это дело, и друзья приора умоляли этого прелата выпустить заключенного на свободу: 'Я не смею,' ответил он, - из страха оскорбить герцога'. Наконец герцог согласился, и Бонивар вернул себе свободу, но не монастырь. Аббат Монтерона, которому Карл подарил его, отправившись в Рим, чтобы уладить свои дела, был приглашен некими священнослужителями, жаждавшими его милостыни, на банкет "на римский манер, и там, - говорит Бонивар, - они дали ему какой-то кардиналь-ский порошок, который выводил душу из его тела".³⁰⁰ Именно прибегнув к этой 'романской' моде, виновная душа папы Александра VI погибла.. его поспешно изгнали из этого мира. Был найден документ, по которому раскаявшийся Монтерон уступил Бонивару все права, которые тот имел на приорат;³⁰¹ но Лев X. отдал Сен-Виктор одному из своих двоюродных братьев, который сдал доход в аренду за 640 золотых крон; и Бонивар, любезный и блестящий джентльмен, воспитанный в достатке, одно время приор и даже принц, остался в бедности. Это правда, что на какое-то время ему удалось вступить во владение своим монастырем; но герцог вскоре заставил его пожалеть в ужасной темнице о свободе и благах, которые были ему возвращены. День агонии Женевы еще не закончился, и в то самое время, когда граждане надеялись, что смогут дышать более чистым воздухом, снова пришло угнетение и задушило их.

Приближалось еще одно событие, которое, по-видимому, было благоприятным для Женевы. Папа, как мы уже говорили, назначил епископу коадьютора, и последний выбрал Пьера де ла Бом, священнослужителя из знатной семьи, отпрыска прославленного дома графов Монтревель, на которого он смотрел как на сына. Пьер, который был аббатом Сузы и Сен-Клода и епископом Тарса *in partibus*, приехал в Женеву примерно во время освобождения Бонивара в 1521 году, чтобы вступить во владение своим подопечным. 25 января для этой цели епископ Морьенский спел в соборе Святого Пьера "*Te Deum*". Все знали, что коадьютор скоро станет епископом и принцем; соответственно, все страсти разгорелись, и после мессы мамелюки попытались перетянуть будущего епископа на свою сторону. Безансон Хьюз, желавший видеть Женеву католической и епископальной, но свободной, прислуживал прелату; напомнил ему, чтобы подготовить почву для хорошего приема, что некто Хьюз, его двоюродный дед, был кардиналом, и, понимая, что имеет дело с легкомысленным, тщеславным человеком, ищущим удовольствий, который, как младший сын, стремился подняться по крайней мере так же высоко, как его старшие братья, он постарался дать ему понять, что он далек от подчинения герцогу, он должен помнить, что епископ Женевы был *принцем*, в то время как герцог был всего лишь вассалом. Пьер де ла Бом, слабый человек, вечно колеблющийся между двумя мнениями, увлеченный честностью и красноречием женевского гражданина, оказал ему доверие. Безансон Хьюз навсегда остался его самым доверенным советником.³⁰²

Вскоре за Альпами разыгралась другая сцена. Несчастный Иоанн Савойский лежал в Пиньероле на смертном одре. При Жизни предававшийся застольным удовольствиям и разврату, теперь он расплачивался за свои проступки. Он страдал от подагры, был покрыт грязными язвами, от него остались лишь кожа да кости. Он думал только о том, чтобы наслаждаться жизнью и угнетать других; он замыслил разрушение города, пастырем которого должен был быть; теперь он получил возмездие за свое беззаконие. У постели, где томился этот прелат, стоял его коадьютор, поспешивший из Женевы в Пиньероль. Не сводя глаз с умирающего, Пьер пытался ободрить его ложными надеждами, но Джона было не обмануть. Вскоре приблизился страшный момент; историк, которого римские писатели обычно

благосклонно цитируют,³⁰³ описывает все, что было ужасного в конце этого великого грешника. Наемники окружили умирающего епископа и время от времени обращали свои взоры на него и на предметы, которые они могли бы унести, как только он потеряет сознание. Пьер де ла Бом наблюдал за прогрессированием болезни с плохо скрываемым удовлетворением, с нетерпением предвкушая момент, когда, избавленный от своих лицемерных забот, он вступит во владение всем, чего желал столько лет. Жан Портье, секретарь умирающего, доверенное лицо его преемника, наблюдал это преступное нетерпение, эту грязную алчность и ту извращенную низость, которые он уже надеялся обратить в свою пользу. Тени жертв умирающего человека были начертаны на стенах комнаты рукой мстителя, и когда, наконец, священники пожелали совершить соборования, ему показалось, что они покрывают его кровью. Они подарили ему распятие; он, казалось, узнал черты лица Бертелье и спросил с диким видом: 'Кто это сделал?' Далекий от того, чтобы принять с уважением и покорностью этот символ вечного спасения, он с ужасом отверг его, осыпая грязными оскорблениями. Богохульство и оскорбления смешивались с пеной, побелевшей на его дрожащих губах. Так писал автор, который, как мы понимаем, был менее романистом, чем это представляется.³⁰⁴ Отчаяние сменилось раскаянием в виноватой душе прелата перед его смертью. Бросив последний взгляд на своего приемного сына, он сказал ему: 'Я хотел отдать Женевское княжество Савойе ... и для достижения своей цели я предал смерти многих невинных людей'. Кровь, которую он пролил, звенела у него в ушах: Навис, Бланше и Бертелье встали перед ним. Терзаемый угрызениями совести, отягощенный страхом перед Судьей, он хотел бы спасти Ла Бому от тех ошибок, которые совершил сам. 'Если вы получите это епископство, ' продолжал он, 'я умоляю вас не идти по моим стопам. Напротив, защищайте привилегии города.... В страданиях, которые я переношу, я осознаю месть Всемогущего.... Я молюсь Богу о прощении от всего сердца.... В чистилище ... Бог простит меня!'"³⁰⁵ Отрадно слышать этот крик пробуждающейся совести по окончании преступной жизни. К сожалению, Пьер де ла Бом не воспользовался этим торжественным советом. Бастард умер после ужасных страданий, 'причиненных божественным судом', - говорит Бонивар, - "и он предстал перед Сувереном, чтобы умолять тех, чью кровь он пролил". — 'В момент своей смерти он был настолько иссохшим, - добавляет приор Сен-Виктора, - что не весил двадцати пяти фунтов'. Пророчество Пеколата исполнилось: *Не видевший умирает Петри*. Вместо двадцати пяти лет епископство Иоанна Савойского продлилось всего девять.

Женева собиралась сменить хозяина. Борьба, которая характеризовала епископство Иоанна Савойского, не могла не возобновиться, если бы вместо пастыря женевцы получили наемника. Кто выйдет победителем из этого нового боя? Сохранятся ли старые времена; или, благодаря прелату, который понимал потребности эпохи и природу Евангелия, должны ли мы стать свидетелями начала новой эры? Было мало надежды на то, что это будет так. Женевский епископальный престол, который давал звание светского князя, был очень желанным местом для знати и даже, как мы видели, для членов суверенных семей. Этимирские епископы думали только о том, как разбогатеть и жить в роскоши и удовольствиях, не заботясь ни о хорошем управлении Церковью, ни о прокормлении своей паствы. Троны таких князей не могли не пошатнуться и не пасть в скором времени. Пьер де ла Бом, несмотря на некоторые хорошие качества, не смог предотвратить эту катастрофу; напротив, он ускорил ее. Он обладал умом и воображением, но был слаб, тщеславен и склонен к тому же раболепию, что и его предшественник, "неспособный, - говорит историк, - постичь какое-либо другое счастье, кроме хорошего сна после того, как хорошо поел и выпил".³⁰⁶

Когда бастард испустил дух, Пьер, стоя на коленях у его кровати, поднялся на слона. Он немедленно предпринял шаги, чтобы обезопасить свою новую собственность от разграбления, и 7 февраля 1522 года написал письмо 'своим горячо любимым и надежным синдикам, советникам, гражданам и общине Женевы', в котором не давал никаких обещаний, что воцарение истины будет засвидетельствовано во время его епископства. Он начал с обычной в таких случаях лжи и сообщил женецам, что его предшественник 'совершил столь же святой поступок, как и любой другой прелат, воззвав к своему Создателю и Деве Марии с последним вздохом'. В то же время он напомнил им 'о великой любви, которую Джон испытывал при жизни к ним и ко всем своим добрым подданным'. ... "Посмотрите на каштан у моста в Арве", - говорили некоторые.³⁰⁷

Прошел год, прежде чем новый епископ прибыл в Женеву. Было ли это из страха; или его мирские занятия удерживали его подальше? Вероятно, это был последний мотив. Ему пришлось прийти к взаимопониманию с герцогом и папой римским относительно его епископства, и он посетил Рим, чтобы получить свои сводки. Наконец, 11 апреля 1523 года состоялся его торжественный въезд.³⁰⁸ Великое множество людей стеклось сюда со всех окрестных округов. Синдики, советники и народ дошли до Арвского моста, чтобы встретить епископа, который в сопровождении своих придворных, священников и друзей, а также имея рядом с собой графиню Монтревель, свою невестку, маркиза Сен-Сорлена, своего второго брата, и двух своих племянников, выехал 'верхом на муле, великолепно убранном и раззолоченном, и в зеленой шляпе по моде римских епископов'. Четверо синдиков несли над его головой красивый навес, который был крайне необходим из-за проливного дождя. 'Более сотни лошадей черепаashим шагом крались перед ним'. Четыре роты лучников, аркебузирова, лучников и копейщиков твердым шагом промаршировали мимо. На каждой улице города 'молодые люди на хороших лошадях, в доспехах и амуниции скакали по Альбанезу'. Драмы, фарсы, мистерии, игры и увеселения разыгрывались на открытом воздухе, несмотря на дождь, и женецы были полны надежды. Можно было бы сказать, что эта ветвь, столь сильно пошатнувшаяся и почти отделившаяся от римского папства, вот-вот будет восстановлена. Женева, так сердечно приветствуя епископа, казалось, приветствовала папу, который его послал. Однако это было в 1523 году. Лютер сжег римскую буллу; он сказал перед Вормсским сеймом: *я не могу поступить иначе*. Реформация семимильными шагами продвигалась в Виттемберге и распространялась по всей Германии. И все же именно в это время Женева приняла римского епископа почти с энтузиазмом; но если энергичный город разочаруется в своих ожиданиях, мы увидим, как он восстанет против всех рамок Рима и свергнет их, не оставив на своем месте ни единой частички.

В тот момент люди тешили себя самыми лестными надеждами. Ла Бом носил на своем щите дерево (по-немецки *baum*); женевец подарил ему стихотворение, первые строки которого звучали так:

Если бы не это дерево, посаженное Богом, у
Женевы не было бы радости;
Не было бы ни ветки, ни опоры, на которую я
Мог бы опереться во время печали.
Но да будет хвала Богу за его доброе дело, за то, что он
посадил здесь это прекрасное дерево,
Под сенью которого бедняки будут жить

Эти стихи являются доказательством мирных намерений, которые тогда питали патриоты, ибо они были написаны Ами Порралем, самым убежденным гугенотом, который впоследствии стал одним из первых сторонников Реформации. Римское епископство не оправдало их надежд; Поррал и его друзья вскоре обнаружили, что они должны посадить *в саду еще одно дерево*, дерево Евангелия, на ветвях которого могли бы устраиваться птицы небесные. Священник, представляющий Святого Петра и одетый как папа римский, вручил епископу золотой ключ от своего собора, и прелат, стоя в церкви перед главным алтарем, поклялся соблюдать привилегии города.³¹⁰ Но едва он принес эту клятву, как незаконно заключил гражданина в тюрьму; и когда синдики смиренно напомнили ему об их свободах, он раздраженно воскликнул: "От вас всегда пахнет швейцарцами".³¹¹ Однако он выпустил заключенного на свободу.

Между 1519 и 1525 годами в Женеве было несколько дней энергии и энтузиазма; ее свобода истекла, тирания нависла над городом, казалось, похоронный покров навис над его стенами. Это было время горьких испытаний и депрессии в городе. Среди граждан, которые дремали, среди тех, кто ухаживал за незаконной властью, и среди других, которые не думали ни о чем, кроме развлечений, было много тех, кто проливал слезы из-за потери своих славных надежд. Сейчас в Женеве мы чувствуем себя не в своей тарелке, и еще более не в своей тарелке в разгар веселья, чем в разгар судебных процессов. Действительно ли герцогу и епископу удастся задушить новую жизнь, оживившую это маленькое государство? Произойдет великое событие, которое придаст силы свободе. Она сошла в могилу вместе с Бертелье, хотя и была еще молода; она выйдет снова, когда ворота Швейцарии широко распахнутся, Женева пожмет руку древним поборникам независимости и услышит слова Того, Кто сказал: *Истина сделает вас свободными*.

ГЛАВА XXII.

КАРЛ ЖЕЛАЕТ СОБЛАЗНИТЬ женеvцев. ТАЙНЫ КАНОНИКОВ И ГУГЕНОТОВ.

(Август 1523 г.)

Герцог, видя, что женевская коммуна серьезно ослаблена, разработал новые планы окончательного захвата суверенитета и искоренения как свободы, так и тенденций к Реформации, с которыми, по словам Карла III. и Карл V., этот беспокойный город был заражен. Великолепие, празднества, помпезность, лесть, обольщение и вероломство - все это должно было быть пущено в ход, и для этого Карл располагал новыми ресурсами. Он только что женился на Беатрисе Португальской, сестра которой вот-вот должна была соединиться с императором Карлом V. Беатриса, женщина необычайной красоты, гордая, амбициозная и властная, требовала, чтобы все склонялись перед ней; Карл, человек без воли, нашел ее в этой принцессе; и заговор Савойи против независимости Женевы вступил в новую фазу, которая грозила быть отмеченной большими неудачами. После нескольких месяцев супружества герцог выразил желание представить прекрасную герцогиню своим добрым друзьям в Женеве и приготовился продемонстрировать всю пышность и соблазнительность двора, чтобы завоевать их расположение. И более того: герцогиню, как ожидалось, уложат в постель в декабре: сейчас был август (1523 г.); если бы у нее родился мальчик в Женеве, разве эти достойные горожане не

были бы счастливы, более того, горды, если бы их принц, сын Савойи, родился в их стенах? И неужели дядя ребенка, могущественный император, не скажет тогда ни слова в его пользу в этом древнем имперском городе, на щите которого все еще изображен орел? Для осуществления этого судебного маневра были пущены в ход все средства.

Герцог правильно рассчитал, рассчитывая на республиканское тщеславие. Все были заняты приготовлениями к приему принца вместе с его женой и придворными, ибо женевцы желали, чтобы пышность этого праздника неизмеримо превзошла пышность приема епископа. В этих гражданах было (так сказать) два человека: один, полный возвышенных устремлений, жаждал истины и свободы; но другой, полный тщеславия и любящий удовольствия, позволил соблазнить себя роскошью и придворными развлечениями. Герцогу и епископу никогда бы не удалось разрушить Женеву; но если бы Женева объединилась с ними, ее гибель казалась неизбежной. Все головы повернулись. 'В день выхода герцогини я буду одет дороже, чем вы', - сказал Жан де Мальбуиссон Жану Филиппу, впоследствии первому синдику. После чего Филипп, один из самых гордых гугенотов, заказал великолепное платье из атласа, тафты, бархата и серебра, которое обошлось ему в сорок восемь солнечных экю. Мальбуиссон был полон ревности и гнева, и синдикаты были вынуждены вмешаться, чтобы унять эту борьбу тщеславия.³¹² Эти тщеславные республиканцы, очарованные честью, оказанной им дочерью короля Португалии, пожелали усыпать ее путь розами. Португалия, управляемая знаменитой династией Авис, прославившейся экспедициями Диаса, Васко де Гамы и Кабрала, а также завоеваниями Альбукерке, в то время была изобилующей богатствами, первоклассной военно-морской державой и находилась на пике своего величия. В глазах горожан города Леман было немаловажным фактом, что слава, наполнившая своим великолепием самые отдаленные моря, пролила несколько искр своего блеска на берега неизвестного озера. Герцог не сомневался, что эти горожане, столь любящие удовольствия, спокойно подчинятся требованиям, которые предъявляет к ним красота, и что Женева будет принадлежать ему.

Наконец наступило 4 августа, и весь город поспешил на берега Арве, чтобы встретить молодую и очаровательную герцогиню; женщины занимали первое место в этой женевской процессии. Батальон амазонок, состоящий из трехсот самых молодых и красивых особ Женевы, появился первым. Они были одеты в цвета герцогини, синий и белый; их юбки, по моде воинственных девиц древности, были подоткнуты до колен; и каждая держала в правой руке копье, а в левой - небольшой щит. Во главе в качестве капитана шла жена сеньора д'Авулли, которая, будучи испанкой, могла говорить с герцогиней на ее родном языке; в середине была знаменосец, "высокая и красивая женщина, размахивающая знаменем, как солдат, который всю свою жизнь ничем другим не занимался".

Появилась герцогиня, восседающая в триумфальной колеснице, запряженной четверкой лошадей, и так покрытая одеждой из золота и драгоценных камней, что у всех ослепли глаза. Герцог ехал рядом с ней на муле, богато убранном, а множество дворян в великолепных нарядах следовали за ними, улыбаясь и разговаривая друг с другом: добродушная простота этих республиканцев очаровала их. Они сказали, что если они потерпели неудачу с мечом, то добьются успеха с драгоценностями, перьями и выставлением себя напоказ; и что этот мятежный город был бы слишком счастлив в обмен на развлечения, которые они ему устроят, принять герцога и ухаживать за папой. Все было устроено так, чтобы яд проник в их сердца мягкими и изощренными средствами. Когда триумфальная процессия остановилась в Плейнпале, королева амазонок подошла к герцогине и сказала: "En ce pays soyez la

bienvenue!..."

с другими стихами, которые мы оставляем читателю в покое. Когда принцесса подошла к часовне на берегу Роны, где стояло изображение Пресвятой Девы с младенцем Иисусом на руках, появилась сивилла и сказала:

Для тебя Я получил божественное благо: —
Сын Божий воссияет пред очами твоими....
Посмотри вверх ... смотри, как он прижимается к груди Марии,
Дева, родившая его для нашего упокоения;
С великой преданностью поклоняйся сыну Марии,
И он широко откроет тебе небесные врата.

Процессия последовательно прошла под шестью триумфальными арками, посвященными прославленным принцессам, перед каждой из которых Беатриче должна была остановиться и услышать новый комплимент. Но труд был напрасен: надменная португалка, вместо того чтобы поблагодарить дам, даже не взглянула на них; и когда мужчины в свою очередь вышли вперед в тех великолепных платьях, которые стоили им стольких денег и раздоров, герцогиня приняла лавочников с еще большим презрением. Глубокое чувство недовольства немедленно сменило всеобщий энтузиазм: 'Она принимает нас за своих рабов, на португальский манер', - воскликнул один из самых гордых гугенотов. 'Давайте покажем ей, что мы свободные люди. Пойдемте, леди, я советую вам вернуться к своему прядению, а что касается нас, друзья мои, мы снесем галереи и разрушим театры. И затем он прошептал одному из своих соседей: 'Лучше потратьте наши деньги на укрепление города и заставьте этих савояров оставаться снаружи. Вы заманиваете их внутрь ... смотри, чтобы они не сожгли тебя на твоей же соломе. Советники герцога начали беспокоиться. Мина, которая, как им казалось, была так искусно вырыта, грозила взорвать их всех на воздух. Еще несколько подобных ошибок, и все было потеряно.... Некоторые придворные пытались оправдать надменные манеры Беатриче, говоря горожанам: *Приветствую вас в костюмах Португалии*. 'Это была мода Португалии'. Герцог заклинал свою жену приложить усилия, чтобы снова завоевать их сердца.³¹³

В то время начали распространяться сомнения относительно присоединения Женевы к папству. Карл и его придворные кое-что слышали об этом, и, как мы уже отмечали, в их рыцарском предприятии немалую роль играло желание навсегда сохранить город в составе Рима. Мамелюки и каноники, устыдившись этих слухов, подготовили мистический спектакль, рассчитанный на то, чтобы заставить герцога и герцогиню поверить, что женеvцы гораздо больше думали о поисках крестов и других реликвий, чем о поиске Нового Завета, который так долго был неизвестен и о котором так много говорили в Германии. Соответственно, когда процессия прибыла на площадь Бург-де-Фор, они увидели большой эшафот, своего рода дом, открытый со стороны зрителей и разделенный на несколько этажей. Триумфальная процессия остановилась, и жители Женевы, которым впоследствии предстояло показать миру еще одно зрелище, начали исполнять 'Изобретение Креста'.

Первая сцена представляет Иерусалим, куда император Константин и Елена, его мать, прибыли на поиски драгоценной реликвии. Константинк евреям.

Ну же, скажите мне, евреи, что вы сделали
С крестом, на котором вами

был так жестоко повешен Христос?

Евреи, *трепещущие*.

Дорогой император, конечно,

Мы не знаем.

Константин.

Ты лжешь.

Со временем ты за это пострадаешь.

(*Своим охранникам.*)

Немедленно заprite их в тюрьме.

Евреев сажают в тюрьму; и это урок, показывающий, что следует делать с теми, кто не проявляет уважения к дереву, которому пришла поклоняться Елена.

Еврей *из окна*.

Иуда -президент - это я,

И если вы меня отпустите

, я самыми ясными знаками покажу,

Где мой отец видел, что оно спрятано.

Константин.

Тогда уходите; мы будем искать крест,

А они пока побудут здесь.

Следующая сцена представляет Голгофу. Император, Елена и их свита следуют за евреем.

Иуда.

Могущественный император, вот место,

Где крест был тайно установлен

Вместе с двумя другими.

Константин.

Хорошо!

Пусть вокруг перекопают землю,

И крест будет быстро найден.

Рабочий *выкапывает три креста*.

Это все.

Константин, *озадаченный вопросом, который из них истинный крест.*

Доказать правдивость этой истории
Все еще остается.... Что нам делать?

Елена.

Мой дорогой сын, прошу тебя, придержи свой язык.

(Она приказывает принести мертвое тело.)

На этот труп мы аккуратно нанесем
Эти три креста,
И, если я не ошибаюсь,
от прикосновения он проснется.

(Накладываются три креста, и когда третий касается тела, оно возвращается к жизни.)

Елена.

О чудо!

(Елена берет в руки истинный крест.)

Константин *преклоняет колени и поклоняется ему.*

О крест Христов, как велика твоя сила!
В этом месте я преклоняюсь перед тобой;
Да будет твоя душа спасена!

Елена.

Крест принес нам Божью благодать,
Крест стирает всякий грех.
Вот доказательство

Таким образом, женевцы верили в чудеса, творимые деревом креста. Как после такого очевидного доказательства мир не должен увидеть, что Женева была свободна от ереси?[314](#)

Процессия и принцесса возобновили свое шествие. Они остановились перед ратушей, и там синдики преподнесли Беатрис подарок от города, который она *приняла с удовольствием* в соответствии с уроком, преподанным ей герцогом. Однако она больше не могла сдерживаться: измученная усталостью, она попросила проводить ее до квартиры. Соответственно, они направились к доминиканскому монастырю, где для герцога и герцогини были приготовлены апартаменты. Этот монастырь, расположенный за пределами города, на берегу Роны, был одним из самых коррумпированных, но и одним из самых богатых в епархии. Наконец они добрались до места, Чарльз был столь же обрадован, сколь Беатрис устала. "Мухи слетаются на мед, - сказал герцог. - еще несколько праздников, и эти гордые женевцы станут нашими рабами".

Он не терял времени даром и, полный уверенности в *престиже* Португалии, блеске своего двора и милости своей герцогини, начал устраивать 'грандиозные банкеты, балы и празднества'. Беатриче, узнав, что для завоевания Женевы необходимо завоевывать сердца, проявила любезность к дамам и угощала их "изысканными яствами", за которыми следовали балеты, маскарады и пьесы. Со своей стороны герцог устраивал турниры с большим сборищем знатных кавалеров, собранных из всех замков соседних провинций, на которых женевская молодежь состязалась с придворными лордами. 'Мы никогда так хорошо не развлекались со времен герцога Филиберта', - говорили молодые женевцы. К соблазнам удовольствия Савойя добавила соблазны выгоды. Двор, который был 'большим и многочисленным', тратил в городе много денег и таким образом побуждал любить его всех тех, кто отдался желанию богатства. Наконец, ко всему остальному добавились привлекательные стороны честолубия. Душам, жаждущим отличия, Женева могла предложить лишь ничтожную должность судьи, в то время как, подчинившись Савойе, они могли стремиться к величайшим почестям; соответственно, знатные люди и даже синдики складывали себя к ногам герцога и герцогини. 'Принцу лучше повиновались в Женеве, чем в Шамбери', - говорит Бонивар. Все заставляло политиков ожидать полного успеха. Это смелое стремление к независимости и Евангелию, столь неуютное герцогу, королю Франции и императору, вот-вот должно было быть остановлено; и эти вызывающие тревогу свободы, которые спали веками, но которые теперь стремились к освобождению, будут сдерживаться и подчиняться.[315](#)

Расчеты принцев Савойских были, однако, не столь верны, как они предполагали. Им могло помешать почти незаметное обстоятельство. В то время как туринский кабинет замышлял разорение Женевы, Бог наблюдал за ее судьбой. Незадолго до въезда епископа и герцога в Женеву прибыла другая сила; этой силой было Евангелие. Ближе к концу предыдущего года, в октябре и ноябре 1522 года, Лефевр опубликовал свой французский перевод Нового Завета. В то же время друзья Слова Божьего, подвергшиеся преследованиям в Париже, нашли убежище в разных провинциях. Купец по имени Вогри и дворянин по имени Дю Бле были в Лионе, отправляя оттуда миссионеров и Новый Завет в Бургундию и Дофини, в Гренобль и Вену.[316](#) В шестнадцатом веке, как и во втором, Евангелие поднялось по Роне. Из Лиона и Вены пришло в 1523 году к берегам озера Леман то Слово Божье, которое когда-то разрушило суеверия язычества, а теперь должно было уничтожить наросты Рима. "Некоторые люди, которых называют евангелистами, приехали из Франции", - говорится в *Адресованных Папе римскому мемуарах о восстании в Женеве*, хранящихся в архивах Турина. Имена благочестивых людей,

которые первыми донесли Священное Писание до жителей Женевы, сохранились не лучше, чем имена миссионеров второго века: обычно огни маяков зажигаются в темноте ночи. Некоторые жене́вцы ‘поговорили с ними и купили их книги’, - добавляет мисс. Таким образом, в то время как каноны помогали представлять устаревшие басни и приводили в пример благочестие тех, кто искал крест в недрах земли, более возвышенные души в Женеве искали крест в Священном Писании. Одним из первых, кто приветствовал этих библейских фотографов, был Бодишон де ла Мезон-Нев, человек смелый и пылкий вплоть до неосторожности, но верный, прямолинейный и великодушный. Он был восхищен, обнаружив в Евангелии силу, необходимую ему для борьбы с суевериями старых времен, которые вызывали у него инстинктивное отвращение. Роберт Вендель сделал то же самое. Став синдиком в 1529 году и занятый всеми важными делами того времени, он нашел в этих произведениях, пришедших из Лиона, средство реализации своего идеала, который состоял в том, чтобы сделать Женеву республикой, независимой как в религии, так и в политике. Эти благородные люди и многие другие, кроме них, с удивлением читали Священные Писания. Они искали, но не могли найти там никакой римской религии — ни изображений, ни мессы, ни папы римского; но они нашли авторитет и власть над прелатами, советами и понтификами и даже самими князьями — новый авторитет, новую доктрину, новую жизнь, новую церковь... и все эти новые вещи были старыми вещами, которые основали апостолы. Это было так, как если бы оживляющее дыхание весны начало ощущаться в долине после суровости долгой зимы. Они вышли на свежий воздух; они грелись в лучах солнца; они разминали свои онемевшие конечности. Священники и фанатичные миряне с удивлением смотрели на это новое зрелище. Что! они надеялись, что помпезное появление Карла и Беатриче обеспечит им триумф, и теперь неизвестной книге, таинственным образом проникшей в город без помпезности, без выставления напоказ, без шитой золотом ткани, которую смиренно нес на спине какой-нибудь бедный коробейник, казалось, суждено было произвести большее впечатление, чем присутствие шурина Карла V. и дочери королей Португалии.... Неужели победа ускользнула из их рук в самый разгар успеха? Суждено ли было Женеве стать чем-то большим, чем маленьким городком в Савойе и приходом папы римского?... Встревоженные таким движением умов, некоторые папские агенты поспешили написать в Рим: ‘Какая странная вещь! новая надежда появилась у этих подавленных мятежников.... И к тем книгам, которые были привезены из Франции и которые они покупают у евангелистов, жене́вцы обращаются за предоставлением им избирательных прав’.³¹⁷

В самом деле, триумф герцога, герцогини и их двора, которым удалось склонить некоторых жене́вцев к распутству и раболепию, привел гугенотов в ярость: они никогда не встречались без того, чтобы, пожимая друг другу руки, не выразить какого-нибудь презрения или печали. Среди них был Жан Филипп, несколько раз избираемый генерал-капитаном. Он не был одним из тех, кого обратило Священное Писание: он был богатым и щедрым гражданином, полным мужества и большим другом свободы; но больше любил разрушать, чем созидать, и проявлял смелость, доходящую даже до опрометчивости. Он предложил, чтобы они преподали урок мамлюкам и священникам, ‘и взял на себя все расходы’. Другие гугеноты, более умеренные и, прежде всего, более набожные, считали важным сообщить о впечатлениях, которые они получили от Евангелия. Слово Божье коснулось их сердец, и они захотели показать, что оно является лекарством от всех бед человечества. Видя, что всем не терпится угостить герцога и герцогиню, они решили добавить к банкету и свое блюдо, приправив его, однако, несколькими крупинками соли. Вместо открытия креста Еленой они будут праздновать открытие Библии Реформацией.

Тема была выбрана удачно, поскольку она ярко продемонстрировала контраст между старым и новым временем. Поэтому гугеноты сообщили герцогу, что они хотели бы сыграть мистерию в его честь на открытом воздухе в воскресенье после определенного праздника, называемого Les Bordes. Жан Филипп щедро взял на себя все расходы, молодые люди выучили свои роли, и все было готово к представлению.

В Женеве была ярмарка, и поэтому вскоре вокруг театра собралась большая толпа женеvцев и незнакомцев: прибыл епископ Морьенский; знатные лорды и дамы заняли свои места; но они напрасно ждали герцога, который так и не появился. 'Мы не пойдем, ни герцогиня, ни я, ' сказал он, ' потому что исполнители - гугеноты'. Шарль, хорошо зная своих людей, опасался какой-нибудь змеи в траве. Гугенот, сочинивший эту пьесу, представлял состояние мира в образе болезни, а Реформацию - как *лекарство*, с помощью которого Бог пожелал вылечить ее; предметом и названием его драмы было *Le Monde Malade*, Больной мир, и в ней должно было появиться все — священники, мессы, Библия и ее последователи. Главный герой, *Le Monde* ("Мир"), слышал, как некие монахи, напуганные книгами, которые недавно пришли из Франции, объявили, что последние дни близки и что Мир скоро погибнет. Это должно было быть сожжено огнем и утоплено водой.... Это было слишком для него; он дрожал, его здоровье пошатнулось, и он зачах. Люди вокруг него забеспокоились, и один из них воскликнул: Мир слабеет с каждым днем;

К чему он придет, кто может сказать?

Однако у него было несколько друзей, и каждый из них приносил ему новое лекарство; но все было бесполезно — мир становился все хуже и хуже. Тогда он решил прибегнуть к главному универсальному средству, с помощью которого спасаются даже мертвые, а именно к мессам. Римское богослужение, подвергшееся нападкам реформаторов, теперь подвергалось испытанию на улицах Женевы.

Весь мир.

Ну же, господин священник, вытаскивай свои товары —
Свои мессы, дай мне увидеть их все.

Священник, *рад видеть, что Мир обращается к нему.*

Дай Бог вам радости! но как
они вам нравятся, хотел бы я знать.

Мир.

Они мне нравятся так же, как и другие.

Священник.
Невысокий?

Мир.
Да, короткий.

Священник, *показываю ему несколько месс.*
Тогда вот что для тебя.

Мир, с *тревогой отвергающий их.*
Длиннее этих проповедей быть не может.

Священник, *показывающий другим.*
Вот другие.

Мир, *отказывающий им.*
Нет! нет! нет!

Священник, *обнаруживший, что Миру не нужны ни длинные, ни короткие мессы.*
Чего ты хочешь, ты не знаешь.

Затем *Ле Консейлер* (Консультант), мудрый и просвещенный человек, рекомендует новое средство, одновременно безвредное и эффективное, которое начинает производить большой шум. Что это, скажите?

спрашивает Мир; Консультант отвечает: То, чего никто не осмеливается отрицать... Библия.

Мир не знает, что означает это новое лекарство: другой персонаж тщетно пытается внушить ему уверенность: Поверьте мне, мистер Уорлд, ни один дурак не знает этого.

Мир не получит этого ни за какие деньги. Уже в Женеве в 1523 году было известно, что мир плохо воспринимает Евангелие: "Они будут говорить о тебе всякое зло и будут преследовать тебя". Поскольку священники не могли вылечить его, и Библия не вылечила бы его, Мир призвал Врача (*le Médecin*) и тщательно описал его болезнь: "Я так обеспокоен, и меня дразнят, и мучают всей этой чепухой, которую они изобрели..."

Я лежу вот здесь, на своей кровати.

Врач.

Что за чушь?

Весь мир.

Что *мало-помалу* наступит
потоп *fire to boot*

Will burn us all both branch and root.

В Но Врач оказывается (как это часто бывало в шестнадцатом веке) одним из тех, кто верит в непогрешимость текста Библии; он начинает рисовать живейшую картину расстройств духовенства, чтобы побудить своего пациента принять прописанное ему лекарство:

Почему вас это беспокоит, сэр Уорлд?

Не досаждай себе больше

, видя , как эти жулики и воры десятками

Покупают и продают исцеление душ ...

Дети, все еще находящиеся на руках у своих нянек,
Становились аббатами, епископами и приорами...

Ради своего удовольствия они убивают своих братьев,
разбазаривают свое имущество и захватывают чужое;
Прислушиваются к льстивым речам;
Из-за малейшего пустяка разжигают пламя
войны, к позору христианского имени.³¹⁸

Мир, пораженный описанием, столь далеким от католичества, становится подозрительным,
считает язык еретическим и восклицает:

... Это просто басни:
они пришли из земли Лютера.

Врач.
На спину Лютера люди возлагают вину,
Если вы говорите о грехе...

Таким образом, в Женеве, как и во всем католическом мире, Лютер уже был известен как
человек, обнажавший грехи. Доктор не позволил себе смутиться из-за этого обвинения в
лютеранстве:

Мир, хотел бы ты снова стать здоровым?

Мир, *непоколебимый*.
Да!

Врач.
Затем подумайте о злоупотреблениях, которые
ежедневно совершаются большими и малыми,
И в соответствии с законом исправьте их всех.

Это требовало Реформации. Гугеноты (*эйдгеноты*) заплодировали; иностранные купцы были
поражены; придворные Савойи и даже сам Морьен улыбались. И все же Мезон-Нев, Вандель,
Бернар и все те, кто "разговаривал" с евангелистами, и особенно автор драмы, знали, с какими
трудностями придется столкнуться Реформации в Женеве.

Мир, раздраженный против этих мирян, которые становятся проповедниками, восклицает: "
Этот наглый доктор, такой мягкотелый,
я просил его вылечить меня, а не *проповедовать*.
Дурак!

Еще один персонаж, встревоженный столь беспрецедентным событием: Боже мой! этого не

может быть.

Мир.

Это верно; но что касается его проповеди сейчас,
клянусь, я предпочел бы, чтобы меня вел дурак,
чем проповедник.

Друзья всего мира.

Совершенно верно;

Живите по правилам своего аппетита.

Мир.

Это сделаю я!...

После чего Мир надевает дурацкие одежды, и бурлеску приходит конец.

Совершенно верно, что после Реформации мир в разных местах, особенно во Франции, надел костюм дурака. Чем был дом Валуа, как не домом дураков? И все же божественная мудрость тогда вошла в мир и остается в нем до сих пор для исцеления народов. С начала 1523 года в Женеве был признан великий принцип протестантизма, который провозглашает Священное Писание единственным источником и правилом истины, в противоположность римскому католицизму, который заменяет авторитет Церкви. 'Текст Библии' был публично объявлен 'безукоризненной вещью' и единственным средством для излечения больного человечества. И чем, по сути, была эта пародия на гугенотов, как не мирской проповедью на тему: *Закон Господень обращает душу?* Полезно обратить внимание на дату, поскольку обычно считается, что Реформация началась гораздо позже в городе Кальвина. Эта "тайна" нового рода не осталась без последствий; евангелисты заняли свою позицию; появился таран, вооруженный медной головой, который должен был разбивать стены Рима — непогрешимая Библия. Жан-Филипп чувствовал, что это произведение обошлось ему не слишком дорого.

Едва была снесена сцена *Маладского мира*, как горожанам пришлось думать о чем-то другом, кроме спектаклей. Савояры, которым не понравилось поданное им блюдо и которым показалось, что они почуяли в нем яд ереси, решили отомстить, дав почувствовать тяжесть своего ярма. Два слова определяют всю политику этих солдат и придворных: деспотизм принца, раболепие народа. Они взялись подчинить женеvцев своей системе. С надменным видом и высокомерным тоном они постоянно затевали ссоры с горожанами; они называли все, что им продавали, слишком дорогим, они приходили в ярость и били лавочников, и последние, у которых не было оружия, были вынуждены сначала мириться с этими оскорблениями. Но вскоре каждый вооружился, и торговцы, подняв головы, скрестили мечи с этими дерзкими лордами. В городе поднялся большой шум. Раздраженный таким сопротивлением, великий магистр двора поспешил на совет: 'Герцог и герцогиня пришли сюда, ' сказал он, - думая побыть с друзьями'. Совет приказал арестовать граждан, ударивших джентльменов, и савойский квартирмейстер взялся посадить их под замок, чему женевский квартирмейстер воспротивился. Герцог в гневе пригрозил привести своих подданных, 'чтобы они разграбили это место'. Следует признать, что у него были некоторые причины желать немного спокойствия. "Герцогиня желает оказать нам честь и лечь спать в этом городе", - обратился синдик Бауд к народу. - "Пожалуйста, не устраивайте никаких беспорядков; и как только вы услышите звон колоколов и труб, пройдите процессией со свечами и факелами и помолитесь за нее Богу".

"Честь", которую герцогиня собиралась оказать Женеве, не затронула женеvцев. Самые отважные граждане, Эме Леврье, Джон Луллен и другие, оказались сильнее всех подобных

соблазнов. Верный толкователь закона, спокойный, но бесстрашный блюститель обычаев и конституций, Леврие постоянно напоминал совету, что Карл не был сувереном в Женеве. Избегая шумного сопротивления, он проявил непоколебимую твердость; и соответственно герцог начал думать, что он может стать князем города, только переступив через свое тело. Луллен не был юристом, как Левье, но активным, практичным и энергичным; при каждом удобном случае он проявлял свою любовь к свободе, иногда делая это грубо. Хотя он был настоятелем братства Сен-Лу, он в то же время был хозяином гостиницы "Медведь", что, по тогдашним нравам, не было несовместимо с высоким положением в городе. Однажды, когда его конюшни были полны лошадей, принадлежавших бедному швейцарскому перевозчику, несколько богато одетых джентльменов из Савойи шумно высадились перед гостиницей и приготовились поставить своих лошадей. 'Здесь нет места, джентльмены!' грубо сказал Луллен. 'Это лошади герцога, - ответили придворные. 'Неважно,' возразил энергичный гугенот. 'Кто пришел, тому первое обслуживание. Я бы предпочел обслуживать носильщиков, а не принцев. В то время Карл набирал шесть тысяч человек, чтобы присутствовать в Женеве на крестинах своего ребенка, и кавалеры, вероятно, принадлежали к этой организации. Но гугеноты считали, что иметь шесть тысяч крестных отцов, вооруженных с головы до ног, - это уж чересчур, и, вероятно, именно это привело Луллина в дурное расположение духа. Карл был слаб, но вспыльчив; он топнул ногой, когда ему сообщили об оскорблении, нанесенном его слугам, окинул город яростным взглядом и воскликнул с клятвой: "Я сделаю этот город Женеву меньше, чем самую маленькую деревню в Савойе".³¹⁹ Многие задрожали, услышав об угрозе, и совет, чтобы успокоить принца, отправил Луллина в тюрьму на три дня.

Наконец произошло великое событие, на которое возлагались надежды Савойи. 2 декабря один из офицеров герцога сообщил синдикам, что герцогиня родила в полдень принца. Тотчас же зазвонили колокола, зазвучали трубы: епископ, каноники, священники, монахи, братства, юноши и девушки, одетые в белое и несущие в руках свечи, - все шли длинной процессией. На каждом открытом месте были зажжены костры, а пушки на эспланаде (Ла Трей), обращенной в сторону Савойи, возвестили этой верной стране, что у герцога родился сын.³²⁰ "Поскольку он родился в Женеве, - говорили друг другу придворные, - горожане не могут отказать ему в качестве своего принца".³²¹ Герцогиня принимала это близко к сердцу и вскоре, богато одетая и сидящая в своей постели, как это было принято, она говорила в легкомысленных разговорах, которые вела с герцогиней. люди, допущенные к ней, говорят: "Этот город - *buena posada*" (очень хорошая гостиница). Обрадованный герцог ответил: "Женева будет твоей", что ей было очень приятно услышать.³²²

Казалось, что все в Женеве и даже в Европе отдавало предпочтение образцам Савойи. Шурин герцога Карл V. и его племянник Франциск I. готовились к войне в Ломбардии. Борьба между папой и Лютером занимала умы людей. Швейцарцы были 'в большом беспокойстве и раздоре, город разделен на город и один против другого в одном и том же городе'. Епископ Пьер де ла Бом был непостоянен, искушен в мирских делах, любил азартные игры, пиршества, прислуживал дамам и предавался другим удовольствиям, которые отвлекали его от лучших занятий. Робкий и даже боязливый, меняющийся, как флюгер, при каждом порыве ветра, он больше всего на свете боялся потерять блага, которыми обладал на территории его Высочества. Все это позволило Карлу — по крайней мере, он так думал — тихо вторгнуться в Женеву и объединить ее с Савойей, не сказав Европе ни слова. Чтобы иметь еще большую свободу действий, он убедил Де ла Бому, что его присутствие в Италии необходимо для службы императору.³²³ Покончив с этим и решив, что плод созрел и готов упасть, герцог и герцогиня

приготовились нанести последний удар. Они ясно видели враждебный настрой многих женецев, но это было лишь дополнительной причиной для усиления усилий. Если бы теперь, когда в Женеве родился принц Савойский, герцог потерпел неудачу в своих проектах, все было бы потеряно на многие дни. Поэтому сигнал был дан всей савойской знати. Красота золотых изделий ослепляла лавочников; спорт, обеды, балы, маскарады, спектакли, турниры, пышность, наряды, удовольствия, роскошь и все те прелести, которые соблазняют мужчин (говорят современные писатели), пленили светских людей, и особенно молодежь. Несколько гугенотов громко говорили о независимости; некоторые старые женецы все еще стремились сохранить своих сыновей; некоторые почтенные матери, видя, как их дети отправляются ко двору в самых ярких нарядах, спрашивали их, не краснеют ли они за старые манеры своих отцов, не желают ли они продать свои свободные души и стать слугами принцев?... Но все было бесполезно. 'Это все равно, что плеснуть водой в мяч, ' сказали огорченные родители, — там не остается ни капли". - "А что бы вы хотели?" - ответили эти легкомысленные юноши. 'Это сильнее нас. Как только появляются прелести мира, наши аппетиты уносят нас прочь, как норовистых лошадей".

Монахи не остались в стороне в этом деле коррупции. 20 мая доминиканцы отмечали праздник св. Айвз и пригласил молодежь на одно из тех печально известных бдений, где совершались всевозможные мерзости. Синдики безуспешно жаловались генеральному викарию на скандальную жизнь (*sceleratae vitae*) этих монахов. 'Идите в монастырь и возразите им", - сказал этот священнослужитель. И когда синдики пришли туда, настоятель признал, что монахи вели распутный образ жизни, но, добавил он, "бесполезно говорить им об исправлении; они отвечают, что, если я не придержу свой язык, они выгонят меня из монастыря".³²⁴ Своими пороками духовенство выкапывало у себя под ногами пропасть, в которую они втягивали все — доктрину, богослужение и Церковь. Казалось, все они объединились для порабощения Женевы. Ни император, ни король, ни папа, ни епископ, ни швейцарцы, ни даже сами женецы не следили за независимостью города. Только живые воды Евангелия могли очистить эти авгиевы конюшни. "Остался только Бог, - сказал Бонивар, - но пока Женева спала, Он присматривал за ней".³²⁵

Женева действительно была близка к пробуждению. Изнуряющие мечты 'золотой молодежи' начали рассеиваться. Не только те, кому был принесен Новый Завет, не только друзья независимости, но и вдумчивые люди порядка и закона собирались выступить против герцога. Новый мученик должен был удобрить щедрую почву своей кровью и подготовить окончательную победу права и свободы.

ГЛАВА XXIII.

ЭМЕ ЛЕВЬЕ, МУЧЕНИК ЗА СВОБОДУ И ПРАВО В ЗАМКЕ БОНН. (март 1524 г.)

В Женеве был один гражданин, который сильно смущал герцога, и это был Левье. Он сопротивлялся узурпации принца не из гордости, негодования или зависти, а из горячей любви к справедливости и уважения к старым хартиям свободы. У него было меньше духа, чем у Бертелье, но больше серьезности; меньше популярности, но более суровые манеры; больше благоразумия и почти столько же мужества. Он не был декламатором; он не добивался, чтобы его голос, подобно энергичному Филиберу или порывистому Мезон-Неву, был услышан на улицах: это было в советах, где он спокойно накладывал свое непреклонное *вето*. Наиболее яростные гугеноты упрекали его в умеренности; они говорили, что 'когда люди слишком

непреклонны, чтобы поддаться дыханию убеждения, мы должны сильно ударить их молотком; и когда пылающие головни повсюду разжигают пожар, мы должны обрушиться на них подобно потоку и потушить их'. Но Леврие, твердый в отношении права, был мягок по отношению к людям. Бесстрашный блюститель закона, он отстаивал его без шума, но и без колебаний или страха. Никогда еще, ни в древних, ни в современных республиках, не жил гражданин, о котором можно было бы сказать лучше, чем о нем:

Non vultus instantis tyranni,
Mente quatit solida.³²⁶

Приближался момент, когда Леврие скажет в Женеве "За свободу" то, что недавно сказал Лютер в Вормсе "За правду": "Я не могу поступить иначе". Но, менее удачливый, чем виттембергский монах, он едва успеет произнести эти слова, как получит смертельный удар. Эти мученики свободы у подножия Альп, за которыми в стольких разных местах последовали мученики Евангелия, зажгли новое пламя на земле. И поэтому благодарное потомство в лице благочестивых христиан Нового Света возлагает триумфальную гирлянду на скромные могилы Бертелье и Леврие, а также Лютера и Кальвина.³²⁷

Поскольку должность видама принадлежала герцогу, именно через видами принцы Савойи всегда вмешивались в дела Женевы; и соответственно они назначали на этот пост только таких людей, которые были хорошо известны своим раболепным характером. Герцог заменил несчастного Эймона Конселя сьером де Салажином; а когда последний умер, он назначил на его место Верньо, сира де Ружмона и одного из своих камергеров.³²⁸ 'О, о! - восклицали горожане. - Герцог знает своих людей. Если Консель так хорошо знал звук своего табора, то этот человек знает его еще лучше, и мы славно потанцуем'.³²⁹ Шарль, недовольный подчиненностью, которая принадлежала ему, предложил совершить завоевание Женевы в двух частях. Благодаря первому он получил бы в свое распоряжение все суды; благодаря второму - суверенитет. И тогда его пребывание в Женеве подошло бы к концу.

Для начала Карл пожелал, чтобы видам принес присягу ему, а не епископу — претензия, противоречащая конституции, поскольку в Женеве принц Савойский был всего лишь низшим должностным лицом епископа; и герцог таким образом заменил собой принца города. Они были близки к тому, чтобы сдаться, поскольку маркиз Сен-Сорлен, брат прелата, которому были доверены мирские интересы епископа, пока тот находился в Италии, и даже епископальный совет, желали угодить герцогу и даровать что-нибудь столь могущественному сеньору. Но этот бдительный часовой Леврие немедленно преградил ему путь. Он заявил епископальному совету, что епископ не волен жертвовать правами государства; что он всего лишь простой администратор и должен отчитываться "перед империей, капитулом, республикой и потомством". Видаме был вынужден принести присягу представителям епископа, после чего раздраженный герцог приказал своему камергеру не отчитываться о своей должности никому, кроме него. Леврие видел, что Савойя устанавливает свои батареи против Женевы, что война начинается; и, решив спасти независимость своей страны, он решил противостоять, даже с риском для своей жизни, преступным узурпациям иностранного принца.³³⁰

Борьба между герцогом и судьей грозила стать ужасной и могла закончиться только смертью одного из сражающихся или изгнанием другого. Все было благоприятно для герцога. 'Кто может помешать ему,' говорили его придворные, 'стать сувереном Женевы?— Епископ? Хотя он может поднять большой шум, его легко утихомирить, поскольку у него бесчисленные бенефиции в штатах его Высочества.—Папа Климент? Герцог в союзе с ним.—Император? Его брак с сестрой герцогини в разгаре.—Швейцарская лига? Они очень беспокоятся за австрийский дом, и они тоже разделены между городами из-за религии.—Жители Женевы? Двор, свободно тратя свои деньги, приобрел их.—Бертелье? Он мертв.—Другие гугеноты? Во времена бывшего предприятия с ними так грубо обращались, что они боятся снова попасть в горячую воду.... Что остается, чтобы помешать герцогу осуществить свое начинание?" — "Остается только Бог", - сказали патриоты.[331](#)

Карлу было свойственно стремиться к победе с помощью хитрости, а не силы. В ту эпоху принцы воображали, что никто не может устоять перед ними; поэтому он попытался завоевать Леврье с помощью тех милостей, до которых так жадны придворные. Но для того, чтобы добиться успеха, необходимо было немного поговорить с ним наедине вдали от Женевы и женеvцев. 'Какое великолепное солнце!' - сказали они однажды утром при герцогском дворе. 'Давайте воспользуемся этой прекрасной зимней погодой, чтобы посетить замок Бонн и провести несколько дней у подножия мягких и улыбающихся склонов горы Вуарон'. Герцог, герцогиня и двор занялись приготовлениями, и в знак особого расположения Шарль пригласил Леврье сопровождать его. Прибыв в это очаровательное убежище, окруженное заснеженными горами, позолоченными ярким солнцем, герцог отвел достойного человека в сторону, обратился к нему на дружеской ноте, и поскольку Леврье отвечал ему с уважением, Шарль воспользовался, по его мнению, благоприятным моментом и сказал ему вкрадчивым тоном: 'Вы знаете, что я суверенный сеньор Женевы, а вы мой подданный'. — "Нет, милорд, - немедленно ответил судья, - я не ваш подданный, а вы не суверен Женевы'. Герцог скрыл свой гнев, но Леврье, казалось, не терпелось вернуться в Женеву, и Шарль позволил ему уехать, и когда он увидел, что этот непреклонный человек исчез, он поклялся, что дорого заплатит за свою смелость ... у подножия той самой горы, в том самом замке, где он осмелился сказать герцогу Савойскому, что он не его суверен.[332](#)

Герцог вернулся и, преисполненный решимости приложить свои силы к этой задаче, сообщил епископальному совету со всеми подобающими предосторожностями о своем твердом намерении отныне взять на себя права суверена. Карл знал слабость и продажность даже советников принца-епископа, которые любой ценой не желали вызывать недовольство Савойи. Как только об этом требовании стало известно в городе, все возопили против него; они сказали, что высшая юрисдикция принадлежит только суверену и что, если герцог добьется ее, ему нужно будет сделать всего один шаг, чтобы быть признанным сеньором Женевы. Самые слабые считали, что их независимость потеряна. 'Будьте спокойны, - говорили более мудрые люди, ' в совете есть некое "дитя Женевы", которое заткнет им всем рты.' Они не были обмануты; полный решимости оказать непреклонное сопротивление требованиям Карла, Леврье начал укреплять слабых, привлекать на свою сторону трусов и запугивать предателей. 'Ни герцог, ни сенат Савойи, - сказал он, - не имеют никакой власти в Женеве. Юрисдикция принадлежит городу и его главе, епископу: герцог, находясь в наших стенах, является вассалом, а не сувереном".[333](#) Эти смелые, но правдивые слова произвели глубокое впечатление; Гру, викарий-епископ, решил присоединиться к Леврье в защите прав своего господина. Оппозиция среди граждан была не менее энергичной. Пришло время назначать синдиков; встревоженные гугеноты

решили назначить одного из самых горячих сторонников независимости среди главных магистратов. Они выбрали Клода Ришарде, человека твердых принципов и решительного характера, "высокого, красивого, властного и очень холеричного", - говорится в хронике.

Когда Карл и его советники увидели, что епископальная и народная власти объединились против них, они не пали духом, а открыто проповедовали в Женеве систему, которую давно приняли герцоги Савойские, — необходимость отделения Церкви от государства. Какое имело значение, если Левье и даже Гру, викарий-епископ, устроили демонстрацию защиты светских прав епископа? — герцог верил, что Пьер де ла Бом будет признан сговорчивым. Самые продвинутые гугеноты желали иметь свободную церковь в свободном государстве; но герцог хотел, чтобы церковь была порабощена папой в государстве, порабощенном герцогом. "Пусть епископ сохранит свою духовную власть", - сказали офицеры герцога, которых раздражало противодействие епископальных чиновников. "Пусть он сохранит свои амулеты, венки и все подобные товары; пусть его прихожане предаются, одни чувственности, другие умерщвлению плоти; пусть они вместе со всеми монахами, черными, белыми и серыми, развратниками, игроками, инквизиторами, шулерами, флагеллантами, женщинами распутного образа жизни и торговцами индульгенциями, отправляются в паломничество в Лоретто, к Святой Иаков из Компостеллы, в Мекку, если угодно епископу ... ну и отлично ... это дело священников, и мы оставляем это им. Но гражданская власть принадлежит мирянам; суды светского правосудия, муниципальные свободы и командование войсками должны быть в руках светского князя. Души епископу, тело и имущество милорду Савойскому!' Это великое рвение к отделению религиозного порядка от политического не имело иной цели, кроме удовлетворения амбиций Савойи. Но Женева извлекла выгоду из этих заинтересованных проповедей и эмансипировалась даже вопреки желаниям Шарля. Еще несколько лет, и этот город будет освобожден от обоих видов деспотизма. Светская и духовная власть будет взята из рук епископа, назначенного Римом; и в то время как первая будет возвращена в руки граждан, вторая будет в руках Главы Церкви и его Слова истины.

На следующий день после выборов герцог устроил грандиозный прием. Новые члены синдиката пришли засвидетельствовать ему свое почтение; присутствовали Грюэ, викарий и другие должностные лица епископата. Чарльз внезапно разоблачил свою обиду: 'Господин викарий, я слышал, что епископальные чины этого города вмешиваются в мирские дела; я намерен исправить это злоупотребление; государство и Церковь - это две разные сферы. До сих пор мои офицеры, видамы, не обладали достаточной властью.³³⁴ Недавно назначив на этот пост одного из моих камергеров, человека весьма уважаемого и пользующегося хорошей репутацией, благородного Гуго де Ружмона, я больше не позволю епископу вмешиваться в гражданские дела.' Викарий, который был подготовлен Левье к этому нападению и хорошо помнил урок, ответил: 'Вашему высочеству известно, что милорд Женевы является одновременно епископом и принцем; он владеет двумя юрисдикциями в этом городе'. Вспыльчивый герцог, который не ожидал никакого противодействия от викария, рассердился: 'Я намерен, чтобы так больше не было, - продолжал он, - и если епископ простит, когда мой видаме осудил, я повешу вместе с их благодатными грамотами всех, кому он их дарует'. Все задрожали. Малодушный викарий придержал язык, в то время как синдики пытались успокоить принца, хотя в то же время поддерживали замечания Грюэ. Тогда вперед выступили савойские придворные и, играя роль, отведенную им в этой жалкой комедии, преувеличивали милости, которые герцог собирался оказать городу. Были бы значительные преимущества для торговли, товары за полцены, великое веселье, великолепные пиры, праздник за праздником для дам

города,³³⁵ изящные и дружеские поединки в присутствии их высочеств, танцы и турниры.³³⁶ Женева стала бы маленьким раем. Герцог был таким хорошим принцем, какая глупость отвергать его! Несмотря на все эти уговоры, гугеноты подумали про себя, что мул принца, как бы богато он ни был запряжен, тем не менее носит седло, которое раздражает его.

Герцог снова посоветовался. Он думал, что сделал важный шаг во время приема синдиков. Вот уже восемь месяцев он прожил в Женеве, как будто у него не было другой столицы; сейчас или никогда он должен реализовать наследственные замыслы своей семьи. Он должен поторопиться с выводами и, таким образом, избавиться от препятствия. Этим препятствием был Левье. Этот Мардохей, отказавшийся склониться перед ним, сорвал планы Турина и привел в ярость слабого Карла и надменную Беатриче. Все придворные восстали против него: они больше не колебались. Иногда необходимы смелые удары, и Макиавелли научил итальянских князей, что следует делать в таких случаях. Они считали, что присоединение Женевы к Савойе имело слишком большое значение, чтобы не требовать принесения жертвы. Этот человек был как скала на их пути, препятствующая их продвижению: было необходимо убрать его. Решение о смерти Леврье было принято.

Епископский совет, который епископалы считали суверенным советом, был вызван для того, чтобы предстать перед герцогом; присутствовали все члены, за исключением Леврье. Едва члены епископального совета вошли в присутствие Карла, 'когда, не в силах сдерживаться, он пришел в ярость'. 'Вы осмеливаетесь,' воскликнул он, 'ослушаться моего приказа?' Затем своими жестами, свидетельствующими о его жестоких намерениях, он обратился к ним на таком диком языке, 'что заставил их опасаться за свою жизнь'. Советники, которые были напуганы почти до смерти, "тогда поступили подобно оленю, который (говорится в хронике) бросает свои рога собакам, чтобы спастись".³³⁷ "Милорд, - сказали они, - это не наша вина; это Леврье сделал все это; он твердо утверждает, что месье Савойский не имеет власти в Женеве'. После чего герцог, притворившись, что не знает его, воскликнул: "Что? еще один Леврье на моем пути! Почему его отец воспротивился передаче мне артиллерии Женевы в 1507 году! Приведите сына сюда! Коллеги судьи согласились при условии, что герцог встанет на его сторону и не причинит ему вреда, что Чарльз и пообещал.

Леврье знал, что на карту поставлена его жизнь, и все советовали ему уехать из Женевы; но он решил не сворачивать со своего пути. Через два дня после первого совещания епископальный совет в сопровождении Леврье снова предстал перед герцогом, который, едва увидев его, свирепо нахмурился и сказал: "Некоторые из вас говорят, что я не властелин Женевы'. ... Он резко замолчал, но, увидев, что все молчат, продолжил: 'Это некто Леврье'. ... Затем, устремив на него свой сердитый взгляд, он крикнул угрожающим голосом: 'Этот парень Леврье здесь?' Ужас охватил всех зрителей: 'они сбились в кучу, но не произнесли ни слова'. Шарль, который очень хорошо знал Леврье, заметив, что террор до сих пор отвечал, повторил еще громче: 'Этот парень Леврье здесь?' — судья скромно выступил вперед и спокойно сказал: 'Я здесь, милорд'. Герцог, которого такое спокойствие раздражало еще больше, взорвался: 'Разве вы не говорили, что я не властелин Женевы?' — 'Милорд,' ответил он, 'если я что-то и сказал, то это было в совете, где каждый имеет право говорить свободно. Вы не должны знать об этом, и я не должен, чтобы ко мне приставали из—за этого'. - 'Идите, - сказал герцог, не обращая внимания на это справедливое замечание, - приготовьтесь в течение трех дней доказать мне, что то, что вы говорите, правда. В противном случае я не отвечаю за твою жизнь... где бы я ни был. Покиньте меня!"³³⁸ И все они вышли.

‘Леврье отбыл в большой тревоге’, - сказал Бонивар. Смерть, которой ему угрожали, была неизбежна. Существовало множество подлинных актов, в частности, *Привилегий*, с помощью которых он мог доказать, что герцог не обладал никакой властью в Женеве; но многие из этих документов находились в руках каноников, преданных герцогу; и синдики отказались предоставить принцу те документы, которые находились на их попечении, из страха, что он бросит их в огонь. Не исключено, что таково было намерение Шарля, когда он позвал их.³³⁹ ‘Он поставил условие моей жизни, - сказал Леврье, - которое невозможно выполнить.... Делай, что я могу, мне ничего не остается, кроме как умереть.

Его друзья хотели спасти его во что бы то ни стало. Бонивар, который был менее отважен, чем Леврье, и при схожих обстоятельствах обратился в бегство, постоянно возвращался к этой теме: ‘Спасения нет, - говорил он, - если только вы не покинете страну’. Но Леврье было не сдвинуть с места. Верный хранитель древних обычаев, он был полон решимости противостоять узурпации Савойи до последнего. Согласно женевцам, святой Петр — они не имели в виду папу римского — был князем их города. Разве у них не было ключа этого апостола на гербе? Леврье ответил на мольбы своих друзей, и особенно Бонивара: ‘Я скорее умру за свободу города и за авторитет Святого Петра, чем признаю себя виновным в том, что покинул свой пост’. Приор Сен-Виктора был сильно огорчен ответом. Он настаивал, он призывал своего друга, но все без толку. ‘Это неосторожность с его стороны?’ - сказал он тогда. ‘Это зависть заставляет его соперничать с Бертелье? Это потому, что он хочет стать чемпионом содружества ценой своей крови? Я не знаю, какие мотивы движут им, но как бы то ни было, он больше не станет прислушиваться к нашим советам. Леврье, действительно, продолжал действовать так же, как и прежде, даже по истечении срока (трех дней), предписанного герцогом; он спокойно ждал, когда на него обрушится удар.³⁴⁰

Карл Добрый — таково имя, которое он носит в истории Савойи, — замышлял смерть этого справедливого человека. Его управляющий и фаворит, сьер де Беллегард, был врагом Леврье, и тем более жестоким, что он долгое время был его другом. Принц и его управляющий обдумывали, каким способом лучше всего избавиться от него. В Женеве это казалось невозможным, а поскольку о повторном издании “Смерти Бертелье” не могло быть и речи, стало необходимым заманить Леврье в какое-нибудь уединенное место, где его легко могли предать смерти. Бельгард взялся увести его, и герцог приказал доставить его в замок Бонн, где Леврье осмелился сказать ему “Нет!” Бельгард договорился с несколькими савойскими джентльменами, и, узнав, что в субботу, 12 марта, судья, как обычно, посетит мессу в соборе Сен-Пьер, управляющий договорился с этими печально известными придворными, что они устроят засаду возле церкви и схватят его, когда он будет выходить.

Все было подготовлено для засады. Человек, который должен был предотвратить это, и человек, который командовал этим, оба покинули город. Трусливый маркиз Сен-Сорлен, который, как представитель епископа, должен был защищать Леврье, ‘почував ветер’, отправился в Румийи, где развлекался с несколькими дамами, пока мужчины готовились убить защитника прав его брата. Чарльз сделал почти то же самое. Наступил назначенный день (это был канун воскресенья перед Пасхой 1524 года), и этот принц, лишенный мужества, дрожа при мысли о готовящемся дерзком поступке, опасаясь, что люди поднимутся и придут в его резиденцию и потребуют, чтобы праведника вот-вот отняли у них, тайком покинул свои апартаменты в нижней части города, недалеко от Роны, “вышел через заднюю дверь”, пересек пустынные луга, которые омывает своими быстрыми водами Арве, и “удалился со своей семьей к Богородице

Благодати, притворившись, что он здесь". иду туда, чтобы послушать мессу. ' Эта церковь находится недалеко от моста Арве, и герцогу, в случае, если вспыхнет бунт, достаточно будет пересечь мост, чтобы оказаться на своей территории. Обеспечив таким образом свою собственную безопасность, он с большим волнением ждал известий о своей жертве.

Месса в соборе закончилась, священник возвысил гостя, песнопения прекратились, и Леврье вышел из церкви. На нем была длинная камлотовая мантия, вероятно, его судейская мантия, и красивая бархатная сутана. Едва он успел ступить за пределы кладбища (на этом месте сейчас находится зал Консistorии), как Бельгард и его друзья, окружив его с обнаженными шпагами, 'грубо схватили его за руки; и Брессье, самый свирепый из них, так сильно ударил его рукоятью своего меча по голове', что он был оглушен. Нельзя было терять ни минуты, чтобы народ не восстал. Несколько джентльменов, вооруженных до зубов, пошли впереди, другие - сзади, и они быстро потащили пленника в Плейнпале, где все было готово для завершения похищения. Леврье посадили на жалкую лошадь, руки ему связали за спиной, ноги привязали ниже брюха его скакуна, и эскорт во весь опор помчался к замку Бонн, где он прежде осмеливался отрицать, что герцог является сувереном Женевы.

Они поехали дальше, а всадники осыпали Леврье бранью: 'Гугенот, мятежник, предатель!' Но посреди этих оскорблений судья, связанный, как убийца, оставался спокойным и непоколебимым и терпел их унижения, не произнося ни слова. Он был опечален несправедливостью своих врагов, но когда он думал о причине, за которую пострадал, радость брала верх над печалью. Он всю свою жизнь привык бороться с невзгодами, и теперь, когда 'крест был возложен на его плечи', ему было легче нести его. 'Отдать свою жизнь за право и свободу, - сказал современник, - доставило ему такую великую радость, что она уравнивала всякую печаль'. Свирепый, жестокий и страстный Бельгард, ненавидевший этого справедливого человека больше, чем любил его, когда оба были молоды, не сводил с него глаз: появилось препятствие, его лошадь встала на дыбы, и Бельгард упал; считалось, что он сломал ногу. Возникло сильное замешательство; все остановилось. Несколько латников вышли, подняли управляющего и, посадив его на лошадь, эскорт продолжил свой путь, но пешим шагом. Они все еще шли вперед, и по мере того, как они продвигались, великолепный амфитеатр, образованный к югу Альпами, простирался перед ними все величественнее. Слева, к востоку, изящные склоны Вуарона простирались до Бона; немного дальше виднелся вход в долину Бож, а еще дальше Эгюий-Верт и другие ледники, а затем, гораздо ближе, гордо вздымал свою пирамидальную форму Мол; сразу же за ним, но вдалеке, величественно возвышался над облаками Монблан, и горы Борн, уходящие на запад, довершали картину. Эскорт Леврье, спустившись в долину, увидел замок Бонн, расположенный на высоком гребне и господствующий над пейзажем; они поднялись по крутой дороге, ведущей к нему, и приблизились к замку, оставив под собой узкий овраг, по дну которого катится поток Менож. Наконец старые ворота распахнулись, они вошли во двор, и Леврье был передан губернатору, который запер его в темной камере. Как только Чарльз узнал, что все прошло хорошо, он покинул свое убежище и радостный вернулся в свое жилище. Он был уверен, что теперь никакая человеческая сила не сможет лишить его жертвы. [341](#)

В это время город был в большом волнении. Люди с ужасом описывали похищение героического защитника независимости Женевы, и все добропорядочные граждане дали волю своему негодованию. Этот поступок был оскорблением законов государства — это был акт разбоя; и поэтому два одинаково сильных чувства — любовь к Леврье и уважение к праву —

тронули их до глубины души. Совет собрался немедленно. 'Около часа назад,' сказал синдик Лафонтен, ревностный мамелюк, 'Эме Леврье был схвачен по приказу герцога и доставлен в Плейнпале'. 'Да, - воскликнули несколько патриотов, - герцог держит его в доминиканском монастыре, но мы знаем, как вытащить его из этого логова'. 'Решено, - говорится в Протоколе, - рассмотреть, какие шаги лучше всего предпринять в сложившихся обстоятельствах'. Когда они услышали, что Леврие перевезли из Плейнпале в Савойю, синдики всем скопом отправились к викарию епископа и потребовали от него созвать епископальный совет и представить на рассмотрение этот беспрецедентный акт насилия. Никто не сомневался, что герцог уступит обращенным к нему увещаниям. Гру немедленно созвал членов епископского совета; но эти продажные люди, преданные герцогу, отказались явиться. На следующий день синдикат предпринял еще одну попытку. 'Поскольку ваши коллеги покидают вас, - сказали они викарию-епископу, - идите сами к его Высочеству и объясните ему, что он попирает ногами как суверенитет епископа, так и свободы граждан'. Грюэ был робок, и возможность предстать одному перед этим могущественным дворянином приводила его в ужас; он обратился к двум своим коллегам, Де Вейги и Гросси, умоляя их сопровождать его, но они отказались. 'Я не пойду один,' воскликнул испуганный мужчина, 'нет... ни за какие деньги! Герцог похитит меня, как Леврье. Жестокие действия Шарля повергли в ужас всех, кто пользовался привилегией свободного доступа к нему. Тем не менее Женева была в опасности. Если бы самые уважаемые граждане были преданы смерти и никто не встал на их защиту, от савойского тирана не осталось бы ничего святого. Смерть Леврье могла бы стать смертью республики. Что нужно было делать? Они вспомнили одного человека, епископа Морьенского, который был другом города и герцога. Холодный Лафонтен и порывистый Ришарде поспешили к нему: 'Спасите Леврье, или мы все погибли!' - сказали они. Прелат, который любил выступать посредником и очень хорошо знал, что ему нечего бояться, немедленно явился к его высочеству.³⁴²

Чарльз не был героем; эмоции людей беспокоили его, энергия патриотов поражала. Он решил выгодно использовать свое вероломство, предложив обмен: он пощадит кровь Леврье, но Женева должна отказаться от своих свобод. "Иди, - сказал он Морьенне, - и скажи синдикам и советникам Женевы, что, полный милосердия к ним, я прошу только об одном: пусть они признают себя моими подданными, и я выдам Леврье".³⁴³ Савойский епископ передал этот ответ синдикам, синдики представили его совету, и Карл спокойно ожидал результатов своего макиавеллиевского заговора.

Обсуждения были начаты в совете Женевы. Когда есть две опасности, то, как правило, ближайшая затрагивает нас больше всего: у каждого дня есть своя работа, и работа дня заключалась в том, чтобы спасти Леврье. Придворные герцога тешили себя надеждой на успех этого хорошо спланированного заговора. Но граждане в этот решающий час не видели ничего, кроме своей страны. Они любили жертву Шарля, но больше любили свободу; они отдали бы свои жизни за Леврье, но не могли отдать Женеву. 'Что?! признаем себя подданными герцога!' - восклицали они. "Если мы сделаем это, герцог навсегда уничтожит наши свободы.³⁴⁴ Сам Леврие с ужасом отверг бы это предложение". — "Чтобы спасти жизнь человека, - говорили они друг другу на совете, - мы не можем пожертвовать правами народа". Они вспомнили, как Курций, чтобы спасти свою страну, прыгнул в залив; как Бертелье, чтобы отстаивать права Женевы, отдал свою жизнь на берегах Роны; а один из горожан, процитировав слова Священного Писания, воскликнул по-латыни: "*Expedit ut unus moriatur homo pro populo, et non tota gens pereat.*"³⁴⁵ жаждет мести перед Богом, и Чарльз заплатит за свое преступление. Совет постановил представить герцогу, что, наложив руки на Леврье, он лишил граждан их привилегий,

а принца - его атрибутов. Морьен передал этот ответ его высочеству, который настаивал на своем жестоком решении: "Я должен получить свободу Женевы или жизнь Леврье".

Во время этих официальных процедур некоторые благородные женщины были сильно взволнованы. Они сказали себе, что, когда необходимо затронуть сердце, слабый пол оказывается сильнее. Было хорошо известно, что надменная Беатриче управляла своим мужем; что она любила город, его озеро и горы; что все приводило ее в восторг в этом "*буэна посада*". Дамы, танцевавшие у нее на балах и снисходительно относившиеся к ней, отправились в воскресенье утром в резиденцию герцога и со слезами на глазах сказали ей: 'Умиротворите гнев его высочества, мадам, и спасите этого хорошего человека'. Но португальская принцесса, верная своей политике и своей гордости, отказалась от ее посредничества. Едва она это сделала, как ее упрекнула совесть; после этого отказа Беатриче не находила удовольствия в Женеве; и вскоре, оставив герцога, она в полном одиночестве отправилась "за горы".³⁴⁶

Более того, было бы уже слишком поздно. В воскресенье утром, 11 марта, трое мужчин совещались в замке Бонн и готовились расправиться с Леврье. Это были Бельгард, достаточно оправившийся от своего падения, чтобы выполнить поручение и имитировать судебный процесс; исповедник, которому поручено примирить обвиняемого с Церковью; и палач, которому поручено отрубить ему голову. Дворецкий его высочества, получивший инструкции покончить с этим "через несколько часов", приказал наказать заключенного веревкой — 'девятью ударами', - говорит Мишель Розе. "Не столько из-за необходимости допросить его, - добавляет Бонивар, - сколько из мести". Этот герцогский грум (мы имеем в виду Бельгарда) испытывал определенное удовольствие, недостойно обращаясь с магистратом, самим представителем правосудия. 'Нет ли у вас сообщников, которые сговорились с вами против власти милорда?' - спросил он Леврье после бичевания. 'Там, где нет преступления, нет сообщников', - простодушно ответил благородный гражданин. Вслед за этим савойский мэр приговорил его к обезглавливанию, "не потому, что он совершил какое-либо преступление", говорится в судебных документах, а потому, что он был "образованным человеком, способным помешать успеху предприятия Савойи".³⁴⁷ После вынесения приговора Бельгард оставил Леврие в покое.

Он уже давно смотрел смерти в лицо. Он не презирал жизнь, как Бертелье; он хотел бы посвятить свои силы защите права в Женеве; но он был готов скрепить своей кровью дело, которое защищал. 'Смерть не причинит мне зла', - сказал он. Он вспомнил Бертелье, и строки, написанные об этом мученике свободы, врезались ему в память, Леврье повторил их вслух в своей мрачной темнице, а затем, подойдя к стене, твердой рукой написал: *Quid mihi mors posuit?..*

"Да, - сказал он, - смерть убьет мое тело и безжизненно распрострет его на земле; но я буду жить снова; и жизнь, которая ждет меня за гробом, не может быть отнята у меня мечом самого жестокого тирана'. Он закончил начатую надпись и написал на тюремной стене: ... *Virtus post fata virescit;*

Nec cruce nec sævi gladio perit illa tyranni.

Но он думал не только о себе; он думал о Женеве; он размышлял о том, что смерть защитников свободы обеспечила ее победу и что таким образом восторжествовало самое святое дело,

Et qu'un sang précieux, par martyre espandu,
A la cause de Dieu servira de semence.

Вскоре после ухода Бельгарда вошел исповедник, механически выполнил свой долг, произнес фразу: *Ego te absolvo* — и удалился, проявив к своей жертве не больше сочувствия, чем это сделал настоятель. Затем появился человек со шнуром: это был палач. Было тогда десять часов вечера. Жители маленького городка и прилегающей страны крепко спали, и никому не снилось о жестоком поступке, который вот-вот должен был оборвать жизнь человека, который мог бы занять первое место в великой монархии. У Бельгарда не было причин опасаться, что ему помешают совершить свое преступление; и все же он боялся света; в его ожесточенной совести было определенное беспокойство, которое встревожило его. Палач связал благородного Леврье, вооруженные люди окружили его, и мученика закона медленно вывели во двор замка. Вся природа была нема, ничто не нарушало тишины этой похоронной процессии; агенты Карла двигались, как тени, под древними стенами замка. Луна, еще не достигшая своей первой четверти, близилась к закату и отбрасывала лишь слабый отблеск. Было слишком темно, чтобы различить прекрасные горы, посреди которых возвышались башни, откуда они вытащили свою жертву; деревья и дома Бонне были едва видны; только один или два факела, которые несли люди мэра, освещали эту жестокую сцену. Дойдя до середины двора замка, палач остановился, и жертва тоже. Спутники герцога молча окружили их, и палач приготовился приступить к исполнению своих обязанностей. Леврье был спокоен: спокойствие чистой совести поддерживало его в этот страшный час. Он думал о Боге, о законе, о долге, о Женеве, о свободе и о законной власти святого Петра, которого в простоте своего сердца считал властелином города. На самом деле это был князь-епископ, которого он таким образом обозначил, но, не желая произносить имя прелата, которого он презирал, он заменил его именем апостола. Один ночью, в этих величественных Альпийских краях, окруженный варварскими фигурами савойских наемников, стоя в этом феодальном дворе, который факелы освещали зловещим светом, героический поборник закона поднял глаза к небу и сказал: 'Милостью Божьей я умираю без страха за свободу моей страны и власть святого Петра'. Благодать Божья, свобода, власть — эти главные принципы величия наций были его последней исповедью. Едва эти слова были произнесены, как палач взмахнул мечом, и голова горожанина покатила по замковому двору. Тотчас же, словно охваченные страхом, убийцы почтительно собрали его останки и положили их в гроб. "И его тело было предано земле в приходской церкви Бонне, с отделенной головой". В этот момент зашла луна, и черная тьма скрыла пятна крови, которые Леврье оставил на мостовой двора.³⁴⁸ "Ужасная смерть, - восклицает старая *цитадель Женевы*, - которая унесла более миллиона жизней савойцев в последовавших жестоких войнах, в которых никто не получил пощады, потому что несправедливая смерть Леврье постоянно выдвигалась вперед".³⁴⁹ Число савояров, которые, по словам этого автора, своей смертью искупили убийство Леврье, значительно преувеличено. Преступление имело другие последствия — и более благородные.

Моральные победы обеспечивают успех больше, чем материальные. Над трупами Бертелье и Леврье мы могли бы по-христиански обратиться к знаменитому изречению: 'Богу угодно побежденное дело'. Триумф грубой силы в замке Бонн и перед башней Цезаря взволновал, шокировал и ужаснул умы людей. Слезы были повсюду пролиты по поводу этих двух убийств.... Но терпение! Эти кровавые "станции" окажутся великолепными "станциями", ведущими к вершине права и свободы. Была написана книга, повествующая об истории основателей религиозной свободы. Возможно, я обманываюсь, но мне кажется, что повествование о борьбе

первых гугенотов можно было бы озаглавить: *История основателей современной свободы*. Моим утешением, когда я нахожу себя призванным описывать события, доселе неизвестные, относящиеся к лицам, не замеченным до сего часа, и происходящие в маленьком городе или малоизвестном замке, является то, что эти факты имеют, по моему мнению, европейский, универсальный интерес и относятся к фундаментальным принципам существующей цивилизации. Бертелье, Левье и другие до сих пор были только женевскими героями; они достойны того, чтобы их возвели на более высокий пьедестал и приветствовали в обществе как героев рода человеческого.

Поспешность, с которой была принесена в жертву жертва, удаленность места преступления, выбранный ночной час - все это свидетельствует о том, что у Чарльза была беспокойная совесть. Вскоре он обнаружил, что не ошибся в своих опасениях. Возмущение было всеобщим. Сторонники независимости воспользовались совершенным преступлением, чтобы преувеличить цену свободы. 'Прекрасная расплата, - сказали они, - за те почести, которые мы оказали месье Савойскому и его супруге!' Хотя их гнев обрушился на герцога, епископу досталась доля их презрения. Мысль о том, что он позволил принести в жертву своих друзей по одну сторону Альп, в то время как сам развлекался по другую, потрясла эти честные души. 'Прекрасный пастух, ' говорили они, - который не только бросает свое стадо на съедение волкам, но и стережет его верных собак!' Они испытывали отвращение к священническому правлению: некоторые граждане даже зашли так далеко, что сказали: 'Нам лучше удовлетворить просьбу месье Савойского, чем позволить убить себя из-за прелата, который не ставит нам в заслугу это. Если герцог отнимет определенные вещи, он, по крайней мере, гарантирует остальное; в то время как епископ пожирает нас с одной стороны и позволяет пожирать себя с другой'.³⁵⁰ Они пришли к выводу, что церковные княжества служили только разорению своих подданных — как в Женеве, так и в Риме. Либералы и герцоги говорили почти на одном языке. Светская власть епископа была изъеденным червями зданием, которое рухнет при первом же ударе.

Когда весть об убийстве в Бонне разнеслась среди молодых людей, часто посещавших двор, они были ошеломлены, и с ними произошла перемена. Все, что сделал герцог, чтобы завоевать их расположение, великолепные развлечения, грация герцогини, очарование ее фрейлин, были забыты. В бальном зале они не видели ничего, кроме Смерти, опирающейся на свою косу и пустыми глазами озирающейся в поисках какой-нибудь новой жертвы. Их прошлые удовольствия казались им насмешкой. Состоялось блестящее представление: внезапно занавес опустился, свет погас, и самые восторженные зрители, охваченные ужасом, поспешили убежать подальше от места, которое, казалось, было залито кровью. Это убийство, "совершенное ночью при свете факелов, повергло весь город в великую тревогу", - говорит хронист.

Среди всех этих криков негодования, презрения, ужаса была небольшая группа решительных людей, которые увидели зарю свободы, пробивающуюся сквозь тьму преступности. Великодушные души, получившие Божественное Слово из Франции, — Поррал, Мезон-Нев, Вандель, Бернар, даже Бонивар - черпали мужество в своих слезах. 'Одно-единственное препятствие остановит герцога, ' говорили они, - и это препятствие - Бог! Бог желает с помощью герцога наказать Женеву, а не уничтожить ее. Удары, которые он наносит, предназначены не для его смерти, а для его улучшения. Да! Бог, наказав нас отцовским жезлом, восстанет с мечом в руке против тех, чьи преступления он, по-видимому, допускает'.³⁵¹

Шарль, видя эффект, произведенный совершенным им безобразием, чувствовал себя в Женеве не в своей тарелке. И это было еще не все; ибо, узнав, что многочисленная французская армия входит в его владения с одной стороны, в то время как императорская армия наступает с другой, и что может последовать ужасная встреча, он сослался на эту причину возвращения в Турин. Желая, однако, укрепить свой авторитет в Женеве, он послал за Хьюгом, патриотизма которого он опасался, напомнил ему о сцене, только что разыгравшейся в Бонне, и потребовал от него клятвенного обещания, что он не будет принимать участия в делах города. Хьюз заключил требуемую помолвку.³⁵² Затем Шарль поспешил удалиться, а Бонивар сказал с многозначительной улыбкой: "Герцогиня пересекла Альпы, герцог спешит за ней, как послушная маленькая канарейка".³⁵³

Женевцы наконец вздохнули: в городе не было ни герцога, ни епископа. Мученическая смерть Леврье, которая сначала сокрушила их, теперь воспламенила их мужество. Как стальной клинок, давно изогнутый, пружинит, возвращаясь назад, так и Женева, страдая от удара, который, казалось, уничтожит ее, поднялась с энергией. Более того, пустое место вскоре было заполнено. Помощь пришла бы с небес. Древний имперский и епископальный город, не удовлетворившись отстранением епископов и герцогов, в течение нескольких лет посадил бы на трон Того, кто возвышает народы. Тогда, "пребывая в тени Всемогущего" и безмятежно восседая у подножия своих прекрасных гор, Женева поднимет голову, увенчанную двойной свободой.³⁵⁴

ГЛАВА XXIV.

НЕГОДОВАНИЕ ПРОТИВ МАМЛЮКОВ; ГЕРЦОГ ПРИБЛИЖАЕТСЯ С АРМИЕЙ; БЕГСТВО ПАТРИОТОВ. (1524-1525 гг.)

Не успел герцог уехать, как последовал всеобщий взрыв негодования против него и мамелюков, предавших его мечу величайшего из граждан. Бернар Буле, городской казначей, был одним из самых гордых сторонников герцога. Он построил прекрасный дом, где устраивал великолепные развлечения для своей компании и держал хороший стол, из-за чего вскоре растратил все свое имущество. Но, не желая отказываться от своей веселой жизни, он тайно присвоил государственную собственность и все еще продолжал великолепно развлекаться. 'Буле, ' говорили гугеноты, - думает только о том, чтобы предаваться со своими друзьями всевозможным удовольствиям, пьянству и сладострастию. Щеголеватый в одежде, изысканный за столом, он не думает о голоде и наготе бедняков. Распутство, плохое управление, мошенничество, грабеж составляют всю его жизнь.' Буле, не представивший никаких отчетов, был должен городу "по меньшей мере 6400 флоринов"³⁵⁵— очень крупная сумма по тем временам. Но они боялись его влияния и злого умысла; и никто не хотел "подстегивать кота". Синдик Ришарде, добрый патриот, смелый, но вспыльчивый, однажды вошел в совет, полный решимости положить конец этим явным хищениям. 'Я призываю казначея, ' сказал он, - представить отчеты его офиса'. Смущенный Буле попытался уклониться от ответа, но синдик, решив заставить его дать отчет в своем поведении, настаивал. Мамелюки, загнанные в угол, воскликнули: "Неужели нами будут править эти гугеноты?" — "Он говорил так из презрения", - говорит Бонивар. Вспыльчивый Ришарде не мог сдержаться; разгневанный тем, что казначей оскорбил его в тот самый момент, когда он исполнял свои служебные обязанности, он поступил в стиле героев Гомера и, подняв посох своего синдика над бесчестным мамелюком, нанес ему

такой удар, что посох разлетелся на куски. Следует помнить, что в средние века акты насилия иногда считались законными. Например, согласно старому уставу, если оскорбляли уважаемого мужчину или женщину, каждому подходившему к столу пруд'омму разрешалось наказывать за такое неподобающее поведение одним, двумя или тремя ударами; только от пруд'омму впоследствии требовалось принести клятву, что он нанес удары во имя мира.³⁵⁶ В зале немедленно поднялся большой переполох; члены совета мамелюков издавали гневные крики; гугеноты протестовали против того, что Ришарде действовал без их одобрения; и синдик, который был искренен и хорош в своих действиях, сердечно, откровенно извинился. Во время всей суматохи Буле не произнес ни слова; он втайне прикидывал, какие выгоды он мог извлечь из этого нападения, и был рад, что перенес его. "Он проглотил это мягко, как молоко", - говорит Бонивар.³⁵⁷ Случай, как он думал, благоприятствовал ему и своевременно вывел его из отчаянного положения. Какое провидение в этом насильственном акте синдика! Жадный нечестный казначей напустил бы на себя вид мученика; он сказал бы, что его верность герцогу навлекла на него это жестокое нападение. Он настроит Карла III против Женевы; он будет убеждать его взять город штурмом; и посреди всех этих волнений его отчеты будут забыты — что для него было существенно.

Буле радовался не один. Встретившись с его друзьями мамлюками, они договорились организовать это нападение таким образом, чтобы забыть об ударе, отрубившем голову Леврье. "Хорошо! - сказали они. - Теперь у нас есть возможность снова начать старый танец;³⁵⁸ то есть уступить Женеву Савоие. Отправляйтесь в Шамбери, — продолжали они, - подайте жалобу; скажите, что вы не в безопасности в этом гугенотском городе, и умоляйте совет его Высочества призвать синдика, который оскорбил вас, предстать перед ними - даже в Шамбери.

Буле сделал все возможное, чтобы преувеличить свою травму. Он перевязал голову, руку носил на перевязи. Тщетно хирург уверял его, что на левой руке у него лишь легкий ушиб и что других ран у него нет; неважно: "Я подам жалобу епископу, - сказал он. - Я подам жалобу герцогу!"³⁵⁹ Он пошел бы даже к императору. Гнев Ахилла после того, как у него отняли Брисеиду, едва ли мог сравниться с гневом этого негодяя, и, по его мнению, Женева заслуживала такого же сурового наказания, как то, при котором пала Троя. Он удалился через Арве, как Пелидес в свою палатку. Некоторые из его друзей, в частности тесть и судья Гекса, обратились к нему с просьбой успокоить его; но он помнил нанесенное ему оскорбление и был неумолим. "Женева дорого заплатит за это", - повторял он своим друзьям.

Он отправился в Шамбери, попросил аудиенции у герцогского совета и сообщил о насилии синдика. В Женеве было очень беспокойно. 'Эти савояры, - сказал приор Сен-Виктора, - ничего так не хотели бы, как ограбить гугенотов'. Вскоре появились судебные приставы Савойи; они установили посты на Арвском мосту, в Ле-Гротте и у Монетного двора — по всему городу - и прикрепили к ним рекомендательные письма. Женевский совет был вызван для того, чтобы предстать перед советом Савойи. Это было еще не все: масеры (massarii) савойского совета объявили владения женевцев в Савоие конфискованными и, следовательно, запретили фермерам и виноградарям обрабатывать землю или молотить на мельнице. Луга, поля, виноградники - все должно было остаться невозделанным. До сих пор только от Бога зависело посылать голодные годы; теперь господа из Шамбери утверждали, что обладают такой же привилегией; и несколько женевских фермеров, которые начали обрабатывать землю с разрешения местных властей, были посажены в тюрьму высшими властями. Почти в то же время другие граждане были арестованы под надуманными предлогами и брошены в одну из темниц

замка Гайар. Эти бедняги по очереди забирались в бойницу с помощью балки, приставленной к стене, чтобы подышать свежим воздухом и поговорить со своими женами и детьми. Однажды, когда они предавались этому утешению, по приказу герцога балку убрали, и несчастные были вынуждены скорчиться на дне своей грязной тюрьмы.

Буле, однако, хотел насладиться своим триумфом; он страстно желал бросить вызов магистратам и спросить их, не слишком ли дорого им обойдется удар. Судебный пристав Шамбери прибыл в Женеву, как если бы этот город находился в пределах его юрисдикции, и выставил "охрану" на двери дома Буле. Это была дерзкая узурпация, оскорбление; но если казначею причинят хоть малейший вред, герцог будет считать, что это нанесено ему самому. Буле появился снова и имел наглость показаться на общем совете. Это было уже чересчур: негодяй, навлекший столько бедствий на горожан, осмелился появиться среди них! Надеялся ли он получить еще один удар? Кто может сказать? Женевцы сдержались; никто не поднял на него руку; но он подслушал, как некоторые люди говорили о его казнокрадстве: 'Я предъявлю свои книги и счета', - сказал он. Он встретил взгляды, которые встревожили его. Предположим, они посадят его в тюрьму, поскольку имели на это право, поскольку его обвинили в злоупотреблениях по отношению к государству. Опасаясь какой-нибудь неприятности, он снова исчез и отправился умолять герцогский совет 'досадить' женеvцам. Все это было угрожающе. Синдикаты отдали приказ возносить молитвы и отслужить мессы за безопасность города.³⁶⁰

В это время епископ начал одну из своих частых эволюций; взяв за правило плыть по ветру, он повернул нос больше к югу, то есть в сторону Савойи. Он опасался, как бы женеvцы не оскорбили герцога, и написал им из Пьемонта: "Так ведите себя, чтобы *у Бога и мира* были основания быть довольными".³⁶¹ Он вернулся в Женеву, но не остался там. Ему следовало бы вмешаться между герцогом и его собственными подданными, разоблачить тяжкие преступления бесчестного казначея и убедить совет Шамбери отказаться от своих жестоких угроз; но, хотя он был одновременно епископом и князем Женевы, он не позаботился о том, чтобы воздать им должное. Он бежал в Сен-Клод, более чувствительный к прелестям мирской жизни и арбуазскому вину, чем к несчастьям города. В его глазах воплощением мудрости было удовлетворять *Бога и мир*, но соблазны мира были настолько привлекательны, что он забыл быть другом Бога. Некоторые женеvцы даже утверждали, что "он заботился о грядущей жизни не больше, чем о грубом звере". Пьер де ла Бом заметил это после восшествия на престол Климента VII. Савойский дом был в большей благосклонности, чем когда-либо, при римском дворе; его политикой было поддерживать с ним хорошие отношения, льстить ему, чтобы через его влияние получить кардинальскую шапку, что он и сделал немного позже. Ради красной шляпы стоило бросить своих овец на растерзание волкам.

Но если епископ поворачивался ко всем ветрам, то герцог - нет. Савойский собор усилил свою суровость по отношению к Женеве. Ришарде поднял свой штаб против одного человека; Шарль поднял свой против целого народа. Вся Женевa была взволнована. Граждане осаждали синдиков своими жалобами; синдики собрали совет. Они описали сцены, которые происходили в стране, и все насилие Савойи. Двое самых знатных магистратов, Синдик Дюмон и Эме Жирар, поспешили в Сен-Клод, чтобы сообщить епископу о притеснениях савояров. Жирар обладал возвышенной душой и порывистым нравом; он с таким воодушевлением описывал бесчинства, обрушившиеся на Женеву, что Де ла Бом, казалось, был тронут и пообещал женеvцам свою поддержку. 'Если понадобится,' воскликнул он, 'я сам пойду к папе.... Я пойду к императору.... Я буду умолять их защитить мое доброе право и привилегии вашего города'. Депутация была в

восторге. Но епископ поспешил сдержаться: герцог, герцогская власть и красная шляпа снова пришли ему на ум. ' Не будем торопиться, ' сказал он более холодно. ' Сначала я отправлю благородного Альбалесту к герцогу. По прошествии месяца, в то время как Альбалеста ничего не добился, женеццы решили взять свое дело в свои руки. Это было то, чего епископ хотел избежать любой ценой. Он поклялся, что призовет савойских офицеров к ответу перед папой римским под страхом штрафа в 10 000 дукатов.³⁶² Но Женева, которая мало доверяла епископу, решила сохранить свою независимость и противостоять иностранному фараону, осмелившемуся наказать бесплодием землю, которую Бог орошает дождем с небес.

Новая кампания требовала нового лидера. Бертелье, Левье, этих благородных людей, больше не было.... Но был третий, и он был именно тем человеком, который им был нужен. Безансон Хьюз не обладал ни импульсивностью Бертелье, ни твердостью Левье; но, мягкий и нежный, он испытывал любовь к своей стране, огонь которой никогда не переставал воодушевлять его. Умеренный, дружелюбный, с вкрадчивыми манерами, он умел расположить к себе даже своих врагов и часто оказывал большое влияние на Пьера де ла Боме. Обладая огромной физической силой, смелый, преданный, никогда не щадивший себя, он выдерживал самые суровые времена года и бросался с мечом в руке в гущу самых яростных врагов. Одаренный редкой проницательностью, которая позволяла ему ясно разбираться в самых сложных вопросах, проницательный дипломат, мудрый политик, горячий патриот, он был способен своей непревзойденной мудростью устранять препятствия, своим мощным красноречием убеждать самых упрямых, даже сенаторов Берна, и вызывать слезы из этих железных сердец. Он обладал *престижем*, который обеспечивал ему непреодолимое влияние в советах, и несколькими строками, несколькими словами он мог утихомирить народные волны до того, как они пришли в столкновение. Его называли Нестором, Салли, Вашингтоном из Женевы. Возможно, это говорит слишком много: Нестору было всего двадцать пять, когда он начал свою борьбу с герцогом, на момент нашего повествования - тридцать четыре, а когда он умер, за два или три года до окончательной реформации в Женеве, ему было меньше сорока. И все же Хьюз был в маленьком масштабе и на маленькой сцене тем же, чем были эти великие люди на большой.

Когда наступил срок избрания синдигов, было решено выдвинуть на высшую магистратуру граждан, способных отстаивать права страны; и имя Хьюза было у всех на устах. Он был возвращен, так же как Монтион, Пенсабен и Балард. С Хьюзом в качестве их шефа Женева ничего не боялась. Но честный гражданин отказался от должности, на которую был избран. Друзья окружили его и умоляли согласиться: он казался единственным лоцманом, способным провести корабль государства через многочисленные мели. 'Епископ - ваш друг; он защитит вас', — сказали они. - 'Да, ' ответил он, ' как он защищал Леврье'. — 'Если вы откажетесь, - сказал Бальяр, - мы тоже откажемся'. — 'Герцог, ' ответил Хьюз, ' запретил мне лично вмешиваться в городские дела; я дал ему обещание. Смерть Леврье научила нас, на что способен гнев герцога. Я бы предпочел быть исповедником, чем мучеником. Хьюз поддастся минутной слабости? Нам может быть позволено усомниться в этом. Он желал сдержать данное им обещание, и у него были другие мотивы. Полагая, что от него будет мало пользы в совете и что Женеву нужно спасать другими средствами, он пожелал оставаться свободным в своих передвижениях. Но многие не могли понять его, и их гнев прорывался сквозь всякую сдержанность. 'Хьюз не справляется со своими самыми священными обязанностями', - говорили они. Эти гордые республиканцы никого не щадили. Его друг и шурин, бывший синдик Бауд, капитан артиллерии, предложил генеральному совету лишить его гражданства на один

год. Странное противоречие! почти в тот же момент этот человек был поставлен во главе республики и оказался под угрозой изгнания из нее. Но у людей, казалось, было инстинктивное чувство, что Хьюзу в конце концов не поздоровится: 'Сейчас он уступает, - говорили они, - только для того, чтобы в дальнейшем добиться большего успеха'. Предложение Бода было отклонено.³⁶³

Женева началась с исключительной меры. Генеральный совет, собравшийся в церкви Сен-Пьер 10 января 1525 года, принял решение обратиться к папе римскому против нападений Савойи, и были отправлены делегаты, чтобы представить ему апелляцию. Женевцы были людьми прецедентными: они хотели обратиться к суду, признанному веками. 'Папы, - замечали некоторые из них, - являются защитниками свобод народа'. Но другие, такие как Бонивар, хорошо начитанные в истории, качали головами и утверждали, что если принцы и были отлучены папами от церкви, то не за нарушение свобод своего народа, а за сопротивление амбициям понтификов. Они упомянули Филиппа Августа и Филиппа Красивого. Обращение к папе показало бы, что он принимал участие только в угнетателях. Однако депутаты Женевы отправились в путь. Это было за десять лет до того дня, когда в его стенах была провозглашена Реформация. Эта мера является замечательным свидетельством мирных и лояльных настроений, которыми были воодушевлены магистраты.

В то же время синдики обращались к чиновнику епископа; они хотели бы, чтобы сам епископ защищал их интересы перед папой. "Если мой господин согласится перейти горы и поддержать нас в Риме, - сказали они, ' мы дадим ему сто золотых крон и добавим двадцать пять для вас'. Чиновник улыбнулся: 'Сто крон! — сказал он, - этого не хватит, чтобы подковать его лошадей". - 'Тогда мы дадим ему двести", - ответили синдики. Епископ, которому всегда не хватало денег, положил эту сумму в свой кошелек, а затем попытался уладить дело, не утруждая себя, просто отправив в Шамбери своего заместителя.

Никогда еще депутата не принимали хуже. Председатель герцогского совета, раздосадованный тем, что такой маленький город осмеливается сопротивляться столь могущественному князю, как его господин, презрительно посмотрел на депутата и воскликнул: 'Герцог - суверенный князь Женевы. Какой была Женева сто лет назад? жалкий городок. Кто превратил этот городок в город? Подданные герцога, которые обязаны ему пошлинами и службой.³⁶⁴ Женевцы желают, чтобы мы отменили вынесенные против них приговоры.... На, ha! Господа женевцы, мы увеличим их численность. Если в течение месяца вы не подчинитесь, мы пошлем вам столько солдат, что вам придется взять на себя труд повиноваться его высочеству. Казалось, что уничтожение свобод Женевы было уже близко.

Женевцы обратились к епископу во второй раз и заклинали его перейти Альпы. Между этим вторым требованием и первым в политическом мире произошло много событий. Пьер де ла Бом был ревностным агентом империалистической партии, и императорсообщил ему, что он нужен ему для определенных дел. Польщенный тем, что Карл V послал за ним, он, казалось, исполнил просьбу женевцев. 'Я поеду", - сказал он и немедленно покинул Женеву. Бонивар, хорошо знавший Ла Бома, улыбнулся, увидев, как простые горожане отдают своему князю-епископу двести крон, чтобы защитить их. 'Он большой расточитель, ' сказал приор, ' и в его глазах высшая добродетель прелата состоит в том, чтобы поддерживать хороший стол и хорошее вино; он потворствует себе сверх всякой меры. Кроме того, он очень щедр к женщинам и старается показать благородство своего происхождения пышностью, а не добродетелью.... Вы дали ему

двести крон ... что он будет делать с деньгами? Он рискнет или растратит их каким-нибудь другим способом".³⁶⁵ И в самом деле, едва он прибыл в Турин, как, не вступившись за Женеву, не посетив Рим, чтобы защитить его перед папой, он немедленно отправился в Милан, где в качестве агента Карла V. Он составил заговор против Франциска I. Но о папе римском и Женеве - ни слова.

Такова была епископская нежность Пьера де ла Бома. Освобождение от иностранного и тиранического гнета страны, князем и епископом которой он был, по его мнению, не стоило труда сделать ни единого шага; но если бы потребовалось отправиться интриговать в Ломбардии в пользу властителя, которого он считал мировым арбитром, кивка было достаточно, чтобы заставить его поспешить туда.

Что касается женевских делегатов, то Рим видел их не больше, чем их епископа: туринский двор нашел способ остановить их в дороге. Кроме того, если бы они достигли берегов Тибра, не было никакой опасности, что Климент VII. поддержал бы их дело; он бы посмеялся над такими странными послами. У герцога все шло хорошо; ему удалось полностью изолировать слабый и гордый город.³⁶⁶

Этот принц решил покончить с беспокойным народом, который доставлял ему больше хлопот, чем его собственные государства. Он покинул Турин, пересек горы и 'поселился в Анси', - говорит Бонивар. Чтобы добиться успеха, он решил использовать улыбающиеся губы и сильную руку; использование таких противоположных средств было для него столь же естественным, сколь и политичным: от Чарльза всегда веяло то жаром, то холодом. Если Женева присылала ему депутатов, он говорил: 'Клянусь честью джентльмена, я желаю, чтобы письма, которые я выдал в вашу пользу, были соблюдены'. Но в другой день тот же самый человек, который казался кротким, как ягненок, стал свирепым, как волк; он приказал схватить депутатов и бросить в темницу, а также всех женеvцев, которые отважились проникнуть на его территорию. Солдаты разграбили загородные дома, расположенные вокруг Женевы, унесли мебель и выпили вино; они также перекрыли снабжение города, что было вопиющим нарушением самых позитивных договоров.³⁶⁷

И все же обращение в Рим встревожило герцога. Принц Рима был священником, принц Женевы тоже был священником: Карл опасался, что два священника сыграют с ним какую-нибудь гадкую шутку за его спиной. Поэтому он решил прибегнуть к интриге, а не к силе, чтобы побудить народ предоставить ему высшую юрисдикцию, которая дала бы ему возможность монополизировать другие права суверенитета; он решил просить об этом так, как если бы оказывал женеvцам большое одолжение. Соответственно, 8 сентября видаме предстал перед советом так, как будто он пришел сделать самое щедрое предложение от имени его Высочества. 'С одной стороны,' сказал он, 'вы отзовете апелляцию из Рима, а с другой, герцог положит конец всем неприятностям, на которые вы жалуетесь'. А затем он потребовал для герцога высшей юрисдикции в Женеве, как будто это был простой излишек. Карл рассчитывал, что на этот раз достигнет своей цели. Действительно, его многочисленные сторонники в городе, видя, что наступил решающий момент, повсюду горячо взялись за это дело. 'Давайте примем', - сказал мамелюкский Нергаз. 'Если мы откажемся от этих щедрых предложений, наша собственность и наши сограждане никогда не будут возвращены, и никто из нас не сможет покинуть нашу узкую территорию, не попав в тюрьмы его Высочества'. — "Давайте примем", - ответили все сторонники герцога. Женева вот-вот должна была стать Савойей, и скромной, но

реальной роли, отведенной ей в истории, никогда бы не существовало. Тогда самые отважные патриоты — Безансон Хьюз, Жан Филипп, двое Бод, Майкл Септ, Синдик Бувье, которого называли вместо Хьюза, Ами Бандьер, двое Розе, Джон Пеколат и Джон Луллин — воскликнули: "Если мы так сильно любим все хорошее в этой жизни, нашим единственным приобретением будет потерять их и нашу свободу вместе с ними. Герцог соблазняет нас сегодня только для того, чтобы завтра поработить. Не будем бояться ни изгнания, ни тюрьмы, ни топора. Давайте обеспечим независимость Женевы, хотя бы это было ценой нашей крови". Даже Бувье, человек слабый и колеблющийся, был наэлектризован этими благородными словами и добавил: 'Вместо того, чтобы согласиться на это требование, я покину город и отправлюсь в Турцию!' ... 'Никаких компромиссов с герцогом!' - повторили все независимые. Мамлюки настаивали: они указывали на невозделанные поля, на женевцев в тюрьме... и, не затрагивая вопроса о высшей юрисдикции (поскольку это было недопустимо), они потребовали, чтобы апелляция Женевы против герцога была отозвана. За это предложение проголосовало большинство из одиннадцати; сорок два голоса было подано против и пятьдесят три - за. Было странно, что гугеноты поддерживали обращение к папе. Папа римский (надо признать, весьма невинно), казалось, был на стороне свободы.... Партия независимости была разгромлена.³⁶⁸

Однако Чарльз не был удовлетворен. Он ненавидел это большинство и меньшинства, и все эти голоса республиканцев; он хотел пассивного и единодушного повиновения; он прислушивался только к голосам меньшинства и размышлял о том, как запустить в работу все механизмы, чтобы избавиться от сорока двух гугенотов, которые противостояли его планам. При дворе были в восторге от результата; они подшутили над сорока двумя независимыми кандидатами, которым хватило простоты назвать свои имена и таким образом заявить о себе туринскому двору как о лицах, которых следует отправить в первую очередь. Список перечитывали снова и снова: они разорвали его на куски — сарказм в адрес этого человека, оскорбление в адрес того. Были приняты все необходимые меры для великого акта очищения, который должен был свершиться. Герцог отдал приказ выдвинуть армию, которая должна была войти в город и освободить его от мятежников.

Враги Женевы были не менее активны внутри, чем снаружи. Видам, верный агент Карла, собрал вождей мамлюков в своем доме. Поскольку все граждане, смерти которых они желали, не были включены в число сорока двух, они занялись на этих собраниях составлением проскрипционных списков. Видамы, мамлюки, савояры поздравляли друг друга с "отрубанием голов своим противникам" и записывали имена многих лучших граждан.³⁶⁹ Болезнь, по словам этих заговорщиков, распространилась широко; необходимо было избавиться от друзей независимости одним ударом, а не поодиночке. Они готовились схватить патриотов в городе и убить их за городом; роли были распределены; этот человек арестует, тот человек предаст суду, а другой предаст смерти. В то же время, чтобы помешать побегу свободных женевцев, герцог расставил солдат на всех дорогах. Женеве очень повезет, если на этот раз она избежит заговора и не увидит, как ее старые свободы и новые надежды на Евангелие и реформацию погибнут под мечом Савойи.

Карл III, сменивший Карла IX, начал свое преследование гугенотов. Он начал со своих территорий, где мог делать все, что ему заблагорассудится; Пьер де Мальбуиссон был схвачен в Сейсселе; Бефан в Анси; Буллон был арестован в воскресенье (ужасное святотатство в глазах католиков!) в церкви Пресвятой Богородицы во время торжественной мессы. 'Это не имеет значения,' заявила партия герцога. 'бывают случаи, когда привилегии Церкви должны уступать

место интересам государства". В это время патриоты, оставшиеся в Женеве, ходили взад и вперед по городу, проявляя храбрость вплоть до безрассудства, и смело требовали созыва всеобщего народного совета для отмены разделения, которое большинством в одиннадцать голосов принесло такое удовлетворение герцогу. Это до крайности разожгло гнев Карла; он поклялся отомстить за такое оскорбление и приготовил все, чтобы сокрушить этих дерзких горожан. Небо потемнело; в городе послышался глухой ропот; царило всеобщее беспокойство; каждый спрашивал своего соседа, что должно произойти... тревога была повсюду.

Наконец разразился шторм. Это было 15 сентября. Один, два, три — несколько неизвестных в Женеве лиц, крестьян, торговцев и малозначимых людей, появились у ворот: это были гонцы, посланные к патриотам их друзьями и родственниками, обосновавшимися в Савойе. Одно сообщение следовало за другим. Как им сказали, герцогская армия пришла в движение; она готовится покинуть деревни, где была расквартирована. Вожди и солдаты громко заявляют, что они направляются в Женеву, чтобы предать смерти врагов герцога. Больше ничего не слышно, кроме угроз, хвастовства и криков радости.... Через несколько минут подбежали жители окрестностей и объявили, что армия находится всего в четверти лиги от нас. Люди спешили в более высокие части города: они видели аркебузирова, алебардчиков и знамена; они слышали барабаны и флейты, топот марширующих и крики солдат. Савояры были в полях, а мамлюки на улицах. Горожане даже не могли подвергнуть себя смерти на крепостных валах. Фракция герцогов не позволила им приблизиться. 'Спасайтесь бегством,' говорили некоторые лидерам гугенотов. 'Если вы промедлите хоть мгновение, вы погибнете'. Мамлюки подняли головы и воскликнули: 'Настал день отмщения!'

Благородные горожане, которым угрожал меч Карла или, скорее, топор его палачей, хотели прийти к какому-то соглашению друг с другом, но у них не было времени совещаться друг с другом. Они знали, какая участь их ожидает, и тревога их друзей и жен, тех, кому нечего было бояться, унесла их прочь, как порыв ветра. Некоторые дорого продали бы свою жизнь; другие говорили, что их задача еще не выполнена, что, если герцог вероломно нападет на них, если епископ подло покинет их, они должны удалиться в другое место, молиться о наступлении часа справедливости и найти могущественных защитников для Женевы. Едва они приняли решение, как к воротам подошли фельдфебели. Гугеноты, преследуемые савойским мечом, не могли ни унести с собой то, что было необходимо во время их изгнания, ни попрощаться со своими друзьями; люди на улицах едва успевали заходить в свои дома. Все ушли под слезы своих жен и плач своих детей.

Начался исход, но не всего народа, а цветка горожан. Многие были замечены выходящими из ворот города. Там были Жан Бод, капитан артиллерии, и его брат Клод, ревностный приверженец епископальной церкви, но друг независимости; Жирар, сменивший Буле на посту казначея города; Жан Филипп, впоследствии первый синдик; бесстрашный Жан Луллен, Худрио дю Молар и Ами Бандьер, которые были синдиками в год Реформации; Жан д'Арлоз, впоследствии один из членов Совета двухсот; Майкл Септ, частый депутат в Швейцарии; Г. Питер, Клод Розет, отец знаменитого синдика и хрониста; Ж. Л. Рамель, Пьер де ла Туа, Шабо и Пеколат. Другие покидали Женеву тайно; кто днем, кто ночью, переодетые, пешком или верхом, 'в большой спешке, разными дорогами, не советуясь друг с другом'. Одни крались по берегу озера, другие спешили к горам. Печальное рассеяние, печальное бедствие!³⁷⁰ И все же, уходя, эти великодушные люди сохраняли надежду увидеть победу свободы. В этот страшный и критический час они окинули взглядом стены старого города и поклялись, что покинули его не

для того, чтобы избежать смерти, а для того, чтобы спасти его от угнетения. Они направлялись в поисках помощи — не к порабощенным берегам Тибра, как они поступили когда-то в своем безумии, а к тем благородным горам Швейцарии, которые сбросили иго иностранных тиранов. Савойский меч преследует их; но, чудесное провидение Божье! это ведет их в те страны, где забрезжил новый свет и где они будут встречать почти на каждом шагу друзей Цвингле и Реформации. Это принц, друг папы римского, который отправляет их в школу Евангелия.

Больше всего угрожали Безансону Хьюзу: если бы его схватили, его голова упала бы первой. В то время он случайно находился на принадлежащей ему ферме в Шатлене, недалеко от Женевы, в направлении Жекса. Он был серьезен, но спокоен, потому что чувствовал важность кризиса и спокойно готовился собирать виноград, поскольку наступало время сбора винограда. Вечером 15 сентября его навестил его друг мессир Вуйе, комендант Жекса, который подъехал верхом и с откровенным видом попросил его уступить ему постель на ночь. Хьюз ничего не заподозрил; лошадь была поставлена в конюшню; для Вуйе была приготовлена комната, и двое друзей, усевшись за стол, долго разговаривали за ужином. Комендант Жекса, которому герцог поручил арестовать Хьюга, приказал своим офицерам прибыть в Шатлен рано утром 16-го; и, чтобы не потерять свою жертву, он решил, что самым разумным способом будет прийти и поужинать как друг с человеком, которого он должен был предать смерти Бертелье и Леврье, переночевать под его крышей, чтобы арестовать его на следующее утро и передать палачам. Хьюз пока ничего не знал о том, что происходило в Женеве.

Бегство уже стало всеобщим: гугеноты поспешили прочь, одни в направлении Фрибурга через Лозанну, другие в Сен-Клод через Юру. Епископ, как мы уже говорили, отправился в Италию, вероятно, в марте, за шесть месяцев до этого; но у него были преданные сторонники в Сен-Клоде. Соответственно, беглецы, которые все еще надеялись на что-то от епископальной власти, выбрали последний путь. Давайте проследим за первой из этих двух групп.

Во главе тех, кто отправился в Швейцарию, были Де ла Туа и Шабод. Они во весь опор пустили своих лошадей галопом по Лозаннской дороге; достигнув Версуа, они неожиданно наткнулись на расставленных там солдат с приказом остановить женевцев в их бегстве. Де ла Туа, который был на хорошем коне, пришпорил свою лошадь и убежал; но Шабода схватили и отвезли в Жекс. Весть об этом аресте распространилась немедленно и вызвала большие неприятности среди беглецов, которые последовали за ними. Они бросились на проселочные дороги, обогнули подножие гор, и напрасно воины Карла шли по их следам: многие из них прибыли в Лозанну. И все же они хотели добраться до Фрибурга, а для этого им пришлось пересечь труднопроходимые перевалы, где герцог разместил своих солдат, чтобы захватить их. Сьер д'Энглисберг, арендатор Фрибурга, владел виноградниками на берегу Женевского озера и собирал виноград в Ла Во. Возясь со своими чанами и прессами, он узнал, что происходит, и, полный сострадания к несчастным людям, отправил курьера к своим коллегам. Совет Фрибурга немедленно отправил офицера с тридцатью всадниками с приказом защищать беглых гугенотов.

В это время те, кто отправился по дороге во Франш-Конте (последователи епископа), пересекли горы Юра и 'сделали тысячу поворотов, чтобы спастись', - говорит Бонивар. Они мало ходили в течение дня, много ночью; они уходили в лес и взбирались на скалы. Эти достойные прихожане епископальной церкви воображали, что достаточно будет увидеть лицо своего пастора, и они

будут спасены. И даже если бы он не вернулся в Сен-Клод, этот город предоставил бы им надежное убежище. Но, жестокое разочарование! не только не было епископа, но и его чиновники дали отпор его преследуемым подданным. Никто в городе не дал бы приюта даже самому закоренелому из беглецов-католиков.

Женевцы, разочарованные в своих ожиданиях и сбитые с толку в своих планах, решили продолжить свой полет. Время действительно пришло: как раз в тот момент, когда они выезжали из Сен-Клода через одни ворота, савойские солдаты вошли через другие. Ужас придал их ногам крылья; они спешили вперед, по ним хлестал дождь, всадники неотступно следовали за ними, в каждый момент находясь на грани попадания в руки врагов, а опасности, грозившие их стране, усугубляли жалость к их бегству. Наконец они прибыли в Безансон, затем в Невшатель и, наконец, во Фрибург, где встретили своих друзей, приехавших через Лозанну. Они обнялись и пожали друг другу руки. But Besançon Hugues ... они искали его повсюду... его не могли найти. Тревога была всеобщей. Было известно, с каким рвением герцогские лучники схватили бы его; кроме того, было так легко застать его врасплох в его тихом убежище в Шатлене. Увы! убийцы башни Цезаря и замка Бонн, возможно, уже пролили кровь третьего мученика!

Хьюз и губернатор Жекса провели вечер вместе; и поскольку у женевца, как говорится в рукописи, "нюх был острее, чем у его вероломного друга", он завел с Вуйе разговор о тогдашних обстоятельствах и догадался о цели его визита. Он узнал, что единственный способ спасти Женеву - это заручиться поддержкой швейцарцев. Пробыл час отходить ко сну; Хьюз с веселым видом проводил коменданта в приготовленную для него комнату и пожелал ему спокойной ночи. Едва последний заснул, как, оседлав лошадь своего гостя, Хьюз ускакал галопом с одним или двумя спутниками; они направились в сторону Сен-Клода, намереваясь оттуда направиться во Фрибург. На рассвете он оказался на вершине горы Жекс и на перевале Ла Фосиль попрощался с прекрасной долиной Леман, на которую уже начали падать лучи восходящего солнца.

В этот момент мессир Вуйе проснулся, бесшумно встал и, увидев в окно, что его солдаты расставлены вокруг дома, крадучись двинулся вперед, чтобы схватить свою добычу.... Кровать была пуста, птичка улетела. Комендант Гекса немедленно приказал открыть дверь, вызвал маршала-провоста и приказал ему преследовать беглеца с герцогской кавалерией. Эскадрон пустился галопом. Несколькими часами ранее лучники Гекса пустились в погоню за другими беглецами, убедившись, что поймают их. Дорога через горы петляла из-за долин и пропастей, так что преследователи и преследуемая, находясь иногда на противоположных склонах, могли видеть и даже слышать друг друга, хотя между ними была пропасть. Когда стало известно о бегстве Хьюга, рвение солдат возросло, и первый, зная о грозящей ему опасности, бросился на непроходимые дороги, чтобы спастись от своих врагов. 'Ах!' сказал он впоследствии. - Это было неприятно, потому что лучники господина Савойского преследовали нас до Сен-Клода, затем от Сен-Клода до Безансона и дальше.... Мы были вынуждены путешествовать день и ночь, по лесу, под дождем, не зная, где найти безопасное место.' Наконец он добрался до Фрибурга, через шесть дней после прибытия своих друзей, уехавших через Лозанну. Фрибургцы и женевцы приветствовали его с почетом.[371](#)

ГЛАВА XXV.

БЕГЛЕЦЫ ВО ФРИБУРГЕ И БЕРНЕ. ГЕРЦОГ И СОВЕТ АЛЕБАРДЩИКОВ В ЖЕНЕВЕ.

(Сентябрь-декабрь 1525 г.)

Поразительное зрелище представлял город, основанный зерингенами. Странные люди бродили вокруг старого собора и по крутым и живописным берегам Сарина. Жители Фрибурга смотрели на них с уважением, поскольку знали, что эти граждане, жертвы тирании иностранной державы, прибыли искать убежища в их стенах. Они подошли к окнам, чтобы посмотреть, как они проходят, и подошли к ним с сердечной привязанностью. Фрибургцы пожелали их выслушать, и Безансон Хьюз в сопровождении нескольких беглецов был введен в зал заседаний совета. Ему отвели место справа от авойера, которое было почетным местом, и когда заседание открылось, женевец встал и сказал: 'Достопочтенные лорды, есть город, расположенный на естественных границах Швейцарии — город, всецело преданный вам, куда вы можете приходить и уходить, как у себя дома, где вы можете торговаться, продавать и покупать все, что вам потребуется, и который сможет остановить ваших врагов, если когда-нибудь Лига подвергнется нападению с юга. Этот город, составляющий часть Гельвеции, должен быть объединен с кантонами. Разве швейцарцы во времена Цезаря не простирались до Л'Эклюз? [372](#) ... Если Женева попадет в руки Савойи, пушки, которые должны защищать вас, будут обращены против вас.... Господа, время поджигает, роковой момент близок.... Длительные, несправедливые и жестокие преследования поставили наши свободы на край пропасти. Героический Бертелье убит у подножия башни Цезаря; мудрый Леврие обезглавлен во дворе замка Бонн; Мальбуиссон, Шабо и многие другие недавно брошены в мрачные темницы; всем нашим друзьям, оставшимся в Женеве, угрожает опасность расстаться с жизнью... и мы, почтеннейшие лорды, стоящие перед вами, вынуждены отказаться от нашей собственности, нашего бизнеса, наших семей, нашей страны, чтобы не попасть в руки принца, поклявшегося убить нас: до такого состояния доведен наш свободный и древний город.... Только одно может спасти его... сильная рука Швейцарской лиги.... Достопочтенные лорды, услышьте наши крики, узрите наши слезы и проявите сострадание к нашему горю. Во имя Божьей чести, окажи нам помощь и совет".

Беглецы, стоявшие вокруг Хьюза — Луллен, Жирар, двое Бод, Бандьер, Септ, Пеколат и примерно двенадцать других горожан — были глубоко тронуты. Эти люди, люди огромной энергии, предстали в качестве просителей перед сенатом Фрибурга. Их лица, их слова умоляли этот могущественный город, и все же в их взглядах читалась благородная гордость. Они чувствовали одновременно свою независимость и свое несчастье; у них был вид свергнутых королей. Одни заламывали руки, другие проливали слезы; все с горечью молились, чтобы швейцарцы пришли к ним на помощь. Фрибургцы, тронутые жалостью к Женеве и ее изгнанникам и преисполненные негодования против Карла и его сторонников, ответили: "Нет, мы вас не бросим". Слова, полные доброты, которые утешали людей, охваченных горем, и проливали луч света на их мрачный путь!

Момент был благоприятен для завоевания швейцарцев: они были раздражены, видя, как Савойя после битвы при Павии подло приняла сторону завоевателя. Обратившись за поддержкой к Женеве, Швейцария, верующие преподали бы полезный урок этой силе, которая всегда принимает сторону сильнейшего. Фрибург немедленно отправил депутатов в Берн и

Солер, и некоторые из беглецов сопровождали их. В этих двух городах несчастные женевцы возобновили свои трогательные мольбы. В Берне, говорит хронист, "они нашли плохое начало, но хороший конец"; в Солере, напротив, "хорошее начало, но плохой конец". Солер, однако, присоединился к двум другим городам, уведомив герцога, что, если он ценит их дружбу, он должен прекратить причинять вред Женеве. Но Берн, в частности, проявил большое рвение. В этом городе уже было несколько преданных друзей Цвингле и Реформации; среди прочих один из главных магистратов Томас аб Хофен, умный и умеренный человек, склонный к меланхолии, много занимавшийся общественными делами своей страны и в течение двух лет переписывавшийся с цюрихским реформатором. Эти евангелические бернцы вскоре поняли, что существует скрытая, но реальная связь между реформацией Цюриха и освобождением Женевы; и они повлияли на своих соотечественников в пользу женевцев. В то же время они говорили о Евангелии беглецам, и некоторые из тех людей, которые приехали в Швейцарию только в поисках свободы, обрели истину. Это движение могущественной республики к Женеве предвещало новые времена. Савоя желала сокрушить ту свободу, которая так прочно укоренилась в Женеве, и Реформацию, которая вскоре должна была начаться; но, по чудесному провидению Божьему, удар, призванный уничтожить и то, и другое, обеспечил их существование и дал им более широкое развитие. Слово реформаторов, хорошо воспринятое бернским народом, должно было дойти даже до Женевы, и этот город, таким образом, по Божьему совету получил бы от Швейцарии не только национальную независимость, но и благословения, которые простираются далеко за пределы судеб наций.[373](#)

Тем временем герцогу сообщили об отъезде беглецов: как раз в тот момент, когда он собирался дотронуться до гнезда, птицы исчезли. Чарльз и его советники были ошеломлены. По правде говоря, этих энергичных граждан уже не было бы в Женеве, чтобы противостоять его планам; но было бы вернее, подумал он, убрать их с пути либо мечом палача, либо длительным тюремным заключением. Карл Добрый часто с успехом применял оба этих средства. Напрасно его сторонники говорили, чтобы утешить его, что, по крайней мере, патриоты не оскорбят его своим присутствием. Да, но если они вернутся - если они вернутся не одни — если швейцарцы.... В Гельветической лиге раздавались неясные звуки, отдаленные звуки Реформации и свободы, которые встревожили савояров. И все же они сказали, что если мы умело воспользуемся отсутствием гугенотов, если мы должным образом заткнем рот другим женевцам, если мы прочно закрепимся в городе, никто не сможет нас выгнать.

И теперь, поскольку спешить было незачем, герцог решил отложить свой приезд на некоторое время. Обращение к Риму глубоко ранило его. Видеть себя, суверенного принца, главу самого славного дома в Европе, дядю короля Франции, шурина императора, вызванного к папе группой ничтожеств, привело тщеславного и надменного Карла III в ярость. Прежде чем он въедет в Женеву, апелляция должна быть отозвана. Герцог отправил распоряжения по этому поводу месье де Баллисону, своему представителю в городе. Затем, словно для того, чтобы скоротать время, он призвал к преследованию всех женевцев вокруг него. Сьер де Бонбуж, брат сьера де Монтротье, во главе войск Фосиньи, хороших солдат, но жестоких людей, разграбил страну, схватил многих уважаемых людей в окрестностях города и запер их в замках Савойи, где с ними жестоко обращались.

Де Баллисон, не теряя времени, выполнил приказ своего хозяина. Он объяснил главным друзьям Савойи в Женеве, в каком преступлении город был виновен по отношению к герцогу, осмелившись обвинить его перед папой. 20 сентября был созван генеральный совет. Увы! те

энергичные люди, которые так часто были его славой, Хьюз и его товарищи по несчастью, отсутствовали, и почти все друзья, которые у них все еще были в Женеве, отказались присутствовать. Месье де Баллисон предстал перед этим подобием общего совета и сказал: "Наш господин герцог желает узнать от жителей этого города Женевы, намерены ли они подавать некую апелляцию в римский суд".³⁷⁴ Мамелюки, которые были почти одни в совете, прокричали как бы в один голос: "Мы не желаем возбуждать судебное преследование против указанных лиц". апелляция".³⁷⁵

Покончив с этим делом, герцог приготовился вступить в город, что он и сделал в последние дни сентября с частью войск, которые у него были 'за Арве'. Женева сильно отличалась от того, что он желал. Он надеялся схватить там повстанцев, но не нашел ничего, кроме рабов. Раболепные мамелюки мало заботились о свободе и гордились тем, что у них есть хозяин. Они называли его своим "самым ужасным повелителем", приближались к нему с низменной лестью и, целуя цепи, которые он им принес, заверяли его, что его приход наполнил их радостью и утешением.

Герцог, который мало дорожил такими пресмыкающимися людьми, думал только о том, как бы ему стать князем города, и интриговал, чтобы верховная власть перешла к нему. Его министры разработали план, который давал справедливые обещания, и были немедленно применены необходимые маневры. Синдики предстали перед его высочеством 29 сентября (1525 г.), и герцог довольно резко сказал им: 'Расходы и штрафы, наложенные на Женеву моим советом Шамбери, составляют двадцать тысяч золотых крон'. Он хотел напугать женевцев и побудить их пожертвовать своей независимостью в обмен на этот долг. Но синдикаты ограничились ответом: 'Монсеньор, город беден, и мы можем предложить только вам ... наши сердца'. Это было не то, чего хотел Карл. Канцлер герцога, отведя синдигов в сторону, сказал им: "Ну же, джентльмены, приведите себя в порядок, сделайте *что-нибудь*, чтобы удовлетворить его Высочество'. Синдики размышляли два или три дня и, не в силах или не желая догадываться, что это могло быть за "что-то", спросили у видаме, законного посредника между ними и принцем: 'Что герцог имеет в виду?' Видаме посоветовался со своим хозяином и, появившись перед советом 10 октября, сказал: 'Герцог является имперским викарием и сувереном городов, входящих в состав его государства; Женева также включена. Почему же тогда ты не признаешь его своим хозяином? Не бойся; он добрый принц; он будет уважать власть епископа и привилегии города, и ты будешь наслаждаться невиданным доселе процветанием. Это было яснее ясного: савойский принц прямо сказал, что ему нужна Женева. Видам, заметив, что его намек был воспринят без энтузиазма, добавил: 'Если вы не примете герцога добровольно, вас заставят принять его силой'. Раболепные мамлюки, преувеличивающие преимущества аннексии столь могущественного государства, предоставили бы все на месте. Момент был критический: синдикаты были встревожены и колебались. С одной стороны, это была древняя независимость их страны; с другой - превосходящая и грубая сила, которой никто из них не мог противостоять. Они передали требование его высочества епископальному совету, который, в свою очередь, передал его лично принцу-епископу. Такой ответ уже был уступкой; политики Савойи считали, что достигли своей цели.... Женева соглашается, скажут они епископу; вы не можете ответить нам отказом. Город был на грани разорения, когда неожиданная и благородная помощь спасла его.³⁷⁶

Случилось то, чего Чарльз так боялся. Ближе к концу октября несколько крепких мужчин с воинственным видом и гордым видом были замечены въезжающими через швейцарские ворота: это были послы из Берна, Фрибурга и Солера во главе с Гаспаром де Маллинеом из

Берна. Этот энергичный человек был добрым католиком; в 1517 году он совершил паломничество в Иерусалим и был посвящен в рыцари Гроба Господня. Слепой консерватор, он сознательно и непоколебимо выступал против любых перемен, религиозных или политических. "Союзники, - постоянно говорил он в сеймах, - сопротивляйтесь доктрине Лютера, иначе она скоро захватит нас".³⁷⁷ Казалось бы, Маллинен должен был железной рукой поддержать притязания принца; но, по его мнению, попытка Савойи противоречила договору и, следовательно, была революционным делом. Поэтому, видя, что женевский совет колеблется, возмущенные бернцы пришли на место своего собрания и сказали: "Стойте твердо и ничего не бойтесь; наши лорды поддержат вас во всех ваших правах".³⁷⁸

Это вмешательство швейцарца привело в замешательство герцога. Он должен изменить свой план и прибегнуть к хитрости, чтобы освободиться от этого рыцаря Гроба Господня. Никогда еще дипломаты не преуспевали так успешно в обмане грубых воинов и честных граждан. Сначала министры Карла выдвинули мамлюков, которые начали говорить послам: 'Мы хотим жить под защитой герцога и епископа'. Затем Карл заявил швейцарцам, что он полон любви ко всем гражданам Женевы и готов предоставить все, что требуют кантоны. 'Беглецы могут вернуться', - добавил он. 'Вот для них охранный грамота: передайте ее им'. Документ был передан в руки Маллинена. Он был поражен быстрым успехом своего посольства. Он снова и снова листал газету, не читая ее, однако, и на то была веская причина. Охранный грамота была составлена на латыни, и рыцарь Маллинен со своими благородными коллегами не претендовали на знание этого языка; но как они могли предположить, что герцог не дал им, как он их заверял, полного удовлетворения? Они воображали, что документ, гарантирующий беглецам жизнь и свободу, откроет им ворота Женевы; и не сомневаясь, что Безансон Хьюз, Луллен, Жирар и их друзья по возвращении в город смогут сохранить его независимость, они поблагодарили герцога и довольные отправились по домам.³⁷⁹

Но Хьюз лучше разбирался в латыни и знал своего человека лучше, чем Маллинен. Как только посол вернулся, он с торжествующим видом вручил женевцу важный документ, который стал наградой за его путешествие, и Хьюз жадно прочитал его. Дойдя до последней фразы, он горько улыбнулся: *Dummodo non intrent civitatem, nec suburbia ejus*, гласила охранный грамота; 'это означает, ' сказал Хьюз помощникам шерифа, ' что мы можем вернуться в Женеву при условии, что не будем въезжать в город или пригороды.... Герцог будет внутри, а мы снаружи.... Какие услуги мы можем оказать городу? Вы знаете, насколько мала наша территория. Если мы не находимся ни в городе, ни в пригороде, то мы находимся на землях Савойи.... Теперь, если бы Бертелье был арестован прямо под стенами (в Ла-Трей), если бы Левье был схвачен у самых ворот Сен-Пьера, что случилось бы с нами на территории герцогства?... Герцог расставляет ловушку: это условие, которое аннулирует действие. — У птицы, которую прислал нам герцог, - добавил он, - прекрасная голова и прекрасное оперение, но у нее на конце есть хвост, который портит все остальное.' — "Эта милость - просто ловушка", - сказали возмущенные изгнанники. Рыцарь Маллинен был оскорблен и раздосадован тем, как герцог Савойский одурачил его, и, возможно, начал воображать, что знание латыни могло бы пригодиться. 'Милорды, ' заявили беглецы советам Берна и Фрибурга, ' герцог - великий предатель. Бога он не боится, но людей боится еще больше. По этой причине освободите нас от ваших городов; ибо если он узнает, что мы ваши союзники, только тогда он оставит нас в покое".³⁸⁰ В то же время женевцы, желая показать герцогу, насколько они уверены в его безопасности, послали за своими женами и детьми. Это был энергичный ответ Савою.

Бедные женевские женщины с сердцами, полными горечи, отправились в свое путешествие. В начале шестнадцатого века женщины мало путешествовали; и те, кто почти не выезжал из Женевы, отправляясь во Фрибург и Берн, думали, что едут чуть ли не на край света. Каким печальным было их путешествие! Напуганные реальными или предполагаемыми опасностями дороги, удивленные незнакомым языком, чьи неразборчивые звуки начали отдаваться эхом в их ушах, залитые слезами и с разбитым сердцем, они заключили бедных детей в объятия, ибо те были в ужасе от странных сцен и новых лиц, и вцепились слабыми руками в шеи своих матерей. Наконец эта группа страдающих женщин вошла во Фрибург; но их прибытие сначала только усилило горе, и когда эти любящие жены обняли своих мужей, их слезы радости обильно смешались со слезами печали. 'Иностранцы', как их называли, хотя и происходили из респектабельных семей, были в то время лишены всего и были почти как нищие у дверей своих друзей. В первый момент они были вынуждены оставить свои семьи на улице, не зная, где их приютить. Это было душераздирающее время. Что! ни комнаты, ни даже хлева, где эти измученные женщины и дети могли бы лечь на солому! Убитые горем матери прижимали маленьких созданий к своей груди, целовали их в бледные губы... а потом пожалел о Женеве.

Наконец иностранцы набрались храбрости и предстали перед советом. 'Мы послали за нашими семьями, - сказали они, - но мы не можем ни приютить их, ни накормить.... Разрешите им войти в больницу'. Молитва была удовлетворена, и эти женщины знатного происхождения, которые не так давно были одеты в шелка и танцевали с Беатриче Португальской, были замечены меняющими дворец на больницу. 'Люди были тронуты жалостью', - говорит Бонивар. Однако следует помнить, что в те времена пребывание в больнице не было унижительным: путешественники часто останавливались в таких местах.³⁸¹

Прибытие женщин и детей поначалу усилило отчаяние горожан; они были обескуражены и, казалось, достигли глубин нищеты. Вид этих любимых существ напомнил им о Женеве и смягчил их сердца. Но внезапно они воспрянули духом; они отправились из Фрибурга в Берн; они выступали в частных домах, в залах собраний племен, в общественных местах и зывали к сочувствию швейцарцев. Они утверждали, что герцог предал смерти их лидеров; что он вынудил их оставить свои дома и свой бизнес и бежать в чужую страну; что, доведенные до величайшей нищеты, они были вынуждены поставить своих жен в положение, которое они когда-то отвергли бы с презрением, и что, чтобы положить конец этим страданиям, город, который они любили и ради независимости которого они были готовы пожертвовать всем, был захвачен и порабощен.... Эти великие души были встревожены; эти гордые граждане, столь решительные перед лицом жестокого государя, были подавлены в присутствии своих несчастных семей, своего изгнания, разорения Женевы, и слезы выдавали их слабость. Бернцы с восхищением смотрели на этих благородных граждан, чья изодранная одежда свидетельствовала об их плачевном состоянии. Многие из племен города Берна и большинство членов Совета Двухсот выступили за дело побежденных, и заключение союза с Женевой казалось близким.

Епископ, уже встревоженный интригами Карла, был поражен, когда услышал об этом. Если бы Берн принял реформатскую доктрину, как Цюрих, если бы Женева последовала примеру Берна, прелат, восседающий на кафедре епископов и на троне принцев, увидел бы, как их обоих лишили его власти. Пьер де ла Бом, подобно многим церковным монархам, нисколько не заботился о благополучии тех, кого он называл своими подданными; но он очень дорожил титулом принца и не допустил бы, чтобы ни герцог, ни швейцарцы лишили его его. Чтобы

сохранить его, он созвал бы весь мир, если бы это было возможно. Соответственно, даже за столом он чувствовал себя неловко и часто останавливался, размышляя сам с собой и говоря: 'Герцог в Женеве; лиса на птичьем дворе.... Пусть птицы поостерегутся!... А с другой стороны, в кантонах устраивают розыгрыши.... У медведей такой вид, как будто они хотят спуститься с гор.... Несчастный пастух!... Я сделаю все,' сказал он, 'чтобы сохранить юрисдикцию Церкви'. Он сразу же начал и попытался сначала уговорить свою паству:³⁸² 'Мы очень рады слышать о вашем добром расположении духа,' писал он им, - и вы доставите нам огромное удовольствие, сообщив нам все, что необходимо для благополучия нашего дорогого города.... Ведите ли вы себя со своей стороны так, чтобы у Бога и мира были основания быть довольными".³⁸³ В 1525 году, как и в 1523 году, целью прелата по-прежнему были *Бог и мир*.

Эти усилия ни к чему не привели. Правительство епископов и князей, установленное в разных частях христианского мира, поначалу было мягким и отеческим по сравнению с правительством некоторых светских лордов; но давным-давно епископы утратили превосходство, которое могло узаконить их власть, а светская власть, напротив, приобрела большое влияние в мире. Во Франции, особенно начиная с XIII века, члены королевской семьи, проявляя доброту, способствовали прогрессу народа в материальном, интеллектуальном и даже моральном плане; и если Франциск I, несмотря на отнюдь не достойный уважения личный характер, занимает блестящее место в истории, это следует приписать этому качеству французской королевской семьи. Но почти все князья-епископы Женевы, предшествовавшие Реформации, мало заботились о развитии нации, разве что стремились помешать ему. Иоанн Савойский и Пьер де ла Бом были всего лишь эгоистичными распутными священниками. Над их челами не было видно нимба; и таким образом, однажды они обнаружили, что под их ногами нет твердой почвы. Церковные власти, даже если они честны, склонны презирать мирские интересы своих подданных; и поскольку, к несчастью, духовные интересы не слишком затрагивают честолюбивых прелатов, бессмертные души и земные свободы их паствы в равной степени угнетаются ими.

Герцог, который лучше, чем кто-либо другой, знал о слабости епископальной власти (причиной которой в основном был он сам), почувствовал, что его амбиции возросли, и решил положить этому конец. С этим намерением он предпринял бы шаг, который, дав ему то, чего Савоя жаждала веками, укрепил бы его титулом, рассчитанным на то, чтобы заставить замолчать жалобы прелата, обвинения беглецов и требования швейцарцев. Он решил созвать генеральный совет, состоящий почти исключительно из его приближенных, от которых он добился бы, либо убеждением, либо большой демонстрацией силы, уважения, причитающегося монарху. Чтобы достичь своей цели, он начал с того, что смягчил свое дерзкое поведение и несправедливые притязания. Казначей Буле, первопричина всех этих беспорядков, вынужденный предоставлять свои отчеты в отель-де-виль, был осужден. Заключение в тюрьму или оштрафованные граждане получили обещание скорой амнистии; и, воображая, что он таким образом завоевал сердца всех, Карл пожелал, чтобы люди были созваны вместе, чтобы все общество могло узнать о его доброй воле по отношению к ним. Синдики и викарий епископа, поняв, что настал роковой час, отклонили его требование. Они не были сильны, но страх охватил их в тот торжественный момент, когда они увидели Женеву, подвешенную над пропастью. Грюэ, викарий, пробормотал несколько оправданий: 'Никто не придет на совет,' - сказал он, 'кроме черни и головорезов'. Это было именно то, чего хотел герцог. Будучи уже хозяином Женевы и заявляя, что подчиняет все своей абсолютной воле, он не позволил Грюэ закончить свою речь: "Мой совет рекомендует народу собраться завтра, в воскресенье, в

восемь часов утра в монастыре Сен-Пьер, - сказал он. - Я прошу вас собраться завтра, в воскресенье, в восемь часов утра. Опубликуйте это при звуке трубы, и пусть главы семей будут проинформированы, разослав сообщения от двери к двери'. Затем, повернувшись к викарию, он добавил: 'Вы будете присутствовать вместе со всем епископальным советом'. Он сообщил им, что посетит ассамблею по пути на мессу, а затем выразит им свое удовольствие, чтобы совет мог подготовить свой ответ во время службы, и он получит его на обратном пути. Сторонники герцога перебегали с улицы на улицу и из дома в дом, чтобы собрать все свои силы на собрании, созванном от имени принца, подданные которого жили в Шамбери и Турине.³⁸⁴ Либералы, которых все еще было много в Женеве, почти всегда держались в стороне: они не считали совет, собранный герцогом, легитимным.

На следующий день, в воскресенье, 10 декабря, большой колокол собора созвал горожан, люди, имена которых по большей части неизвестны, собрались на совет. Самой важной частью этого *народного* собрания был не народ, а герцог, который появился между девятью и десятью часами в сопровождении епископа Морьенского, епископального совета, канцлера Савойи и его камергеров, оруженосцев, офицеров и многих джентльменов из его штатов; впереди и позади шли савойские лучники. С угрожающим видом размахивая своими алебардами и горя нетерпением подчинить это стадо лавочников своему принцу, эти наемники придавали собранию вид скорее поля битвы, чем совета. Ничего подобного в городе еще никто не видел. Решив в тот день завоевать Женеву, Карл гордо взошел на место, отведенное для государя; его придворные выстроились справа и слева, а его солдаты образовали круг вокруг собрания, в то время как над их головами сверкали широко заостренные клювы на конце длинных древков, словно для устрашения горожан. Герцог, возлежащий на троне, покрытом богатым гобеленом, приказал своему канцлеру объяснить свои суверенные намерения. Последний, низко поклонившись, прочел: 'Около трех месяцев назад, когда герцог готовился пересечь горы по итальянским делам, он узнал, что некие мятежные люди, бежавшие в страну Лиги, сеют раздор между ним и епископом, между Женевой и швейцарцами.... После чего его высочество, который всегда был мягким принцем по отношению к этому городу, видя, что ему угрожает ужасное бедствие, пренебрег своими собственными интересами, поспешил к вам и не пожалел ни денег, ни усилий, чтобы восстановить мир между вами. В обмен на столь многие блага этот великодушный принц просит только об одном ... чтобы вы признали его своим верховным защитником.' Очевидно, что защита была всего лишь завесой, скрывающей господство и деспотизм; соответственно, немногие присутствующие там честные граждане были подавлены и молчаливы. Необходимо было спешить, так как герцог хотел предотвратить всякое противодействие. Прочитав бумагу, канцлер выступил вперед и крикнул так громко, как только мог, так как голос его был слаб: 'Готовы ли вы жить в послушании вашему епископу и принцу и под защитой милорда герцога?' ... Теперь этот вопрос следовало поставить на голосование, но нетерпеливые мамлюки поддержали его одобрительными возгласами, выкрикивая изо всех сил: 'Да, да!' Канцлер продолжил: 'Мой господин, видя великую любовь, которую испытывает к нему этот город, отменяет все понесенные им наказания, снимает все секвестры, переводит все штрафы, которые составляют двадцать две тысячи крон, и прощает всех мятежников - за исключением тех, кто бежал в Швейцарию'. Таковы обычно амнистии тиранов; за исключением тех, кого следовало бы включить, и тех, кто в этом не нуждается. 'Спасибо, спасибо!' - ответили мамлюки. 'Поскольку моего канцлера, возможно, не расслышали отчетливо, - сказал Чарльз синдику Монтиону, - будьте любезны повторить то, что он сказал от моего имени'. После этого его Высочество вместе со своим канцлером, придворными, джентльменами и алебардщиками

покинул собрание и отправился на мессу. Это было похоже на триумфальное шествие. Что же касается тех, кто остался позади, то если и были продажные граждане, осмелившиеся поднять голову, то были и другие, чья беспокойная совесть заставила их опуститься.³⁸⁵

Как только женевцы остались одни, Монтион, фанатичный сторонник Савойи, сел на скамейку и не без смущения повторил обращение канцлера. Поскольку алебардщики ушли, согласие больше не было единодушным. В Женеве все еще оставалось много честных людей, которые цеплялись за древние институты государства и с ужасом смотрели на савойскую узурпацию. Некоторые в тот самый момент, когда свобода их страны была вот-вот брошена в пропасть, были охвачены последней любовью к ней. 'Адрес полон коварства', - сказали они. Многие, однако, согласились на "защиту", но добавили: "сохранение власти князя-епископа и свобод города", что аннулировало голосование.³⁸⁶

Таким был *Совет Алебардщиков*. Это дало Женеве герцога Савойского в качестве ее *защитника* и обязало граждан *повиноваться* этому принцу. Вторгающийся, могущественный, способный двор, подобный двору в Турине, мог бы легко превратить подобную уступку в наследственный суверенитет. Но курс на насилие и хитрость вызывает сопротивление благородных умов. Вслед за действием деспотизма должна была начаться реакция свободы; лук, слишком сильно натянутый герцогом, должен был сломаться в его руке.

Действительно, на следующий день Чарльз, который уже считал себя принцем города, желая начать свою новую карьеру, обратился к городу с просьбой передать ему юрисдикцию в уголовных делах, в чем ему было отказано. И это была не единственная проверка; фискальный прокурор, по приказу его Высочества посланный из дома в дом собирать голоса против союза со швейцарцами, многие наотрез отказались их подавать. В этот момент герцог выглядел так, словно был ошеломлен. У него на уме были дела, которые беспокоили его; они вызывали недоверие и тревогу. Собравшиеся люди только что принесли ему клятву повиновения ... и на его первые две просьбы (такие законные, какими он их считал) они ответили "Нет"! Приведя пример своей крайней жестокости, Чарльз привел другой пример своей крайней слабости. Он думал, что Женева раздавлена; но Женева, даже когда она была раздавлена, встревожила его. Он надавил ногой на ее шею, но почувствовал, что труп шевелится под ним. Даже мамелюков он начал считать упрямыми республиканцами, втайне защищающими свою независимость. У него закружилась голова, сердце отказало. Следует помнить, что существенной чертой его характера было все начинать и ничего не доводить до конца. Этот союз насилия и безумия, примером которого служили несколько римских императоров, был обнаружен и у Карла. В этот момент он одержал важную победу, и как раз в тот момент, когда ему было необходимо остаться на поле боя, чтобы воспользоваться ею, он повернулся спиной и опрометчиво бежал в Пьемонт. Утверждалось, что Беатриче призвала его. 'Венера победила Палладу', - говорит Бонивар. Приор Святого Виктора всегда склонен к сарказму. Но если (насколько это возможно) Карла III побудило желание присоединиться к герцогине, упустить из своих рук город Женеву, которого савойский дом жаждал веками, - это доказательство того, что если он был достаточно жесток, чтобы завладеть им, то был слишком слаб, чтобы удержать его. Как бы то ни было, 12 декабря 1525 года герцог покинул город, и с того дня ни он, ни его преемники больше в него не входили. Если бы Карл остался и последовал совету своих министров, он, вероятно, установил бы свою власть и связал Женеву с Римом. Триумф савойской державы на берегу озера Леман имел бы серьезные последствия. Но победа, которую он собирался одержать — и которую он даже одержал ... был потерян из-за своего трусливого дезертирства, и потерян навсегда.³⁸⁷

Так не думали синдик Монтион и пятьдесят самых раболепных мамлюков. Гордясь решением Совета алебардщиков, они решили довести его до сведения швейцарцев. Всадник, которому было поручено передать послание, отбыл и по прибытии во Фрибург передал письма отправителю. 'Беглецы обманывают вас, - говорили писатели. - вся община желает жить под защитой нашего самого грозного повелителя герцога Савойского'. Это обвинение оживило всю энергию гугенотов. Мамлюки обвинили их во лжи.... С того часа они не боялись ни темницы, ни меча. Заключите их в башню Цезаря, в замок Бонн или еще куда-нибудь - это не имеет значения: они готовы подвергнуть себя насилию врага. 'Назначьте комиссара, ' говорили некоторые из них. ' пусть он поедет с нами в Женеву, и он скажет вам, кто из двоих солгал, мы или мамлюки.' Джон Луллин и двое или трое его друзей отбыли без охранной грамоты в сопровождении Де Сержина, фрибургского нотариуса, решившего доказать, что Женева желает быть свободной. Неожиданная весть о прибытии Луллина распространилась по городу; множество горожан немедленно столпились вокруг смелого и неосмотрительного гугенота, с нежностью смотрели на него и с тревогой спрашивали о новостях об изгнанниках. Отцы, братья, сыновья, друзья пришли в сильном волнении, чтобы услышать весть о тех, кого они любили больше всего на свете. 'Увы! - сказал Луллин. - Как я могу рассказать об их страданиях и печали?' ... Он описал их как изгнанников, угнетенных страхом за свою страну, презираемых одними, подвергающихся жестокому обращению со стороны других, обездоленных, "низведенных до навозной кучи Иова", вынужденных, чтобы прокормить свои семьи, получать милостыню от таких незнакомцев, которые сострадали их несчастью. Но тут великодушный гугенот, чье израненное сердце разрывалось от слез и было полно горечи, не смог больше сдерживаться: 'Это вы, — воскликнул он, - это вы увеличиваете наше горе - да, вы!' Он возмущенно жаловался, что женевцы, оставшиеся в Женеве, отреклись от тех, кто покинул ее, чтобы спасти ее независимость, и выставили их лжецами. Он спросил их, как получилось, что, когда иностранный принц бежал за Альпы, Женева не вернула себе свободу, которую он у нее отнял. 'Значит, таким образом граждане защищают древние права, унаследованные от своих отцов? Эти трогательные слова, присутствие того, кто их произнес, и двух или трех беглецов рядом с ним, вид их бедности, их горя, их патриотизма и героического мужества взволновали горожан. Савойские агенты Баллисон, Саленев и их солдаты оставались в городе без всякой цели: Женева пробудилась ото сна. 'Фрибург желает знать истинное состояние этого города?' - спросили несколько патриотов Сержину. 'Тогда пойдемте с нами на совет — пойдемте и убедитесь сами'. Самые энергичные люди все еще были в Швейцарии; но постепенно все в Женеве, кто любил свободу, были замечены, что они избавились от молчания, в которое были погружены. Они поощряли друг друга к впечатляющей демонстрации. Вскоре состоялось оправдание *иностранцев*, и оно было проведено со всей торжественностью, на которую был способен простой народ.³⁸⁸

ГЛАВА XXVI.

НАРОД И ЕПИСКОП ЗАЩИЩАЮТ БЕГЛЕЦОВ.

(С декабря 1525 по февраль 1526 г.)

22 декабря, через десять дней после отъезда Шарля, толпы горожан со всех сторон хлынули к отель-де-виль. Синдикам и совету, которые тогда заседали, сообщили, что определенные лица желают быть допущенными; двери открылись, и просители вошли. Во главе их шел Джон Бандьер, мужчина лет шестидесяти, чей сын Ами (синдик в год Реформации) был среди беглецов. Этот почтенный человек продвигался вперед, окруженный детьми своего сына и

других изгнанников.³⁸⁹ С ним пришли несколько граждан, которые, хотя и оставались на заднем плане во время недавних событий, все же могли с полным правом появиться в первых рядах. Там был любезный Ами Порраль, впоследствии синдик, ревностно принявший евангелическую веру; Пьер де Жуайе, двоюродный брат того Де Жуая, которого епископ Иоанн желал предать смерти; отважный Робер Вандель, синдик 1529 года, его брат Питер, Септ, Де Шапоруж, Фальке, Лект, Делапалуд, Мальбуиссон, Фавр, Луллен, Дени Хьюз, сын достопочтенного Безансона: короче говоря, говорится в документе того времени, около 100 горожан, цвет общества. Женева. Эти люди желали не только свидетельствовать в пользу людей, несправедливо обвиненных; но, заметив, что те, кому были доверены бразды правления государством, дремлют, что колесница съезжает с дороги и вот-вот свалится в канаву, они сочли своим долгом наставить возниц на путь истинный. Бандьер, с мокрым от слез лицом (говорится в рукописи), заговорил первым: 'Достопочтенные лорды, - сказал он, - вы видите этих детей; разве вы не знаете их отцов? Разве эти бедные малыши уже не сироты, хотя их отцы еще живы?'³⁹⁰ — "Да", — воскликнули члены совета. - "Эти граждане, - продолжал Бандьер, - которые, защищая свободы Женевы, были вынуждены, несмотря на тысячи опасностей, искать убежища вон в той Германии,³⁹¹ — разве они не хорошие люди?' ... 'Так и есть', - последовал ответ. "Разве они не граждане этого города — хорошие люди, чьи отцы, сыновья и связи стоят перед вами?" — Прозвучало радостное признание.

Имея, таким образом, свидетельство совета в пользу беженцев — свидетельство, которое депутат Фрибурга записал, — достопочтенный Бандьер продолжил: "Эти беженцы, которых вы признаете хорошими людьми, удивлены, что вы отреклись от них в письмах, направленных в Лигу. По этой причине мы, присутствующие здесь, смело заявляем, что одобряем их как в их словах, так и в их поступках и считаем их верными и преданными гражданами. В то же время, достопочтенные лорды, мы протестуем против любого посягательства иностранной державы на права нашего принца и свободы города.

Таким образом, дремлющая Женева, которую Карл считал умершей, сбросила с себя узы, которыми этот принц связал ее, и, отвергнув герцога одной рукой, другой призвала беглецов обратно. Бандьер представил свое заявление в письменном виде и потребовал письма-свидетельства. Синдик Монтион, в большом смущении, сказал, что необходимо подумать, прежде чем отвечать. 'В чем необходимость?' — воскликнул энергичный Роберт Вендель. "Здесь не принято давать свидетельские показания", - последовал ответ. Гугенот, удивленный таким отказом от простой расписки, потерял терпение и, повернувшись к Де Сержину, потребовал, чтобы тот сам составил акт.

Синдики и члены совета еще не обратили внимания на этого человека. 'Не предполагая, что у них в доме такой гость, - говорит Бонивар, - они посмотрели на него с удивлением'. Их изумление возросло, когда они увидели, что фрибургец встал и сказал, обращаясь ко всему собранию: 'Господа, признаете ли вы тех, кто находится в стране гельветов, людьми, достойными всякой чести; и одобряете ли вы все, что может быть сделано ими для благополучия этого прославленного города?' Синдики и советники, удивленные этим необычным вопросом, хранили молчание; но все остальные присутствующие граждане, голосуя, как на общем совете, ответили 'Да!' Де Сержин, призвав совет засвидетельствовать полное одобрение, оказанное беглецам, удалился, сопровождаемый сотней граждан, гордых тем, что голос народа был услышан в самом сердце поработанного сената.³⁹²

Де Сержин, не желая терять ни минуты, без церемоний уселся на ступеньках ратуши, как, возможно, делали в простых республиках древности, и приготовился составить письма-свидетельства, которые от него требовались. Вокруг него стояло определенное количество патриотов; другие ходили по городу, рассказывая о том, что только что произошло. Люди повсюду радовались; они направлялись к ратуше, помня, что Бог никогда не оставляет народ, который не оставляет самого себя. Каждую минуту прибывали новые граждане, и странное собрание, собравшееся вокруг нотариуса, увеличивалось, и каждому вновь прибывшему не терпелось поставить свое имя в конце декларации. Все говорили и спорили одновременно; одни плакали, другие смеялись; они чувствовали, что над городом повеяло новым дыханием и что его древние свободы вновь обретают свою жизненную силу. Все голоса объединились, вознося хвалу беглецам. 'Да, конечно, они лучше нас,' сказала толпа, - потому что они отказались от всего, чтобы сохранить наши свободы'. Давно в Женеве не было такого энтузиазма и радости; и напрашивались сравнения между этим благородным собранием, где каждый называл свое имя, рискуя жизнью, и мрачным Советом Алебарщиков, проводившимся в присутствии герцога: на одной стороне помпезность и тирания, на другой - простота и свобода. Покинутые епископом, под угрозой герцога, под наблюдением графа Женевского, окруженные вооруженными солдатами Салнева и Баллизона, всегда склонными к актам насилия, граждане сменяли друг друга с полудня до пяти часов, чтобы подписать документ, который должен был закрепить их союз со Швейцарией и торжество их свобод.

Однако мамлюки, желая остановить движение, которое угрожало лишить герцога всех его недавних преимуществ, прибегли к тайным приемам. Подкрадываясь к кому-нибудь из знакомых патриотов, которых они видели приближающимися, они говорили: 'Берегитесь! когда герцог вернется со своей армией, он наложит руку на эти свидетельства, он сосчитает имена, он отметит крестом наиболее виновных и отправит их воссоединиться с тенями Бертелье и Леврье. Герцог, по правде говоря, припас для мести; но горожане не обратили на это внимания и ответили на этот маневр, назвав свои имена с еще большим энтузиазмом. Приближение праздников Рождества и Нового года вынудило многих оставаться в своих магазинах, и таким образом они не смогли подписать контракт; чтобы внести предложения против этого, люди ходили от дома к дому, спрашивая, кто проголосует за союз со Швейцарией. В Женеве не нашлось и сотни человек, которые отказались. Протест в отель-де-Виль решил судьбу города. Многие из первых подписчиков были в числе тех, кто принял Евангелие с наибольшей радостью. За зарей эмансипации, которая тогда начинала проявляться, должен был последовать полный свет Реформации. Но прежде чем наступит этот славный день, через какую борьбу, какие войны, через какие опасности Женеве еще предстоит пройти!³⁹³

Вскоре движение усилилось, распространившись от ратуши по всем улицам города; и к благородному протесту знатных граждан добавились ликования молодежи и народа. Наступили праздники Рождества и Нового года. 'Женевские дети' в масках или с почерневшими лицами прошли парадом по улицам под бой барабана, распевая и выкрикивая на весь город: 'Да здравствуют гугеноты!' В течение этого времени граждане часто проводили митинги как днем, так и ночью, на которых они смело призывали к возвращению патриотов, хотя и видели опасности, которые их будут сопровождать. Некоторые из независимых тайком посетили Швейцарию, чтобы сообщить обо всем, что произошло, и с триумфом вернуть беглецов.

Савойская партия, которая все еще держала власть в своих руках, была твердо намерена не отдавать ее. Епископальный совет заседал всю ночь. Синдики, викарий и, в частности, видаме,

теряли голову. Чтобы помешать успеху движения, они предприняли бесполезные и противоречивые шаги, рассчитанные скорее на то, чтобы усилить раздражение в умах людей: у них ничего не получалось. 'Представьте, как они удивлены', - писал Хьюзу достойный Порраль. 'Они сойдут с ума, дай Бог. Видаме все время дома из-за подагры; да хранит его там Господы!' Они запретили лодочникам переправлять кого-либо по воде ночью.... Они боятся, что Бог воздаст им по заслугам.' Фискальная прокуратура выдала судебные приказы против всех, кто подписал протест. "Если вы не ответите так, как мне заблагорассудится, — сказал он им, - я заставлю вас говорить". - "На самом деле, - сказал Поррал, который уже чувствовал потребность в иной свободе, кроме политической, - на самом деле, я думаю, что после того, как они вынудили нас отречься от наших родителей, соседей и друзей, они заставят нас отречься от самого Бога".

И все же, если партия Савойи казалась "больной", партия свободы была все еще очень слаба. Обе части общины одновременно повернулись к епископу. 'Его авторитет под вопросом, ' говорили некоторые патриоты. ' он встанет на нашу сторону против Савойи. Давайте призовем его'. — "Епископ не может встать на сторону мятежников, ' заявили епископальный совет и мамлюки. - давайте ускорим его возвращение'. Поскольку прелат все еще находился за Альпами, обе стороны написали ему, каждая от своего имени: "Возвращайтесь поскорее; без вас мы ничего не сможем сделать".[394](#)

Это смутило Пьера де ла Боме. С одной стороны, он цеплялся за свое княжество и в определенные моменты мог бы противостоять герцогу; но с другой стороны, он чувствовал себя неспособным противостоять этому принцу и поэтому постоянно колебался между долгом и страхом. Он отправился в Женеву, не зная, что будет там делать.

В четверг, 1 февраля 1526 года, сто шестьдесят верховых горожан выехали из города, чтобы встретить прелата: 'Да ведь они все гугеноты', - сказал Биолли, ярый мамлюк и секретарь совета, когда они проезжали мимо. Однако было кое-что еще. По обе стороны от епископа ехали Саленев и Баллисон, оба преданные слуги герцога, и Чарльз, не доверяя Ла Бому, ожидал, что он будет повиноваться им, как если бы они были его опекунами. Прелат не любил ни его высочество, ни граждан Женевы, "но только для того, чтобы набить свой кошелек, чтобы потом опустошить его, играя *gaudeamus*", - говорит современник. Однако оба камергера держались так близко к нему, что он не мог ни с кем свободно разговаривать. Он вел себя с ними вежливо и казался их очень покорным слугой; но как только он подъехал к Арвскому мосту, где заканчивалась Савойя и начиналась территория Женевы, епископ прищепил коня и поехал впереди своих "стражей" в знак того, что он господин и повелитель. Затем, заняв свое правильное положение, он с этого момента обязал их говорить с ним открыто.[395](#)

Однако савойская знать была полна решимости не упустить свою добычу. На следующий день (2 февраля), после обеда, когда двое опекунов удерживали епископа 'за игорным столом', ему шепнули, что он нужен Роберту Венделю. Вандель, один из женевских либералов, пользовался полным его доверием, и епископ очень хотел его видеть; но Саленев и Баллисон продолжали свою игру, и Пьер де ла Бом не знал, что делать, чтобы ускользнуть от них. Не в силах больше терпеть, он встал, сославшись на какой-то вполне естественный предлог, и поспешил в маленькую комнату в задней части дома, где находился Вандель. 'Ну, Роберт, ' довольно резко сказал прелат, - мне сказали, что ты сделал в городе заявление, противоречащее моим полномочиям'. — 'Тебя обманули', - ответил Вандель, который зачитал ему протест ратуши. 'Ну-

ну, - сказал прелат, ' в этом нет большого вреда'. Затем Вандель объяснил ему, что если Женева будет повиноваться двояко: герцогу и епископу, как постановил Совет Алебардщиков, то первое, несомненно, поглотит второе. Пьер де ла Бом в этом не сомневался. — Кое-кто, ' сказал он, понизив голос, ' очень рад моему приходу, но потом он будет раздосадован.... Я не потеряю ни пяди своей юрисдикции, даже если потрачу все свое имущество на ее защиту. Однако я не вступлю в союз со швейцарцами; это я обещал герцогу. ' Вандель объяснил ему, что женевцы стремились к этому союзу только для защиты епископского суверенитета от узурпации Савойи; а затем, зная алчность прелата, проницательно добавил: 'Когда союз со швейцарцами будет заключен, мы выступим против приспешников герцога, мы конфискуем их имущество и, милорд... это не причинит тебе вреда'. — 'Что ты хочешь сказать, Роберт?' Вандель объяснил смысл своих слов более подробно. Такие выражения заставили епископа обернуться. — "Правда", - ответил он. ' Что ж, более подробно мы поговорим об этом в другой раз, а пока прощайте. Обращенный прелат вернулся к своим двум хранителям.³⁹⁶

Епископ, привлеченный Ванделем, много размышлял ночью, а на следующий день пожелал встретиться с синдиками и советом, которые сильно раздражали его своими уступками герцогу. ' Расскажите мне, как у вас шли дела после моего отъезда, ' мягко попросил он, а затем резко продолжил: ' Вы попросили меня присоединиться к вашему обращению к Риму, а затем отказались от него без моего согласия.... Это плохо; вы должны были выполнять свой долг без страха, какое бы зло вам ни причинили.... Я не откажусь от призыва; я бы предпочел созвать народ.... Бог и весь мир будут довольны мной'. Ла Бом видел герцога в Пьемонте. 'Его высочество, ' сказал он, поворачиваясь к своему епископальному совету, - сказал мне, что он намеревается получить суверенитет над Женевой, и попросил у меня день, чтобы прийти к взаимопониманию по этому поводу; но я немедленно ответил, что, хотя Пьер де ла Бом является его смиренным подданным, его Высочеству нечего делать в моем городе.... Я полон решимости отстаивать права моей церкви и свободы моего города — до самой смерти.' Затем, снова обращаясь к синдикам: "Что касается тех, кто уехал в Швейцарию, - сказал он, - я считаю их честными людьми и, спасая союз, одобряю все, что они могут сделать".

Внезапно епископ спросил себя, что бы он сказал герцогу, если бы ему сообщили о подобных высказываниях.... Пораженный собственной смелостью, он смутился, заколебался и, тихо обращаясь к первому синдику, сказал: "Я бы хотел, чтобы вы поступили так, как они поступают в Венеции. Ваш совет не является тайным; так и должно быть. Поймите ясно, что я принимаю партию города; но привилегии, которыми я обладаю в штате его Высочества, вынуждают меня делать это тайно.... Если при каких-либо обстоятельствах я покажусь вам противником ваших интересов, помните, что это только внешне.' В то же время епископ написал беглецам и сообщил о своем намерении оплатить все расходы, которых требовала независимость города; но добавил: 'Если я напишу вам обратное, не обращайтесь на это внимания; я сделаю это только из страха перед герцогом, а не для того, чтобы рассердить его'. Духом его политики был обман. Таким был последний епископ Женевы.³⁹⁷

Вот-вот должно было состояться ежегодное выдвижение членов синдиката, и в городе царил большое волнение. Обе партии рассчитывали на эти выборы: мамлюки утвердили герцога в Женеве, а гугеноты изгнали его. Великие патриоты были в изгнании; победа герцогам казалась обеспеченной. И все же даже самые робкие из гугенотов набрались храбрости и поклялись избрать 'честных людей, которые обеспечат свободу города'. Генеральный совет, собравшийся 4 февраля 1526 года, мамелюкский синдик Монтион предложил восемь кандидатов, из которых,

согласно порядку, установленному герцогом, они должны избрать четырех синдиков. Затем встал Роберт Вендель: "Граждане уполномочили меня, - сказал он Монтиону, - сообщить вам, что на них (*бригидари*) не будут надеты намордники". Затем, повернувшись к людям, он спросил: 'Разве это неправда?' Все ответили: 'Да, да!' многие одновременно выкрикнули: "Жан Филипп". Филипп не только не был одним из восьми, но и был одним из изгнанников. "Мы сделаем Жана Филиппа синдиком, - повторили гугеноты, - и таким образом покажем, что он и другие в Швейцарии - хорошие граждане'. Если Безансон Хьюз не был популярным выбором, то, вероятно, потому, что люди все еще были сердиты на этого благородного изгнанника за его отказ в предыдущем году.

В этот момент появился прокуратор епископа-фискал Мандалла. Мужество Ла Бома не было героическим; он трепетал при мысли о чисто гугенотских выборах и желал, чтобы умеренный список — наполовину раболепный, наполовину либеральный — был принят. От его имени Мандалла предложил четырех кандидатов, среди которых был предатель Картелье. 'Это успокоит все чувства гнева', - сказал прокуратор. Это был неумный маневр, поскольку имени Картелье было достаточно, чтобы дискредитировать остальных.

Голосование началось. Каждый подошел к секретарю и отдал свой голос. Самая энергичная из двух партий подсчитала полученные голоса. Фискальный прокурор с тревогой наблюдал за выборами. Вскоре, раздосадованный и удрученный, он прибежал и сказал епископу, что народ не принял во внимание его послание.... Пьер де ла Бом был напуган. Ревностный фискал снова побежал к избирательному участку: 'Мой господин заклинает вас, ' сказал он, - по крайней мере, не избирать Жана Филиппа, учитывая, что его нет в городе'. — "Мы не сделаем выбора, который был бы неприятен епископу", - вежливо ответили они и в то же время продолжали отдавать свои голоса изгнаннику. Жители Женевы были полны решимости ярким образом показать, что они порывают с Савойей, объединяются со Швейцарией и смело вступают на путь свободы. Епископ, еще более встревоженный, обнаружив, что его прокуратор ничего не добился, послал своего викария протестовать от его имени против столь опасных выборов. "Это будет сделано так, как пожелает наш принц", - учтиво сказали они; а затем 'без шума и ропота были избраны четыре гугенота. Сир Жан Филипп (как говорили в городе) получил больше голосов, чем кто-либо другой.' Граждане заботились о епископе не больше, чем о герцоге, когда речь шла о восстановлении их свобод. Народ никогда не был так сплочен; оппозиция насчитала всего одиннадцать человек, и после выборов все заявили, что они встали на сторону большинства. Они говорили друг другу, что свободный и мужественный народ, если Бог придет к нему на помощь, никогда не погибнет.

Во дворце епископа царило замешательство. Некоторые говорили, что как только герцогу будет оказано сопротивление, революция выйдет за рамки дозволенного... эти выборы должны быть аннулированы. Епископ распорядился провести завтра еще один генеральный совет, и, рассчитывая на свое личное влияние, он явился на него в сопровождении своих советников и должностных лиц; но народ остался глух и подтвердил избрание Филиппа; только они назначили его шурина (Д. Франк) занять его место на время его отсутствия. Не удовлетворившись этим, народ отменил все законы, противоречащие женевским свободам, принятые под страхом Карла Савойского. Епископ, встревоженный этими республиканскими действиями, воскликнул: 'Неужели никто не желает поддерживать эти постановления?' Никто не ответил. Все рухнуло, и древняя конституция была восстановлена. Изменив законы, они приступили к изменению личностей. У них не было бы сторонников Савойи, чтобы сохранить свободы Женевы.

Советники-гугеноты были избраны вместо мамлюков. Восстановление женевских свобод было осуществлено так быстро, что фракция герцога не могла поверить своим глазам. "Наши *пивовары* никогда еще не были так поражены", - говорили гугеноты. (*Пивоварами* были люди, которые *варили* или замыслили государственную измену.) В герцогской свите были люди, которые меняли свое мнение с переменой ветра; теперь было видно, как они подходили к патриотам и пожимали им руки.... 'Смотрите,' сказали гугеноты, 'как хорошо они притворяются добрыми товарищами!'... Тогда все истинные друзья своей страны воскликнули: 'Восславим Бога! *Laus Deo!*'³⁹⁸

Так восторжествовала свобода. Женевцы восстановили свои привилегии, прогнали мамлюков, отвергли жестокий протекторат Карла III, стремились к союзу со Швейцарией; и после всего этого они воздали Богу славу.³⁹⁹

Поскольку дело Савойи было проиграно, епископ, так долго колебавшийся, сделал вид, что встал на сторону свободных и смелых. Он послал Пьера Бертоло передать эту важную новость Жану Филиппу и всем тем изгнанникам, которых он так боялся. Последние не теряли времени даром; они попытались просветить швейцарцев, и Хьюз постоянно доказывал и повторял, что Женева не подчинена герцогу. В это время прибыл Бертоло. 'Ордонансы Савойи отменены, - сказал он беженцам. - патриоты повсюду заменяют сервилей, и один из вас избран синдиком — Жан Филипп!' Они с трудом могли поверить в эту новость. Что! один из этих несчастных беглецов, из этих *нищенствующих* (как называли их враги), возведенный жителями Женевы во главу государства!... Какое опровержение герцогской клеветы! Но 'иностранцы' не забыли о себе в радости, которую вызвало у них это сообщение. Взяв с собой Бертоло, они отправились в бернский совет и сообщили о неожиданных сведениях, доставленных гонцом. 'До сих пор,' сказал уволившийся, 'я приглашал одного только Безансона Хьюга, как вашего начальника, сесть рядом со мной; теперь, месье Жан Филипп, займите свое место над Безансоном, как синдик Женевы'. Североатлантический союз больше не будет сталкиваться с препятствиями. "Мы принимаем вас как свободных людей, - продолжал избегатель, - не обращая внимания на этих ворчунов и их угрозы, которые в наши дни длятся недолго".⁴⁰⁰

Жители Женевы были готовы восстать, если можно так выразиться, из могилы. Они действовали решительно, энергично, с непоколебимой твердостью. Они желали иметь своими магистратами только людей, способных поддерживать их законы и независимость, и смело вычеркнули из кодекса республики все постановления, противоречащие женевским свободам. Соответственно, "выдающийся человек", живший в начале семнадцатого века, воскликнул, изучив эти факты: "Эта история изумительна и напоминает мне трактат из "*Филетов*" Платона, касающийся морального блага, заключенного в трех идеях: *реальности*, *Пропорции* и *Истины*. Она полна особых примет мудрого и милосердного провидения Божьего, который вплоть до настоящего часа вел этот *корабль своих чудес* через бесконечные мели. Чем тщательнее мы созерцаем человеческие поступки, тем глубже кажутся Божьи замыслы".⁴⁰¹ То, что мы сейчас увидим, по-видимому, подтверждает эти слова.

ГЛАВА XXVII.

ЖЕНЕВА И СОЮЗ ШВЕЙЦАРЦЕВ. ЕПИСКОП, ГЕРЦОГИ И КАНОНИКИ СБЕГАЮТ. РАДОСТЬ НАРОДА.

(Февраль-август 1526 г.)

Затем был сделан шаг, без которого Реформация никогда бы не утвердилась в Женеве. Утром 20 февраля представители Берна, Фрибурга и Женевы приняли решение торжественно заключить союз между тремя городами, по которому народ вздыхал столько лет. Они встретились, протянули друг другу руки, привязанность и доверие были в каждой черте лица. 'Во имя пресвятой и высочайшей Троицы, - заявили три свободных государства, - во имя Бога Отца, Сына и Святого Духа мы взаимно обещаем взаимную дружбу и общение, чтобы мы могли сохранить то добро, которое Бог дал нам в справедливости, покое и истинном мире.... И если впоследствии кто-то или многие пожелают посягнуть на синдики, советы или свободных людей города Женевы, посягнув на их личность, честь, имущество или имение, мы, избегатели, советы и свободные люди городов Берна и Фрибурга — в силу нашей клятвы, данной нами - обязаны оказать указанному городу благосклонность, помощь и подкрепление и вывести наши армии... однако за их счет.⁴⁰² Когда необходимые формальности были выполнены: 'Джентльмены, - сказал Жан Филипп, ' мы отправляемся и сами доставим эту добрую весть в нашу страну'. Советы Берна и Фрибурга распорядились, чтобы число депутатов от каждого кантона равнялось числу беглецов, сопровождавших их, с полномочиями заключить союз в Женеве. Все изгнанники уехали в один и тот же день; но как отличалось их возвращение от того головокружительного бегства, которое не так давно привело их во Фрибург! "Они ушли, но не в страхе, как пришли, а по большой дороге через Плати-де-Во, где все старались оказать им почести; ибо, - говорит Бонивар, - они все еще чувствовали запах жареного мяса из Мората".

23 февраля весть о скором прибытии изгнанников и делегатов кантонов распространилась по Женеве; гражданин сообщил об этом гражданину, радость была велика, и были приняты меры к их приему. Синдики верхом на лошадях, с дубинками в руках, сопровождаемые всеми, у кого были лошади, выехали им навстречу, и люди собрались у швейцарских ворот, чтобы встретить их. Орудийный салют возвестил об их приближении. Они шли по трое в ряд: в середине был женевский беглец, справа и слева от него - депутаты Берна и Фрибурга: этот порядок, продолжавшийся по всей линии, яснее, чем все остальные, свидетельствовал о тесном союзе трех городов. Женева, союзная Швейцарии, могла бы сохранить свою независимость; Женева была спасена. В ее народе произошло обращение. До сих пор они поворачивали на юг; теперь они повернули на север: они начали забывать о Риме и мельком видеть Виттемберг. В нациях происходят определенные движения, которые меняют их судьбы. Горожане не могли отвести глаз от этих несчастных людей, которым с таким трудом удалось спастись от савойских лучников и которые, как ни странно, возвращались, держа за руки Берн и Фрибург. Они уехали, все еще склонные апеллировать к Риму; но, наслушавшись в Швейцарии разговоров о Реформации, они должны были первыми приветствовать Фареля и Евангелие в Женеве.... Родственники и друзья сжимали в объятиях этих беглецов, которых, как они думали, они больше никогда не увидят. 'Их роскошно принимали в отель-де-Виль. *Была прочитана мораль по поводу упомянутого союза, и на площади Молар был зажжен костер*'.⁴⁰³ Был создан Совет двухсот.

Этот важный совет собрался, но вместо двухсот граждан собрались триста двадцать. Это заседание должно было стать праздником; все пожелали присутствовать. Было известно, что Хьюз выступит с речью: уважение, которое они испытывали к великому гражданину и его товарищам по несчастью, приключения, о которых ему пришлось рассказать, смешанные (как сообщалось) со странными фактами, возбудили интерес и любопытство. Хьюз поднялся, чтобы заговорить; воцарилось глубокое молчание: "Вы знаете, господа, - начал он, - что пять или шесть месяцев назад, в день Святого Креста (15 сентября 1525 года), мы в большой спешке покинули это место разными дорогами; не общаясь друг с другом, не зная, куда идти, чтобы спастись от гнева самого прославленного герцога, монсеньора Савойского. Друзья предупредили нас, что по требованию определенных лиц в этом городе принц решил схватить нас и предать позорной смерти за то, что мы сопротивлялись нововведениям, противоречащим нашим свободам. Ах, господа, это была не детская забава, поверьте мне. Лучники и агенты милорда Савойского преследовали нас до Сен-Клода, от Сен-Клода до Безансона и дальше.... Нам приходилось путешествовать день и ночь по лесу, сквозь ветер и дождь, не зная, куда идти в поисках безопасности.... Наконец мы решили, что у нас есть друзья во Фрибурге, и отправились туда.

Горожане, приковав свои взоры к Хьюзу, не упустили ни слова из его рассказа и добавленных им деталей. Казалось, они сопровождали его по этим лесам и горам, среди оврагов и снегов; им казалось, что они слышат позади себя топот преследующих их вооруженных людей.... Что их поразило, так это не только эпический элемент в бегстве и возвращении этих свободных людей, о которых древняя Греция, несомненно, создала бы один из прекраснейших мифов в своей истории; особое значение имели для них эти деяния. В те священные дни Женева и ее судьбы повернулись вокруг своей оси; ее ворота открылись на стороне света и свободы; бегство, проживание в Берне и Фрибурге и возвращение Хьюза и его спутников - одна из самых важных страниц в летописи города.

Хьюз продолжил: он рассказал им, что Фрибург и Берн не видели другого способа обеспечить свои свободы, кроме как принять их в свой союз.... 'Вот письма, должным образом запечатанные их большими печатями', - сказал благородный оратор, протягивая пергамент. 'Они написаны по-немецки, но я расскажу вам их суть, статью за статьей, ни в чем не обманывая вас — клянусь жизнью. Он прочитал акт о заключении союза и добавил: 'Господа, я и мои товарищи, присутствующие здесь, клянусь вам нашими жизнями и имуществом, что упомянутое гражданство является таковым. Подумайте, господа, ратифицируете ли вы и примете ли это". Ассамблея засвидетельствовала свое одобрение с благодарностью Богу и постановила созвать генеральный совет на следующий день.[404](#)

Католическая партия и партия герцогов были возбуждены. Швейцарский союз, огромное новшество, поставил под угрозу все завоевания, которых они с таким трудом добились в Женеве на протяжении стольких поколений. Епископ, полный беспокойства, посоветовался с канониками и некоторыми другими, на кого, по его мнению, он мог положиться. Все говорили ему, что если Берн добьется своего в Женеве, то там больше не будет ни епископа, ни принца. Тогда за работу! Все силы феодализма и папство сговорились против союза, который сначала дал Женеве свободу, а затем и Евангелие. Сначала они хотели помешать заседанию генерального совета. Было принято вызывать его звонком в большой колокол; теперь у каноника Лутри был ключ от башни, где висел этот колокол. Вечером преподобный отец, сопровождаемый несколькими вооруженными людьми, шаг за шагом поднялся по узкой

лестнице, ведущей на колокольню, и разместил там солдат гарнизона. "Вы здесь, - сказал он, - чтобы защищать колокол и не отдавать его"; затем он спустился вниз, дважды запер дверь и унес ключ. Утром дверь оказалась запертой, и Лутри отказался ее открывать. 'Каноники,' говорили в городе, 'противятся собранию народа'. Раздраженные горожане сбежались вместе. "После чего в церкви Сен-Пьер поднялся такой шум и переполох, что Де Лютри был вынужден открыть дверь и отказаться от звонка".⁴⁰⁵

Все было кончено; они все еще были полны решимости дать последнюю битву, даже зная наверняка, что потерпят поражение. Генеральный совет собрался; епископ отправился туда лично в сопровождении своих епископальных последователей в надежде, что его присутствие сможет запугать гугенотов. 'Я глава, пастор и принц общины', - сказал он. "Это касается моих дел, и я хотел бы знать, что будет представлено вам". — "Милорд присутствовать не в обычае, - сказал Хьюз. - Горожане не решают здесь ничего, кроме политических вопросов,⁴⁰⁶ которые касаются их целиком. Его присутствие, однако, всегда приятно для нас, при условии, что из этого не следует делать никаких выводов, наносящих ущерб нашим свободам. Вслед за этим Хьюз предложил союз. Затем встал Стивен де ла Мар. В 1519 году он блистал в первых рядах патриотов; но, будучи ревностным католиком, с тех пор он поставил свободу на второе место, а Церковь - на первое. Именно он выступил против этого предложения. 'Для нас достаточно жить под защитой Бога, святого Петра и епископа.... Я выступаю против этого союза'. Де ла Мар не мог продолжать, настолько велико было замешательство, вспыхнувшее в собрании; возмущение было всеобщим, однако порядок и тишина наконец были восстановлены, и договор был зачитан. 'Вы ратифицируете этот союз?' - спросил первый синдик Г. Бержерон. 'Да, да!' - кричали со всех сторон. Синдик продолжил: 'Пусть те, кто одобряет это, поднимут руки!' Был целый лес рук, каждый человек поднимал обе сразу. 'Мы желаем этого, мы одобряем это', - снова закричали они. 'Те, кто придерживается противоположного мнения?' - добавил синдик. В знак протеста поднялось всего шесть рук. Пьер де ла Бом со своего епископского трона с тревогой взирал на это зрелище. До последнего он рассчитывал на успех. Выбрав Де ла Мара, старого лидера патриотов, и поставив его во главе движения против союза со швейцарцами, он воображал, что ему удалось добиться замечательной комбинации; но его надежды были обмануты. Встревоженный и раздраженный, видя, к чему приведет это голосование, и полный решимости сохранить свое княжество любой ценой, князь-епископ воскликнул: 'Я не даю согласия на этот союз; я взываю к нашему святому отцу папе римскому и к его величеству императору'. Но напрасно женевский епископ, накануне потери своих штатов, взывал к самым страшным державам - никто не обратил никакого внимания на его протест. Радость сияла на всех лицах, и слова 'папа, император' потонули в восторженных криках 'Швейцарцы... швейцарцы и свобода!' Безансон Хьюз, который, хотя и был на стороне независимости, был привязан к епископу, оказывал на него все свое влияние. "Тогда очень хорошо, — сказал разносторонне развитый прелат, - если ваши права позволяют вам заключить союз без вашего принца, сделайте это". - "Я принимаю к сведению это заявление", - сказал Хьюз; а затем добавил: "Не раз граждане заключали такие союзы без своего принца — с Венецией, Кельном и другими городами'. В Реестре упоминается, что после этого принц ушел довольный. Мы скорее сомневаемся в этом; но как бы то ни было, епископ своим присутствием помог санкционировать меру, которую он всем сердцем хотел предотвратить.⁴⁰⁷

Что утешило Пьера де ла Бома, так это вид Безансона Хьюза во главе движения. Этот великий гражданин заверил епископа, что союз со Швейцарией не противоречит его власти; и он сделал это с совершенной честностью.⁴⁰⁸ Хьюз был просто консерватором. Он желал союза со

Швейцарией, чтобы сохранить Женеву в ее нынешнем положении. Он желал сохранить прелата не только как епископа, но и как принца: вся его оппозиция была направлена на узурпацию Савойи. Но в Женеве уже были умы, желавшие большего. Некоторые горожане, в которых начинали проявляться новые устремления нового времени, говорили, что муниципальные свободы города постоянно ограничивались и часто подавлялись княжеской властью епископа. Разве не было замечено, что он одобрял жестокие убийства, совершенные савойской властью в Женеве? 'Свободы народа и светская власть епископа не могут существовать вместе; та или иная из двух сил должна уступить', - говорили они. История последующих эпох слишком ясно показала разумность этих страхов. Везде, где епископ оставался королем, он попирали ногами свободы народа. Там мы не находим ни представительного правительства, ни свободы печати, ни религиозной свободы. В глазах князя-епископа эти великие блага современного общества являются чудовищами, которых следует немедленно задушить. Некоторые женеvцы понимали грозившую им опасность и, желая сохранить свободы, которые они получили от своих предков, не видели иного средства, кроме как лишить служителей религии мирской власти, в которой Иисус Христос заранее отказал им. Некоторые — но тогда их было очень мало — пошли дальше и начали задаваться вопросом, не противоречит ли авторитет епископа в религиозных вопросах заповедям Евангелия, которое не признает никакого другого авторитета, кроме авторитета слова Божьего; и может ли когда-либо существовать свобода в государстве, пока в Церкви есть деспот. Таковы были важные вопросы, которые начали обсуждаться в Женеве более трехсот лет назад: нынешнему времени, похоже, суждено разрешить их.

Несмотря на верноподданнические заверения Безансона Хьюза, епископ был встревожен. Сидя рядом с либерти, он чувствовал себя не в своей тарелке, и ужас, охвативший ряды духовенства, не мог не коснуться и его. Если епископ Женевы будет лишен своего княжества, кто может сказать, не лишат ли люди в один прекрасный день папу римского его королевской власти? Тревога каноников, священников и друзей папства продолжала возрастать. Разве они не знали, что Реформация с каждым днем набирает силу во многих конфедеративных штатах? Фрибург, действительно, все еще был католиком, но Цюрих уже не был таковым, и все говорило о том, что Берн скоро отделится. Великий свет должен был прийти из другой страны, из страны, говорившей на женеvском языке; но Женева тогда получала из Швейцарии первые отблески, которые предшествуют наступлению дня. Некоторые женеvцы уже начали довольно открыто заявлять о своих новых религиозных тенденциях; Роберт Вендель, друг епископа, открыто защищал Реформацию. "Сир Роберт не очень хорош для Фрибурга, - говорили некоторые, - но он хорош для Берна, *очень хорош!*" что означало, что он предпочитал Священное Писание папе римскому. Священники сказали, что если Женева будет присоединена к Швейцарии, привилегиям духовенства придет конец; что простые христиане начнут заниматься религией; и что в Женеве, как и в Базеле, Шаффхаузене и Берне, миряне будут говорить о вере Церкви. Теперь не было ничего, чего духовенство боялось бы больше. Служители римской религии, вместо того чтобы исследовать Священные Писания, находить в них доктрины, способные удовлетворить потребности человека, и распространять их с помощью мягкого убеждения, были заняты совсем другими делами и не позволяли никому, кроме них самих, думать даже о Библии и ее содержании. Никогда еще призвание не было превращено в более тщательную фикцию. О них было сказано: *Они забрали ключ к знанию; они не входят внутрь себя, и тем, кто входил, они препятствовали.*

Эти идеи укреплялись с каждым днем, и приверженность священников своим старым обычаям была более упрямой, чем когда-либо. Избежать вспышки было трудно, но следует отметить, что

она была спровоцирована канонами. Эти богатые и могущественные священнослужители, которые были полны решимости противостоять союзу всеми своими силами и, при необходимости, защищать свои клерикальные привилегии мечами и аркебузами, собрали некоторое количество оружия в доме Де Лютри, самом фанатичном из их числа, чтобы использовать его 'против города'. В ночь на 26 февраля эти почтенные сеньоры, а также главные мамлюки один за другим прокрались в этот дом и устроили совещание. По городу распространился слух, и горожане рассказывали друг другу, 'что г-н де Лютри и г-н де Возье тайно собрали несколько человек, чтобы поднять бунт'. Патриоты, быстрые и решительные по характеру, были полны решимости не дать мамлюкам ни малейшего шанса восстановить свою власть. 'Народ поднялся с оружием в руках', дом был окружен; казалось бы, некоторые из главарей герцогской свиты вышли, и шпаги были скрещены. 'Несколько человек были ранены', - говорит хронист. Однако "под звуки трубы по городу было провозглашено", и порядок был восстановлен.⁴⁰⁹

Таким образом, заговор каноников провалился, и члены феодальной и папской партии считали, что все потеряно. Им казалось, что они видят безвозвратный рок, яростно ведущий их к гибели. Главные сторонники старого порядка вещей, поглощенные заботой о своей поставленной под угрозу безопасности, думали только о том, как бы сбежать, подобно ночным птицам, до первых лучей дня. Они замаскировались и незаметно выскользнули, кто через одни ворота, кто через другие. Это была почти всеобщая паника. Порывистый Лутри сбежал первым вместе с одним из своих коллег; следующим настал черед принца-епископа. Жестоко упрекнутый графом Женева за то, что он не предотвратил заключение союза, Пьер де ла Бом встревожился как из-за гугенотов, так и из-за герцога и бежал в Сен-Клод. Агенты его Савойского высочества трепетали в своих замках; видам поспешил уехать с одной стороны, а тюремщик замка Иль, получивший прозвище *султан*, сделал то же самое с другой.

Больше всего перепугались священнослужители и мамелюки, присутствовавшие на собрании у каноника де Лютри. Они позаботились о том, чтобы не останавливаться после того, как была поднята тревога, и когда по звуку трубы был отдан приказ каждому удалиться в свой собственный дом, они поспешили скрыться переодетыми, дрожащими и потерявшими надежду. На следующее утро городская стража, сопровождаемая сержантами, силой ворвалась в дом Де Лютри и схватила оружие, которое было тщательно спрятано; но они нашли гнездо пустым, потому что все птицы улетели. 'Если бы они не сбежали, ' сказал синдик Балард, ' им грозила бы смертельная опасность'. Каноники, которые не обратились в бегство, послали двоих из своих в отель-де-виль, чтобы сказать синдикам: 'Вы обеспечите нам безопасность в городе? если нет, дадите ли вы нам охранную грамоту, чтобы мы могли покинуть его? Они думали только о том, чтобы последовать за своими коллегами.

Полет 26 февраля был аналогичен полету 15 сентября. В сентябре "Нью таймс" исчезла в Женеве всего на несколько недель; в феврале "старые времена" уходили навсегда. Женевцы обрадовались, увидев, что эти пиявки исчезли, которые так долго высасывали из них кровь, вплоть до самого мозга костей. "Священники и савояры, - говорили они, - подобны волкам, изгнанным из лесов голодом: им нечего взять, и они вынуждены искать добычу в другом месте'. Ничто не могло быть более благоприятным для швейцарского союза и свободы, чем это всеобщее бегство. Сторонники герцога и епископа эвакуировали город, сенат и народ остались хозяевами. Благодарные граждане приписали всю славу Богу и воскликнули: 'Суверенитет

теперь в руках совета, без вмешательства ни магистратов, ни народа. *Все было сделано по милости Божьей.*'⁴¹⁰

В то самое время, когда люди феодализма покидали Женеvu, прибыли сторонники свободы, и произошел великий переход. 11 марта восемь швейцарских послов вошли в город в окружении многочисленной толпы и под артиллерийский салют: это были посланники из кантонов, прибывшие принять присягу в Женеве и дать свою взамен. На следующий день эти свободные люди, сыновья победителей Карла Смелого, все пылающие желанием защитить Женеву от нападений Карла Доброго, предстали перед генеральным советом. Во главе их стоял Себастьян де Дизбах, энергичный человек, набожный католик, великий военачальник и искусный дипломат. 'Великолепные лорды и очень дорогие собратья-свободные люди, - сказал он, - Фрибург и Берн уведомляют вас, что они готовы жить и умереть вместе с вами.... Клянетесь ли вы соблюдать заключенный союз?' — 'Да', - воскликнули все женеvцы без единого несогласного голоса. Затем швейцарские послы встали и подняли руки к небу, чтобы принести клятву. Все с волнением смотрели на этих восьмерых гельветов высокого роста и воинственной выправки, представителей энергичного населения, чья военная слава в то время превосходила славу всех других народов. Когда благородный Себастьян произнес клятву союза, его спутники тоже подняли руки и громко повторили его слова. Горожане восторженно воскликнули: 'Мы желаем этого, мы желаем этого!' Затем кто-то с глубоким волнением сказал: 'Эти люди родились в счастливый час, они создали такой хороший бизнес'. Восемь депутатов Женевы, среди которых были Франсис Фавр и Г. Хьюз, брат Безансонца, отправились в Берн и Фрибург, чтобы принести такую же присягу от имени своих сограждан.⁴¹¹

Люди прежних времен не были обескуражены: если они были разбиты под Женевой, разве не могли они победить под Фрибургом и Берном? Неутомимые в своих усилиях, они решили запустить все двигатели, чтобы добиться успеха. Стефан де ла Мар, три других заместителя герцога, Майкл Нергаз и сорок два мамлюка отправились в Швейцарию, чтобы разорвать союз. Но Фрибург и Берн ответили: 'Ни за что на свете мы не отступим от того, в чем поклялись'. Рука Божья была очевидна, и, соответственно, когда Хьюз услышал об этом ответе, он воскликнул: 'Сам Бог управляет нашими делами'.

Тогда Женева была опьянена радостью. На следующий день после принесения присяги в генеральном совете народное ликование разразилось по всему городу. В общественных местах зажигались костры; было много танцев, маскарадов и криков; по улицам разносились патриотические и сатирические песни; царили прилив счастья и свободы. "Когда людей так долго держали на привязи, - сказал Бонивар, - как только их отпускают, они склонны пускаться в опасные авантюры".⁴¹²

Пока люди радовались по-своему, мудрецы совета решили выразить свою благодарность Богу другим способом. Советы объявили всеобщее помилование. Затем были провозглашены снисходительность и согласие, и все обязались жить в гармонии. Они пошли дальше: они хотели исправить несправедливость старого режима. "Бонивар, — говорили некоторые, — был несправедливо лишен своего приората Святого Виктора из—за своего патриотизма". - "Что вы хотите, чтобы мы сделали?" - отвечали они. - "Папа передал бенефицию другому". - "Я бы не считал серьезным вопросом совести неповиновение папе", - лукаво заметил Бонивар. - "А что касается нас, - сказали синдики, - то мы не очень заботимся о нем". В последующие годы магистраты Женевы привели самые ощутимые доказательства этого заявления; ибо в конце

концов они пришли к выводу, что это не так. на данный момент они ограничились тем, что поселили бывшего приора в доме, который у него отнял папа. Еще предстояло произвести другое, более важное возмещение ущерба.

В этот торжественный час, когда дело свободы торжествовало, среди радостных криков всего народа со вздохами и даже со слезами были произнесены два имени: 'Бертелье! Левье!' воскликнул благороднейший из горожан. 'Мы достигли цели, но это они проложили дорогу своей кровью. Народ, получивший гражданские права, не должен быть неблагодарным своим освободителям. По странному совпадению годовщина смерти Бертелье еще острее оживила память об этом катастрофическом событии. 23 августа сотня горожан предстала перед советом: 'Семь лет назад, в этот самый день, - сказали они, - Филибер Бертелье был обезглавлен за дело республики; мы молимся, чтобы его память была почтена и чтобы в связи с этим торжественная процессия прошла под звон колоколов от церкви Сен-Пьер до церкви Пресвятой Богородицы, где похоронена голова героя'. Это было небезопасно: церковь Пресвятой Богородицы находилась на границе с Савойей, и солдаты его Высочества легко могли сорвать церемонию. Совет предпочел организовать торжественную службу в память о Бертелье, Левье и других, погибших за республику. Женевцы, признавая великие благословения, которыми обогатила их рука Божья, желали исправить все ошибки, уважать всякое самопожертвование и твердым шагом идти по путям справедливости и свободы. Именно такими жертвами они намеревались отпраздновать свое освобождение.⁴¹³

Женева не была одинока в своих устремлениях к современности. Несомненно, в шестнадцатом веке это был великий пример свободы; но движение, стремящееся к новому, ощущалось всеми теми народами, которых Библия сравнивает с беспокойным морем: прилив поднимался по всей поверхности. В первой половине шестнадцатого века Европа пробуждалась; любовь к древним наукам просветляла умы, и яркие лучи христианской истины, так долго сдерживаемые, начинали пробиваться сквозь облака. Мир, до тех пор неизвестный, открывался перед изумленными глазами человека, и все, казалось, возвещало о цивилизации, независимости и жизни, еще неизвестных человечеству. Разум Европы пробудился и, двигаясь вперед, занял свое место в свете, ненасытный к жизни, знаниям и свободе.

Главный вопрос состоял в том, будет ли новый мир, который, казалось, возник из бездны, покоиться на прочном фундаменте. Не раз уже пробужденное общество появлялось, чтобы разорвать свои оковы, сбросить свой саван и поднять камень с гробницы. Так происходило в девятом, одиннадцатом и двенадцатом веках, когда самые выдающиеся умы начали задаваться вопросом о причине вещей;⁴¹⁴ но каждый раз, когда человечеству требовалась необходимая сила, новое рождение не завершалось, гробница снова закрывалась над ним, и оно снова погружалось в тяжелый сон.

Будет ли сейчас то же самое? Будет ли это пробуждение шестнадцатого века также похоже на ночные часы?

Определенные люди, избранные Богом, должны были придать этому новому движению силу, в которой оно нуждалось. Давайте обратимся к той стране, откуда Женева приняла бы этих героев, крещенных Святым Духом и огнем.

Сцена нашей истории вот-вот изменится. "Выдающийся человек", которого мы уже цитировали, сказал, говоря о Женеве: "На этой сцене выступают актеры, которые не говорят так громко, как

великие короли и императоры на просторном театре своих государств; но какое значение имеет то, как одет оратор, если он говорит то, что должен?"⁴¹⁵ Мы на время покидаем эту скромную трибуну. Нам больше не придется говорить о маленькой стране, величайшие герои которой - безвестные граждане. Мы вступаем в могущественную империю, где будем находиться в обществе королей и королев, великих личностей и знаменитых придворных. Однако различия между двумя театрами не так велики, как можно было бы ожидать. В такой обширной стране, как Франция, где историки обычно не описывают ничего, кроме великого потока, образованного многочисленными политическими комбинациями, есть несколько родников, на первый взгляд незамеченных, но они постепенно расширяются, и их воды однажды окажут большее влияние на судьбы мира, чем разливы этой могучей реки. Один из этих источников появился в Этапле, недалеко от берегов Ла-Манша; другой - в Гэпе в Дофини; и другие в других местах. Но самое важное, то, что должно было объединить их всех и распространить новую жизнь даже на самые отдаленные страны, произошло в Нуайоне, древнем и некогда знаменитом городе Пикардии. Именно Франция дала Лефевру и Фарелю — Франция тоже дала Кальвина. Этот французский народ, который (как говорят некоторые) не интересовался ничем, кроме войны и дипломатии; эта родина философии, часто скептической, а иногда недоверчивой и насмешливой; эта нация, которая провозгласила и до сих пор провозглашает себя старшей дочерью Рима, дала миру Реформацию Кальвина и Женевы — великую Реформацию, в которой сила самых влиятельных наций и которая простирается даже до краев света. У Франции нет более благородного титула: мы не забываем об этом. Возможно, она не всегда будет пренебрегать им, и, обогатив других, она обогатится сама. Это будет великая эпоха для ее будущего развития, когда ее самые дорогие дети испытают из тех живых источников, которые вырвались из ее груди в шестнадцатом веке, или, скорее, из того вечного источника Слова Божьего, воды которого предназначены для исцеления народов.

КНИГА II. ФРАНЦИЯ. БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА I. ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА И КОРОЛЕВА. (1525-1526)

Реформация касалась как Бога, так и человека: ее целью было восстановить пути, по которым соединяются Бог и человек, по которым Творец снова входит в творение. Этот путь, открытый Иисусом Христом с силой, был заблокирован веками суеверий. Реформация расчистила дорогу и вновь открыла дверь.

Мы охотно признаем, что средние века не игнорировали чудесное дело искупления: тогда истина была скорее прикрыта завесой, чем уничтожена, и если вырвать вредные сорняки, которыми постепенно зарастало поле, первобытная почва обнажится. Уберите поклонение Деве Марии, святым и воинству Божьему; уберите похвальные, магические и сверхзадачные деяния, а также другие заблуждения, и мы придем к простой вере в Отца, Сына и Святого Духа. Это не одно и то же, когда мы подходим к тому, каким образом Бог снова входит в человека. Римский католицизм сбился с пути в этом отношении; в его пастве было несколько мистиков, которые притворялись, что следуют этим таинственным путем; но их горячее воображение ввело их в

заблуждение, в то время как на место этого внутреннего богослужения римские врачи заменили некоторые церковные формальности, выполняемые механически. Единственным средством восстановить этот царский путь было вернуться к апостольским временам и искать его в Евангелии. Необходимы три действия, чтобы снова соединить человека с Богом. Религия проникает в человека через глубины его совести; оттуда она поднимается на высоту его познания и, наконец, пронизывает деятельность всей его жизни.

Совесть человека была опалена не только грехом, присущим нашей природе, но и индульгенциями и умерщвлениями плоти, навязанными Церковью. Это требовало оживления верой в искупительную кровь Христа.

Традиция, схоластика, папская непогрешимость, смешение их запутанных вопросов и многочисленных суеверий с естественной темнотой сердца - понимание человека было полностью затемнено. Это должно было быть освещено факелом Божьего слова.

Общество священников, осуществляющих абсолютную власть, поработило христианский мир. Это теократическое и клерикальное общество необходимо было заменить живым обществом детей Божьих.

С Лютера началось пробуждение человеческой совести. В ужасе от греха, который он обнаружил в себе, он не нашел другого средства обрести покой, кроме веры в благодать Иисуса Христа. Эта отправная точка немецкого реформатора была также отправной точкой любой Реформации.

Цвингле в особой степени принадлежит работа разума. Первым желанием швейцарского реформатора было познать Бога. Он исследовал *ложное и истинное, причину веры*. Сформировавшийся в результате изучения греческих классиков, он обладал даром понимать и толковать Священное Писание, и как только он прибыл в Цюрих, он начал свою карьеру реформатора с объяснения Нового Завета.

Кальвин довел до совершенства третье произведение, необходимое для Реформации. Его отличительной чертой является не преподавание доктрин, которым он дал свое имя, как это представляет себе мир; его великая идея состояла в том, чтобы объединить всех верующих в одно тело, ведущее одинаковую жизнь и действующее под руководством одного и того же Вождя. Реформа, по сути, была, в его глазах, обновлением личности, человеческого разума, христианского мира. Римской церкви, могущественной как правительство, но в остальном поработанной и мертвой, он хотел противопоставить возрожденную Церковь, члены которой через веру обрели свободу детей Божьих и которая должна быть не только столпом истины, но и принципом морального очищения для всего человечества. Он задумал смелый план формирования для современности общества, в котором личная свобода и равенство его членов должны сочетаться с приверженностью непреложной истине, потому что она исходит от Бога, и святому и строгому, но свободно принимаемому закону. Энергичное стремление к нравственному совершенству было одним из приемов, начертанных на его стандарте. Он не только задумал великую идею, на которую мы указали; он реализовал ее. Он придал движение и жизнь тому просвещенному и освященному обществу, которое было объектом его благородных желаний. И теперь, где бы ни были основаны церкви на двоякой основе истины и морали — даже если они являются антиподами, — мы можем утверждать, что возвышенная идея Кальвина расширяется и осуществляется.

Из самой природы этого общества вытекало, что демократический элемент будет внедрен в страны, где оно было создано. Самим актом дарования истины и морали членам этого тела он дал им свободу. Все были призваны искать свет в Библии; все должны были немедленно получать наставления от Бога, а не только от священников; все были призваны передавать другим найденную ими истину. "Каждый из вас, - сказал Кальвин, - посвящен Христу, чтобы вы могли быть связаны с ним в его царстве и быть причастниками его священства".⁴¹⁶ Как можно было считать граждан этой духовной республики иначе, чем достойными участвовать в ее управлении? Пятнадцатая глава Деяний показывает нам, что *братья* объединились с апостолами и старейшинами в делах Церкви, и именно такой порядок Кальвин хотел восстановить. Мы уже указывали на некоторые причины, в силу которых конституционная свобода была введена в лоно наций, принявших Женевскую реформу. К этому следует добавить только что упомянутую причину.

Разобщенных друг от друга трех великих принципов Лютера, Цвингля и Кальвина было бы недостаточно. Вера, если бы в ее основе не лежало знание Слова Божьего, легко выродилась бы в мистический энтузиазм. Абстрактный авторитет Священного Писания, отделенный от живой веры, привел бы к мертвой ортодоксии; а общественный принцип, лишенный этих двух основ, преуспел бы лишь в возведении в воздухе одного из тех искусственных сооружений, которые рушатся, едва будучи построенными.

Бог, дав в шестнадцатом веке человека, который к живой вере Лютера и пониманию Священного Писания Цвингле присоединил организаторские способности и творческий ум, дал законченного реформатора. Если Лютер заложил фундамент, если Цвингле и другие построили стены, то Кальвин достроил храм Божий.

Нам придется увидеть, как этот врач пришел к познанию истины; нам придется изучать его труды и его борьбу до того момента, когда, навсегда покинув страну, почва которой дрожала у него под ногами и грозила поглотить его, он отправился водружать на невысоком альпийском холме знамя, вокруг которого он размышлял о сплочении разрозненных членов церкви Иисуса Христа. Но сначала мы должны посмотреть, в каком состоянии находилась Франция в то время, когда реформатор был приведен к Евангелию.

История Реформации во Франции до прихода Кальвина в Женеву делится на две части: первая включает благоприятные времена, вторая - неблагоприятные. Мы признаем, что благоприятные времена иногда были обратными, а неблагоприятные времена часто были благоприятными; и все же мы считаем, что, вообще говоря, это различие может быть оправдано. Эта тема часто затрагивалась; нам, однако, придется описать некоторые фазы французской реформации, которые не всегда были изложены теми, кто писал ее историю.

Два человека, мужчина и женщина, чье социальное положение и характер представляют самые разительные контрасты, с особым рвением трудились над распространением Евангелия во Франции в эпоху Реформации.

Первой появляется женщина. Она самая красивая и умная, остроумнейшая, любезнейшая и влиятельнейшая и, за исключением своей дочери, величайшая в своем возрасте. Сестра, мать королей, сама королева, бабушка монарха, которого Франция (правая или неправая) превозносила больше всего, а именно Генриха IV. Она много жила в большом свете, на больших церемониях, с великими персонами, среди великолепия Лувра, Сен-Жермена и Фонтенбло. Эта

женщина - Маргарита Ангулемская, герцогиня Алансонская, королева Наварры и сестра Франциска I.

Мужчина, который появляется следующим (он был моложе ее на семнадцать лет), контрастирует со всем этим великолепием низостью своего происхождения. Он человек из народа, пикардиец; его дед был бондарем в Понт-л'Эвеке; его отец был секретарем епископа, а в дни своего наибольшего влияния в мире он отдал своего брата Энтони в ученики переплетчику. Простой, бережливый, бедный, с характером "довольно угрюмым и застенчивым"⁴¹⁷— такова скромная завеса, скрывающая величие его гения и силу его воли. Этот человек - Кэлвин.

Этот мужчина и эта женщина, столь противоположные по своему положению в мире, похожи друг на друга в своих основных чертах. Они оба верят в великие истины Евангелия; они любят Иисуса Христа; у них одинаковое рвение к неустанному распространению столь дорогих им истин; у них одинаковое сострадание к несчастным, и особенно к жертвам религиозных преследований. Но в то время как мужчина иногда превозносит свою мужскую силу, женщина действительно принадлежит к слабому полу. Она действительно обладает моральной добродетелью, которая противостоит соблазнам века; она сохраняет чистоту среди развращенного двора; но у нее есть также и та слабость, которая располагает к излишней снисходительности и позволяет некоторым особенностям современного общества увлечь себя. Мы видим, как она пишет рассказы, происхождение которых можно объяснить и даже оправдать, поскольку их целью было разоблачение безнравственности священников и монахов, но, тем не менее, они являются прискорбной данью духу ее эпохи. В то время как Кальвин противопоставляет папству *чело более твердое, чем адамант*, Маргарита, даже в дни своего величайшего рвения, старается не порывать с Римом. Наконец она уступает, по крайней мере внешне, суверенным приказам своего брата, непрекращающейся враждебности двора, духовенства и парламента, и, хотя лелеет в своем сердце веру в Спасителя, который искупил ее, скрывает эту веру под покровом римской набожности; в то время как Кальвин проповедует Евангелие в противовес мировым силам, говоря: 'Какова война, таково и оружие. Если наша война духовна, мы должны быть вооружены духовными доспехами'.⁴¹⁸ Маргарита, несомненно, говорит то же самое; но она сестра короля, приглашена на его совет, привыкла к дипломатии, пользуется уважением иностранных государей; она надеется, что союз с евангелическими правителями Германии может ускорить реформацию Франции. Наконец, в то время как Кальвин превыше всего желает *истины* в Церкви, Маргарет цепляется за сохранение ее *единства*, таким образом, становится благородным представителем системы, которую все еще восхваляют некоторые протестанты —*реформировать Церковь, не разрушая ее*: надуманная система, которую невозможно реализовать. И все же эта прославленная дама, несмотря на свои ошибки, сыграла большую роль в истории Реформации: ее уважали самые благочестивые реформаторы. Беспристрастный историк должен бросить вызов враждебным предрассудкам и отвести ей то место, которое ей подобает.

Давайте рассмотрим французскую реформацию в тот момент, когда после больших, но изолированных приготовлений она начинает занимать определенное место в делах нации.⁴¹⁹

Поражение при Павии погрузило Францию в траур. Не было дома, где бы они не оплакивали сына, мужа или отца; и все королевство было погружено в печаль, увидев своего короля в плену. Последствий этой великой катастрофы не пришлось долго ждать. 'Боги наказывают нас:

давайте обрушимся на христиан", - говорили римляне первых веков; дух преследования Рима проснулся во Франции. "Наша нежность к лютеранам навлекла на нас месть небес", - говорили ревностные католики, которым пришла в голову идея умилостивить небеса гекатомбами.

Великое известие о Павии, опечалившее всю Францию, было встречено в Испании с восторгом. В то время, когда разыгрывалась битва, молодой император находился в Кастилии, с тревогой ожидая новостей из Италии. 10 марта 1525 года он обсуждал в одном из залов мадридского дворца преимущества Франциска I. и критическое положение императорской армии.⁴²⁰ 'Мы победим, - писал ему Пескара, - или погибнем'. В этот момент у ворот дворца появился курьер из Ломбардии: его немедленно представили. 'Сир, ' сказал он, преклоняя колени перед императором посреди его двора, ' французская армия уничтожена, и король Франции в руках вашего величества'. Чарльз, пораженный неожиданным известием, стоял бледный и неподвижный; казалось, кровь застыла у него в жилах. Несколько мгновений он не произносил ни слова, и все вокруг, взволнованные, как и он сам, молча смотрели на него. Наконец честолюбивый принц медленно произнес, словно разговаривая сам с собой: 'Король Франции - мой пленник.... Я выиграл битву'. Затем, не сказав никому ни слова, он вошел в свою спальню и упал на колени перед образом Пресвятой Богородицы, которой возблагодарил за победу. Он размышлял перед этим изображением о великих подвигах, к которым, как он теперь считал, был призван. Стать хозяином Европы, повсюду восстановить пошатнувшийся католицизм, взять Константинополь и даже вернуть Иерусалим — такова была задача, которую Карл молил Пресвятую Деву дать ему возможность выполнить. Если бы эти амбициозные проекты были реализованы, возрождение образования было бы поставлено под угрозу, Реформация разрушена, новые идеи искоренены, и весь мир беспомощно склонился бы под двумя мечами — сначала императора, а затем папы римского. Наконец Карл поднялся с колен; он прочитал смиренные письма короля Франции, отдал приказ о проведении процессий и посетил мессу на следующий день со всеми признаками величайшей набожности.⁴²¹

Весь христианский мир думал так же, как этот властитель: дрожь пробежала по Европе, и каждый человек сказал себе, склонив голову: 'Узрите учителя, которого предназначила нам судьба!' В Неаполе был слышен благочестивый голос, восклицавший: "Ты положил весь мир к его ногам!"

Было сказано, что если бы в наши дни король попал в плен, наследник престола или регент унаследовал бы все его права; но в шестнадцатом веке всемогущество пребывало в личности монарха, и из глубин своей темницы он мог связать свою страну самыми пагубными договорами.⁴²² Карл V. решил извлечь выгоду из такого положения вещей. Он собрал свой совет. Жестокий герцог Алва красноречиво заклинал его не отпускать своего соперника, пока он не лишит его возможности причинить ему вред. 'В ком дерзость более естественна, - сказал он, - в ком непостоянство более инстинктивно, чем во французах? Чего мы можем ожидать от короля Франции?... Непобедимый император, не упустит возможности укрепить авторитет империи не ради собственной славы, а ради служения Богу".⁴²³ Карл V. казалось, что он уступил совету герцога, но это был совет, соответствующий его собственному сердцу; и, повторяя, что христианский принц не должен торжествовать в своей победе над другим, он решил сокрушить своего соперника. Месье де Боран, вице-король Неаполя, Ланнуа и коннетабль Бурбонский, столь ненавистные Франциску I. Все трое ухаживали за королевским пленником. .

Фрэнсис переиграл роль просителя, столь нового для него персонажа. 'Вместо бесполезного пленника, - писал он Карлу, - освободите короля, который навеки станет вашим рабом'. Карл предложил ему расчленение Франции с трех сторон. Коннетабль Бурбонский должен был получить Прованс и Дофини, и эти провинции, объединенные с Бурбоннами, которыми он уже владел, должны были превратиться в независимое королевство. Король Англии должен был получить Нормандию и Гиенну, а император удовлетворился бы французской Фландрией, Пикардией и Бургундией.... Услышав эти чудовищные предложения, Франциск вскрикнул и схватил свой меч, который слуги вырвали у него из рук. Повернувшись к послам, он сказал: 'Я скорее умру в тюрьме, чем соглашусь на такие требования'. Думая, что он мог бы заключить лучшие условия с императором, он вскоре после этого сел на корабль в Генуе и отплыл в Испанию. Обрадованный Карл уступил ему Мадридский дворец и использовал все средства, чтобы заставить его принять его катастрофические условия.⁴²⁴ Кому удастся помешать пагубным замыслам императора? Эту задачу взяла на себя женщина, Маргарита Валуа.⁴²⁵ Государственные деятели ее возраста считали ее лучшим руководителем в Европе; друзья Реформации уважали ее как свою мать. Ее самым заветным желанием было заменить мертвые формы папства живым христианством, и она надеялась убедить своего брата, 'отца литературы', поработать вместе с ней над этой замечательной работой. Она желала торжества Евангелия не только во Франции, но и в Германии, Англии, Италии и даже Испании. Поскольку планы Чарльза могли разрушить все, что она любила, — короля, Францию и Евангелие, — она боялась не пойти и не сразиться со львом даже в его логове.

Герцогиня, въезжая в Испанию, почувствовала, что ее сердце глубоко взволновано. В тот самый день, когда она слышала о битве при Павии, она мужественно взвалила на свои плечи этот тяжелый крест; но временами она падала в обморок под этой ношей. Сгорая от нетерпения добраться до своего брата, сгорая от желания спасти его, опасаясь, как бы она не обнаружила его умирающим, трепеща от страха, что преследователи воспользуются ее отсутствием, чтобы сокрушить Евангелие и религиозную свободу во Франции, она не находила покоя, кроме как у ног Спасителя. Многие евангелисты плакали и молились вместе с ней; они стремились поднять ее упавшее духом мужество перед великим испытанием, которое грозило погубить ее, и принесли благородное свидетельство ее благочестия. "В христианской жизни есть разные *положения*", - сказал один из этих реформаторов, Капитон. "Теперь вы вступили на то, что обычно называют *Крестным путем*.⁴²⁶ ... Презирая человеческое богословие, вы желаете знать только Иисуса Христа, и притом распятого".⁴²⁷

Маргарита, пересекая в своих носилках (сентябрь 1525 г.) равнины Каталонии, Арагона и Кастилии, воскликнула:

Я оглядываюсь по сторонам,
Я смотрю и смотрю напрасно...
Любимый человек не приходит;
И снова на коленях
я непрестанно молюсь моему Богу
Исцелить короля — пощадить розгу.

Любимый человек не приходит ...
Слезы застилают мои веки:
Тогда этой девственной странице
Я посвящаю Свои печали: —
Таков для меня, несчастного,
Каждый день страданий.⁴²⁸

Иногда ей казалось, что она видит вдалеке гонца, спешащего из Мадрида и приносящего ей вести о брате.... Но увы! воображение обмануло ее, никто не появился. Затем она написала:

О Господь, пробудись, восстань!
И пусть твой взор в милосердии обратится
На короля — на всех нас.

Раз или два в день она останавливалась в какой-нибудь гостинице по дороге в Мадрид, но не для того, чтобы поесть. "Я ужинала только один раз с тех пор, как уехала из Эг-Морта", - сказала она.⁴²⁹ Едва войдя в эту убогую комнату, она начала писать брату, сидя за столом или на коленях. "Ничто, что могло бы послужить вам, - писала она, - ничто, даже развеяние пепла моих костей по ветру, не будет для меня странным или болезненным; скорее утешение, покой и честь".⁴³⁰

Поражение при Павии и чрезмерные требования Карла V. нанесли королю такой удар, что он серьезно заболел; поэтому император отправился в Мадрид, чтобы быть рядом с ним. В среду, 19 сентября 1525 года, Маргарет прибыла в эту столицу. Карл принял ее в окружении многочисленного двора, и, почтительно приблизившись к ней, этот политичный и флегматичный принц поцеловал ее в лоб и протянул руку. Маргарита, сопровождаемая сопровождавшими ее знатными дамами и лордами Франции, одетая в простое платье из черного бархата без каких-либо украшений, прошла между двумя рядами восхищенных придворных. Император проводил ее до дверей покоев ее брата, а затем удалился.

Маргарет бросилась туда; но увы! что она нашла? умирающий мужчина, бледный, измученный, беспомощный. Франциск был на краю могилы, и его приближенные, казалось, ждали его последнего вздоха. Герцогиня тихо приблизилась к постели, чтобы не быть услышанной больным; незаметно она устремила на него взгляд, полный нежнейшей заботы, и ее душа, укрепленная непоколебимой верой, не колебалась; она верила в исцеление своего брата, она так горячо молилась. Казалось, в глубине своего сердца она услышала ответ Бога на свои молитвы; и в то время как все вокруг принца, который был почти трупом, склонили головы в мрачном отчаянии, Маргарет с надеждой подняла свои к небесам.

Благоразумная, умелая, решительная, деятельная, как Марфа, так и Мария, она сразу же утвердилась в покоях короля и взяла на себя верховное руководство. "Если бы она не приехала, он бы умер", - сказал Брантом.⁴³¹ "Я знаю характер моего брата, - сказала она, - лучше, чем врачи". Несмотря на их сопротивление, она изменила лечение; затем она села у постели пациента и больше не отходила от него. Пока король спал, она молилась; когда он проснулся, она говорила с ним ободряющими словами. Вера сестры постепенно рассеяла уныние брата. Она говорила ему о любви Христа; она предложила ему отметить его искупительную смерть

совершением святой евхаристии. Франциск согласился. Едва он успел заговорить, как, казалось, очнулся, словно от глубокого сна; он сел в своей постели, пристально посмотрел на сестру и сказал: 'Бог исцелит мое тело и душу'. Маргарет в сильном волнении ответила: 'Да, Бог воскресит тебя снова и сделает свободной'. С этого часа к королю постепенно возвращались силы, и он часто говорил: "Если бы не она, я был бы мертв".[432](#)

Маргарет, видя, что ее брат возвращается к жизни, думала только о том, как вернуть ему свободу. Она отправилась в Толедо, где останавливался Карл V. сенешаль и сенешалесса Пуату, епископ Санлиса, архиепископ Эмбруна, президент Сельв и несколько других дворян сопровождали ее. Какое путешествие! Удастся ли ей дотронуться до тюремщика своего брата или у нее ничего не получится? Этот вопрос постоянно крутился у нее в голове. Надежда, страх, негодование охватывали ее поочередно; с каждым шагом ее волнение возрастало. Император учтиво вышел ей навстречу; он помог ей спуститься с носилок и впервые поговорил с ней в Алькасаре, этом старом и великолепном дворце мавританских королей. Карл V был полон решимости воспользоваться своей победой. Несмотря на внешние знаки вежливости, которых требовал придворный этикет, он держался с невозмутимым достоинством и был холоден, более того, почти суров. Маргарет, видя, что победитель ее брата продолжает наступать ногой на его шею и полна решимости не убирать ее, больше не могла сдерживаться. "Она пришла в сильный гнев", - говорит Брантом.[433](#) как львица, у которой отняли детенышей, полная величия и ярости, она поразила холодного и формального Шарля. Однако он сдержался, сохранил ледяное выражение лица, ничего не ответил герцогине и, занявшись оказанием ей почестей, подобающих ее сану, повел ее в сопровождении архиепископа Толедского и нескольких испанских дворян во дворец дона Диего де Мендосы, который был приготовлен для нее.

Оставшись одна в своих покоях, принцесса дала волю слезам; она написала Франциску: "Я нашла его очень холодным".[434](#) Она напомнила ему, что Царь небесный "поместил на свой трон *знамя благодати*"; что у нас нет причин опасаться, что величие небес отвергнет нас; и что он протягивает нам руку еще до того, как мы ее попросим". И, укрепившись таким образом, она приготовилась к торжественному заседанию, на котором ей предстояло защищать дело своего брата. Взволнованная, она покинула дворец, чтобы предстать перед чрезвычайным советом, на котором император и его министры заседали со всем величием и гордостью Кастилии. Маргарет не была напугана, и хотя она не заметила ни малейшего признака интереса на суровых и неподвижных лицах своих судей, "она торжествовала, говоря и умоляя". Но она вернулась, опечаленная: непоколебимая суровость императора и его советников приводила ее в смятение. "Ситуация ухудшилась, - сказала она, - гораздо больше, чем я себе представляла".[435](#)

Герцогиня Алансонская, более твердая, чем ее брат, не согласилась бы на уступку Бургундии. Император раздраженно ответил: 'Это мое родовое поместье — я все еще ношу это имя и герб'. Герцогиня, сбита с толку грубостью Карла, бросилась в объятия Бога. 'Когда люди терпят неудачу, Бог не забывает', - сказала она. Она цеплялась за скалу; "она опиралась, - говорит Эразм, - на неизменную скалу, которая называется Христом".[436](#)

Вскоре она собралась с духом, попросила еще одной аудиенции, возобновила атаку, и ее взволнованная душа с новым красноречием заговорила с императором и его министрами. Никогда ни Эскуриал, ни Алькасар не видели просителя столь пылкого и настойчивого. Она вернулась в свои покои, испытывая то печаль, то радость. 'Иногда я получаю доброе слово, '

писала она, - а потом внезапно все меняется. Я имею дело с величайшим лицемером".⁴³⁷ Эта красивая и красноречивая посланница приводила испанцев в восхищение. При дворе говорили только о сестре Франциска I. Письма, полученные во Франции и Германии из Мадрида и Толедо, превозносили ее мягкость, энергию и добродетели. Ученые Европы чувствовали, что их любовь и уважение к ней возрастают, и гордились принцессой, на которую они смотрели как на свою меценатку. Что очаровало их, так это нечто большее, чем тот пылкий дух, который в ранние годы привел Маргарет к литературе и богословию и заставил ее выучить латынь и иврит;⁴³⁸ Эразм восторженно воскликнул, когда услышал о чудесах, которые она творила в Испании: "Как мы можем не любить в Боге такую героиню, такую амазонку?"⁴³⁹ Мужество, с которым герцогиня Алансонская отправилась в Испанию спасать своего брата, заставило некоторых христиан вообразить, что она проявит такой же героизм в освобождении Церкви из ее долгого плена.

ГЛАВА II. МАРГАРЕТ СПАСАЕТ ЕВАНГЕЛИСТОВ И КОРОЛЯ. (1525-1526)

Плененный Франциск был не единственной печалью Маргарет. Если ее брат был пленником императора, то ее братья по вере были пленниками ее матери. Парижский парламент издал декрет против лютеран, а папа 17 марта наделил апостольской властью советников, уполномоченных действовать против них, и⁴⁴⁰ преследователи энергично взялись за дело. Регентша Луиза Савойская, мать Франциска I и Маргариты, обратилась в Сорбонну с запросом: "Какими средствами можно искоренить *проклятое учение* Лютера?" Фанатик Беда, синдик этой корпорации, очарованный таким требованием, ответил без колебаний со стороны Профессорско-преподавательского состава: 'Это должно быть наказано со всей строгостью'. Соответственно, Луиза опубликовала письма-патенты, "*чтобы искоренить проклятую ересь Лютера*".⁴⁴¹

Франция начала искать в преследованиях искупления за ошибки, которые привели к поражению Павии. Многие евангельские христиане были либо схвачены, либо изгнаны. Маро, камердинер герцогини Алансонской, лучший поэт своего времени, который никогда не щадил священников и переводил Псалмы Давида стихами, был арестован; Лефевру, Русселю и другим пришлось бежать; Кароли и Мазурье отреклись от веры, которую они исповедовали.⁴⁴² "Увы!" - сказал Руссель, - "Никто больше не может исповедовать Иисуса, кроме как рискуя своей жизнью".⁴⁴³— "Настал час триумфа", - с гордостью сказал⁴⁴⁴ Беда и люди из римского отряда. Еще более тяжкий удар вот-вот должен был настичь Маргарет.

Джентльмен, друг Эразма, знаток литературы и особенно Священного Писания, имевший свободный доступ ко двору герцогини и с которым эта принцесса любила беседовать о Евангелии и новых временах— Беркен был арестован по обвинению в ереси; затем освобожден в 1523 году благодаря заступничеству Маргарет и приказу короля. Покинув Париж, он отправился в свою родную провинцию Артуа. Человек честного сердца, щедрой души и неустрашимого рвения, 'в котором вы могли видеть признаки великого ума', - говорит хронист, - он достойно представлял своим характером дворянство Франции, и особенно Артуа, столь отличавшееся во все времена своей преданностью и доблестью. Довольный дарованной ему Богом свободой, Берквин поклялся посвятить ее ему и ревностно распространял в коттеджах своего поместья учение о спасении *одним Христом*.⁴⁴⁵ Древняя страна Атребатов,

удивительно плодородная в том, что касается плодов земли, была столь же плодородна и в том, что касалось семени с небес. Берквин атаковал жречество таким, каким его создал Рим. Он сказал: "Вы часто встретите эти слова в Священном Писании: *честный брак, незапятнанное ложе*, но о *безбрачии* вы не найдете ни слова". В другой раз он сказал: "Я еще не знал монастыря, который не был бы заражен ненавистью и раздорами". Подобные высказывания, повторявшиеся в трапезных и длинных галереях монастырей, наполнили монахов гневом против этого благородного друга науки. Но на этом он не остановился: "Мы должны научить паству Господню," сказал он, - молиться с пониманием, чтобы они больше не довольствовались болтовней губами, как утки клювом, не понимая, что говорят". — "Он нападает на нас", - сказали капелланы. Беркен, однако, не всегда позволял себе этот едкий юмор; он был благочестивым христианином и желал видеть святое и живое единство на смену партиям, разделявшим Римскую церковь. Он сказал: "Мы не должны слышать этих слов среди христиан; я из Сорбонны, я из лютеранства; или я серый монах, или доминиканец, или бернардит.... Не будет ли тогда преувеличением сказать: *я христианин?*... Иисус, пришедший за всеми нами, не должен быть разделен нами".⁴⁴⁶

Но этот язык вызывал еще большую ненависть. Священники и дворяне, которые были твердо привержены древним обычаям, восстали против него; они нападали на него в приходах и замках и даже приходили к нему и пытались оторвать его от новых идей, которые встревожили их. "Остановитесь!" говорили они с искренностью, в которой мы не можем сомневаться. - Остановитесь, или римской иерархии конец". Беркен улыбнулся, но сдержал свои слова; он стремился дать людям понять, что Бог любит тех, кого он призывает поверить в Иисуса Христа, и с неутомимым мужеством приложил все усилия, чтобы "рассеять божественное семя". С Завещанием в руках он бродил по окрестностям Аббевиля, берегам Соммы, городам, поместьям и полям Артуа и Пикардии, наполняя их Словом Божиим.

Эти районы находились в ведении Амьенского престола, и каждый день какой-нибудь дворянин, священник или крестьянин приходил во дворец и сообщал о какой-нибудь евангелической речи или поступке этого джентльмена-христианина. Епископ, его викарии и каноники встретились и посоветовались друг с другом. Внезапно епископ отправился в Париж, желая избавиться от евангелиста, который сеял смуту по всему северу Франции. Он посетил архиепископа и докторов Сорбонны; он описал им еретические действия этого джентльмена, раздражение священников и скандал среди верующих. Сорбонна собралась и приступила к работе: не сумев схватить Беркена, они изъяли его книги, изучили их и "наманер пауков высосали из них определенные предметы, - говорит Креспен, - чтобы приготовить яд и вызвать смерть человека, который с честностью и простотой ума пытался продвигать учение о Боге".⁴⁴⁷. - Беда особенно яростно выступал против евангелиста. Этого подозрительного и деспотичного врача, тщательного инквизитора, обладавшего замечательным талантом находить в книге все, что могло погубить человека с помощью принудительных толкований, видели днем и ночью корпящим над томами Беркена. Он прочел в них: "Деву Марию неправильно призывают вместо Святого Духа". — "Укажите против обвиняемой", — сказал Беда. — Он продолжил: "Нет оснований называть ее сокровищницей благодати, нашей надежды, нашей жизни: качествами, которые, по сути, принадлежат только нашему Спасителю". — Конфирмация! — "Одна вера оправдывает". — Смертельная ересь! — "Ни врата ада, ни сатана, ни грех ничего не могут сделать против того, кто верит в Бога". - Какая наглость!⁴⁴⁸ Беда сделал свой доклад: "По правде говоря, - сказали его коллеги, - этого достаточно, чтобы посадить на костер любого человека".

Когда решение о смерти Беркена было принято, Сорбонна обратилась в парламент, который не выдвинул никаких возражений по этому поводу. В те времена человека казнили за оскорбительный пассаж в его произведениях; это была цензура периода, только что вышедшего из варварства средневековья. Демайи, судебный исполнитель, отправился в Аббевиль, проследовал в поместье джентльмена и арестовал его именем закона. Его преданные вассалы роптали и встали бы на его защиту; но Беркен считал себя сильным в своем праве; кроме того, он помнил следующие слова Сына Божьего: *"Всякий, кто заставит тебя пройти мило, пройди с ним две"*; он умолял своих друзей отпустить его, и его отвели в тюрьму Консьержери, куда он вошел с твердым выражением лица и непреклонной головой.⁴⁴⁹

Эта печальная весть, дошедшая до герцогини Алансонской в Испании, глубоко тронула ее, и пока она спешила из Мадрида в Толедо, Алькалу и Гвадалаксару, расспрашивая всех, 'замышляя' женитьбу своего брата на сестре Карла V. И таким образом прокладывая путь к примирению двух властителей, она решила спасти своих братьев, сосланных или заключенных в тюрьму за Евангелие. Она обратилась к королю, обрушившись на него с лучшей стороны. Франциска I, по словам Брантома, называли отцом литературы. Он искал ученых людей по всей Европе и собрал прекрасную библиотеку в Фонтенбло.⁴⁵⁰ "Как? - сказала ему сестра. 'Ты основываешь колледж в Париже, предназначенный для приема просвещенных людей из других стран; и в это самое время прославленные французские ученые, Лефевр Этапльский и другие, вынуждены искать убежища за пределами королевства.... Вы хотите быть пропагандистом учености, в то время как заплесневелые лицемеры, черные, белые и серые, пытаются задушить ее у себя дома".⁴⁵¹ Маргарет не довольствовалась любовью словом и речью; она проявляла свою любовь своими делами. Мысль о бедных изголодавшихся изгнанниках, которые не знали, где приклонить голову, преследовала ее в великолепных дворцах Испании; она раздала им четыре тысячи золотых монет, говорит один из врагов Реформации.⁴⁵²

Она сделала больше: она взялась склонить своего брата к Евангелию и пыталась, по ее словам, вновь разжечь *истинный огонь* в его сердце; но увы! этот огонь там никогда не горел. Тронутый, однако, такой живой и чистой привязанностью, такой полной преданностью, которая при необходимости пошла бы даже на то, чтобы пожертвовать своей жизнью, Франциск, желая преподнести Маргарет знак своей благодарности, приказал парламенту отложить до его возвращения все судебные процессы против евангелистов. 'Я намерен,' добавил он, - выразить литераторам особые знаки моего расположения'. Эти слова сильно удивили Сорбонну и парламент, город и двор. Они посмотрели друг на друга с беспокойством; горе, по их словам, повлияло на рассудительность короля. "Соответственно, они не обратили особого внимания на его письмо, и 24 ноября 1525 года, через двенадцать дней после его получения, епископу был отдан приказ выделить деньги, необходимые для судебного преследования еретиков".⁴⁵³

У Маргарет больше не было времени сочувствовать судьбе своих друзей. Карл V, который с восхищением отзывался об этой принцессе, не без основания полагал, что она поощряла короля сопротивляться ему; поэтому он предложил взять ее в плен, как только истечет срок действия ее охранной грамоты. Похоже, что именно Монморанси, будучи предупрежден о намерении императора тайными агентами регента, передал информацию герцогине. Ее задача в Испанииказалась выполненной; теперь нужно было воздействовать на императора именно из Франции. Действительно, Франциск, испытывая отвращение к притязаниям этого принца, подписал свое отречение и передал его своей сестре. Французское правительство с этим документом в руках могло бы придать новую силу своим требованиям. Маргарита покинула

Мадрид и 19 ноября была в Алькале.⁴⁵⁴ Но, убегая, она оглядывалась назад и постоянно спрашивала себя, как ей спасти Франциска от 'чистилища Испании'. И все же срок действия охранной грамоты истекал, роковой момент наступил; альгвасилы Шарля были совсем близко. Сев верхом на лошадь в шесть утра, герцогиня совершила четырехдневное путешествие за один день и вернулась во Францию всего за час до окончания перемирия.

В Мадриде все изменилось. Карл, встревоженный отречением Франциска, смягченный приближающейся женитьбой этого монарха на его сестре, получив в итоге основную часть своих требований, согласился вернуть королю Франции свободу. Именно бургундское задержало заключение соглашения. Король был не более склонен, чем герцогиня, отделить эту важную провинцию от Франции; единственная разница между братом и сестрой заключалась в том, что религия одного считала клятвы священными, в то время как религия другой не принимала в расчет их нарушение; и это Франциск вскоре продемонстрировал. 14 января 1526 года некоторые из его придворных, офицеров и слуг собрались вокруг своего хозяина для совершения поступка, который в своей простоте они назвали священным. Король поклялся в их присутствии, что не выполнит ни одного из пунктов, которые Карл хотел ему навязать. Когда это было сделано, Франциск через час поклялся, положив руку на Священное Писание, выполнить то, что требовал Чарльз. Согласно смыслу договора, он отказался от всех притязаний на Италию; передал Бургундию императору, которому она, как было заявлено, принадлежала; восстановил Прованс, который Карл уступил коннетаблю Бурбонскому; и таким образом Франция была повержена.⁴⁵⁵ Договор был доведен до сведения папы: "Превосходно, - сказал он, прочитав его, - при условии, что король его не соблюдает". В этом пункте Климент и Франциск были полностью согласны.⁴⁵⁶

Маргарет не имела никакого отношения к этой позорной уловке; ее единственной мыслью было спасти короля и евангелистов.

ГЛАВА III. ПЕРЕЙДЕТ ЛИ РЕФОРМАЦИЯ РЕЙН? (1525-1526 гг.)

Маргарет, вернувшись из Испании с полной надеждой на освобождение своего брата, была полна решимости сделать все, что в ее силах, для торжества Евангелия. В то время как представители ультрамонтанской партии, вспоминая поражение при Павии, требовали, чтобы небеса были умиротворены преследованиями, Маргарита, напротив, считала, что униженная Франция должна обратиться к Иисусу Христу, чтобы получить от него славное избавление.

Но пошел бы Франциск по стопам своей сестры? В истории мало найдется персонажей более противоречивых, чем характер этого принца. В одно время он уступил Маргарите, в другое - Сорбонне. Он заключал в тюрьму и освобождал, он сковывал цепи и разрывал их. Все его поступки были противоречивы; все его проекты, казалось, исключали друг друга: с его светлой стороны, он был отцом литературы; с его темной стороны, врагом всякой свободы, особенно той, которую дает Евангелие; и он с легкостью переходил от одного из этих персонажей к другому. Тем не менее, влияние, которое Маргарет оказывала на него в пользу реформатов, казалось самым сильным в течение восьми или девяти лет, последовавших за его пленением; Франциск в этот период не проявлял неприязни к евангелистам, за исключением случаев, когда его раздражали определенные эксцессы. Подобно капризному и вспыльчивому скакуну, он

иногда чувствовал, как его жалит муха, когда вставал на дыбы и сбрасывал своего седока; но вскоре он успокоился и возобновил свой спокойный шаг. Соответственно, многие люди в 1525-1534 годах думали, что страна Святого Бернара и Вальдо не останется позади Германии, Швейцарии и Англии. Если бы Реформа была завершена, Франция была бы спасена от мерзостей Валуа, деспотизма бурбонов и порабощающих суеверий пап.

Девять лет назад в Германии началась Реформация: не перейдет ли она Рейн?... Страсбург - главный мост, по которому немецкие идеи проникают во Францию, а французские идеи проникают в Германию. Многие уже прошли, как хорошие, так и плохие, с правого берега на левый и с левого на правый; и все еще будут проходить, пока Рейн продолжает течь. В 1521 году движение было очень активным. В Страсбурге произошло вторжение в доктрины и писания Лютера: его имя было у всех на устах. Его благородное поведение на вормсском сейме привело в восторг Германию, и новость распространилась во всех направлениях. Люди повторяли его слова, они поглощали его труды. Зелл, священник монастыря Святого Лаврентия и епископальной тюрьмы, был одним из первых пробужденных. Он начал искать истину в Священных Писаниях, проповедовать, что человек спасается благодатью; и его проповеди произвели огромное впечатление.

Дворянин этого города, граф Сигизмунд Верхний Фламм (по-немецки Гогенлоэ), друг и союзник герцогини, которая называла его своим *добрым кузеном*, был тронут героизмом Лютера и сельской проповедью. Его совесть пробудилась; он старался жить в соответствии с волей Божьей; и, чувствуя внутри себя грех, который мешал этому, он ощутил нужду в Спасителе и нашел его в Иисусе Христе. Сигизмунд не был одним из тех дворян, которых тогда было довольно много, которые втайне говорили о Спасителе, но перед всем миром, казалось, не знали его; Ламбер Авиньонский⁴⁵⁷ восхищался его откровенностью и мужеством.⁴⁵⁸ Хотя граф был сановником Церкви и настоятелем великого капитула, он трудился над распространением евангельской истины вокруг себя и в то же время задумал великую идею. Оказавшись между двумя странами и говоря на обоих языках, он решил поставить перед собой задачу привнести во Францию великие принципы Реформации. Как только он получал какую-либо новую работу Лютера, он переводил ее на французский и печатал, а затем пересыл сестре короля.⁴⁵⁹ Он сделал больше; он написал Лютеру, умоляя его отправить письмо герцогине или даже написать какое-нибудь произведение, призванное поощрить ее в ее святых начинаниях.⁴⁶⁰ Граф, знавший дух и набожность Маргарет, а также ее влияние на короля, не сомневался, что она была дверью, через которую новые идеи, призванные обновить мир, проникнут в ее душу. Франция. Он сам сочинил и опубликовал труд под названием "*Крестная книга*", в котором он изложил смерть Христа как суть Евангелия.

Труды Сигизмунда с окружавшими его священниками и знатью не увенчались успехом. Монахи особенно удивленно посмотрели на него и ответили, что они постараются не менять ту легкую жизнь, которую они вели. Ламберт, у которого был острый глаз, заметил это и с улыбкой сказал графу: "У вас ничего не получится; эти люди боятся повредить свои кошельки, кухни, конюшни и животы".⁴⁶¹

Но с Маргарет у него получилось лучше. Едва он услышал о поражении при Павии, как написал ей письмо, полное сочувствия. "Пусть Бог вознаградит вас, - ответила она, - за доброту, которую вы оказали нам, посетив с такой нежной любовью мать и дочь, обеих бедных скорбящих вдов! Вы показываете, что вы родственник не только по плоти и крови, но и по духу. Мы решили

последовать вашему совету, поскольку Отец всех людей благосклонен к нам".⁴⁶² Сигизмунд снова написал герцогине, когда она была в Испании; и когда он услышал о ее возвращении во Францию, выразил желание отправиться в Париж, чтобы продвигать дело Реформации. В то же время он был полон уверенности в рвении Маргарет. "Вы считаете меня более продвинутой, чем я есть на самом деле, - ответила она, - но я надеюсь, что Тот, кто, несмотря на мое недостойство, внушает вам такое мнение обо мне, соизволит также усовершенствовать свою работу во мне".⁴⁶³

Однако герцогиня Алансонская, как мы уже говорили, не желала реформации, подобной реформации Лютера или Кальвина. Она хотела видеть в Церкви искреннее и живое благочестие, сохраняя при этом епископов и иерархию. Изменить внутреннее, но оставить внешнее неизменным — такова была ее система. Если бы они покинули Церковь, то, по ее мнению, произошли бы два зла, которых она хотела избежать: во-первых, это вызвало бы непреодолимую оппозицию; и, во-вторых, это вызвало бы разногласия и привело бы к разрыву единства. Она надеялась достичь своих целей путем объединения Франции и Германии. Если бы Германия возбудила Францию, если бы Франция смягчила Германию, разве они не достигли бы всеобщей реформы Церкви? Она не составила свой план заранее, но обстоятельства постепенно привели ее к этой идее, которая принадлежала не только ей, но и самым влиятельным советникам ее брата, а иногда и самому ее брату. Добьется ли она успеха?... Истина горда и не пойдет на поводу у заблуждения. Кроме того, Рим тоже горд, и, если бы эта система восторжествовала, он, без сомнения, воспользовался бы умеренностью реформаторов, чтобы сохранить все свои злоупотребления.

Великое событие, которого ждала Маргарет, усилило ее надежды. Всякий раз, когда Франциск I проезжал Пиренеи, в ее глазах это было подобно солнцу, восходящему в восточных воротах, чтобы затопить своим светом наше полушарие. Маргарет не сомневалась, что ее брат немедленно соберет вокруг себя всех друзей Евангелия, подобно планетам вокруг дневного светила. 'Приезжайте в середине апреля,' писала она Гогенлоэ, который в ее глазах был звездой первой величины. - вы найдете всех своих друзей в сборе.... Дух, который посредством живой веры соединяет вас с вашим единственным Начальником (Иисусом Христом), заставит вас усердно оказывать свою помощь всем, кто в ней нуждается, особенно тем, кто соединен с вами духом и верой. Как только король вернется во Францию, он, в свою очередь, пошлет к ним за помощью. Маргарет представляла себя уже при французском дворе, рядом с графом, а вокруг нее изгнанники, заключенные, врачи.... Какой эффект эта масса света произвела бы на французов! Весь лед схоластического католицизма растает под лучами солнца. 'Поначалу действительно будут некоторые проблемы, - сказала она, - но Слово истины будет услышано.... Бог есть Бог. Он есть то, что он есть, не менее невидимый, чем непостижимый. Его слава и его победа духовны. Он победитель, когда мир считает его побежденным'.⁴⁶⁴

Король все еще был пленником; регент и Дюпра, выступавшие против Реформации, обладали верховной властью; священники, понимая важность момента, объединили все свои усилия для борьбы с евангелическим влиянием и добились блестящего триумфа. В понедельник, 5 февраля 1526 года, за месяц до возвращения Франциска I. звук трубы был слышен во всех общественных местах Парижа, а немного позже — в городах Сан, Орлеан, Осер, Мо, Тур, Бурж, Анже, Пуатье, Труа, Лион и Макон, а также "во всех бейливиках, сенешалях, провостриях, виконтствах и поместьях королевства". Когда труба смолкла, герольд прокричал по приказу парламента: Всем лицам запрещается выставлять на продажу или переводить с латыни на французский послания

Святого Павла, Апокалипсис и *другие книги*. Отныне ни один печатник не должен печатать ни одну из книг Лютера. Никто не должен говорить о церковных постановлениях или изображениях иначе, чем предписано Святой Церковью. Все книги Святой Библии, переведенные на французский язык, должны быть переданы теми, у кого они есть, и в течение недели переданы судебным клеркам. Все прелаты, священники и их помощники должны запретить своим прихожанам иметь *малейшие сомнения* в католической вере".⁴⁶⁵ Были запрещены переводы, книги, пояснения и даже сомнения.

Это заявление очень серьезно огорчило Маргарет. Одобрят ли ее брат эти жестокие монашеские запреты или будет содействовать победе истины? Позволит ли он Реформации перейти из Германии во Францию? Одно обстоятельство вселило надежду в герцогиню Алансонскую: король высказался в пользу Беркена. Следует помнить, что этот джентльмен был заключен в тюрьму Консьержери. Три монаха, его судьи, вошли в его тюрьму и упрекнули его в том, что он сказал: "врата ада ничего не могут сделать против того, кто имеет веру". Это представление о спасении, полностью независимом от священников, привело духовенство в ярость. "Да, — ответил Беркен, — когда вечный Сын Божий принимает грешника, верящего в его смерть, и делает его чадом Божиим, это божественное усыновление не может быть утрачено". Монахи, однако, не увидели в этой радостной уверенности ничего, кроме преступного энтузиазма. Беркен отправил Эразму предложения, осужденные его судьями. "Я не нахожу в них ничего нечестивого", — ответил глава школ.

Сорбонна думала иначе. Приор картезианцев, приор целестинцев, монахи всех мастей, 'бесы антихриста', — говорит хронист, — "оказали помощь банде Сорбонны, чтобы числом разрушить крепость Беркена". — "Ваши книги будут сожжены, — сказали папские делегаты обвиняемому, — вы принесете извинения, и только тогда вы спасетесь. Но если ты откажешься от того, что от тебя требуют, тебя отправят на костер". — "Я не уступлю ни единого пункта", — ответил он. После чего сорбоннисты, картезианцы и целестинцы воскликнули: "Тогда с вами все кончено!" Беркен спокойно ждал исполнения этих угроз.

Когда герцогиня Алансонская услышала обо всем этом, она немедленно написала своему брату и упала на колени перед матерью. Луиза Савойская не была недоступна состраданию в тот торжественный час, когда предстояло решить вопрос о свободе ее сына. Эта принцесса была одной из тех нечестивых личностей, которые в обычное время мало думают о Боге, но призывают к нему, когда море в своей ярости вот-вот поглотит их. Закрывшись в своем чулане вместе с Маргарет, она молилась вместе с ней, чтобы Бог вернул короля Франции. Герцогиня, исполненная милосердия и большого такта, воспользовалась одним из таких моментов, чтобы попытаться смягчить свою мать в пользу Беркена. Ей это удалось: регента охватило внезапное рвение, и он приказал делегатам папы приостановить рассмотрение дела до возвращения короля.⁴⁶⁶

Делегаты в большом удивлении перечитывали письмо снова и снова: оно казалось им очень странным. Они обдумали это и, считая себя более значимыми, чем эта женщина, спокойно продолжили свою работу. Надменная и решительная Луиза Савойская, услышав об их дерзости, была разгневана сверх всякой меры и приказала написать второе письмо агентам понтифика,⁴⁶⁷ которые ограничились тем, что сказали "*Non possumus*", и поторопились еще больше, опасаясь, что их жертва ускользнет от них. Мать короля, еще более раздраженная, обратилась к парламенту, который относился к Беркену с уважением и смело заявил, что все это

было не чем иным, как монашеским заговором. При этом члены римской партии подняли еще большее волнение. Многие из них (мы должны признать) думали, что оказывают услугу обществу. "Эразм - отступник, - говорили они, - а Беркен - его последователь.⁴⁶⁸ ... Их мнения еретичны, раскольничьи, скандальны.... Мы должны сжечь книги Эразма ... и Беркен с ними".⁴⁶⁹

Но Маргарет не теряла мужества. Она вспомнила, что вдова из Евангелия добилась своей просьбы благодаря своей настойчивости. Она умоляла свою мать, она писала своему брату: "Если ты не вмешаешься, Беркен мертв".⁴⁷⁰ Франциск I. уступил ее молитве и написал первому президенту, что он, король, привлечет его к ответственности за жизнь Беркена, если тот осмелится осудить его. Президент прекратил все слушания; монахи опустили головы, а Беда и его друзья, по словам хрониста, "едва не лопались от досады".⁴⁷¹

И все же Маргарет не скрывала от себя, что ей предстоит еще тяжелая борьба, которая потребует сил и упорства. Она чувствовала потребность в поддержке, чтобы успешно завершить во Франции трансформацию, подобную той, которая тогда обновляла Германию. Графа Гогенлоэ в Страсбурге было недостаточно: она хотела, чтобы рядом с ней был посох, который позволил бы ей сносить упреки брата. Казалось, Бог был готов дать ей то, чего она желала.

При дворе был принц, молодой, живой, остроумный, красивый, храбрый и веселый, хотя временами несколько резковатый: он уже пережил удивительные приключения и, что было немалой рекомендацией в глазах Маргарет, был товарищем Фрэнсиса на поле боя и в тюрьме. Это был Генрих д'Альбре, король Наварры — король по праву, если не фактически, — и в то время ему было двадцать четыре года. Общее несчастье соединило Франциска и Генриха в тесной дружбе, и юный д'Альбре вскоре проникся глубокой привязанностью к сестре своего друга. Генрих любил учиться, обладал большой живостью характера и говорил легко и даже красноречиво. Было приятно слышать, как он изящно рассказывает придворным кругам о том, как ему удалось сбежать из форта Пиццигитоне, где он был заключен после битвы при Павии. 'Напрасно, - сказал он, - я предлагал императору большой выкуп; он был глух. Решив сбежать от моих тюремщиков, я подкупил двух своих охранников; я раздобыл веревочную лестницу, и мы с Вивисом (Вивис был его пажом) ночью спустились из окна. Моя комната находилась на большой высоте, в главной башне над рвом. Но, решив пожертвовать своей жизнью, а не состоянием моих отцов, я надел одежду одного из моих слуг, который занял мое место в постели. Я открыл окно; была темная ночь; я медленно спустился по высоким стенам; я спустился на землю, пересек рвы, покинул Павийский замок и, с Божьей помощью, справился с этим так успешно, что добрался до Сен-Жюста в канун Рождества" (1525).⁴⁷²

Генрих д'Альбре, спасшись таким образом от своих врагов, поспешил в Лион, где нашел мадам и куда вскоре прибыла Маргарита по возвращении из Испании. Сраженный ее красотой, умом и грацией, король Наварры добивался ее руки. Все в нем очаровывало всех, кто его видел; но добиться руки Маргариты было нелегко. Сначала ее попросили замуж за юного Карла, короля Испании; и такой союз, если бы он состоялся, возможно, не остался бы без влияния на судьбы Европы. Но возраст монарха (ему тогда было всего восемь лет) привел к провалу переговоров, и сестра короля Франции вышла замуж за герцога Алансонского, принца крови, но человека, лишённого понимания, дружелюбия или мужества. Главная причина бедствий Павии заключалась в том, что он бежал с поля битвы и умер от стыда.

Маргарита поначалу не приняла оммаж молодого короля Наварры. Она не нашла в нем всей необходимой поддержки, в которой нуждалась; но это был не единственный мотив ее отказа; она не могла думать о браке, пока ее брат был пленником. Генрих не был обескуражен; он делал все, что мог, чтобы угодить герцогине, и, зная ее привязанность к Евангелию, он никогда не упускал случая, присутствуя на совете, встать на защиту благочестивых людей, которых кардинал Дюпра хотел предать смерти. Это вмешательство не было просто праздной задачей. Гонения стали такими, что Маргарет, отказавшись от внимания принца, думала только об опасностях, которым подвергались смиренные христиане, веру которых она разделяла.

Мы увидим, что папа и Сорбонна имели большее влияние во Франции, чем регент и король.

ГЛАВА IV.

СМЕРТЬ МУЧЕНИКОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ. (1526.)

В тот самый момент, когда герцогиня, граф Гогенлоэ и другие тешили себя самыми сладкими надеждами, перед их глазами открылось самое мрачное будущее. Маргарет мечтала о новом дне, озаренном ярчайшим солнечным светом, но внезапно собрались тучи, свет затуманился, поднялся ветер, и разразилась буря.

Там был молодой человек лет двадцати восьми, лицензиат права по имени Уильям Жубер, которого его отец, королевский адвокат в Ла-Рошели, отправил в Париж изучать судебную практику. Несмотря на запрет парламента, Уильям, который был настроен серьезно, отважился на изучение католической веры. Испытывая сомнения по этому поводу, он сказал в присутствии нескольких друзей, что 'ни Женевьева, ни даже Мария не могли спасти его, но только Сын Божий'. Вскоре после издания прокламации лицензиат был брошен в тюрьму. Встревоженный отец немедленно поспешил в Париж: его сын, его надежда ... еретик! и на грани того, чтобы сгореть! Он не давал себе покоя: он ходил от одного судьи к другому: "Просите, что вам заблагорассудится", - говорил несчастный отец. "Я готов отдать любые деньги, чтобы спасти ему жизнь".⁴⁷³ Тщетно повторял он свои мольбы день за днем; в субботу, 17 февраля 1526 года, палач пришел за Уильямом; он помог ему сесть в тележку и повел его к Собору Парижской Богородицы: "Прошу прощения у Пресвятой Богородицы", - сказал он. Затем он отвел его к церкви Святой Женевьевы: 'Проси прощения у святой Женевьевы'. Рошельер был тверд в своей вере и не просил прощения ни у кого, кроме Бога. Затем его отвезли на площадь Мобер, где люди, видя его молодость и красивую внешность, глубоко сочувствовали его участи; но нежные души подверглись лишь грубому обращению со стороны стражи порядка. 'Не жалеете его, ' сказали они. 'он злословил о Богородице и святых в раю и придерживается учения Лютера'. Затем палач взял свои инструменты, подошел к Уильяму, заставил его открыть рот и проколол язык. Затем он задушил его, а затем сжег тело. Бедный отец вернулся в Рошель один. Но парламент не удовлетворился одной жертвой; вскоре он предпринял нападение на жителей города, который враги Евангелия особенно ненавидели.

В Париж приехал хорошо образованный молодой человек из Мо; он перевел 'определенные книги' с латыни на французский; он встал на сторону Лютера и смело заявил: 'Нам не нужно брать святую воду, чтобы смыть наши грехи, - сказал он. - только кровь Христа может очистить нас от них. Нам не нужно молиться за умерших, ибо сразу после смерти их души попадают либо в рай, либо в ад; чистилища нет; я в это не верю'.⁴⁷⁴ "Ах! - сказали разгневанные монахи. - Мы

видим, как это бывает; Мо насквозь заражен ложным учением; один *Фальри*,⁴⁷⁵ священник и некоторые другие являются причиной этих извращений'. На молодого человека донесли в парламент. 'Если вы не отречетесь, вас сожгут', - сказали они. Бедный юноша был в ужасе; он боялся смерти. Они привели его ко входу в собор Парижской Богоматери; там он взобрался по лестнице с непокрытой головой, с зажженной свечой в руке и взмолился: 'Помилование Бога и Пресвятой Богородицы!' Затем священники вложили ему в руки книги, которые он перевел; он прочитал их 'каждое слово' (несомненно, названия), а затем объявил их ложными и предосудительными. Книги были сожжены у него на глазах, а что касается его самого, то "его отвели в тюрьму Селестинцев и посадили на хлеб и воду".

Он был не единственным жителем своего родного города, которому пришлось искупать вину за то рвение, с которым он воспринял Реформу. Некий фуллер, также уроженец Мо, последовавший, как и он, "секте Лютера", примерно в то же время понес аналогичное наказание.⁴⁷⁶ "Этот лютеранин, - сказали парижские бюргеры, - имеет наглость утверждать, что Пресвятая Дева и святые не имеют силы, и тому подобную чушь".

Следующей отдала дань уважения Пикардия. Пикардия на севере и Дофини на юге были двумя провинциями Франции, наиболее подготовленными к принятию Евангелия. В пятнадцатом веке многие пикардинцы, как гласила история, отправились в *Ваудери*. Долгими ночами, сидя у костра, простые католики рассказывали друг другу, как *этиводуа* (вальденсы) собирались ужасными собраниями в уединенных местах, где они находили столы, уставленные многочисленными и изысканными яствами. Эти бедные христиане действительно любили собираться вместе из районов, часто очень отдаленных. Они отправлялись на randevу ночью и по проселочным дорогам. Наиболее образованные из них обычно цитировали некоторые отрывки из Священного Писания, после чего они беседовали друг с другом и молились. Но такие скромные собрания были нелепо пародированы. 'Вы знаете, что они делают, чтобы попасть туда,' говорили люди, 'чтобы офицеры не могли их остановить? Дьявол дал им определенную мазь, и когда они хотят пойти в *Vaudery*, они смазывают ею маленькую палочку. Как только они садятся на него верхом, их уносит по воздуху, и они прибывают на свою *субботу*, никого не встретив. Посреди них сидит козел с обезьяньим хвостом: это сатана, которому они поклоняются!'... Эти глупые истории были свойственны не только людям: их распространяли, в частности, монахи. Именно так говорил инквизитор Жан де Бруссар в 1460 году с кафедры, установленной на большой площади в Аррасе. Огромная толпа окружила его; перед кафедрой был воздвигнут эшафот, и несколько мужчин и женщин, стоя на коленях в шапочках с нарисованным на них изображением дьявола, ожидали своего наказания. Возможно, вера этих бедных людей была смешана с заблуждением. Но как бы то ни было, все они были сожжены заживо после проповеди.⁴⁷⁷

Молодой студент, который уже зарабатывал на жизнь, хотя еще не принял сан священника, уверовал в Евангелие и смело заявил, что нет другого спасителя, кроме Иисуса Христа, и что Дева Мария обладает не большей силой, чем другие святые.⁴⁷⁸ Этот молодой священнослужитель из Теруана в Пикардии был заключен в тюрьму в 1525 году и пришел в ужас от наказания. В канун Рождества, с зажженным факелом в руке и раздетый до рубашки, он "попросил прощения у Бога и Марии перед церковью Нотр-Дам". Принимая во внимание его 'очень глубокое раскаяние', было сочтено достаточным заключить его на семь лет на хлебе и воде в тюрьме Сен-Мартен-де-Шан. Оставшись один в своей темнице, ученый слышал голос Божий в глубине своего сердца; он начал плакать горячими слезами и 'тотчас же, - говорит

хронист, - вернулся к своему безумию'. Всякий раз, когда монах входил в его тюрьму, молодой священнослужитель провозглашал ему Евангелие; монахи были поражены таким бредом; весь монастырь пребывал в брожении и смятении. Доктор Мерлин, начальник главного исправительного учреждения, лично отправился к заключенному, проповедовал ему, советовал и умолял, но все безрезультатно. По решению суда молодой евангелист 'был сожжен на Гриве в Париже", и другие подверглись такому же наказанию. Таков был метод, применявшийся в тот жестокий век, чтобы силой внедрить учение Церкви обратно в сердца тех, кто отвергал его: они использовали плети, чтобы избивать их, и веревки, чтобы душировать.

Жестокость по отношению к лютеранам применялась не только в Париже: то же самое делалось и в провинциях. Молодой Пьер Туссен, пребендарий Меца, нашедший убежище в Базеле после смерти Леклерка,⁴⁷⁹ г. собравшись с духом, вернулся во Францию и провозгласил Евангелие. Враги схватили его и выдали аббату Сент-Антуана. Этот аббат, хорошо известная личность, был вспыльчивым, безжалостным человеком.⁴⁸⁰ Ни молодость Туссена, ни его прямота, ни слабое здоровье не могли тронуть его; он бросил свою жертву в ужасную темницу, полную стоячей воды и другой грязи,⁴⁸¹ где молодой евангелист едва мог стоять. Прислонившись спиной к стене и поставив ноги на единственное место в подземелье, куда не доходила вода, задыхаясь от ядовитых паров, испускаемых вокруг него, молодой человек вспомнил веселый дом своего дяди, настоятеля Меца, и великолепный дворец кардинала Лотарингии, где его так любезно принимали, когда он еще верил в папу. Какой теперь контраст! Здоровье Туссена пошатнулось, его щеки побледнели, а дрожащие ноги едва держали его. Увы! где были те дни, когда еще ребенком он радостно бегал по комнате верхом на палке,⁴⁸² и когда его мать серьезно произнесла это пророчество: 'Скоро придет Антихрист и уничтожит всех, кто обратится'. Несчастный Туссен решил, что момент настал.... Его воображение возбудилось, ему показалось, что он видит ужасного антихриста, предсказанного его матерью, который хватает его и тащит на казнь; он громко закричал и был близок к смерти от страха.⁴⁸³ Он интересовал каждого, кто его видел; он был таким кротким; безвредным, как новорожденный ребенок, говорили они, так что жестокий настоятель не знал, как оправдать его смерть. Он думал, что если бы у него были книги и бумаги Туссена, он мог бы найти предлог для его сожжения. Однажды монахи пришли к несчастному молодому человеку, вытащили его из нездоровой ямы и привели в комнату настоятеля. 'Напишите вашему хозяину в Базель, - сказал тот, - скажите ему, что вы хотите, чтобы ваши книги развлекали ваш досуг, и умоляйте его прислать их вам'. Туссен, понявший значение этого приказа, заколебался. Аббат разразился ужасными угрозами. Перепуганный Туссен написал письмо и был отправлен обратно в свое чумное логово.

Таким образом, тот самый момент, когда евангельские христиане надеялись получить некоторое облегчение, ознаменовался усилением суровости. Реформа — Маргарет была ее представителем в то время в глазах многих — пораженная Реформой видела вокруг себя своих детей, одних преданных смерти, других закованных в цепи, всем угрожал смертельный удар. Сестра Франциска I, убитая горем и отчаявшаяся, закрыла бы своим телом тех, кого, казалось, готов был поразить меч, но ее усилия казались бесполезными.

Внезапно раздался крик радости, который, раздавшийся в Пиренеях, разнесся эхом даже по Кале. *Солнце* (ибо так, как следует помнить, Маргарита называла своего брата) появилось на юге, чтобы возродить королевство Франция. 21 марта Франциск покинул Испанию, пересек реку Бидассоа и еще раз ступил на французскую землю. Он воспрянул духом; бьющий через край поток жизни вернулся во все сферы его существования. Казалось, что, освободившись из

тюрьмы, он стал хозяином мира. Он вскочил на арабского коня и, размахивая в воздухе шляпой с плюмажем, воскликнул, галопируя по дороге в Сен-Жан-де-Люз: 'Я снова король!' Оттуда он направился в Байонну, где его ожидал двор с большим количеством подданных, которым не разрешалось приближаться к границе.

Нигде радость не была так велика, как с Маргарет и друзьями Евангелия. Некоторые из них решили встретиться с королем и обратиться к нему с петицией от имени изгнанников и заключенных, будучи убеждены, что он поставит себя во главе партии, которую преследовал ненавистный Карл V. Эти *самые благочестивые галлы*, как называет их Цвингле,⁴⁸⁴ обратились с петицией к монарху; Маргарита выступила в защиту несчастных;⁴⁸⁵ но Франциск, хотя и был полон уважения к своей сестре, не мог скрыть тайного раздражения против Лютера и лютеран. Его нечестивый характер, его чувственный темперамент заставляли его ненавидеть евангелистов, а политика требовала большой сдержанности.

Маргарет никогда не переставала лелеять в своем сердце надежду увидеть, как граф Гогенлоэ приедет в Париж и будет трудиться над распространением Евангелия во Франции. Сигизмунд, светский человек и в то же время муж Божий, евангельский христианин и в то же время церковный сановник, хорошо знавший Германию и считавшийся при французском дворе ее частью, показался герцогине Алансонской наиболее подходящим инструментом для осуществления среди французов этого преобразования, которого в равной степени требовали потребности времени и Слово Божье. Однажды она набралась смелости и обратилась со своей просьбой к брату: Франциск не принял ее прошение благосклонно. Он хорошо знал Гогенлоэ и считал его евангелические принципы преувеличенными; кроме того, если во Франции и должны были произойти какие-либо перемены, король намеревался осуществить их в одиночку. Однако он не стал полностью открывать свое сердце сестре: он просто дал ей понять, что время еще не пришло. Если бы граф приехал в Париж; если бы он собрал вокруг себя всех сторонников Евангелия; если бы он проповедовал при дворе, в церквях, возможно, под открытым небом, что бы сказал император и что сказал бы папа? — "Пока нет", - ответил король.

Герцогиня Алансонская, горько разочарованная, едва могла решиться сообщить графу эту печальную новость. И все же это должно быть сделано. 'Мое желание увидеть вас усиливается от того, что я слышу о вашей добродетели и о постоянстве божественной благодати в вас. Но ... мой дорогой кузен, все твои друзья пришли к выводу, что *по определенным причинам* тебе еще не пришло время приезжать сюда. Как только мы *что-нибудь* сделаем, с Божьей милостью я дам вам знать".

Гогенлоэ был огорчен этой задержкой, и Маргарита попыталась утешить его. "Вскоре, - сказала она, - Всемогущий окажет нам милость завершить то, что он оказал нам милость *начать*. Тогда вы будете утешены в этой компании, где *вы присутствуете* хотя *отсутствуете* телесно. Пусть мир нашего Господа, который превосходит всякое понимание и которого мир не знает, будет дан вашему сердцу в таком изобилии, что никакой крест не сможет сокрушить его!"⁴⁸⁶

В то же время она усилила свою назойливость к брату; она умоляла короля открыть новую эру; она еще раз настаивала на том, чтобы пригласить графа. - Мне нет дела до этого человека, ' резко ответил Фрэнсис. Однако он заботился о нем, когда хотел. Есть письмо короля "своему очень дорогому и любимому кузену Гогенлоэ", в котором он сообщает ему, что, желая собрать большую армию и зная "его верность и доблесть, близость к нему по происхождению, любовь и милосердие", он с нежностью просит его набрать три тысячи пехотинцев."⁴⁸⁷ Но когда речь шла

о Евангелии, это было совсем другое дело. Чтобы положить конец домогательствам своей сестры, Франциск однажды ответил ей: 'Значит, ты хочешь, чтобы мои сыновья остались в Испании?' Он отдал их императору в качестве заложников. Маргарет молчала: ей было нечего сказать о судьбе своих племянников. Она писала графу: "Я не могу выразить вам, мой друг, всю досаду, которую я испытываю: *король не захотел принять вас добровольно*; причина - освобождение его детей, о которых он заботится так же сильно, как о своих собственных'. Она добавила: 'Я очень мужественно отношусь к вам, скорее из-за нашей братской привязанности, чем из-за бранных уз плоти и крови. Для *другого* рождения, для *вторых* родов — это истинный и совершенный союз.' Граф Гогенлоэ, ученик Лютера, не приехал во Францию.

Этот отказ был не единственным огорчением, которое Фрэнсис причинил своей сестре. Любовь короля Наваррского стала сильнее, и она начала отвечать ему взаимностью. Но король воспротивился ей, следуя велению ее сердца. Маргарет, которой препятствовали во всех ее желаниях, испившая горькую чашу, иногда восстававшая против деспотической воли, которой она была вынуждена подчиниться, и чувствующая раны греха в своем сердце, удалилась в свою комнату и открыла свои печали Христу.

О ты, мой священник, мой защитник, мой король,
От которого зависит моя жизнь — все для меня;
О Господь, который первым испил горькую чашу горя
И познал ее яд (если бы человек вообще знал),
Насколько остры эти шипы, насколько глубоки эти раны греха —
Спаситель, друг, король, о! вступишь за меня, я молюсь:
Заговори, помоги и спаси меня, чтобы я не отпал.[488](#)

Религиозные стихи Маргариты, которым не хватает ни изящества, ни чувствительности, ни привязанности, принадлежат (об этом не следует забывать) к ранним произведениям французской музыки; и что особенно побуждает нас процитировать их, так это то, что они выражают христианские чувства этой принцессы. Это тот период, когда нам кажется, что христианство Маргарет было наиболее чистым. Раньше, во время ее связи с Брисонне, ее вера была затуманена парами мистицизма. Позднее, когда жестокая воля Франциска I встревожила ее нежную и сжимающуюся душу, появилась завеса католицизма, скрывающая чистоту ее веры. Но с 1526 по 1532 год Маргарет была самой собой. Свидетельств благочестия евангельских христиан того периода так мало, что мы не могли позволить себе умолчать о тех, которые находим в трудах сестры короля.

Герцогиня Алансонская прибегла к поэзии, чтобы отвлечься от своих мыслей; и я думаю, что именно сейчас она написала свое стихотворение о *узнике*. Ей нравилось вспоминать время, когда король Наварры был взят в плен вместе с Франциском I. Она перенеслась в дни, последовавшие сразу за битвой при Павии; ей казалось, что она слышит, как молодой Генрих д'Альбре выражает свою веру в Бога и восклицает с высокой башни Пиццигитоне: "Напрасно дуют ветры с океана,
Разбрасывая корабли, когда они гордо плывут;
Но ни один лист дерева не может дрогнуть,
Пока при звуке твоего голоса они не проснутся".

Узник, описав в скорбном тоне страдания своего заточения, изложил Христу скорбь, проистекавшую из осознания своих грехов:

Не *один* ад, но многие миллионы
я заслужил за свой бунт.

* * * * *

Но мой грех в тебе был наказан,
И моя вина в тебе была очищена.⁴⁸⁹

Благородный узник не ищет спасения у Бога только для себя; он искренне желает, чтобы Евангелие было принесено в ту Италию, где он находится в плену, — одно из самых ранних стремлений итальянской реформации.

Можешь ли ты сказать, почему тебя вырвали из твоего дома — такого мирного
Дома —
То было, чтобы через реки и горы
Драгоценное сокровище было перенесено
тобой, в твоём хрупком сосуде,
избранным Богом⁴⁹⁰

Внезапно заключенный вспоминает о своем друге; он верит в его нежное сочувствие и таким образом обращается к нему:

О Франциск, мой король, лучшая часть моей души,
Ты образец дружбы, столь дорогой моему сердцу,
Джонатан, Орест и Поллукс в одном лице,
Когда ты видишь меня поверженным в печали и мучениях,
Ахатес мой, брат мой, о! что ты говоришь?⁴⁹¹

Но Генрих д'Альбре напрасно называл Франциска I своим Джонатаном; Джонатан не отдал бы ему свою сестру. У короля были другие мысли. Во время своего пленения император потребовал руки Маргариты у регента.⁴⁹² Но Франциск, которого они собирались соединить, вопреки его желанию, с сестрой Карла, считал, что одного брака с австрийским домом достаточно, и надеялся, что Генрих VIII. мог бы помочь ему отомстить Чарльзу, проникся к нему сильной симпатией. "Если мое тело - пленница императора, - сказал он, - то мое сердце - пленница короля Англии!"⁴⁹³ Он завоевал расположение кардинала Уолси, который сказал своему повелителю, что во всей Европе нет женщины, более достойной короны Англии, чем Маргарита Французская.⁴⁹⁴ Но христианское сердце герцогини Алансонской взбунтовалось при мысли занять место Екатерины Арагонской, чьи добродетели она чтит;⁴⁹⁵ и Генриха VIII. вскоре он сам избрал другой курс. Пришлось отказаться от намерения посадить Маргарет на трон Англии рядом с Генрихом Тюдором ... к счастью для принцессы, но, возможно, к несчастью для королевства, которым она могла бы править.

Однако герцогиня Алансонская не увидела отказа во всех своих молитвах. Выйдя из тюрьмы, Франциск I был смущен. Постепенно он стал более ясно понимать положение вещей в Европе и сделал несколько шагов к той религиозной свободе, которой Маргарет так горячо желала от

него. Может даже показаться, что, руководствуясь своей сестрой, он поднялся до более высоких соображений.

ГЛАВА V. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗГНАННИКОВ. (1526 г.)

В христианском мире существовало инстинктивное ощущение, что до этого времени его общество было лишь фрагментарным, в нем царил великий беспорядок, безмерный хаос.⁴⁹⁶ Оно испытывало острую нехватку того социального единства, того высшего порядка и той всеправящей идеи, которые папство не смогло дать. Провозгласив новое творение, Реформация собиралась выполнить эту задачу. Изоляция наций должна была прекратиться; все соприкасались бы друг с другом; взаимное влияние умножалось бы от поколения к поколению.... Реформация подготовила путь к великому единству во всем мире.

Евангельские христиане осознавали, возможно, смутно, хотя и глубоко, это новое движение в человеческих делах, и многие хотели бы, чтобы Франция не уступала Германии или Англии привилегию маршировать в авангарде нового порядка вещей. Они говорили, что, поскольку император поставил себя во главе врагов Реформации, король должен поставить себя в первый ряд ее защитников. Герцогиня Алансонская, в частности, постоянно обращалась к королю с просьбой отозвать во Францию людей, которые принесли бы ей истинный свет. Но Франциск принимал ее предложения холодно, иногда грубо, и пресекал все попытки ответить; тем не менее герцогиня была неутомима, и когда король закрыл за ней дверь, 'она проникла внутрь через замочную скважину'. Наконец Франциск, который любил свою сестру, почитал ученость и презирал монахов, уступил ее настоятельным просьбам и, прежде всего, новым идеям и остроте своих политических планов. Ворота тюрем были открыты.

Беркен все еще был узником, скорбящим, но утешаемым своей верой, неспособным ясно видеть будущее, но непоколебимым в своей верности Евангелию. Король решил спасти его от 'когтей группировки Беды'. 'Я не допущу, чтобы пострадали личность или имущество этого джентльмена,' заявил он парламенту 1 апреля. 'Я сам разберусь с этим делом'. Офицеры, посланные королем, забрали пленного христианина из его тюрьмы и, хотя по-прежнему следили за ним, поместили его в просторную комнату. Беркен немедленно приступил к разработке планов торжества истины.

Клеман Маро дорого заплатил за привилегию быть секретарем Маргарет; он сидел в тюрьме и утешался тем, что сочинял свои маленькие стихотворения. Маргарет добила его полного освобождения, и Маро поспешил к своим друзьям, радостно восклицая:

В узкой камере без причины,
Запертый в скверне вопреки законам
нечестивыми людьми, королевский указ
В этом Новом году освободил меня.⁴⁹⁷

Майкл из Аранды, который в 1524 году с такой силой проповедовал Евангелие в Лионе, был отстранен от Маргарет, чьим милостынщиком он был. Она послала за ним и поделилась с ним своим планом внедрения Евангелия в Католическую церковь Франции, обновляя, но не

разрушая его. "Я добилаь вашего назначения в епископство Труа-Шато в Дофини", -498 сказала она. 'Идите и проповедуйте евангелие своей епархии'. Он согласился; правда уже была распространена в Дофини Фарелем и другими. Разделял ли Аранда взгляды Маргарет или его принятие было как-то связано с амбициями? Трудно сказать.

Четвертая жертва преследований вскоре была спасена. Молодой пребендарий Меца, любезный Пьер Туссен, все еще находился в той ужасной берлоге, в которую его затолкал аббат Сент-Антуанский. Его хозяин в Базеле не прислал книг, для которых вероломный священник заставил его написать; без сомнения, достойный гражданин, зная, в чьих руках находится его друг, предвидел опасность, которой подвергнет его их получение. Несколько евангельских христиан из Франции, Швейцарии и Лотарингии, особенно купец Вогри, последовательно ходатайствовали в его пользу, но безрезультатно. Убедившись, что все их усилия бесполезны, они обратились, наконец, к Маргарите, которая горячо защищала молодого евангелиста перед королем. В июле 1526 года поступил приказ о его освобождении. Офицеры, которым было поручено это приятное дело, спустились в мрачное подземелье, выбранное аббатом Сент-Антуана, и спасли ягненка от клыков этого дикого зверя. Туссен, худой, слабый, бледный, как увядший цветок, медленно выбрался из своего страшного логова. Его ослабевшие глаза с трудом выдерживали дневной свет, и он не знал, куда идти. Сначала он обратился к некоторым старым знакомым, но все они боялись укрывать еретика, сбежавшего с эшафота. Молодой пребендарий не обладал энергией Берквина; он был одной из тех чувствительных натур, которые нуждаются в поддержке, и он оказался в мире, на вольном воздухе, почти в таком же одиночестве, как в своей темнице. 'Ах!' сказал он. - Бог, наш небесный Отец, Который установил пределы человеческому гневу, которых он не может перейти, чудесным образом избавил меня от рук тиранов; но, увы! что со мной будет? Мир сошел с ума и отвергает восходящее Евангелие Иисуса Христа".499 Несколько робких, но исполненных благих намерений друзей сказали ему: 'Только герцогиня Алансонская может защитить тебя; для тебя нет убежища, кроме как при ее дворе. Подайте прошение принцессе, которая с такой щедростью приветствует всех друзей учения и Евангелия, и воспользуйтесь своим жилищем, чтобы поближе изучить ветер, который дует в этих возвышенных краях.' Туссен сделал то, что ему сказали; он отправился в свое путешествие и, несмотря на свою природную робость, прибыл в Париж, где мы встретимся с ним снова.

Более важные события все еще находились в стадии подготовки. Страсбург должен был радоваться. Не было ни одного города за пределами Франции, где возвращение короля приветствовалось бы с таким энтузиазмом. Многие евангельские христиане искали там убежища от жестокостей Дюпра и вздыхали о моменте, который вернул бы их в их страну. Среди беженцев был знаменитый Корнелий Агриппа. Его репутация не была незапятнанной; книга о 'Тщете науки' делает ему мало чести; но, похоже, в то время он был занят Евангелием. Получив письмо от превосходного Папийона, в котором говорилось, насколько благосклонным король казался новому свету, Агриппа, который, окруженный благочестивыми людьми, воспринял их тон и настроил свой голос в гармонии с их голосом, воскликнул: "Вся Церковь святых с нами, услышав о торжествах Слова при дворе и в большей части Франции, возрадовалась чрезвычайно великой радостью.500 Я благословляю Господа за славу, которой Слово увенчано среди вас. Молил бы Бог, чтобы нам, как и вам, разрешили вернуться во Францию!' Другая страна была не менее привлекательна для этого ученого: 'Напишите мне, что они делают в Женеве ... скажи мне, любят ли там это Слово и заботятся ли они об учебе".501

В Страсбурге можно было найти людей более решительных, чем Корнелий Агриппа. В течение всей зимы гостеприимный дом Капитона часто был свидетелем собраний тех христиан, которые высоко подняли стандарты Евангелия во Франции. Там собрались престарелый Лефевр, первый переводчик Библии, избежавший костра только бегством; благочестивый Руссель, Ведастес, Симон и Фарель, прибывшие из Монбельяра. Эти друзья Реформации скрывались под вымышленными именами: Лефевр выдавал себя за Энтони Перегрин; Руссель - за Толнина; но их знали все, даже уличные дети.⁵⁰² Они часто встречались с Буцером, Зеллем и графом Гогенлоэ и наставляли друг друга. Маргарет обязалась вернуть их всех во Францию. Двор находился тогда на юге; король находился в Коньяке, на родине, где он часто проживал; герцогини (его мать и сестра) - в Ангулеме. Однажды, когда они встретились, Маргарет умоляла своего брата положить конец жестокому изгнанию ее друзей: Фрэнсис согласился на все.

Какая радость! престарелого Лефевра, пылкого Русселя *вспоминают с почетом*, говорит Эразмус.⁵⁰³ Страсбургцы со слезами обнимали их; старик был счастлив, что умрет в стране, где родился. Он немедленно отправился во Францию вместе с Русселем; другие последовали за ними; все верили, что наступили новые времена. На своих собраниях евангелисты вспоминали эти слова пророка: *Искупленные Господом вернутся и придут на Сион с песнями и вечной радостью на головах: они обретут радость и веселье, а печаль и воздыхания исчезнут.*⁵⁰⁴ Лефевр и Руссель поспешили к своей защитнице. Маргарет приняла их радушно, поселила в замке Ангулем, где она родилась, на том улыбающемся холме, который она так любила, недалеко от 'мягко текущей' Шаранты, как она ее описывает. У Лефевра и Русселя было много ценных бесед с ней. Они любили рассказывать о своей жизни в Страсбурге, о новых взглядах, которые они там открыли, и о братском общении, которым они наслаждались. 'Мы были там,' сказали они, 'с Уильямом Фарелем, Майклом из Аранды, Фрэнсисом Ламбертом, Джоном Ведастесом, шевалье д'Эшем и многими другими евангелистами... разрозненные члены разорванного тела, но едины во Христе Иисусе. Мы тщательно убирали с глаз долой все, что могло нарушить гармонию между братьями; мир, который мы вкусили, отнюдь не был лишен вкуса, как мирской, он был напоен сладким ароматом Божьего служения'.

Эта встреча в Страсбурге принесла свои плоды. Энергичный Фарель, ученый Лефевр, духовный Руссель, одаренные такими противоположными натурами, отреагировали друг на друга. Фарель стал более нежным, Руссель - более сильным; контакт с железом придавал необычную твердость металлу, по природе склонному быть мягким. Проповеди, которые они слышали, их частые беседы, испытания изгнания и утешение Духа Божьего закалили души, которые были немало обескуражены преследованиями. Руссель воспользовался своим досугом, чтобы изучить иврит, и Слово Божье приобрело в его глазах первостепенное значение. Пораженный добродетелями, примером которых служили ранние христиане, он пришел к выводу, что мы должны искать тайну их жизни в истории первоначальной Церкви, во Богодухновенном Писании Бога. "Чистота религии никогда не будет восстановлена, - обычно говорил он, - если мы не будем пить из источников, которые дал нам Святой Дух".⁵⁰⁵

Того, что беженцы вернулись, было недостаточно; их христианская деятельность должна быть использована на благо Франции. В начале июня Руссель отправился в Блуа. Маргарита хотела сделать этот город — любимую резиденцию Валуа, печально известную преступлениями, совершенными там в последующие годы, — убежищем для гонимых, караван-сараем для святых, оплотом Евангелия. 29 июня туда же отправился и Лефевр.⁵⁰⁶ Король доверил ему воспитание своего третьего сына и заботу о библиотеке замка. Шапелен, врач герцогини

Ангулемской, и Коп, другой врач, о котором мы подробнее расскажем позже, также были в этом городе; и все они, преисполненные благодарности к Франциску I, изобретали способы привить "что—то от христианства самому христианскому королю"[507](#)- что, по правде говоря, было очень необходимо.

Таким образом, события развивались. Казалось, что вместе с королем из изгнания вернулись ученость и Евангелие. Макрин, чье имя Цвингле поместил рядом с именем Берквина, был отпущен на свободу.[508](#) г. Корнелий Агриппа вернулся в Лион. Происходя из старинного кельнского рода, он семь лет прослужил в имперской армии; затем он стал великим *ученым* (а не великим магом, как предполагалось), доктором теологии, права и медицины. Он опубликовал книгу о браке и против безбрачия, которая вызвала много шума. Агриппа был поражен этим, и не без причины. - Как! - воскликнул он. - рассказы Боккаччо, шутки Поджо, прелюбодеяния Эвриала и Лукреции, любовь Тристана и Ланселота читаются с жадностью даже молодыми девушками[509](#) ... и все же они протестуют против моей книги о браке!" — Этим объясняется исторический случай: юные читатели Боккаччо стали знаменитым "отрядом" Екатерины Медичи, с помощью которого эта нечистая женщина одержала столько побед над придворными.

Когда люди услышали об этих освобождениях, они подумали, что Франциск I, видя Карла V во главе римской партии, несомненно, встанет во главе евангелического дела и что два чемпиона решат на поле битвы великую проблему эпохи. "Король, - писал превосходный Капитон энергичному Цвингле, - благосклонен к Слову Божьему".[510](#) Маргарита уже видела, как Святой Дух возрождает во Франции *единую, святую и вселенскую Церковь*. Она решила поторопиться с наступлением этих счастливых времен и, покинув Ангулем и Блуа в июле месяце, прибыла в Париж.

Туссен ждал ее. Прибыв в столицу под вымышленным именем, молодой евангелист поначалу скрывался. Услышав о приезде сестры Франциска, он попросил разрешения повидаться с ней наедине; и принцесса, по своему обыкновению, приняла его с большой добротой. Какой контраст для этого бедняги, только что спасенного из жестоких когтей аббата Сент-Антуанского, очутиться во дворце Сен-Жермен, где личность Маргариты, ее учтивость, остроумие, живое благочестие, неутомимое рвение, любовь к литературе и элегантность очаровывали всех, кто оказывался рядом с ней! Туссен, как и поэт, никогда не уставал восхищаться

Нежность, живущая в ее прекрасном лице,
Которое затмевает самых прекрасных представительниц ее пола,
Живой ум, богатый запас знаний,
И, главное, пленительная грация,
Говорит ли она или беззвучны ее губы.[511](#)

Однако одна вещь очаровала Туссена еще больше: это было истинное благочестие, которое он нашел в Маргарет. Она относилась к нему с добротой христианки и вскоре успокоила его. "Светлейшая герцогиня Алансонская, - писал он, - приняла меня с такой добротой, как если бы я был принцем или самым дорогим для нее человеком."[512](#) Я надеюсь, - добавил он, - что Евангелие Христа скоро воцарится во Франции".[513](#) Герцогиня, со своей стороны, тронутая верой молодого евангелиста, пригласила его приехать снова и повидаться с ней на следующий день. Он уходил и уходил снова; у него были долгие и частые беседы с Маргарет о средствах

распространения Евангелия повсюду.⁵¹⁴ "Бог светом своего Слова, - сказал он, - должен осветить мир, и дыханием Своего Духа должен преобразовать все сердца. Только Евангелие, мадам, приведет в порядок все, что находится в замешательстве". — "Это единственное, чего я желаю", - ответила Маргарет.⁵¹⁵ Она верила в победу истины; ей казалось, что люди света не могут быть побеждены людьми тьмы. Новая жизнь должна была вот-вот подняться подобно приливу и вскоре накрыть своими широкими волнами засушливые земли Франции. Маргарет видела языки пламени, она слышала красноречивые голоса, она чувствовала, как вокруг нее бьются набухающие сердца. Все пришло в движение в этом новом и таинственном мире, который восхищал ее воображение. Именно для того, чтобы открыть эту новую эру, столь полную света, веры, свободы, ее брат был освобожден из тюрем Карла V. "Ах! - сказала она Туссену в их евангелических беседах. - Не только я желаю торжества Евангелия; даже король желает этого.⁵¹⁶ И, поверьте мне, наша мать (Луиза Савойская!) желает торжества Евангелия." не будет противодействовать нашим усилиям.⁵¹⁷ Король, — возразила она молодому человеку, - приезжает в Париж, чтобы обеспечить распространение Евангелия - если, по крайней мере, война ему не мешает.⁵¹⁸ Благородные иллюзии! Определенные идеи на этот счет, соответствующие его политике, без сомнения, были у короля в голове; но в то время Франциск не думал ни о чем, кроме как компенсировать себе лишения плена проявлением галантности.

Молодой пребендарий Меца был очарован; он тешил себя величайшими надеждами и радостно приветствовал новый небосклон, на котором Маргарита будет сиять как одна из самых ярких звезд. Он писал Николампадию: "Эта прославленная принцесса так научена Богом и так знакома со Священным Писанием, что никто никогда не сможет разлучить ее с Иисусом Христом".⁵¹⁹ Некоторые спрашивали, подтвердилось ли это предсказание. Маргарита Наваррская, напуганная угрозами своего брата, конечно, пошла на прискорбную уступку в последующие годы, и это подтверждается письмом, адресованным ей Кальвином; но, тем не менее, она была деревом, посаженным у водных рек. Буря обломала несколько ветвей, но корни все же были глубокими, и дерево не погибло.

Туссен часто находил залы Сен-Жерменского дворца заполненными самыми выдающимися особами королевства, стремившимися засвидетельствовать свое почтение сестре Франциска I. Бок о бок с послами и знатью, одетыми в самые дорогие одежды, и солдатами со сверкающим оружием, стояли кардиналы в алых и горностаевых одеждах, епископы в атласных ризах, духовные лица всех сословий в длинных мантиях и с тонзурами на головах.⁵²⁰ Все эти священнослужители, стремившиеся занять высшие посты Церкви, подошли к церкви. прославленная принцесса говорила ей о Евангелии, о Христе, о *неугасимой любви*; и Туссен с удивлением слушал такой странный придворный язык. Его бывший покровитель, кардинал Лотарингии, архиепископ Реймса и Лиона, которого мы не должны путать с его печально известным племянником, одним из мясников Варфоломеевской резни, оказал молодому пребендарии самый радушный прием, не переставая повторять, что он чрезвычайно любит Евангелие.... Маргарет, которая легко поддавалась на уговоры, приняла религиозную болтовню этой шайки льстецов за здоровое благочестие и внушила молодой христианке свою слепую уверенность.

Однако последний иногда спрашивал себя, не были ли все эти прекрасные речи простыми придворными комплиментами. Однажды он услышал, как Брисонне, епископ Мо, на которого самые легковверные все еще возлагали какие-то надежды, ставит Римскую церковь очень высоко, а Слово Божье - очень низко: 'Лицемерный священник!' сказал Туссен в сторону. - Ты

больше желаешь угодить людям, чем Богу!» Если этим подхалимам-священникам случалось встречаться с благородными насмешниками или атеистами в каком-нибудь помещении, удаленном от апартаментов принцессы, или на террасе Сен-Жермена, они бесстрашно сбрасывали маску и превращали в посмешище евангелическую веру, о которой они кричали перед сестрой Франциска I. Получив желанные блага, они переходили на другую сторону; они первыми нападали на лютеран;⁵²¹ и если они замечали приближающихся евангелистов, они поворачивались к ним спиной. Тогда Туссен воскликнул бы: «Увы! они хорошо отзываются об Иисусе Христе с теми, кто хорошо отзывается о нем; но с теми, кто богохульствует, они богохульствуют также».⁵²²

Лефевр и Руссель приехали в Париж из Блуа примерно в конце июля 1526 года, и молодой и пылкий Туссен, преисполненный уважения к ним, поспешил рассказать им о своих досадах и потребовал, чтобы они разоблачили этих лицемеров и смело проповедовали Евангелие посреди этого порочного двора. «Терпение,» сказали двое ученых, оба довольно выжидательные по характеру, и атмосфера двора, возможно, уже ослабила их, «терпение! не будем ничего портить, время еще не пришло».⁵²³ Тогда Туссен, прямой, великодушный и полный любви, разрыдался. «Я не могу сдерживать слез», - сказал он.⁵²⁴ - Да, будьте мудры на свой манер; ждите, откладывайте, притворяйтесь, сколько вам заблагорассудится; однако, в конце концов, вы признаете, что невозможно проповедовать Евангелие, не неся креста.⁵²⁵ Знамя божественного милосердия теперь поднято, врата царства небесного открыты. Бог не хочет, чтобы мы бездейственно принимали его призывы. Мы должны спешить, опасаясь, что возможность ускользнет от нас и дверь захлопнется».

Туссен, опечаленный и подавленный тоном придворных, поделился всеми своими горестями с реформатором Базеля: «Дорогой Николампадий, - сказал он, «когда я думаю, что король и герцогиня максимально расположены продвигать Евангелие Христа, и когда я вижу, что в то же время те, кто призван трудиться в первую очередь в этой превосходной работе, постоянно прибегают к отсрочкам, я не могу сдерживать своего горя. Чего бы вы не стали делать в Германии, если бы император и его брат Фердинанд благосклонно отнеслись к вашим усилиям? Туссен не скрывал от самой Маргариты, что его надежды были обмануты. «Лефевру, - сказал он, - не хватает мужества; да укрепит и поддержит его Бог!» Герцогиня делала все возможное, чтобы удержать молодого евангелиста при своем дворе; она искала мужчин, которые, имея христианское сердце и христианскую жизнь, тем не менее не порвали бы с Церковью; соответственно, она предлагала бывшему пребендарю большие преимущества, но в то же время умоляла его быть умеренным. Туссен, человек впечатлительного и несколько жесткого характера, надменно отверг эти заигрывания. При дворе ему было душно; воздух, которым он там дышал, вызывал у него тошноту; восхищение уступило место отвращению. «Я презираю эти великолепные предложения, - сказал он, - я ненавижу двор больше, чем кто-либо другой».⁵²⁶ Прощайте, суд... это самая опасная из блудниц».⁵²⁷ Маргарет заклинала его, по крайней мере, не покидать Францию, и отправила его к одной из своих подруг, мадам де Контрайг, которая, проявляя щедрость к преследуемым евангелистам, принимала их в своем замке Малешерб в Орлеане. Перед отъездом молодой Метцер, предвидя, что приближается ужасная борьба, порекомендовал друзьям, которых он оставил позади, молиться Богу, чтобы Франция показала себя достойной этого Слова.⁵²⁸ Затем он отбыл, моля Господа послать этому народу учителя, апостола, который, будучи сам образцом истины и преданности, поведет его по новым путям жизни.

ГЛАВА VI.

КТО СТАНЕТ РЕФОРМАТОРОМ ФРАНЦИИ?

(1526.)

Многие евангельские христиане думали так же, как Туссен. Они чувствовали, что Франция нуждается в реформаторе, но не могли найти никого, кто соответствовал бы их идеалу. Требовался человек Божий, который, обладая фундаментальными истинами Евангелия, мог бы изложить их в их живой гармонии; который, возвышая божественную сущность христианства, мог бы представить ее в ее отношении к человеческой природе; который был бы способен не только установить здоровое учение, но и по Божьей благодати распространить новую жизнь в Церкви; слуга Божий, полный мужества, деятельный, столь же искусный в управлении, как и в руководстве. Разыскивался некий Пол, но где его можно было найти?

Это был бы Лефевр? Он ясно проповедовал доктрину оправдания верой еще до Лютера; об этом мы говорили в другом месте,⁵²⁹ и с тех пор многие повторяли это. Это истина, обретенная историей. Но Лефевр был стар и искал покоя; набожный, но робкий, скорее тайный ученый, чем реформатор народа.

Будет ли это Руссель? Обладая впечатлительным и колеблющимся сердцем, он стремился к добру, но не всегда осмеливался делать это. Он часто проповедовал при дворе герцогини перед самыми выдающимися людьми королевства, но он не провозглашал всего замысла Божьего. Он знал это, он был зол на себя, и все же он постоянно впадал в одну и ту же ошибку. 'Увы!' писал он Фарелю. 'есть много евангельских истин, половину из которых я вынужден скрывать. Если Господь не возродит мое рвение своим присутствием, я буду очень неполноценен по сравнению с тем, каким должен быть'.⁵³⁰ Набожный, но слабый Руссель был именно тем человеком, который требовался герцогине — способным продвигать христианскую жизнь, не затрагивая институтов Церкви. Однако иногда, недовольный своим положением и страстно желая проповедовать Евангелие без всякого уважения к людям, он желал уехать в Италию ... а потом он снова принялся тянуть время.⁵³¹

Самые убежденные христиане увидели его некомпетентность. В их глазах люди из окружения герцогини Алансонской, остановившиеся на полпути, были неспособны реформировать Францию. Им казалось, что нужен человек простой души, бесстрашного сердца и сильного красноречия, который, ступая твердой ногой, придаст бы новый импульс работе, слишком слабо начатой Лефевром и его друзьями; и тогда эти христиане, впадая в другую крайность, подумали о Фареле. В то время этот реформатор был величайшим светочем Франции. Какую любовь он питал к Иисусу Христу! Какое красноречие в проповеди! Какая смелость в продвижении вперед и преодолении препятствий! Какое упорство среди опасностей! Но ни Фрэнсис, ни Маргарет не хотели иметь с ним ничего общего: они его боялись. Когда король отозвал других изгнанников, Фарел остался позади. В то время он находился в Страсбурге, одной ногой стоя на границе, ожидая приказа о своем возвращении, но приказа не поступило. Двору пришлось не по вкусу его агрессивные проповеди и его героическая твердость; они желали, чтобы Евангелие во Франции было смягченным и благоуханным. Благородный Дофинезе, когда увидел, что все его друзья возвращаются в свою страну, в то время как он остался один в изгнании, был переполнен печалью и воззвал к Богу в своем горе.

Руссель понимал опасения Маргарет; он знал, что Фарель не был придворным и никогда не согласился бы с герцогиней. Тем не менее, зная цену такому слуге Божьему, благородный и благочестивый Руссель попытался выяснить, не могут ли они каким-либо другим образом извлечь выгоду из его великой деятельности и не существует ли какой-нибудь области, которая могла бы быть открыта для его могучих трудов. "Я добьюсь средств для удовлетворения всех ваших потребностей, - писал он ему 27 августа из замка Амбуаз, - пока Господь не даст вам, наконец, выхода и не приведет вас к нам".⁵³² Это также было искренним желанием Фареля; тогда он не думал о Швейцарии; его страна владела всей его любовью; его взор день и ночь был обращен к воротам Франции, которые так упрямо закрывались перед ним; он подошел к ним и постучал. Они по-прежнему оставались закрытыми, и, вернувшись обескураженный, он воскликнул: 'О! если бы Господь только открыл мне возможность вернуться и трудиться во Франции!' Внезапно казалось, что самое заветное из его желаний вот-вот исполнится.

Однажды, когда при дворе был устроен грандиозный прием, двое сыновей принца Роберта де ла Марш пришли засвидетельствовать свое почтение сестре короля. С VIII века Ла Марш образовал княжество, которое впоследствии стало уделом арманьяков и бурбонов.⁵³³ Евангелие нашло свой путь именно туда. Маргарет, которая в высокой степени обладала духом прозелитизма, сказала Русселю, указывая глазами на тех, чьего обращения она желала: 'Поговорите с этими двумя молодыми принцами; воспользуйтесь, я молю, этой возможностью продвинуть дело Иисуса Христа'. — 'Я так и сделаю', - с готовностью ответил капеллан. Подойдя к молодым дворянам, Руссель завел беседу о Евангелии. Де Сауси и Де Гиминец (ибо таковы были их имена) не выказывали никаких признаков удивления, но слушали с живейшим интересом. Евангелист осмелел и открыто объяснил им свои желания.⁵³⁴ 'Не только для вас самих, ' сказал он, - Бог дал вам жизнь, но и для блага членов церкви Иисуса Христа. Вам недостаточно принять Христа как своего Спасителя; вы должны передать ту же благодать своим подданным".⁵³⁵ Русселю стало тепло при мысли о том, что он увидит проповедь Евангелия на зеленых пастбищах, которые омывают Вьенна, Крез и Шер; через Герет, Беллак и древнюю территорию Лемовисов и Битуригов. Два молодых принца, со своей стороны, внимательно выслушали реформатора и полностью согласились с его словами.⁵³⁶ Капеллан Маргариты сделал еще один шаг; он думал, что нашел то, что искал для ревностного Фарела; и когда сыновья Роберта де ла Марша сказали ему, что чувствуют себя слишком слабыми для поставленной перед ними задачи, он сказал: "Я знаю только одного человека, пригодного для такой великой работы; это Уильям Фарел; Христос наделил его необычайным талантом возвещать о богатстве своей славы. Пригласите его'. Предложение привело молодых принцев в восторг. 'Мы желаем этого еще больше, чем вы, - сказали они. ' Наш отец и мы раскроем ему объятия. Он будет нам как сын, брат и отец.⁵³⁷ Пусть он ничего не боится: он будет жить с нами. Да, в нашем собственном дворце. Все, кого он там встретит, - друзья Иисуса Христа. Наш врач, мастер Генри, истинный христианин, сын покойного графа Франциска, сеньор Шато-Руж, его дети и многие другие будут рады его приезду. Мы сами, - добавили они, - будем там, чтобы принять его. Только прикажите ему поторопиться; пусть он придет до следующего Великого поста'. — 'Я обещаю вам, что он придет", - ответил Руссель. Два принца обязались основать типографию, чтобы Фарел мог с помощью прессы распространять евангельскую истину не только в Ла-Марке, но и по всему королевству. Руссель немедленно написал своему другу; Туссен присоединил свои мольбы к мольбам капеллана. "Никогда ни одно известие не радовало меня так сильно, - сказал он. - спеши туда как можно скорее".⁵³⁸

Молодые принцы Ла Марша были не единственными придворными аристократами, которых влияние герцогини Алансонской привлекло на пути Евангелия. Маргарет была не из "тех, кто громко плачет", - говорит христианка ее времени, - "но из тех, чье каждое слово сопровождается поучением и проникнуто нежностью". Ее глаз всегда был настороже, чтобы обнаружить души, которые она могла бы привлечь к своему Хозяину. Знатные лорды, леди и девицы, литераторы, представители мантии, меча и даже Церкви слышали либо из ее уст, либо из уст Руссея, либо из уст кого-то другого из ее друзей Слово жизни. Знать питала тайную, но очень давнюю неприязнь к священникам, которые так часто посягали на их привилегии, и ничего так не желала бы, как освободиться от их ига. Маргарита опасалась, что молодые дворяне обратятся лишь наполовину - что в них не произойдет обновления сердца и жизни; и история религиозных войн слишком ясно показывает, насколько обоснованны были ее опасения. Зная, как трудно "идти по пути к небесам", она настаивала на необходимости реального и нравственного христианства и говорила веселым юношам, привлеченным очарованием ее личности и великолепием ее положения:

Кто хочет быть истинным христианином,
Должен следовать примеру своего Господа;
Все мирские блага отвергнуты
, а земная слава ничего не значит;
Честь, богатство и друзья так сладки, что
Он должен попирать их ногами: —
Но, увы! немногим дано
Таким образом пройти путь к небесам!

С готовностью, радостным сердцем
Разделите Его имущество между бедными;
Простите чужие прегрешения;
Отложите месть и гнев в сторону.
Будь добр к тем, кто причиняет тебе зло;
Если кто—нибудь ненавидит тебя, люби их по-прежнему: -
Но, увы! немногим дано
Таким образом пройти путь к небесам!

310

Он должен считать смерть прекрасной,
И торжествуяще петь над ней;
Любить ее более теплым сердцем,
Чем он любит смертных.
В боли, которая терзает плоть,
Находи удовольствие и в печали;
Люби смерть так, как он любит жизнь,
С более чем смертной радостью: —
Но, увы! немногим дано
Таким образом пройти путь к небесам!⁵³⁹

Добьется ли Маргарет успеха? Королева при всем великолепии ее положения не является хорошим реформатором; для этой работы нужны бедные и скромные люди. Всегда существует опасность, когда принцы становятся миссионерами; некоторые люди из их окружения легко становятся лицемерами. Маргарет привлекала мужчин к Евангелию, но большая часть тех, кто был призван ею, далеко не продвинулись; их христианство оставалось поверхностным. Действительно, в высших слоях французского общества было много просвещенных людей, но мало кто из них был поражен Словом Божьим. Многие — и это распространенная ошибка во все века — не могли видеть в учении Иисуса Христа ничего, кроме интеллектуальных истин: фатальная ошибка, которая может разложить религиозную жизнь Церкви и разрушить национальную жизнь народа. Нет тенденции более противоположной евангельскому протестантизму, который зависит не от интеллектуальной, а от моральной способности. Когда Лютер пережил ту ужасную борьбу в монастыре в Эрфурте, это было потому, что его беспокойная совесть искала покоя; и мы можем сказать о Реформации, что она всегда начиналась с пробуждения совести. Совесть — это палладиум протестантизма, гораздо больший, чем статуя Паллады, залог сохранения Трои. Если дворянство поставило под угрозу Реформацию во Франции, то это произошло потому, что их совесть не была сильно пробуждена.

Фарел был бы человеком, подходящим для этой работы. Он был одним из тех, чей простой, серьезный тон увлекает массы. Его громовой голос заставлял слушателей трепетать. Сила его убеждений вселяла веру в их души, пылкость его молитв возносила их к небесам. Когда они слушали его, "они почувствовали", как говорит Кальвин, "не просто несколько легких уколов и жал, но были ранены и пронзены в самое сердце; и лицемерие было вытащено из тех удивительных и более чем извилистых тайников, которые лежат глубоко в сердце человека". Он разрушал и созидал с одинаковой энергией. Даже его жизнь — апостольский путь, полный самопожертвования, опасностей и триумфа, — была столь же действенной, как и его проповеди. Он был не только служителем Слова, но и епископом. Он был способен различать молодых людей, способных владеть оружием Евангелия, и направлять их в великой войне того времени. Фарель никогда не нападал на места, какими бы труднодоступными они ни были, которые он не захватывал. Таков был человек, которого тогда призвали во Францию и которому, казалось, было суждено стать ее реформатором. Письма Русселя и Туссена с приглашением Фареля были отправлены в Страсбург и прибыли туда в декабре 1526 года.

Фарель, оставшийся один в этом городе после отъезда своих друзей, продолжал, как мы уже упоминали, смотреть во Францию. Он все ждал и ждал, не решаясь отправиться в Швейцарию, куда его пригласили; но те ворота Франции, от которых он не мог отвести глаз, по-прежнему оставались закрытыми. Он размышлял; он спрашивал себя, какое место уготовил ему Бог. Его проникательный взгляд стремился проникнуть в будущее.... Не следует ли ему вернуться в Дофини? В Гэпе и Маноске у него были родственники, благосклонно относившиеся к Евангелию: его брат Вальтер, секретарь епископального суда; его брат Жан-Жак, который толковал Библию с такой же смелостью, как и он сам; Антуан Алоа, нотариус, женившийся на одной из своих племянниц; его шурин, благородный Гонора Рикетти, "один из предков Мирабо", как сообщает нам архивариус Верхних Альп.⁵⁴⁰ Конечно, мало имен, которые мы могли бы так удивиться, увидев вместе, как имена этих людей. Фарель и Мирабо; и все же между этими двумя французами есть по крайней мере две точки соприкосновения: сила их красноречия и смелость их реформ.

Фарел не вернулся в Гэп; если бы он это сделал, мы можем предположить, как бы его приняли, исходя из оказанного ему несколькими годами позже приема, подробности которого археолог обнаружил в 'Анналах капуцинов' Гэпа. Фарель, уже старый человек, желавший проповедовать Евангелие в своей родной стране до того, как Бог призовет его из мира, отправился и поселился на кукурузной мельнице у ворот своего родного города, где он 'догматизировал' крестьян на основе французской Библии, которую он объяснял "на свой манер", используя слова римско—католического автора. Вскоре он начал проповедовать в самом центре города, в часовне, посвященной святой Коломбе. Магистрат запретил ему выступать, а парламент Гренобля потребовал 'сжечь его', как говорят капуцины. Фарел ответил формальным отказом повиноваться, после чего заместитель судебного пристава Бенедикт Олье, ревностный католик, в сопровождении нескольких сержантов и офицеров полиции проследовал в часовню, где Фарел проповедовал. Дверь была закрыта; они постучали, но никто не ответил; они ворвались внутрь и обнаружили значительную толпу; никто не повернул головы, все жадно прислушивались к словам реформатора. Служители правосудия направились прямо к кафедре; Фареля схватили, и с 'преступлением' (Библией) в руке, по выразительному выражению капуцинов, провели сквозь толпу и заперли в тюрьме. Но последователей нового учения уже можно было найти в каждом классе — на чердаке рабочего, в лавке торговца, в укрепленном особняке знати, а иногда даже во дворце епископа. Ночью реформаторы силой или хитростью вывели храброго старика из тюрьмы, отнесли его на крепостной вал и спустили в корзине в поле. "Сообщники" поджидали его, и проповедник сбежал вместе с ними.⁵⁴¹ Теперь давайте вернемся в 1526 год.

Бертольд Галлер, реформатор Берна, пригласил Фареля в Швейцарию. Бернцы владели определенными районами в Римской Швейцарии, где был необходим миссионер, говорящий на французском языке. Приглашения благочестивого Галлера были повторены. Если Франция закрыта, Швейцария открывается; Фарель больше не может колебаться; Бог забирает его из одной из этих стран и призывает в другую; он послушается.

Фарель, глубоко опечаленный мыслью о том, что родина отвергла его, скромно покинул Страсбург пешком однажды в декабре 1526 года; и, поднявшись вверх по Рейну, направил свои стопы в те альпийские районы, в которых он стал одним из величайших реформаторов.⁵⁴² Он был в пути, когда посланец Туссена и Русселя прибыл в Страсбург.... Было уже слишком поздно. Его друзья, зная, что он едет в Берн, послали письма вслед за ним, и именно в Эгле, где Фарель устроился школьным учителем, он получил приглашение лордов Ла Марша. Что ему делать? Он может вернуться. Должен ли он пренебречь призывом Бога и лордов Берна следовать тому, что послали ему принцы? В его душе происходила жестокая борьба. Разве Франция не была его родиной? Была; но ... слишком поздно! Бог сказал свое слово, сказал он себе; и хотя Фарел был приглашен принцами, он остался за скромной партой в своей маленькой школе в маленьком городке Эгль, расположенном между величественным Дент-дю-Миди и суровыми ледниками Даблере. Таким образом, реформатор, о котором многие христиане думали для Франции, был потерян для нее.

Франция, однако, не была лишена ресурсов; у нее все еще был Беркен, которого некоторые называли *Лютером*; но в то время как изгнанники и заключенные слышали, что пробил час освобождения, Беркен, хотя к нему относились с большим вниманием, все еще был лишен свободы. Маргарита была неутомима в своих обращениях к королю. Она даже пыталась смягчить Монморанси; но римские богословы делали все возможное, чтобы

противодействовать ее влиянию. Друзья и враги в равной степени придерживались мнения, что если бы Берквин был свободен, он нанес бы много тяжелых ударов по иерархии. Наконец, после восьмимесячной борьбы Маргарет одержала победу; Беркен покинул свою тюрьму в ноябре 1526 года, как раз в то время, когда Фарель покидал Францию.

Герцогиня Алансонская немедленно рассыпалась в благодарностях. Назвав Монморанси более нежным именем, чем обычно, она сказала: 'Я благодарю тебя, сын мой, за то удовольствие, которое ты доставил мне ради бедного Беркена. Вы можете сказать, что вытащили меня из тюрьмы, ибо я ценю это как услугу, оказанную самому себе'.⁵⁴³ ... 'Милорд, ' писала она королю, ' мое желание повиноваться вашим приказам и без того было очень велико, но вы удвоили его благодаря милосердию, которое вам было угодно проявить к бедному Беркену. Тот, за кого он пострадал, получит удовольствие от милости, которую ты проявил к его слуге и к себе в твою честь; и смущение тех, кто забыл Бога, будет не меньшим, чем вечная слава, которую Бог дарует тебе'.⁵⁴⁴

Как только Беркен оказался на свободе, он начал размышлять о своей великой работе, которая заключалась в уничтожении силы заблуждения. Его освобождение не было в его глазах простым освобождением из тюрьмы — это был призыв. Его мало заботило (как ни умолял его Эразм) предаваться сладкому отдыху на берегах Соммы; его искренним желанием было сражаться. Он считал, что жизнь христианина должна быть непрерывной войной. Никакого перемирия с сатаной! Теперь для него Сатаной была Сорбонна, и он сомневался в победе не больше, чем если бы война уже закончилась. Беркен был повсеместно известен, любим и уважаем. К решительности и рвению Фарела он добавил знание мира, которое было тогда наиболее необходимым. Маргарет привязалась к нему по крайней мере так же сильно, как к Русселю. Среди христиан обычно считалось, что Бог вызволил его из тюрьмы для того, чтобы поставить во главе Реформы во Франции: сам Беркен думал именно так. Друзья Реформации возрадовались, и важное обстоятельство укрепило их надежды.

Маргарет ждала еще одна радость. Франциск наконец понял, что Генрих VIII. предпочел Анну Болейн своей прославленной сестре, чьей фрейлиной она когда-то была. С этого часа он больше не противился желаниям короля Наваррского и в ноябре дал согласие на свой союз с мадам Алансонской.

24 января 1527 года блестящая толпа заполнила часовню дворца Сен-Жермен, где должно было состояться бракосочетание сестры короля, и все уста превозносили гений, изящество и добродетели принцессы. Маргарита Французская и Анри д'Альбре объединились, и в течение недели проходили великолепные турниры. Франциск дал супружеской паре очень хорошие обещания. "Успокойся, - сказал он Генриху, - я призову императора восстановить твое королевство Наварра, и если он откажется, я дам тебе армию, чтобы вернуть его".⁵⁴⁵ Но вскоре после этого этот принц, составляя дипломатический документ, которым он обязывал Карла V вернуть двух его сыновей, тогда заложников в Мадриде, вставил следующий пункт: "Пункт, упомянутый король обещает не помогать и не благоволять королю Наварры в восстановлении его королевства, хотя он женился на его любимой и единственной сестре".⁵⁴⁶

В то время Маргарет думала о других вещах, кроме земных царств. В этот торжественный момент она обратила свой взор к вечности и излила свое сердце на груди друга. 'Тысяча случайностей может разлучить нас с этим миром', - сказала она мадам де Ларошфуко. 'Будь мы рядом или далеко, в мире или на войне, верхом или в постели ... Бог забирает и оставляет, кого ему

заблагорассудится".⁵⁴⁷ Королева вскоре обнаружила, что ее удел не всегда был солнечным и что настроение Генриха д'Альбре не всегда было одинаковым. Слабость мужа побудила ее более усердно искать 'небесного возлюбленного', как она сказала мадам де Ларошфуко; а великолепная свадьба, о которой так долго говорили, заставила ее желать лучшего брака. Именно тогда она написала:

Если бы настал день, о Господь,
Столь желанный мной,
Когда узами небесной любви
Я буду привлечен к тебе!
Соединенные в вечной жизни,
ты - муж, а я - жена.

Этот свадебный день, о Господи,
так жаждет увидеть мое сердце,
Что ни богатство, ни слава, ни чин
Не доставят мне удовольствия.
Для меня мир больше не
Может доставлять наслаждение.
Если ты, Господи, не будешь там со мной...
Вот! все темно, как ночь.⁵⁴⁸

Молитва не составляла единственного счастья новой королевы: активность, благотворительность, стремление помогать другим доставляли ей не меньше удовольствия. Выйдя замуж, она получила больше свободы для защиты Реформы. "Все взоры прикованы к тебе", - писал ей Капитон.⁵⁴⁹ Она думала, что Руссель, ее духовник, и Майкл из Аранды, ее епископ, вот-вот заметно продвинут царство Божье, и радовалась, видя, как эти образованные и нравственные люди с каждым днем все решительнее выступают в пользу истины.⁵⁵⁰

Мир переживал один из величайших поворотных моментов своей истории; и любители литературы и Евангелия сказали себе, что Франция, которая в средние века всегда была в авангарде общества, теперь не окажется в тылу. Они думали, что чистая вера проникнет в каждый класс, обновит источники нравственной жизни и одновременно научит людей послушанию и свободе. Оказавшись между средним и современным веками, Франциск I. хотел, чтобы новые времена заменили старые во всем. На самом деле, все менялось. Готическая архитектура уступила место творениям эпохи Возрождения; изучение классических авторов заняло место университетской схоластики; и в залах дворца, смешанных со знатью и священниками, можно было увидеть толпу новых людей — филологов, археологов, поэтов, художников и докторов римского права. Когда свет, таким образом, пробивался повсюду, оставалась бы закрытой от него только Церковь? Эпоха Возрождения открыла врата в новую эру, а Реформация придаст новому поколению сил, необходимых для того, чтобы вступить в них.

Но где был человек, который мог бы дать миру, и особенно везде, где говорили на французском языке, такой сильный и спасительный импульс? Это были не Лефевр, не Руссель, не Фарель и не Беркен.... Кто же это был тогда?

Настало время, когда мы должны научиться узнавать его.

ГЛАВА VII. РАННИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАННЯЯ БОРЬБА КАЛЬВИНА. 1523-1527гг.)

Тенденции эпохи обычно персонифицируются в каком-нибудь человеке, которого она порождает, но который вскоре подавляет эти тенденции и ведет их к цели, которой они иначе не смогли бы достичь. К категории этих выдающихся личностей, этих великих людей, одновременно детей и мастеров своего времени, принадлежали реформаторы. Но в то время как герои мира возводят силы своей эпохи на пьедестал собственного величия, служители Бога думают только о том, как заставить их служить величию своего Учителя. Реформация существовала во Франции, но реформатор все еще был неизвестен. Фарел был бы могущественным проповедником, но его страна отвергла его, и, будучи помимо того, что человеком битвы, он не был ни врачом, ни проводником, которых требовала работа шестнадцатого века. Вот-вот должен был появиться человек более великий, чем Фарел, и мы продолжим наблюдать за его первыми шагами на пути, по которому ему впоследствии предстояло стать проводником многих народов.

В 1526 году в парижском колледже Ла Марш в классах учились профессор лет пятидесяти и семнадцатилетний стипендиат: их часто видели вместе. Ученик, вместо того чтобы играть со своими одноклассниками, в часы досуга привязывался к своему учителю и жадно прислушивался к его разговорам. Они были едины, как иногда бывают едины выдающийся учитель и ученик, которому суждено стать великим человеком. Их звали Матюрен Кордые и Джон Кальвин.⁵⁵¹ Матюрен был одним из тех людей древнего склада, которые всегда предпочитали общественное благо своим собственным интересам и славе; и соответственно, пренебрегая блестящей карьерой, которая лежала перед ним, он посвятил всю свою жизнь воспитанию детей. До приезда Кальвина в Париж у него был первый класс в колледже, и он преподавал его с честью; но он не был удовлетворен; он часто делал паузу посреди своих уроков, обнаруживая, что его ученики обладают лишь поверхностными знаниями из того, что они должны были знать досконально. Преподавание, вместо того чтобы доставлять ему удовольствие, которого он жаждал, вызывало у него только печаль и отвращение. 'Увы!' - сказал он, - "другие учителя учат детей из честолюбия и тщеславной славы, и именно поэтому они недостаточно основательны в своих занятиях". Он пожаловался директору колледжа. "Ученые, которые поступают в первый класс, - сказал он, - не воспитывают ничего основательного: они надутые только для того, чтобы устроить шоу, так что мне приходится начинать учить их заново".⁵⁵² Поэтому Кордые пожелал оставить первый класс и перейти в четвертый, чтобы хорошо заложить основы.

Он только что принял на себя эту скромную должность, когда однажды, в 1523 году, увидел входящего в его школу мальчика, худого, бледного, застенчивого, но серьезного и с выражением большого ума. Это был Джон Кэлвин, которому тогда было всего четырнадцать лет. Сначала он был застенчив и робок в присутствии ученого профессора, но последний,

обнаружив в нем ученого нового типа, сразу же привязался к нему и получал удовольствие от развития его молодого и разностороннего интеллекта. Постепенно опасения мальчика-нойона рассеялись, и в течение всего времени, проведенного в колледже, он наслаждался наставлениями учителя, 'как особым благословением от Бога'. Соответственно, когда спустя годы они оба были изгнаны из Франции и поселились в горах Швейцарии, Кальвин, в то время один из величайших врачей Европы, любил со смирением возвращаться к тем дням своего детства и, публично выражая свою благодарность, говорил Кордые: 'О мастер Матюрен, о человек, одаренный ученостью и великим страхом Божиим! когда мой отец отправил меня в Париж, когда я был еще ребенком, и владел лишь немногими зачатками латинского языка, Божьей волей было, чтобы я выбрал вас своим учителем, чтобы наставить меня на истинный путь и правильный способ обучения; и, впервые начав курс обучения под вашим руководством, я продвинулся так далеко, что теперь могу в некоторой степени приносить пользу Церкви Божьей".⁵⁵³

На момент поступления Кальвина в колледж и учитель, и ученик, одинаково незнакомые с евангельским учением, благочестиво следовали римскому богослужению. Несомненно, Кордые не был удовлетворен обучением своего любимого ученика латыни и греческому; он посвятил его также в ту более общую культуру, которая характеризовала эпоху Возрождения; он передал ему определенные знания об античности и древней цивилизации и рано внушил ему пыл, который воодушевлял классическую школу; но когда Кальвин говорит, что Кордые наставил его "на путь истинный", он имеет в виду путь науки, а не Евангелия.

Через некоторое время после прибытия ученого директор колледжа, посчитав его более продвинутым, чем его одноклассники, решил перевести его в более высокий класс. Когда Кальвин услышал об этом, он не смог подавить своей печали и поддался одному из тех приступов гнева и дурного настроения, от которых он так и не смог полностью излечиться. Никогда повышение по службе не причиняло ученому такого горя. 'Дорогой мастер Матюрен, ' сказал он, 'этот человек, такой легкомысленный и лишенный суждений, который устраивает мои занятия по своей воле или, скорее, в соответствии со своей глупой фантазией, не позволит мне больше наслаждаться вашими наставлениями; он слишком рано переводит меня в более высокий класс.... Какое несчастье!"⁵⁵⁴

Однако речь шла лишь о том, чтобы перевести его из одного класса в другой, а не, как некоторые предполагали, в другой колледж. Кэлвин, продолжая высшее образование, по-прежнему оставался под одной крышей с Кордые. Он подбегал к нему в перерывах между уроками, впивался в его уста и в течение всего своего пребывания в Ла Марше продолжал пользоваться изысканным вкусом Кордые, чистокровной латиноамериканкой, обширной эрудицией и замечательными способностями к воспитанию молодежи.

И все же настал момент, когда нам пришлось расстаться. Джон Кальвин сказал своему профессору, что его предназначали в священники, согласно договоренности его отца, который надеялся, что благодаря защите своих могущественных друзей его сын достигнет высокого положения в Церкви. Поэтому ученый должен поступить в один из колледжей, предназначенных для подготовки ученых священников. В Париже их было два: Сорбонна и Монтегю,⁵⁵⁵ и был выбран последний. Поэтому однажды, в 1526 году, настал момент, когда молодому человеку пришлось распрощаться с превосходным Кордые. Он был очень огорчен: ему предстояла разлука с ним не только на время учебы, но и на долгие дни совместной жизни.

Всю жизнь его нежная натура цеплялась за тех, кто проявлял к нему симпатию. Он покинул своего учителя с сердцем, переполненным благодарностью. 'Наставления и тренировка, которые вы мне дали,' сказал он спустя годы, 'сослужили мне такую хорошую службу, что я искренне заявляю, что всем последовавшим за этим продвижением я обязан вам. Я хочу засвидетельствовать это тем, кто придет после нас, чтобы, если они извлекут какую-то пользу из моих писаний, они могли знать, что частично это исходит от тебя'.⁵⁵⁶ У Бога часто есть великие учителя в резерве для великих людей. Кордье, учитель, впоследствии стал учеником своего ученика и, в свою очередь, поблагодарил его, но это было за божественное учение неоценимой ценности.

Когда Кэлвин поступил в колледж Монтегю, он был огорчен, потому что не мог надеяться найти там учителя, которого потерял; и все же он был полон энтузиазма и счастья от того, что перед ним открывалась более широкая область исследований.

Одним из первых профессоров, на которых он обратил внимание, был испанец,⁵⁵⁷ который под холодной внешностью скрывал любящее сердце и чей серьезный и молчаливый вид скрывал глубокие привязанности. Кальвин почувствовал влечение к нему. Слава молодого ученого опередила его в Монтегю, и, соответственно, врач с Пиренейского полуострова обратил на него внимательный взор. Неторопливый, спокойный и обдуманный, какими обычно бывают испанцы, он внимательно изучил молодого Кальвина, имел с ним несколько душевных бесед и вскоре перешел от величайшей холодности к живейшей привязанности. "Какой замечательный гений!" - воскликнул он.⁵⁵⁸

Профессор привез из Испании пылкий католицизм, строгие обряды, слепое рвение, которые характеризуют его нацию.

Поэтому ученый из Нойона не мог получить от него никаких евангельских знаний; напротив, испанец, обрадованный тем, что его ученик "упрямо придерживается папских суеверий",⁵⁵⁹ надеялся, что молодой человек станет ярким светом в Церкви.

Кальвин, преисполненный восхищения поэтами, ораторами и философами древности, жадно изучал их и обогатил свой разум их сокровищами; в его трудах мы часто встречаем цитаты из Сенеки, Вергилия и Цицерона. Вскоре он оставил всех своих товарищей далеко позади. Профессор, смотревший на него с удивлением, перевел его в класс философии, хотя он еще не достиг требуемого возраста.⁵⁶⁰ Затем перед его тонким пониманием открылся новый мир, мир мысли; он исследовал его с неутомимым рвением. Логика, диалектика и философия обладали для него неописуемым очарованием.⁵⁶¹

У Кальвина было много друзей среди его коллег по колледжу; тем не менее, он высоко возвышался над всеми ними благодаря нравственности своего характера. В нем не было ни педантизма, ни жеманства; но когда он прогуливался по дворам колледжа или по залам, где собирались ученики, он не мог быть свидетелем их ссор, их безумств, их легкомысленных манер и не порицать их искренне. 'Он во всем находит недостатки', - пожаловался один ученый на двусмысленное поведение. "Лучше воспользуйся советом столь молодого и добросовестного цензора", — отвечали более мудрые.⁵⁶² "Римские католики, чьи свидетельства были безупречны, - говорит Теодор Беза, - рассказали мне об этом много лет спустя, когда его имя стало знаменитым".⁵⁶³ "Не только поступок, - сказал впоследствии Кальвин, - но и взгляд и даже тайное стремление делают людей виновными". - "Ни один мужчина, - говорит один из его

противников, - никогда не испытывал такой сильной ненависти к прелюбодеянию".⁵⁶⁴ По его мнению, целомудрие было венцом молодости и средоточием всякой добродетели.

Руководители колледжа Монтегю были восторженными сторонниками папства. Беда, столь известный своими яростными выступлениями против Реформации, своими фракционными интригами и своим тираническим авторитетом, был директором школы.⁵⁶⁵ Он с удовлетворением наблюдал за молодым Кальвином, который, строго соблюдая обычаи Церкви, никогда не пропускал ни поста, ни уединения, ни мессы, ни процессии. 'Прошло много времени, ' говорили, ' с тех пор как в Сорбонне или Монтегю были столь благочестивые семинаристы'. Пока Лютер, Кальвин и Фарель были в Папской церкви, они принадлежали к ее самой строгой секте. Строгие упражнения в жизни преданного были школьным учителем, который приводил их ко Христу. "В то время я был так упрямо предан папским суевериям, - сказал Кальвин, - что казалось невозможным, чтобы меня когда-нибудь вытащили из глубокой трясины".

Не меньше он удивлял своих наставников своим стремлением учиться. Поглощенный книгами, он часто забывал о времени приема пищи и даже сна. Люди, жившие по соседству, обычно показывали друг другу, возвращаясь вечером домой, крошечный и одинокий огонек, окно, освещенное почти всю ночь напролет: в том квартале долго говорили об этом. Джон Кальвин опередил своих товарищей в философии, как и в грамматике. Затем он обратился к изучению теологии и, как ни странно, был в восторге от Скотта, Бонавентуры и Фомы Аквинского. Последний упомянутый писатель имел для него особое очарование. Если бы Кальвин не был реформатором, он стал бы томистом. Схоластика казалась ему царицей наук; но сначала он был страстным любовником только для того, чтобы впоследствии стать ее ужасным противником.

Его отец, секретарь епархии Нойона, всегда лелеял надежду сделать своего сына сановником Церкви. С этой целью он снискал расположение епископа и смиренно беседовал с канониками. Джон в течение нескольких лет был капелланом Ла-Гезине, но это не удовлетворило отца; и, соответственно, когда место жительства святого Мартина Мартевильского освободилось, Жерар Ковен попросил и, к своей великой радости, получил эту церковь для ученика Монтегю, который на тот момент только принял постриг. Это было в 1527 году. Кальвин, вероятно, воспользовавшись отпуском, отправился повидать свою семью и свой новый приход. Предполагалось, что он проповедовал там. 'Хотя он еще не принял сан, ' говорит Беда, ' он произнес несколько проповедей перед народом'. Действительно ли он выступал за кафедры своей родной страны в то время, когда начиналась его внутренняя борьба? Услышать его было бы большим удовлетворением для его отца, и его возраст не был препятствием для его проповеди; некоторые великие проповедники начинали еще раньше. Но нам кажется, после изучения этого отрывка, что он говорил в своей собственной церкви только позже, когда Евангелие полностью восторжествовало в его сердце. Но, как бы то ни было, у Кальвина был приход в восемнадцать лет: однако он не был посвящен в священник.

Вокруг него засиял новый свет, который имел лишь малое сходство с ложным сиянием схоластики. В то время в воздухе витало дыхание Евангелия, и этот оживляющий ветерок достигал ученого в стенах его колледжа и монаха в уединенных уголках его монастыря; никто не был защищен от его влияния. Кальвин слышал, как люди говорили о Священном Писании, о Лефевре, о Лютере, о Меланхтоне и о том, что происходило в Германии. Когда лучи солнца поднимаются над Альпами, первыми их улавливают высочайшие вершины; аналогичным

образом, самые выдающиеся умы были просветлены первыми. Но то, что одни принимали, другие отвергали. В колледжах происходили резкие и частые стычки, и Кальвин поначалу был в числе самых непреклонных противников Реформации.

Молодой человек из Нойона, его двоюродный брат, немного старше его, часто навещал его в колледже. Пьер Робер Оливетан, не обладая непревзойденным гением своего молодого родственника, был одарен твердым умом, большим упорством в исполнении своих обязанностей, непоколебимой верностью своим убеждениям и святой смелостью, когда возникала необходимость бороться с ошибками. Это он продемонстрировал в Женеве, где был одним из первых, кто высказался в пользу Евангелия. Когда Кальвин обнаружил, что друг его детства запятнан ересью, он почувствовал глубочайшую скорбь. Какая жалость! подумал он; ведь Оливетан был знаком не только с латынью, но и с греческим и даже с ивритом. Он читал Ветхий и Новый Заветы на языках оригинала и был знаком с Септуагинтой. Изучение Священного Писания, родиной которого, по-видимому, была Пикардия во Франции (все трое пикардинцев были Лефевр, Оливетан и Кальвин), значительно расширилось с тех пор, как был опубликован перевод Лефевра. Это правда, что большинство из тех, кто занимался этим, "бегло просматривали Священные Писания, - говорит Кальвин, - но другие копали глубоко в поисках сокровища, которое там было спрятано". Среди них был Оливетан, и именно он однажды дал людям, говорящим на французском языке, перевод Священных Писаний, который стал известным в истории Библии.

Хронологию жизни Кальвина в период его учебы установить труднее, чем хронологию жизни Лютера. Мы смогли указать почти на те самые дни, когда в реформаторе Германии завершились наиболее поразительные преобразования его веры. С реформатором Женевы дело обстоит иначе. Точный момент, когда в душе Кальвина произошла эта борьба, это поражение или эта победа, определить невозможно. Должны ли мы поэтому замалчивать историю его духовных битв? Обойти их молчанием значило бы не выполнить первейший долг историка.⁵⁶⁶

Оливетан, который в то время был охвачен всем пылом прозелитизма, испытывал большой интерес к своему кузену-католику, в то время как последний желал бы любой ценой вернуть своего друга в лоно Церкви. У двух юных пикардинцев было много долгих и оживленных бесед, в которых каждый стремился обратить другого.⁵⁶⁷ 'Существует много ложных религий, - сказал Оливетан, - и только одна истинная'. Кальвин согласился. 'Ложные - это те, которые изобрели люди, согласно которым мы спасаемся нашими собственными делами; истинные - это то, что исходит от Бога, согласно которому спасение дается даром свыше.... Выбери истину'.⁵⁶⁸ Кальвин сделал знак несогласия. "Истинная религия, - продолжал Оливетан, - это не та бесконечная масса церемоний и обрядов, которые Церковь навязывает своим последователям и которые отделяют души от Христа. О мой дорогой друг! перестань кричать вместе с папистами: "Отцы! врачи! Церковь!" и послушай вместо этого пророков и апостолов. Изучайте Священные Писания".⁵⁶⁹ 'Я не потерплю ни одной из ваших доктрин, - ответил Кальвин. - их новизна оскорбляет меня. Я не могу тебя слушать. Ты воображаешь, что меня всю жизнь учили ошибкам?... Нет! Я буду упорно сопротивляться вашим нападкам'.⁵⁷⁰ Спустя годы Кальвин сказал: 'Мое сердце, ожесточенное суевериями, осталось нечувствительным ко всем этим призывам'. Двоюродные братья расстались, мало довольные друг другом. Кальвин, напуганный нововведениями своего друга, упал на колени в часовнях и молил святых заступиться за эту заблудшую душу.⁵⁷¹ Оливетан заперся в своей комнате и молился Христу.

И все же Кальвин, чей ум был по существу сосредоточен на наблюдении, не мог присутствовать в гуще великого движения, происходящего в мире, не размышляя об истине, об ошибке и о самом себе. Часто, когда он оставался один и голоса людей затихали, более могущественный голос взывал к его душе, и его комната становилась ареной борьбы, такой же жестокой, как и в камере в Эрфурте. Пройдя через одни и те же бури, оба этих великих реформатора достигли одной и той же гавани. Кальвин пришел к вере тем же практическим путем, который привел Фареля и Августина, Лютера и святого Павла.

Студент Монтегю, встревоженный спорами со своим молодым родственником, заперся в своей маленькой комнате и осмотрел себя; он спросил себя, кто он такой и куда направляется.... "О Господи, - сказал он, - ты знаешь, что я исповедую христианскую веру такой, какой я научился ей в юности.⁵⁷² ... И все же чего-то не хватает.... Меня учили поклоняться тебе как моему единственному Богу; но я не знаю истинного поклонения, которое я должен воздавать.⁵⁷³ ... Меня учили, что Сын Твой искупил меня своей смертью. ... но я никогда не ощущал в своем сердце силы этого искупления.⁵⁷⁴ Меня учили, что однажды произойдет воскресение; но я боюсь его, как самого ужасного из дней.⁵⁷⁵ ... Где мне найти свет, который мне нужен?... Увы! твоё Слово, которое должно было просвещать твой народ подобно светильнику, было отнято у нас.⁵⁷⁶ ... Люди говорят вместо этого о скрытом знании и о небольшом количестве посвященных, оракулов которых мы должны получить.... О Боже, просвети меня своим светом!"

Руководство колледжа Монтаигу начало испытывать некоторое беспокойство по поводу своего студента. Испанский профессор, склонный, как и его соотечественники, к духу нетерпимости, с ужасом увидел молодого человека, чья преданность поначалу очаровала его, недовольного традиционной религией и, возможно, готового отречься от нее. Могли ли лучшие из их учеников впасть в ересь?... Наставники вступили в беседу с Кальвином, и, все еще преисполненные привязанности к молодому человеку, стремились укрепить его в римской вере. "Высшая мудрость христиан, — говорили они, — это слепое подчинение Церкви,⁵⁷⁷ и их высшее достоинство - праведность их дел".⁵⁷⁸ - "Увы!" - ответил Кальвин, сознававший свою вину. "Я жалкий грешник!" - "Это правда, - ответили профессора, - но есть способ получить милость: это удовлетворить правосудие Божье.⁵⁷⁹ ... Исповедуйтесь в своих грехах священнику и смиренно просите отпущения грехов.... Изгладьте память о своих проступках своими добрыми делами, и, если чего-то все еще не хватает, восполните это, добавив торжественные жертвоприношения и очищения".

Услышав эти слова, Кальвин подумал, что тот, кто слушает священника, слушает самого Христа. Смирившись, он пошел в церковь, зашел в исповедальню, упал на колени и признался в своих грехах Божьему служителю, прося отпущения грехов и смиренно принимая все наложенные на него епитимьи. И немедленно, со всей энергией своего характера, он попытался приобрести заслуги, которых требовал его духовник. "О Боже! - сказал он, - я желаю своими добрыми делами изгладить воспоминание о моих прегрешениях.⁵⁸⁰ Он выполнил 'удовлетворение', предписанное священником; он даже вышел за рамки возложенной на него задачи и надеялся, что после стольких трудов он будет спасен.... Но, увы! его покой был недолгим. Не прошло и нескольких дней, может быть, нескольких часов, как, поддавшись порыву нетерпения или гнева, его сердце снова смутилось: ему показалось, что он видит, как Божье око проникает в глубины его души и обнаруживает ее нечистоту. "О Боже! - воскликнул он в тревоге. - твой взгляд леденит меня ужасом".⁵⁸¹ ... Он снова поспешил в исповедальню. — Бог - строгий судья, - сказал ему священник, - который сурово карает беззаконие. Сначала обратитесь с молитвами к

святым".⁵⁸² И Кальвин, который в последующие годы клеймил как богохульников тех, кто изобрел "ложных ходатаев", взывал к святым и молил их своим заступничеством умиловать Бога, который казался ему таким неумолимым.

Обретя, таким образом, несколько минут облегчения, он снова взялся за учебу; он был поглощен своими книгами; он побледнел при чтении Скотта и Фомы Аквинского; но посреди его трудов внезапное беспокойство овладело его разумом, и, оттолкнув от себя лежавшие перед ним тома, он воскликнул: 'Увы! моя совесть все еще очень далека от истинного спокойствия'.⁵⁸³ Его сердце было встревожено, его воображение возбуждено, он не видел ничего, кроме пропастей со всех сторон, и с криком тревоги он сказал: "Каждый раз, когда я нисхожу в глубины своего сердца; каждый раз, о Боже, когда я возношу свою душу к твоему престолу, мной овладевает крайний ужас."⁵⁸⁴ ... Я вижу, что никакое очищение, никакое удовлетворение не может исцелить мою болезнь.⁵⁸⁵ Моя совесть пронзена острыми жалами".⁵⁸⁶

Так шаг за шагом Кальвин опускался до самых глубин отчаяния; совершенно убитый горем и выглядевший как мертвец, он решил больше не заботиться о своем спасении. Он больше жил со своими товарищами по учебе, он даже разделял их развлечения; он навещал своих друзей в городе, искал такой беседы, которая отвлекла бы его мысли, и хотел вместе с древними афинянами рассказать или услышать что-нибудь новое. Останется ли дело Божье, начатое в его сердце, несовершенным?

В этом году произошло событие, которое не могло не затронуть глубины души Кальвина.

ГЛАВА VIII. ОБРАЩЕНИЕ КАЛЬВИНА И СМЕНА ПРИЗВАНИЯ. (1527)

Царство Христово укрепляется и утверждается скорее кровью мучеников, чем силой оружия", - сказал однажды нуайонский доктор.⁵⁸⁷ В тот период ему довелось убедиться в истинности этого утверждения.

Однажды в 1527 году тридцатилетний мужчина из хорошей семьи — он приходился родственником месье де Люде - духовного звания, протонотарий и обладатель нескольких бенефиций, по имени Николас Дуллон, обвиненный в ереси, стоял перед собором Нотр-Дам, на глазах у огромной толпы горожан, священников и простых людей. Утром палач отправился в тюрьму, снял с протонотария его официальную мантию и, накинув ему на шею веревку и вложив в руку свечу, провел его в таком виде ко входу в церковь Пресвятой Богородицы. Бедняга знал лучшие дни: он часто посещал дворцы Лувр, Сен-Жермен и Фонтенбло и общался со знатью в присутствии короля, своей матери и сестры; он также был одним из офицеров Климента VII. Добрые люди Парижа, которых сблизил эта казнь, говорили друг другу, став свидетелями печального зрелища: "Он часто бывал при королевском дворе и жил в Риме на службе у папы".⁵⁸⁸

Дуллона обвинили в том, что он произнес великое богохульство против славной матери Господа нашего и против самого Господа нашего: он отрицал, что воинство в самом деле было Христом.

Духовенство воспользовалось отсутствием короля и использовало беспрецедентную поспешность в судебном процессе. 'Его схватили в предыдущий четверг', а четыре дня спустя он стоял с непокрытой головой и босиком, с веревкой на шее, перед парижской церковью метрополитен. Все слушали, ожидая услышать извинения, которые он принесет Пресвятой Деве; но они слушали напрасно: Дуллон оставался тверд в своей вере до последнего. Соответственно, палач снова возложил на него руки, и протонотарий под охраной сержантов, впереди и сопровождаемый толпой, был доставлен в Грев, где его привязали к столбу и сожгли заживо.⁵⁸⁹ Казнь священника, имевшего некоторое церковное достоинство, произвела сенсацию в Париже, особенно в школах и среди последователей Реформы. "Ах! - сказал впоследствии Кальвин. - муки святых, которых рука Господня делает непобедимыми, должны были бы придать нам смелости; ибо таким образом мы заранее имеем залог нашей победы в лицах наших братьев".

В то время как смерть редела в рядах евангелической армии, новые солдаты приходили на место тех, кто исчез. Кальвин некоторое время блуждал во тьме, отчаявшись в спасении путем папы и не зная пути Иисуса Христа. Однажды (мы не можем сказать, когда именно) он увидел свет, пробивающийся сквозь мрак, и утешительная мысль внезапно проникла в его сердце. "Возникла новая форма доктрины", - сказал он.⁵⁹⁰ - Если я ошибался... правы ли Оливетан, правы ли другие мои друзья, правы ли те, кто отдает свои жизни за сохранение своей веры... нашли ли они на этом пути покой, в котором мне отказывают доктрины священников?' ... Он начал обращать внимание на то, что ему говорили; он начал исследовать состояние своей души. Луч света озарил ее и обнажил его грех. Его сердце было встревожено: ему казалось, что каждое слово Божье, которое он находил в Священном Писании, срывало завесу и порицало его за его прегрешения. Он проливал потоки слез. "Несомненно, - сказал он, - эти новые проповедники знают, как уколоть совесть.⁵⁹¹ Теперь, когда я готов быть по-настоящему внимательным, я начинаю видеть, благодаря пролитому на меня свету, в какой трясине ошибок я до сих пор барахтался;⁵⁹² сколькими пятнами я обезображен ... и прежде всего, что такое вечная смерть, которая угрожает мне".⁵⁹³ Сильная дрожь охватила его; он мерил шагами свою комнату, как когда-то Лютер мерил шагами свою камеру в Эрфурте. Он издавал (по его словам) глубокие стоны и проливал потоки слез.⁵⁹⁴ Он был раздавлен тяжестью своего греха. Испуганный божественной святостью, как лист, гонимый ветром, как человек, напуганный сильной грозой, он воскликнул: 'О Боже! ты держишь меня согнутым, как будто твои стрелы падают мне на голову'.⁵⁹⁵ ... Затем он пал к ногам Всемогущего, восклицая: 'Я со слезами осуждаю свой прошлый образ жизни и вверяю себя твоему. Бедный и несчастный, я полагаюсь на милость, которую Ты явил нам в Иисусе Христе: я вхожу в эту единственную гавань спасения.⁵⁹⁶ ... О Боже, не упрекай меня в том ужасном пренебрежении и отвращении к твоему Слову, от которого спасла меня твоя чудесная щедрость'.⁵⁹⁷

Следуя совету Оливетана, Кальвин обратился к изучению Священного Писания и везде находил Христа. "О Отец! - сказал он, - его жертва смягчила твой гнев; его кровь смыла мою нечистоту; его крест понес мое проклятие; его смерть искупила меня"⁵⁹⁸ Мы придумали для себя множество бесполезных глупостей⁵⁹⁹ ... но ты поместил свое Слово передо мной, как факел, и ты коснулся моего сердца, чтобы я считал отвратительными все другие заслуги, кроме заслуг Иисуса".⁶⁰⁰

Однако Кальвину предстояло пройти последнюю борьбу. Для него, как и для Лютера, главным возражением был вопрос о Церкви. Он всегда уважал авторитет Церкви, которая, как он верил,

была основана апостолами и которой было поручено собрать человечество вокруг Иисуса Христа; и эти мысли часто беспокоили его. "Есть одна вещь, - сказал он евангелистам, - которая мешает мне верить вам: это уважение, подобающее Церкви.⁶⁰¹ Величие Церкви не должно умалаться.⁶⁰² ... Я не могу отделиться от этого".

Друзья Кальвина в Париже, а впоследствии, возможно, Вольмар и другие в Орлеане и Бурже, не колеблясь, ответили ему.⁶⁰³ "Есть большая разница между отделением от Церкви и попытками исправить пороки, которыми она запятнана.⁶⁰⁴ ... Сколько антихристов занимали в его лоне то место, которое принадлежит только пастырям!"

Кальвин наконец понял, что единство Церкви не может и не должно существовать иначе, как в истине. Его друзья, видя это, открыто высказывались против папы Римского. — 'Люди принимают его за наместника Христа, преемника Петра и главу Церкви.... Но эти титулы - пустые пугала.⁶⁰⁵ Верующие, далекие от того, чтобы позволить ослепить себя этим громким словам, должны по-настоящему разобраться в этом вопросе. Если папа поднялся до такой высоты и великолепия, то это потому, что мир был погружен в невежество и поражен слепотой.⁶⁰⁶ Ни голосом Божиим, ни законным призывом Церкви папа не был назначен ее князем и главой; это произошло только по его собственной власти и по его собственной воле.... Он избрал себя сам.⁶⁰⁷ Чтобы устояло царство Христа, тирании, с помощью которой папа угнетает народы, должен быть положен конец".⁶⁰⁸ Друзья Кальвина, как он говорит нам, "Словом Божиим разрушили княжество папы и его чрезмерное возвышение".⁶⁰⁹

Кальвин, не удовлетворившись выслушиванием аргументов своих друзей, 'тщательно исследовал Священное Писание" и нашел многочисленные свидетельства, подтверждающие то, что ему было сказано. Он был убежден. "Я совершенно ясно вижу, - сказал он, - что истинный порядок Церкви был утрачен;⁶¹⁰ что ключи, которые должны были сохранять дисциплину, были подделаны;⁶¹¹ что христианская свобода была ниспровергнута;⁶¹² и что с установлением княжества папы было низвергнуто царство Христа".⁶¹³ Так пало папство в сознании будущего реформатора; и Христос стал для него единственным королем и всемогущим главой Церкви.

Что же тогда сделал Кальвин? Обращенные часто считали себя призванными оставаться в Церкви, чтобы трудиться над ее очищением; отделился ли он от Рима? Теодор Беза, его самый близкий друг, говорит: "Кальвин, обученный истинной религии одним из своих родственников по имени Пьер Робер Оливетан, и внимательно прочитавший священные книги, начал испытывать ужас к учению Римской церкви и имел намерение отказаться от ее причастия".⁶¹⁴ Это свидетельство является положительным; и все же Беза только говорит в этом отрывке, что у него "было такое намерение". Отделение еще не было решительным и абсолютным. Кальвин чувствовал огромную важность этого шага. Однако он решил порвать с католицизмом, если это необходимо, чтобы овладеть истиной. "Я желаю согласия и единения, о Господь, - сказал он, - но единство Церкви, к которому я стремлюсь, - это то, что имеет свое начало и свой конец в тебе.⁶¹⁵ Если, чтобы иметь мир с теми, кто хвалится тем, что он первый в Церкви, я должен купить его отрицанием истины... тогда я предпочел бы подчиниться всему, чем снизить до такого отвратительного соглашения! Характер реформатора, его вера, его решение, вся его жизнь заключены в этих словах. Он постарается остаться в Церкви, но ... с истиной.

Обращение Кальвина зрело долго и медленно, и все же, в каком-то смысле, перемена произошла мгновенно. "Когда я был упрямым рабом папских суеверий, - говорит он, - и казалось невозможным вытащить меня из глубокой трясины, Бог внезапным обращением подчинил меня

и сделал мое сердце послушным своему Слову".⁶¹⁶ Когда город взят, победитель входит в него за один день и одним штурмом водружает свой флаг на крепостной стене; и все же месяцами, а может быть, и годами, он штурмует стены.

Так было совершено это памятное обращение, которое, спасая одну душу, стало для Церкви и, можно даже сказать, для всего человечества принципом великого преображения. Тогда это был всего лишь бедный студент, обращенный в колледже; теперь свет, который этот ученый зажег в подсвечнике, распространился по всему миру, и избранные души, рассеянные по всем нациям, признают в его обращении происхождение своего собственного.

Именно в Париже, как мы видели, Кальвин получил новое рождение; это нельзя отнести к более позднему периоду, как некоторые хотели сделать, не противореча самым положительным свидетельствам. Кальвин, согласно Теодору Безе, был обучен истинной религии Оливетаном, прежде чем он отправился в Орлеан;⁶¹⁷ более того, мы знаем, что Кальвин либо в Бурже, либо в Орлеане "чудесным образом продвинул вперед царство Божье".⁶¹⁸ Как бы он мог это сделать, если бы не знал этого царства? Кальвин в возрасте девятнадцати лет, одаренный глубокой и добросовестной душой, окруженный родственниками и друзьями, ревностными к Евангелию, живущий в Париже в эпицентре религиозного движения огромной силы, сам был тронут Духом Божиим. Совершенно определенно, не все было сделано тогда; некоторые черты, которые мы указали в честь самого реформатора, могут, как мы уже отмечали, принадлежать его резиденции в Орлеане или в Бурже; но основная работа была проделана в 1527 году. Таков вывод, к которому мы пришли после тщательного изучения.

В наши дни есть люди, которые смотрят на обращение как на воображаемый акт и просто говорят, что человек изменил свое мнение. Они свободно допускают, что Бог может создать нравственное существо один раз, но не предоставляют ему свободы создать его во второй раз — преобразовать его. Обращение - это всегда работа Бога. В природе действуют силы, которые заставляют землю приносить свои плоды; и все же некоторые утверждают, что Бог не может действовать в сердце человека, чтобы создать новый плод!... Человеческой воли недостаточно, чтобы объяснить изменения, проявляющиеся в человеке; в этом, если вообще где-либо, кроется нечто таинственное и божественное.

Молодой человек не сразу объявил о своем обращении публично; только один или два его начальника знали о его трудностях, и они старались скрыть их от учеников. Они вообразили, что это был всего лишь мимолетный приступ *лихорадки*, от которой страдало так много людей, и поверили, что сын епископального секретаря снова послушно подставит себя под суд Церкви. Испанский профессор, приехавший из страны, где под пылающим небом бушуют пламенные страсти и где религиозный фанатизм требует своих жертв, несомненно, вел непримиримую войну против новых убеждений студента; но информации на этот счет недостаточно. Кальвин тщательно прятал свое сокровище; он ускользал от своих товарищей, уединялся в каком-нибудь уголке и искал общения только с Богом. "Будучи от природы довольно диким и застенчивым, - рассказывает он нам,⁶¹⁹ 'я всегда любил мир и безмятежность; соответственно, тогда я начал искать укромное место и способы скрыться от посторонних глаз в каком-нибудь укромном месте'. Эта сдержанность со стороны Кальвина, возможно, привела к убеждению, что его обращение произошло гораздо позже.

Весть о том, что происходило в Париже, достигла маленького городка в Пикардии, где родился Кальвин. Было бы бесценно обладать письмами, которые он писал своему отцу в это время

борьбы, и даже письмами Оливетана; но у нас нет ни того, ни другого. Отношения Иоанна с Оливетаном были известны в Нуайоне; еретические взгляды молодого кюре святого Мартина Мотвильского больше не вызывали сомнений.... Какая беда для его семьи, и особенно для епископального нотариуса! Отказ от надежды однажды увидеть своего сына генеральным викарием, епископом и, возможно, кардиналом, огорчал честолюбивого отца. Тем не менее, он быстро принял решение, и поскольку для него было крайне важно, чтобы Кэлвин чего-то стоил, он дал другое направление своей неумеренной жажде почестей. Он сказал себе, что, заставив своего сына изучать право, он, возможно, помог бы ему избавиться от этих новых идей; и что, в любом случае, следование закону было таким же верным путем, и даже более надежным, к богатству и высокому положению.⁶²⁰ Дюпра, сначала простой юрист, а затем президент парламента, теперь (как он думал) является верховным канцлером Франции и первым лицом в государстве после короля. Джерард, чей ум был богат на планы успеха для себя и для других, продолжал строить свои воздушные замки в честь своего сына; только он изменил сферу своей деятельности и вместо того, чтобы поместить их во владения Церкви, он возвел их во владения государства.

Таким образом, в то время как у сына были новая вера и новая жизнь, у отца был новый план. Теодор Беза указал на это совпадение. Рассказав о призвании Кальвина к церковной профессии, он добавляет, что двойная перемена, произошедшая в то время в умах какотца, так и сына, привела к отказу от этого решения в пользу другого.⁶²¹ Совпадение поразило самого Кальвина, и именно он, без сомнения, указал на это своему другу в Женеве. Таким образом, решение Джерарда Ковена не определило призвание его сына, как некоторые предполагали. На первый взгляд эти два решения кажутся независимыми друг от друга; но мне кажется вероятным, что именно перемена в сыне привела к перемене в отце, а не перемена в отце, которая привела к перемене в сыне. Молодой человек с радостью подчинился полученному приказу. Жерар, забрав своего сына из богословских занятий, хотел отвратить его от ереси; но он ошибся. Разве Лютер сначала не изучал право в Эрфурте? Разве Кальвин тем же самым исследованием не подготовил себя лучше к карьере реформатора, чем к священству?

Обращение - фундаментальный акт Евангелия и Реформации. Результатом преобразования, совершаемого в человеке, должно стать преобразование мира. Этот акт, который у одних длится очень недолго и легко приводит к вере, у других является длительным действием; сила греха в них постоянно обновляется, ни новый человек, ни ветхий человек не могут какое-то время одержать решительную победу. Перед нами образ христианства. Это борьба нового человека против старого человека - борьба, которая длится более полутора тысяч лет. Новый человек постоянно завоевывает позиции; старый человек слабеет и уходит в отставку; но час триумфа еще не наступил. И все же этот час несомненен. Реформация шестнадцатого века, как и Евангелие первого (если воспользоваться словами Христа), "подобна закваске, которую женщина взяла и положила в три меры муки, *пока вся не заквасилась*".⁶²² Три великих народа на земле уже вкусили этой небесной закваски. Оно бродит, и скоро весь 'комочек' будет разрыхлен.

ГЛАВА IX.

БЕРКЕН ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ ПАПСТВУ.

(1527 г.)

Найдет ли реформатор, которого Бог сейчас готовит для Франции, во Франциске I. поддержку, которую Лютер нашел во Фридрихе Мудром? После своего возвращения из испанского плена король, как мы видели, по-видимому, поддался влиянию своей сестры и движению эпохи. Слегка тронутый новым дыханием, он иногда слушал проповеди евангелистов и читал вместе с Маргарет отрывки из Священного Писания. Однажды, когда красота Евангелия проникла в его сердце, он воскликнул: "Позорно, что монахи осмеливаются называть *ересью* то, что является самым учением о Боге!" Но Реформация не могла ему понравиться; свобода, которая была одним из ее элементов, вступала в противоречие с деспотизмом монарха; и святость, другой принцип, осуждала его нарушения.

Оппозиция папству имела, однако, определенное очарование для Франциска, верховным правилом которого было принижать все, что посягало на его величие. Он хорошо помнил, что папы не раз унижали королей Франции и что Климент VII. обычно действовал в интересах императора. Но политические мотивы никогда не приведут к настоящей Реформации; и поэтому мало кто из монархов внес такой большой вклад, как Франциск I. в пропаганду суеверий вместо истины, раболепия вместо свободы, распущенности вместо морали. Если Слово Божье не проявляет свою невидимую силу в отношении народов, то именно из-за этого недостатка они лишаются условий, необходимых для поддержания порядка и свободы. Они могут сиять с большим блеском, но они легко переходят от беспорядка к тирании. Они подобны величественному кораблю, украшенному самыми великолепными знаменами и вооруженному самой тяжелой артиллерией; но поскольку ему не хватает необходимого балласта, он лавирует между двумя крайними опасностями, то налетая на Сциллу, то бросаясь на Харибду.

В то время как Франциск I пренебрегал Реформой, другие державы Франции оставались ее непримиримыми врагами. Члены парламента, по большей части почтенные люди, но все еще юристы, неспособные признать истину (а в те дни мало кто мог) о том, что духовные вопросы не входили в их юрисдикцию, не ограничились рассмотрением мирских правонарушений, но сделали себя защитниками закона королевства против закона Божьего. Доктора Сорбонны, со своей стороны, видя, что двойной авторитет Священного Писания и совести разрушит их авторитет, изо всех сил выступали против замены религиозного элемента клерикальным. "Они злословили против реформаторов, - говорит Руссель, - и пытались настроить против них весь мир".⁶²³ Чем больше король склонялся к миру, тем больше Сорбонна призывала к войне, подсчитывая свои батальоны и готовясь к битве. Генерал, поставленный во главе ее, был, по словам Эразма, "многоголовым чудовищем, дышащим ядом из всех пастей".⁶²⁴ Беда - ибо он и был чудовищем — принимая во внимание возраст Лефевра, слабость Русселя, отсутствие Фареля и не зная силы Кальвина, сказал себе, что Беркен станет Лютером Франции, и направил все свои атаки против него.

Луи де Беркен, освобожденный королем в ноябре 1526 года из тюрьмы, в которую его бросили бедисты, разработал дерзкий план спасения Франции из рук папы римского. Ему было тогда тридцать лет, и он обладал очарованием характера, чистотой жизни, которой восхищались даже его враги, неутомимым усердием в учебе, неукротимой энергией, упрямым рвением и твердой настойчивостью в выполнении своей работы. И все же в нем был один недостаток.

Кальвин, как и Лютер, исходил из позитивного метода, ставя истину превыше всего и стремясь таким образом осуществить обращение душ; но Беркен временами слишком сильно склонялся к негативному методу. И все же он был полон любви и, найдя в Боге отца, а в Иисусе спасителя, он никогда не спорил с теологами, кроме как для того, чтобы даровать душам тот мир и радость, которые составляли его собственное счастье.

Беркен не стал продвигаться вперед наугад; он все рассчитал. Он сказал себе, что в такой стране, как Франция, Реформация не может быть проведена против воли короля; но он думал, что Франциск позволил бы этой работе быть выполненной, если бы он не сделал ее сам. Когда он был брошен в тюрьму в 1523 году, разве король, направлявшийся тогда в Италию, не послал за ним капитана стражи, чтобы спасти ему жизнь?⁶²⁵ Когда в 1526 году духовные судьи перевели его как еретика к мирянам, разве Франциск снова не освободил его?⁶²⁶

Но благородная душа Беркена не допустила, чтобы торжество истины зависело от поддержки принцев. Тогда начиналась новая эра. Бог реанимировал общество, которое пребывало в оцепенении в течение ночи средневековья, и Беркен думал, что Бог не останется безучастным к этой работе. Это высказывание Кальвина, "что только сияние божественной силы рассеивает все глупые чары и тщетные фантазии". Берквин не осознавал эту истину так ясно, но он не был о ней в неведении. В то же время, зная, что армия никогда не одержит победы, если она не будет куплена смертью многих ее солдат, он был готов отдать свою жизнь.

В тот момент, когда он почти в одиночку шел на штурм колосса, он счел своим долгом сообщить своим друзьям: 'Под покровом религии, - писал он Эразму, - священники скрывают самые низменные страсти, самые развращенные манеры, самое скандальное неверие. Мы должны сорвать завесу, скрывающую эту отвратительную тайну, и смело заклеить Сорбонну, Рим и всех их приспешников нечестием".

При этих словах его друзья встревожились; они попытались обуздать его порывистость. 'Чем больший успех ты обещаешь себе, ' писал Эразм, ' тем больше я боюсь.... О мой друг! живите в уединении; вкушайте сладости учебы и позвольте священникам бушевать на досуге. Или, если вы думаете, что они замышляют ваше разорение, прибегните к хитрости. Пусть твои друзья при дворе добьются для тебя какого-нибудь посольства от короля и под этим предлогом покинут Францию.⁶²⁷ Думай, дорогой Беркен, постоянно думай, на какую гидру ты нападаешь и сколькими пастями она извергает свой яд. Ваш враг бессмертен, ибо способность никогда не умирает. Вы начнете с нападения всего на трех монахов; но вы поднимете против себя многочисленные легионы, богатые, могущественные и порочные. Прямо сейчас принцы за вас; но клеветники ухитряются оттолкнуть их привязанность. Что касается меня, я заявляю, что не буду иметь ничего общего с Сорбонной и ее армиями монахов.

Это письмо встревожило Беркена. Он перечитывал его снова и снова, и с каждым разом его беспокойство возрастало. Он посол ... он представитель короля при иностранных дворах! Ах! когда сатана искушал Христа, он предлагал ему царства этого мира. Лучше быть мучеником на Грее из любви к Спасителю! Беркен расстался с Эразмом. 'Его дух, ' говорили его друзья, ' подобен пальме; чем больше вы хотите согнуть ее, тем прямее она растет'. Незначительное обстоятельство способствовало укреплению его решения.

Однажды Беда, синдик Сорбонны, отправился ко двору, где у него было какое-то дело к королю от имени этого органа. Некоторое время назад он опубликовал опровержение "Парафразов и

примечаний" Эразма, и Франциск I., который хвастался тем, что был учеником этого короля словесности, услышав о нападении Беда, поддался порыву гнева. Поэтому, как только он услышал, что Беда находится во дворце, он отдал приказ арестовать его и держать в заключении. Соответственно, синдик был схвачен, заперт в камере и находился под пристальным наблюдением. Беда пришел в ярость, и ненависть, которую он испытывал к Реформации, обратилась против короля. Некоторые из его друзей, услышав об этом странном приключении, заклинали Франциска освободить его. Он согласился на следующий день, но при условии, что синдик явится по первому требованию.⁶²⁸

Сорбонна, сказал себе Беркен, олицетворяет папство. Оно должно быть свергнуто, чтобы Христос мог восторжествовать. Сначала он начал изучать труды Беда, который так резко порицал труды своих противников, и извлек из них двенадцать положений, "явно нечестивых и богохульных", по мнению Эразма. Затем, взяв свою рукопись, он отправился ко двору и представил ее королю, который сказал: 'Я наложу запрет на полемические сочинения Беда'. Когда Франциск улыбнулся ему, Беркен решил пойти дальше, а именно напасть на Сорбонну и папство, как на одинаково опасные для государства и Церкви, и обнародовать некоторые их доктрины, которые наносили удар по власти трона. Он подошел к королю и сказал ему, понизив голос: 'Сир, я обнаружил в актах и бумагах Сорбонны некоторые секреты, имеющие важное значение для государства ... некоторые тайны беззакония'.⁶²⁹ Не было ничего лучше, чтобы вывести из себя Франциска I. "Покажите мне эти отрывки", - воскликнул он. Тем временем он сказал реформатору, что следует рассмотреть двенадцать предложений синдика Сорбонны. Беркен покинул дворец, полный надежд. 'Я последую за этими грозными шершнями в их норы', - сказал он своим друзьям. 'Я нападу на этих бесчувственных болтунов и выпорю их на их собственной навозной куче'. Некоторые люди, которые его слышали, подумали, что он не в своем уме. "Этот джентльмен, несомненно, будет приговорен к смерти, - сказали они, - и он вполне заслужит это".⁶³⁰

Казалось, все благоприятствовало замыслу Беркена. Франциск I. играл роль Фридриха Мудрого: он казался даже более пылким, чем этот умеренный защитник Лютера. 12 июля 1527 года епископ Базасский явился ко двору, куда он был вызван королем. Франциск передал ему двенадцать знаменитых предложений, полученных им от Беркена, и приказал отнести их ректору университета с приказом рассмотреть их не только докторами богословия, к которым у него были подозрения в подобном вопросе,⁶³¹ но и четырьмя собранными факультетами. Берквин поспешил сообщить об этом Эразму, все еще надеясь расположить его к себе хорошими новостями.

Эразмус никогда прежде не испытывал такой тревоги; он попытался остановить Беркена в его 'безумном' начинании. Хвалебные речи, которыми осыпал его этот верный христианин, особенно наполнили его ужасом; он в тысячу раз предпочел бы, чтобы это были оскорбления. 'Любовь, которую вы проявляете ко мне, ' писал он Беркену, ' повсюду разжигает невыразимую ненависть ко мне. Шаг, который вы предприняли с королем, только разозлит шершней. Вы желаете скорее поразительной победы, чем уверенной; ваши ожидания будут обмануты; бедисты замышляют какой-то жестокий заговор'.⁶³² ... Берегитесь!... Даже если ваше дело более свято, чем дело самого Христа, ваши враги решили предать вас смерти. Вы говорите, что король защищает вас ... не верь на это; милость принцев недолговечна. Ты не заботишься о своей жизни, добавляешь ты; хорошо! но подумай хотя бы об учености и о наших друзьях, которые, увы! погибнут вместе с тобой".

Беркен был опечален этим письмом. По его мнению, момент был беспрецедентный. Если Эразм, Франциск I и Беркен будут действовать в согласии, никто не сможет им противостоять; Франция и, возможно, Европа будут реформированы. И как раз в тот момент, когда король Франции протягивает руку, ученый из Роттердама отдергивает ее!... Что можно сделать без Erasmus?... Однако произошло обстоятельство, которое вселило некоторую надежду в евангелиста.

Сорбонна, почти не обращая внимания на противодействие короля, упорствовала в своих нападках на учебу. Они запретили профессорам колледжей читать 'Беседы' Эразма со своими учениками и отлучили от церкви короля школ в самих школах.... Эразм, который был тщеславным, впечатлительным, холеричным человеком, теперь объединится с Беркеном: последний в этом не сомневался. 'Время пришло, - писал Беркен знаменитому ученому, - давайте сорвем маску, за которой прячутся эти богословы'. Но чем больше Беркен убеждал Эразма, тем больше тот отступал; он желал мира любой ценой. Бесполезно было указывать на удары, которые наносила ему Сорбонна; ему нравилось, когда его били не из кротости, а из страха перед миром. Осторожный человек, который теперь старел, стал нетерпеливым не против своих клеветников, а против своего друга. Его 'сын' хотел руководить им, как если бы он был его хозяином. Он ответил с грустью, почти с горечью: 'Я искренне восхищаюсь вами, мой дорогой Беркен. Значит, вы воображаете, что мне больше нечем заняться, кроме как проводить дни в битвах с теологами.... Я бы предпочел, чтобы все мои книги были преданы огню, чем идти сражаться в моем возрасте. К несчастью, Эразм отказался не только от своих книг, он отказался от истины; и в этом он был неправ. Беркен не отчаивался в победе и взялся одержать ее без посторонней помощи. Он подумал про себя: 'Эразм восхищается в Евангелии определенной гармонией с мудростью древности, но он не преклоняется перед юродством креста; он теоретик, а не реформатор'. С этого часа Беркен писал своему прославленному хозяину все реже и холоднее и употреблял все свои силы на то, чтобы удержать главными силами место, которое он атаковал. Если Эразм, подобно Ахиллесу, удалился в свою палатку, разве Маргарет и Фрэнсис, и особенно Истина, не сражались на его стороне?

Католическая партия встревожилась и решила оказать энергичное сопротивление этим нападениям. Был дан лозунг. Было распространено много клеветы; людям угрожали тюрьмой и костром; вызывались даже призраки; все средства были законны. Одна сестра Алиса покинула огни чистилища и появилась на берегах Роны и Соны, чтобы посрамить "проклятую секту еретиков". Любой мог прочитать об этом чуде в "Чудесной истории лионского призрака", написанной одним из королевских раздавателей милостыни. Однако Сорбонна знала, что фантомов недостаточно; но на их стороне было нечто большее, чем фантомы. Они могли противопоставить Беркену противников, которые были из плоти и крови, как и он сам, и чья власть казалась непреодолимой. Этими противниками были принцесса и государственный деятель.

ГЛАВА X.

ПОПЫТКИ ДЮПРА ВЫЗВАТЬ ГОНЕНИЯ: СОПРОТИВЛЕНИЕ ФРАНЦИСКА I.

(1527-1528 гг.)

В советах короля правила женщина. Поначалу склонная высмеивать монахов, она после поражения при Павии перешла на сторону священников. В тот момент, когда королевская власть получила такой удар, она увидела, что их власть сохранилась, и сделала их своими помощниками. Этой женщиной была Луиза Савойская, герцогиня Ангулемская, мать Франциска I. Достойная предшественница Екатерины Медичи. Умная женщина, 'абсолютная леди в своих желаниях как хорошего, так и дурного', — говорит Паскье; свободомыслящая, которая могла изучать новое учение из любопытства, но презирала его; распутная женщина, о которой Бокер, Брантом и другие рассказывают множество скандальных анекдотов; любящая и абсолютная мать, всю свою жизнь сохранявшая почти верховную власть над своим сыном, - Луиза держала в руках две армии, которыми управляла по своему усмотрению. Одна из них состояла из ее фрейлин, с помощью которых она привнесла во французский двор галантность, скандальность и даже непристойные выражения; другая состояла из умных, коварных людей, у которых не было ни религии, ни морали, ни угрызений совести; и во главе их стоял Дюпра.

Последний был покровителем, на которого, по мнению Сорбонны, они могли положиться. Предприимчивый и систематичный, одновременно гибкий и непреклонный, раболепный и деспотичный, интриган и развратник, часто раздраженный, никогда не унывающий, "очень умный, знающий и утонченный", - говорит *парижский буржуа*; "один из самых пагубных людей, которые когда-либо жили", - говорит другой историк:⁶³³ Дюпра продавал офисы, унижал людей, и если кто-либо из них протестовал против его беспорядков, он отправлял протестующих в Бастилию.⁶³⁴ Этот человек, который был архиепископом Санса и кардиналом и который стремился стать легатом *позднее*, став князем Римской церкви, поставил на службу ей свое влияние, свою железную волю и даже свою жестокость.

Но без короля ничего нельзя было сделать. Луиза Савойская и кардинал, зная его непостоянство и любовь к удовольствиям, а также зная, что в религиозных вопросах он заботится только о пышности и церемониях, надеялись легко склонить его выступить против Реформации. И все же Франциск колебался и даже сопротивлялся. Он притворялся, что у него большой вкус к литературе, частью которой, по его мнению, было Евангелие. Он охотно уступил своей сестре, которая горячо вступилась за друзей Евангелия. Он ненавидел высокомерие священников. Смелость, с которой они выдвигали ультрамонтанские идеи; ставили другую власть (власть папы) выше своей; нападали на его идеи в беседах, памфлетах и даже с кафедры; их беспокойный характер, их самонадеянная уверенность в победе своего дела — все это раздражало одного из самых восприимчивых монархов, которые когда-либо правили; и ему было приятно видеть, как такой человек, как Беркен, опровергает хвастовство духовенства.

Однако вполне возможно, что на короля повлияли более высокие мотивы. Он увидел, что человеческий разум проявляет свежую активность во всех направлениях. Литературный, философский, политический, религиозный мир - все это претерпевало важные преобразования в первой половине шестнадцатого века. Посреди всех этих различных движений у Франциска I, возможно, иногда возникало смутное ощущение, что есть одно, которое является главной

движущей силой, доминирующим фактом, порождающим принципом и, если можно так выразиться, *fiat lux* нового творения. Он видел, что Реформация была великой силой, действовавшей тогда в мире; что все остальные были подчинены ей; что ей принадлежало, согласно древнему пророчеству, *собрание народа*; [635](#) и в эти моменты, когда его зрение прояснялось, он желал присоединиться к той невидимой силе, которая действовала больше, чем все другие силы. К сожалению, страсти вскоре затуманили ему зрение, и, мельком увидев день, он снова погрузился в ночь.

Что касается Дюпра, то он не испытывал колебаний; он решительно встал на сторону тьмы, движимый честолюбием и алчностью: он всегда был с ультрамонтанистами. Вот-вот должна была начаться борьба между лучшими устремлениями короля и заговорами римского двора. Трудно было сказать, за какой из этих двух держав в конечном итоге останется победа. Кардинал-канцлер, однако, не сомневался в этом; он умело организовал атаку и думал, что нашел способ, столь же подлый, сколь и надежный, остановить Реформу.

Королю приходилось оплачивать тяжелые расходы, налагаемые на него Мадридским мирным договором, а денег у него не было. Он обратился к духовенству. 'Хорошо!' сказали они. 'давайте воспользуемся предоставленной нам возможностью'. Они выделили 1 300 000 ливров, но взамен потребовали, согласно предложению Дюпра, чтобы его Величество "искоренил проклятую и невыносимую лютеранскую секту, которая некоторое время назад тайно проникла в королевство". [636](#) Король, которому нужны были деньги, был готов предоставить все, чтобы наполнить свою казну; тогда казалось, что все кончено не только с Беркеном, но и с Реформацией.

Маргарита, находившаяся тогда в Фонтенбло вместе с королем Наваррским, услышала о требовании, с которым духовенство обратилось к королю, и задрожала, опасаясь, что Франциск предаст ее друзей преследованиям кардинала. Она немедленно попыталась оказать на своего брата то влияние, которому в те дни он легко поддавался. Ей это удалось: король, хотя и внес вклад духовенства в свою казну, не отдал приказа "искоренить лютеранскую ересь".

И все же Маргарет не чувствовала себя в безопасности. Она испытывала острейшую боль при мысли об опасности, которая угрожала Евангелию. Истинный Бог небес, даруй утешение моей душе!

сказала она в одном из своих стихотворений. Ее душа была утешена. Престарелый Лефевр, который в то время переводил Библию и проповеди св. Златоуста о Деяниях апостолов и обучении своего юного ученика, герцога Ангулемского, выучить наизусть Псалмы Давида вновь разожгли в ней огонь, а его слабеющий голос укрепил ее в вере. "Не бойтесь, - сказал он, - избрание Божье очень велико". [637](#) — "Давайте молиться с верой, - сказал Руссель. 'Главное, чтобы вера сопровождала наши молитвы'. Друзья в Страсбурге умоляли Лютера поддержать ее каким-нибудь хорошим письмом. Как только Эразм услышал об опасности, которой подвергалось Евангелие, он был тронут и тем же пером, которым он отговаривал Беркена, написал:

'О королева, еще более прославленная чистотой своей жизни, чем великолепием своей расы и своей короны, не бойся! Тот, кто все делает на благо тех, кого он любит, знает, что хорошо для нас, и, когда сочтет нужным, внезапно даст счастливый исход нашим делам. [638](#) Именно тогда, когда человеческий разум приходит в отчаяние от всего, непроницаемая мудрость Божья проявляется во всей своей славе. Ничто, кроме счастья, не может выпасть на долю человека,

который возложил якорь своих надежд на Бога. Давайте всецело отдадим себя в его руки. Но что я делаю?... Я знаю, мадам, что нет необходимости возбуждать вас мощными стимулами, и что мы скорее должны благодарить вас за то, что вы защитили от злобы нечестивых людей здравую науку и всех тех, кто искренне любит Иисуса Христа".⁶³⁹

Состояние королевы, как правило, вскоре придавало новое направление ее мыслям. Она надеялась на дочь и часто говорила об этом в своих письмах. Эта дочь действительно была подарена ей, и она стала самой замечательной женщиной своего возраста. Спокойная и несколько удрученная, Маргарет, которая в то время жила одна в великолепном дворце Фонтенбло, искала развлечения в наслаждении красотами природы во время своих ежедневных прогулок по парку и лесу. 'Мое состояние, ' писала она 27 сентября 1527 года, ' не мешает мне дважды в день посещать сады, где я чувствую себя удивительно непринужденно'. Она шла медленно, думая о ребенке, которого ей вот-вот подарят, и радуясь солнечному свету. Затем, обратившись к тому, кто занимал главное место в ее сердце, она вспомнила истинное солнце (Иисуса Христа) и, скорбя о том, что его лучи не осветили всю Францию, воскликнула:

О истина, неизвестная лишь немногим,
Больше не прячь себя от посторонних глаз
За облаками, но прорывайся вперед,
Покажи народам всю свою ценность.
Добрые люди жаждут увидеть твой приход,
И вздыхают в печальном ожидании.
Снизойди, Господь Иисус, поскорее приди,
И рассеяй этот сгущающийся мрак;
Покажи нам, какие мы мерзкие и бедные,
И возьми нас, Спаситель, под свою опеку.⁶⁴⁰

Похоже, что присутствие Маргарет рядом с королем сдерживало преследователей; но вскоре она была вынуждена оставить поле боя открытым. Приближалось время ее заключения. Генрих д'Альбре не посещал Беарн с тех пор, как женился; возможно, он хотел, чтобы его ребенок родился в замке По. В октябре 1527 года король и королева Наварры отправились в свои владения в Пиренеях.⁶⁴¹ 7 января, два месяца спустя, родилась Жанна д'Альбре; утверждение, что она родилась в Фонтенбло или в Блуа, является ошибкой.

Едва королева Наваррская отбыла в Беарн, как Дюпра и Сорбонна попытались привести свои жестокие планы в исполнение. Среди дворян Джона Стюарта, герцога Олбани, был дворянин из Пуату по имени Де ла Тур. Герцог Олбани, член королевской семьи Шотландии, был регентом этого королевства, и Де ла Тур жил с ним в Эдинбурге, где проводил большую часть своего времени. "Когда лорд герцог был регентом Шотландии, - говорили люди, - сьер де ла Тур посеял там много лютеранских заблуждений".⁶⁴² Следовательно, этот французский джентльмен, должно быть, был одним из первых реформаторов в Шотландии. В Париже он проявил не меньшее рвение, чем в Эдинбурге, что вызвало сильное недовольство священников. Более того, герцог Олбани, пользовавшийся большим расположением короля, очень не нравился амбициозному канцлеру. Был составлен обвинительный акт; Франциск I, чьего доброго гения больше не было рядом с ним, закрыл глаза; Де ла Тур и его слуга, такой же евангелист, как и он сам, были осуждены парламентом за ересь. 27 октября этих двух благочестивых христиан

запрягли в одну повозку и медленно повели на свиной рынок, где их сожгли заживо. Когда повозка остановилась, палачи приказали слуге слезть. Он так и сделал и встал в хвост телеги. Они сорвали с него одежду и пороли его так долго и так жестоко, что бедняга заявил, что 'раскаялся'. В результате ему было оказано некоторое снисхождение, и они удовлетворились тем, что отрезали ему язык. Они надеялись таким образом поколебать твердость Де ла Тура; но, хотя он был глубоко тронут, он поднял глаза к небу, поклялся Богу, что останется верен ему, и тотчас же невыразимая радость сменила мучения, которые его терзали. Он сгорел заживо.

Маргарет, должно быть, услышала в По о смерти благочестивой Де ла Тур; но как бы то ни было, она уехала в Париж сразу после родов, приказав своим людям поторопиться. Что же так быстро отозвало ее в столицу? Было ли это известием о какой-то опасности, угрожающей Евангелию? В Париже вот-вот должен был собраться совет; хотела ли она быть рядом, чтобы отразить удары, нацеленные на ее друзей? Вот причина, указанная одним историком.⁶⁴³ 'Она решила поторопиться', и едва закончилось ее заточение, эта слабая и хрупкая принцесса, подгоняя своего гонца, пересекла пески и болота Ландов. В письме от Барбезье она жалуется на плохие дороги, из-за которых ее карету так сильно трясло. 'Я не нахожу ничего трудного или утомительного на сцене. Я надеюсь быть в Блуа через десять дней'.⁶⁴⁴

Пришло время. Смерть Де ла Тура не удовлетворила ни канцлера, ни Сорбонну. Они желали 'искоренения ереси', а не просто смерти одного еретика. Не добившись успеха с помощью налога на духовенство, они были полны решимости добиваться этого другим способом. Дюпра выслушал отчеты и обратил внимание на то, что он наблюдал на улицах. Ничто так не раздражало его, как рассказы о мирянах и даже женщинах, которые отворачивались, проходя мимо церквей, проскальзывали на пустынные улицы, встречались в подвалах или на чердаках, где люди, не получившие священного сана, молились вслух и читали Священное Писание. Разве не он в 1516 году отменил прагматическую санкцию и лишил Галликанскую церковь ее свобод? Разве поэтому ему не удалось бы с гораздо меньшими усилиями принести в жертву эту новую и свободную Церковь, бедное и презренное стадо? Поскольку в Париже должен был состояться совет провинции, Дюпра решил воспользоваться этим, чтобы нанести решающий удар.

28 февраля 1528 года состоялось открытие собора. Кардинал-архиепископ, прибывший туда с большой помпой, встал и заговорил среди мертвой тишины: 'Господа, ужасная эпидемия, вызванная Мартином Лютером, уничтожила православную веру. Буря обрушилась на барку "Святого Петра", которой, раскачиваемой ветрами, грозит ужасное кораблекрушение'.⁶⁴⁵ ... Нет никакой разницы между Лютером и манихеем.... И все же, преподобные отцы, его приверженцы множатся в нашей провинции; они проводят тайные собрания во многих местах; они объединяются с мирянами в самых уединенных комнатах домов;⁶⁴⁶ они обсуждают католическую веру с женщинами и дураками."...

Будет видно, что канцлер в Реформацию осудил не ересь, собственно так называемую, а свободу. Религия, которая не находилась исключительно в руках священников, была, в его глазах, более тревожной, чем ересь. Если бы к такой практике относились терпимо, разве они не увидели бы однажды джентльменов, лавочников и даже мужчин, вышедших из рядов народа, полагающих, что им есть что сказать в государственных делах? Зародыш конституционных свобод нового времени был спрятан в недрах Реформации. Канцлер не ошибся. Он хотел одним ударом уничтожить как религиозную, так и политическую свободу. Он

нашел восторженных сообщников в священниках, собравшихся в Париже. Собор издал указ, предписывающий епископам и даже жителям епархий доносить на всех знакомых им лютеран.

Одобрит ли король этот указ? Дюпра чувствовал себя неловко. Он собрался с мыслями, привел в порядок аргументы и направился во дворец в надежде заполучить своего господина. "Сир, - сказал он Франциску, - Бог способен без вашей помощи истребить всю эту еретическую шайку;⁶⁴⁷ но, по своей великой доброте, он снисходит до того, чтобы призвать людей к себе на помощь. Кто может рассказать о славе и счастье многих князей, которые в прошлые века относились к еретикам как к злейшим врагам своей короны и предавали их смерти? Если вы хотите обрести спасение; если вы хотите сохранить в неприкосновенности свои суверенные права; если вы хотите сохранить спокойствие покоренных вам народов: мужественно защищайте католическую веру и покоряйте всех ее врагов своим оружием".⁶⁴⁸ Так говорил Дюпра; но король подумал про себя, что если его "суверенным правам" вообще что-либо угрожает, то это вполне может быть власть Рима. Он оставался глух, как и прежде.

‘Пойдем дальше, ’ сказал канцлер своим приспешникам, ‘ пусть вся Церковь призовет к искоренению ереси’. Соборы состоялись в Лионе, Руане, Туре, Реймсе и Бурже, и священники в провинциях были менее сдержанны, чем в столице. "Эти еретики, - говорили пламенные ораторы, - поклоняются дьяволу, которого они возбуждают с помощью определенных трав и кощунственных форм".⁶⁴⁹ Но все было бесполезно; Франциску доставляло удовольствие сопротивляться священникам, и вскоре Дюпра столкнулся с не менее серьезным препятствием.

Если обязанностью священников было разоблачать "чародеев", то делом парламента было осудить их; но парламент и канцлер расходились во мнениях. После смерти своей жены Дюпра, в то время мирянин и первый президент парламента, подсчитал, что эта потеря может обернуться выгодой, и пришел в Церковь, чтобы завладеть самыми богатыми пособиями в королевстве. Сначала он наложил свои руки на архиепископство Санса, хотя на выборах против него было двадцать два голоса и только один за него.⁶⁵⁰ Вскоре после этого он захватил богатое аббатство Святого Бенедикта. ‘Только нам, - сказали монахи, - принадлежит выбор нашего настоятеля’; и они смело отказались признать канцлера. Единственным ответом Дюпра было запереть их всех. Возмущенный парламент послал посланца к чиновникам архиепископа и приказал им предстать перед ним; но чиновники набросились на посланца и избили его так жестоко, что он умер. Король принял решение в пользу своего первого министра, и разница между парламентом и канцлером стала еще больше.

Дюпра, желавший примириться с этим двором, влияние которого ему часто было необходимо, воображал, что сможет завоевать его с помощью лютеранской ереси, которую они оба одинаково ненавидели. Со своей стороны, парламент не желал ничего лучшего, как вернуть расположение первого министра. Эти интриги увенчались успехом. ‘Канцлер и советники взаимно отказались от истины, на которую они смотрели как на сущее ничто, как на корку хлеба, которую бросают собаке’, выражаясь словами одного реформатора. Велико было ликование тогда в ризнице и в монастыре.

Поскольку канцлер, Сорбонна и парламент были единодушны, казалось невозможным, чтобы Реформация не пала под их совместными атаками. Они говорили друг другу: "Мы должны вырвать все эти *больные сорняки*", но, однако, не требовали, чтобы это было сделано за один день. "Если король только разрешит нам какое-нибудь небольшое изолированное

преследование, - говорили враги Реформы, - мы так подстроим дело, что все зерно, наконец, ляжет на мельницу".

Но даже этого они не могли добиться от короля; ужасная мельница оставалась бездействующей и бесполезной. Агитация духовенства была, по мнению Франциска, всего лишь монашеским криком; он желал защитить науку от нападков ультрамонтанистов. Кроме того, он чувствовал, что величайшей опасностью, угрожающей его авторитету, была теократическая власть, и еще больше боялся этих беспокойных и шумных священников. Реформация, казалось, была спасена, когда неожиданное обстоятельство передало ее в руки врагов.

ГЛАВА XI. ЛИКОВАНИЕ В ФОНТЕНБЛО И БОГОРОДИЦА На УЛИЦЕ РОЗЬЕ. (1528 г.)

Казалось, что во Франции все располагает к миру и радости. Двор находился в Фонтенбло, где Франциск I и герцогиня Ангулемская, король и королева Наварры, а также вся самая знатная знать собрались, чтобы принять молодого герцога Феррарского, который только что прибыл (20 мая 1528 г.), чтобы жениться на мадам Рене, дочери Людовика XII. и Анна Бретонская. Это было время радости. Франциск I, чьей любимой резиденцией был Фонтенбло, воздвиг там великолепный дворец и разбил "прекрасные сады, заросли кустарника, фонтаны и все, что позволяет приятно провести время". — "Действительно, — говорили придворные, - король превратил пустыню в самую красивую резиденцию в христианском мире - настолько просторную, что в ней можно было бы поселить целый маленький мирок".⁶⁵¹ Иностранцы были поражены великолепием дворца и блеском двора. Приближалась свадьба дочери Людовика XII. не было ничего, кроме концертов и увеселений. Были экскурсии в лес и роскошные пиры во дворце, и ученые мужи (по словам Брантома) беседовали за столом о 'высших и низших науках'. Но ничто так не привлекало внимания иностранных гостей, как королева Наварры. "Я наблюдал за ней, - говорит епископ, папский легат, - когда она разговаривала с кардиналом д'Эсте, и я восхищался в ее чертах, выражении лица и в каждом движении гармоничным сочетанием величия, скромности и доброты".⁶⁵² Такой была Маргарита среди придворных; доброта ее сердца, чистота ее жизни и изобилие ее работ красноречиво говорили окружающим о красоте Евангелия.

Принцесса, вынужденная принимать участие во всех придворных развлечениях, никогда не упускала возможности призвать душу к Иисусу Христу. В шестнадцатом веке не было евангелиста, по крайней мере среди женщин, более активного, чем она; эта черта слишком важна во французской реформации, чтобы пройти мимо нее незамеченной. Фрейлины герцогини Ангулемской больше не были добродетельными девицами королевы Клод. Маргарет, испытывая нежнейшее сострадание к этим молодым женщинам, взывала то к одной, то к другой ко Христу; она заклинала своих "дорогих" (как она их называла) не поддаваться "наслаждению", которое сделало бы их ненавистными Богу.

Прощай, моя дорогая!
Я бегу от двора,
Чтобы найти жизнь
Под деревом.

Если бы моя молитва
Могла повлиять на тебя,
Тебе не следовало бы задерживаться
Рядом со мной.

Не оставайся, моя дорогая,
Но пойдем со мной,
И поищи жизни
Под деревом.[653](#)

Франциск I, любивший охоту, часто отправлялся в лес в сопровождении своих молодых лордов и целыми днями вместе охотился на кабана и оленя. Этим юношам доставляло большое удовольствие рассказывать о своем мастерстве придворным дамам или оспаривать друг у друга, кто сумеет убить самого прекрасного оленя.... Королева Наваррская иногда добродушно участвовала в этих беседах; она с улыбкой называла этих веселых молодых лордов 'плохими спортсменами' и призывала их 'отправиться на охоту за дичью получше'.

Вот один из таких разговоров о Фонтенбло, который она сама пересказывает:

Однажды, когда юноша ехал верхом в лес,
Он спросил такую мудрую и добрую женщину,
можно ли найти дичь, которую он искал,
В лесу, который так густо раскинулся вокруг;
Сердце молодого человека сильно билось от желания
Убить оленя. Дама со вздохом
ответила: "Сейчас сезон охотников", это правда,
Но, увы! ты не настоящий охотник.

"В лесу, куда не ходят никто, кроме верующих,
Есть дичь, которую ты ищешь, но не знаешь;
Она в том горьком лесу креста,
Который нечестивцы считают отбросами;
Но для хороших охотников ее вкус сладок,
А боль, которую она причиняет, - лучшее мясо.

Если бы ты твердо решил
забыть обо всех почестях, кроме этой,
ты бы не искал никакой другой игры
Но ... ты не настоящий охотник.

Услышав эти слова, охотник покраснел.
И от гнева его лицо вспыхнуло.
"Вы говорите наобум, дама", - воскликнул он.

"Олень будет у меня, и ничего больше".

Маргарет.

- Олень, которого ты ищешь, уже близко,
Но ... ты не настоящий охотник.

Сядь у края источника,
И терпеливо жди его;
Там, в покое души и тела,
Испей из этого источника, такого чистого и благословенного:
Все другие средства, кроме этого, бесполезны.
Из-за того, что вы страстно желаете, чтобы вас поймали,
олень подбежит к вам;
Но ... ты не настоящий охотник.

Молодой Охотник.

"Дама, " это досужая сказка, которую ты рассказываешь;
Богатство и славу, я прекрасно знаю,
не снискать без труда и заботы.
Из твоей такой чистой воды я не поделюсь ни каплей.

Маргарет.

Тогда олень никогда не будет пойман тобой,
Ибо ... ты не настоящий охотник.

Молодой охотник понимает, наконец, чего от него хотят, и, еще немного поговорив с дамой, восклицает:

"Искренней верой наполнено мое сердце;
Все свои мирские помыслы я оставляю
Голосу моего Спасителя Христа Иисуса!"

Маргарет.

"Да, теперь ты настоящий охотник!"⁶⁵⁴

Это повествование и другие подобного рода, содержащиеся в "*Маргаритах*", были, по всей вероятности, фактами до того, как превратились в стихи. Маленькие баллады ходили по двору; все хотели прочесть 'трактаты' королевы, и многие из знати Франции, которые впоследствии встали на сторону Реформы, были обязаны Маргарите своими первыми религиозными чувствами.

На данный момент главной мыслью, занимавшей умы всех в Фонтенбло, было замужество 'очень благоразумной и великолепной мадам Рене'. Дворяне Франции и Феррары появлялись при дворе в роскошных костюмах; принцы и принцессы сверкали драгоценностями; залы и галереи были увешаны богатыми гобеленами.

Танцуйте и радуйтесь, устройте праздник
Для той, чья любовь наполняет каждое сердце.⁶⁵⁵

Внезапно, на следующий день после Пятидесятницы, в гущу этой блестящей и радостной компании пришло послание, которое вызвало глубочайшие эмоции. Королю было вручено письмо, и эффект, который оно произвело, был подобен удару грома в безоблачном небе. Фрэнсис, державший письмо в руке, был бледен, взволнован, почти дрожал, как будто только что получил смертельное оскорбление. Его гнев взорвался в одно мгновение, подобно горе, извергающей потоки лавы. Он поддался самой неистовой страсти и поклялся жестоко отомстить. Маргарет, напуганная гневом брата, не сказала ни слова, но в тревоге удалилась, погрузившись в молчание и молитву: она едва отваживалась на попытку успокоить волнение брата. "Разгневанный король, - говорит хронист, - горько плакал от досады и гнева".⁶⁵⁶ Придворные празднества были прерваны: придворные, присоединившись к своему повелителю, громко призывали к насильственным мерам, и Франциск внезапно отбыл в Париж. Что вызвало весь этот переполох?

Праздник Пятидесятницы (Троица) был отпразднован с большой помпой 30 мая 1528 года; но набожные люди, пренебрегая Отцом, Сыном и, прежде всего, Святым Духом, весь день не думали ни о чем, кроме поклонения Пресвятой Деве и ее изображению. В квартале Сент-Антуан, на углу улиц Де Розье и Де Жюиф, на углу дома, принадлежащего сир Луису де Харле, стояло изображение Пресвятой Девы, держащей на руках младенца Иисуса. Множество набожных людей обоего пола каждый день преклоняли колени перед этой фигурой. Во время праздника толпа была многочисленнее, чем когда-либо, и, склоняясь перед образом, они расточали ему самые возвышенные титулы: 'О святая Дева! О заступница человечества! О прощение грешников! Творец праведности, которая очищает наши грехи! Прибежище всех, кто обращается к Богу!'⁶⁵⁷ Эти обряды горько огорчали тех, кто помнил старую заповедь: *Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи.*

Утром в понедельник, на следующий день после праздника, некоторым прохожим показалось, что они заметили что-то неправильное в том месте, где стоял образ: они не могли разглядеть ни головы Богородицы, ни младенца. Мужчины приблизились и обнаружили, что обе головы были отрублены; они огляделись в поисках их и обнаружили неподалеку спрятанными за грудой камней; они подобрали в канаве одеяние Пресвятой Девы, которое было разорвано и, казалось, растоптано ногами. Эти люди, которые были набожными католиками, встревожились; они почтительно подняли две головы и отнесли их магистрату. Весть о странном событии быстро распространилась по кварталу. Монахи и священники смешались с толпой и описали ущерб, нанесенный статуе. Мужчины, женщины и дети окружили изуродованную фигуру — одни плакали, другие стонали, все проклинали святотатство. 'Жалоба' того времени донесла до нас стоны народа: Увы! как велики горе,
И преступление, которое не может быть прощено!...
Так обидеть Нашу Госпожу,

Госпожу, исполненную милосердия,
И всегда добрую к грешникам!⁶⁵⁸ ...

Таковы были чувства добрых католиков, которые со слезами на глазах и смятением в сердцах смотрели на изуродованный образ.

Кто был автором этого увечья? Об этом так и не стало известно. Было сказано, что священники, встревоженные ходом Реформации и настроениями короля, совершили этот акт, чтобы использовать его как оружие против лютеран. Это возможно, поскольку подобные вещи уже делались. Я, однако, более склонен полагать, что какой-то вспыльчивый член евангелической партии, разгневанный тем, что Деве приписывают то, что принадлежит только Христу, разбил идола. Как бы то ни было, фанатичная партия решила извлечь выгоду из этого святотатства, и им это удалось.

Франциск I, самый восприимчивый и раздражительный из государей, расценил этот акт насилия как оскорбление своего достоинства и авторитета. Как только он добрался до Парижа, он сделал все, что было в его силах, чтобы найти виновного. Целых два дня герольды маршировали по улицам и, останавливаясь на перекрестках, созывали народ звуком трубы и провозглашали: 'Если кто-нибудь знает, кто это сделал, пусть заявит об этом магистратам и королю; мэр Парижа заплатит ему тысячу золотых крон, а если доносчик совершил какое-либо преступление, король простит его'. Толпа выслушала, а затем разошлась; но все было бесполезно. Об этом ничего нельзя было узнать. 'Очень хорошо, тогда, - сказал король, - я прикажу комиссарам отправиться и провести расследование в каждом доме'. Комиссары ходили и стучали во все двери, опрашивая одного за другим всех жителей квартала, но результат был все тот же: 'Никто ничего об этом не знал'.

Священники не были удовлетворены этими воззваниями. Во вторник, 2 июня, и в течение остальной части недели парижское духовенство пришло в движение, и постоянные процессии из всех церквей города направились к месту беспорядков. Неделю спустя, во вторник, 9 июня, пятьсот студентов, каждый с зажженной свечой, а также все доктора, лиценциаты и бакалавры университета вышли из Сорбонны. Перед ними маршировали представители четырех нищенствующих орденов.

Прекрасно было видеть
Такую прекрасную компанию;
Монахи, серые, черные, всех оттенков,
Прогуливались час или два.

Реакция была полной. Ученость и Евангелие были забыты; люди думали только о почитании святой Девы. Король, герцоги Феррарский, Лонгвильский и Вандомский и даже король Наваррский пожелали оказать Марии величайшие почести, и соответственно в четверг, 11 июня, в День Праздника Тела Христова, длинная процессия покинула дворец Турнелей.

Впереди, с зажженными свечами,
шло великолепное представление;
Затем следовали дети,
сладко распевая, выстроившись в ряд.

Толпа священников начала скандировать,
А следом шествовал тот, кто нес [659](#)
Тело нашего Иисуса...

Балдахин несли
добрый король Наварры,
И Вандом, и Лонгвиль,
И гордый герцог Феррарский.

Последним шел
король с непокрытой головой;
свеча в его руке была обернута
в дорогой и редкий бархат.

Присутствовали представители различных гильдий, верховных судов, епископов, послов, высших должностных лиц короны и принцев крови. Они шли под звуки гобоев, кларнетов и труб, играя с большим достоинством. Когда процессия прибыла к зловещему месту, король благочестиво подошел к нему, упал на колени и помолился. Поднявшись, он принял из рук своего главного раздавальщика маленькую серебряно-позолоченную статуэтку Пресвятой Богородицы, которую он благочестиво установил в комнате предыдущего, и поставил свечу перед образом в знак своей веры. Все участники процессии сделали то же самое, проходя мимо под звуки труб. Люди выразили свою радость возгласами:

Да здравствует король флер-де-лис
И вся его благородная семья!

Вскоре изуродованный образ, перенесенный в церковь Сен-Жермен, начал творить чудеса. Четыре дня спустя, когда ребенок появился на свет мертворожденным, мать корчилась и плакала,
И горько стонала она;
И громко молилась, чтобы смерть
настигла ее внезапно.
Она так металась,
Что все тамошние сплетницы
Проливали потоки горьких слез
И дико рвали на себе волосы.
Тогда тот, кто давал мудрый совет,
Сказал: "Возьми умершего ребенка,
И отнеси его Царице Небесной!"...
Что они благочестиво и сделали.
Младенец изменил цвет кожи, добавляет хроника; он был крещен и, после того как вернул свою душу Богу, был похоронен. Чудо, понятно, длилось недолго.

Несмотря на все эти свечи, чудеса и звуки труб, король все еще был взволнован. Ни он, ни фанатики не были удовлетворены. Румянца, который, как некоторым казалось, они видели на щеках бедного маленького мертворожденного ребенка, было недостаточно; они хотели более глубокого красного—красного цвета крови. Дюпра, Сорбонна и парламент заявили, что их учитель наконец образумился и что они должны воспользоваться этой переменной. Франциск, крепко державший поводья, до сих пор сдерживал всадников, привязанных к его колеснице. Но теперь, раздраженный и распаленный, он наклонился вперед, ослабил хватку и даже подбадривал их своим голосом. Эти огненные дикие кони готовы были растоптать всех, кто попадется им на пути, и колеса его колесницы, раздавливая несчастные жертвы, забрызгали бы их кровью даже одежды принца.

Началось преследование.

ГЛАВА XII. УЗНИКИ И МУЧЕНИКИ В ПАРИЖЕ И ПРОВИНЦИЯХ. (1528 г.)

В Париже жил один из тех бедных христиан из Мо, которых называли *кристоденами*, или учениками Христа. Этот человек, преисполненный восхищения Сыном Божиим и ужаса перед изображениями, был изгнан из своего родного города преследованиями и стал лодочником на Сене. Однажды в его лодку проник незнакомец, и поскольку Пресвятая Дева была повсюду предметом разговоров, начиная с случая на улице Розье, пассажир начал превозносить могущество 'Божьей матери' и, достав изображение Марии, предложил его своему проводнику. Лодочник, который энергично греб, остановился; он не мог сдержаться и, взяв фотографию, резко сказал: "У Девы Марии не больше силы, чем у этого клочка бумаги", который он разорвал на куски и бросил в реку. Разгневанный католик не сказал ни слова; но как только он приземлился, он побежал обличать еретика. На этот раз, по крайней мере, они знали автора святотатства. Кто мог сказать наверняка, но именно он совершил это безобразие на улице Розье? Бедный *Кристоден* был сожжен на Гревской площади в Париже.⁶⁶⁰

Не все евангельские христиане Мо, подобно ему, покинули Ла-Бри. На полях вокруг этого города часто можно было увидеть благочестивого человека по имени Дени, уроженца Риэ. Однажды он услышал божественный призыв и, преисполненный желания познать Бога, пришел к Иисусу. Глубокопораженный муками, которые претерпел Спаситель, чтобы спасти грешников, он с того часа непрестанно обращал свой взор на Распятого. Денис был полон изумления, когда увидел, что христиане доверяют церемониям, вместо того чтобы полностью полагаться на Христа. Когда во время своих многочисленных путешествий он проходил мимо церкви во время службы, ему казалось, что он является свидетелем театрального представления⁶⁶¹, а не религиозного акта. Его измученная душа издала крик боли. "Желать примириться с Богом посредством мессы, - сказал он однажды, - значит отрицать страсти моего Спасителя".⁶⁶² Парламент отдал приказ заключить Дени в тюрьму в Мо.

Поскольку Брисонне все еще возглавлял епархию, судьи потребовали от него сделать все, что в его силах, чтобы вернуть Дениса в лоно церкви. Однажды двери тюрьмы открылись, и епископ, находящийся на вершине славы, но отступивший от веры, предстал перед христианином под крестом, но все еще верный. Смущенный той ролью, которую ему приходилось играть, Брисонне опустил голову, заколебался и покраснел; этот визит был наказанием за его трусость.

"Если вы откажетесь, - сказал он наконец Денису, - мы отпустим вас на свободу, и вы будете получать ежегодную пенсию". Но Денис чудесным образом запечатлел в своем сердце, говорит хронист, фразу, произнесенную Иисусом Христом: 'Кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь и Я перед Отцом Моим Небесным'. Обратив поэтому негодующий взгляд на Брисонне, он воскликнул: "Неужели вы будете настолько низки, чтобы призывать меня отречься от моего Бога?" Несчастный прелат, испуганный этим обращением, вообразил, что слышит собственное осуждение, и, не сказав ни слова, поспешно выбежал из темницы. Денис был приговорен к сожжению заживо.

3 июля в тюрьму пришли городские сержанты; они забрали Дениса из камеры и привязали его к барьеру, который принесли с собой. Затем, словно для того, чтобы усугубить пытку, они связали ему руки и вложили в ладони деревянный крест. Встав по бокам от него, они сказали: "Посмотри теперь, как он поклоняется дереву креста!" - и потащили бедного страдальца на перекладине по улицам. Некоторые из зрителей, увидев, что он держит в руках кусок дерева, воскликнули: 'Воистину, он обратился!' но смиренный верующий ответил: 'О друзья мои! ... обратитесь к истинному кресту!' Процессия продвигалась медленно из-за толпы, и когда они проходили мимо пруда, из которого быстро лилась вода, разбухшая от дождей, Денис сопротивлялся, крест упал и 'поплыл вниз по течению'. Когда фанатики (как называет их хронист) увидели, что крест танцует и плывет по воде, они бросились вперед, чтобы вытащить его, но не смогли дотянуться. Они вернулись и отомстили, "оскорбив бедного страдальца, лежащего на барьере". В конце концов столб был достигнут. 'Осторожно,' сказали жрецы, 'разжигайте только небольшой огонь, очень маленький огонь, чтобы он горел дольше'. Они привязали Дениса к шесту и положили в огонь, а когда жар почти убил его, подняли в воздух. Как только он пришел в себя, они снова опустили его вниз. Трижды поднимался и опускался он таким образом, и каждый раз пламя начинало свою работу заново. "И все же все это время, - говорит хронист, - он призывал имя Божье".⁶⁶³ Наконец он умер.

Не только в Париже римская партия проявила себя безжалостной. Пожелания Дюпра, Сорбонны и парламента выполнялись в провинциях; и везде, где истина поднимала голову, возникали преследования. В главной церкви маленького городка Анноней со сводчатой крыши свисала драгоценная святыня, которую набожные люди привыкли каждый день созерцать с благочестивым видом. "В нем заключены *святые добродетели*", - сказали священники. "Святыни полно таинственных реликвий, которые никому не позволено видеть". Однако в День Вознесения *святые добродетели* были торжественно пронесены по городу. Мужчины, женщины и дети горели желанием участвовать в процессии с обнаженными головами и ногами и в одних рубашках. Некоторые из них подходили к святыне и целовали его, проходя под ним взад и вперед, почти так же, как это делают индусы, когда идола Джаггернаута волокут через толпу его почитателей. В тот момент, когда *святые добродетели* проходили через замок, ворота сами собой повернулись на петлях, и все заключенные были выпущены на свободу, за исключением лютеран.

Эти глупые суеверия вот-вот должны были быть нарушены. Вокруг этого таинственного святыни началась битва, и как только один воин падал, на его место вставал другой.

Первым был серый монах, доктор богословия, которого Креспин называет Стивеном Махополисом: последнее, по-видимому, одно из тех имен, которые иногда принимали реформаторы. Стефан, привлеченный слухами о Реформации, отправился в Саксонию и

послушал Лютера.⁶⁶⁴ Получив пользу от его учения, серый монах решил вернуться во Францию, и Лютер порекомендовал его графам Мансфельд, которые предоставили ему средства для возвращения на родину.⁶⁶⁵

Едва Стивен прибыл в Анноней, как начал горячо провозглашать добродетели Спасителя и Святого Духа и поноситься *святые добродетели*, висящие в церкви. Священники пытались схватить его, но он сбежал. Тем временем он много говорил о Евангелии с одним из своих друзей, таким же кордельером, как и он сам, по имени Стивен Ренье. Последний взялся, с еще большим мужеством, чем его предшественник, обратить всех этих невежественных людей от их веры в "кости мертвецов" к живому и истинному Богу. Священники застали беднягу врасплох, бросили его в тюрьму и перевезли во Вьенну в Дофини, где проживал архиепископ. Ренье предпочел сгореть заживо, чем пойти на какие-либо уступки.⁶⁶⁶

Благочестивый и образованный школьный учитель по имени Джонас уже занял свое место в Аннонее и говорил еще смелее, чем два францисканца. Он, в свою очередь, был отправлен в тюрьму и предстал перед магистратами с 'добрым и полным' исповеданием веры. Поскольку священники и архиепископ теперь держали Джонаса взаперти, они надеялись наконец успокоиться.

Но результат был совсем другим: когда два монаха и школьный учитель исчезли, все те, кто получил Слово жизни, восстали и провозгласили его. Архиепископ Вьенский больше не мог сдерживаться; ему казалось, что евангелисты выскакивают во всеоружии из земли, подобно последователям Кадма в былые дни. — 'Они упрямы и яростны', — говорили добрые люди Вены. - 'Приведите их всех ко мне', - воскликнул архиепископ. Двадцать пять евангельских христиан были доставлены из Анноне в архиепископский город, и многие из них, оставленные на неопределенный срок в тюрьме, умерли от слабости и плохого обращения.

Смерть нескольких безвестных людей не удовлетворила ультрамонтанов: они желали более прославленной жертвы, самого образованного среди знати. Куда бы Беркен или другие евангелисты ни сворачивали, они натыкались на свирепые взгляды и слышали крики негодования. 'Какое тираническое безумие! какая плутоническая ярость!' - выкрикивала толпа, когда они проходили мимо. Негодные юнцы! бесы сатаны! клейма ада! *виленайл*, до краев наполненный левиафанами! ядовитые змеи! слуги Люцифера!"⁶⁶⁷ Это была обычная лексика.

Беркен, услышав этот поток оскорблений, не ответил ни слова: он считал своим долгом дать буре утихнуть и оставался спокойным и уединенным перед Богом. Иногда, однако, его рвение загоралось; в его сердце происходили внезапные движения, как будто ветер вздымал волны с их пенистыми головами; но он боролся с этими "порывами" плоти; он приказывал своей душе успокоиться, и вскоре ничего не оставалось, кроме небольшого "трепетания".

В то время как Берквин хранил молчание перед бурей, Беда и его спутники делали все, что было в их силах, чтобы обрушить удар молнии на эту надменную голову, которая отказывалась склониться перед ними. 'Смотрите!' говорили они, описывая увечье Богоматери. - смотрите, к чему приводит наша терпимость к ереси!... Если мы не выкорчевываем его полностью, он скоро размножится и покроет всю страну".

Доктора Сорбонны и другие священники толпами выходили из своих домов; они расходились направо и налево, шумели на улицах, в домах, во дворцах. 'Эти шершни, ' говорит хронист, -

издают свой утомительный шум, который слышат все, кого встречают, и подстегивают их повторяющимися укусами'. "Долой Беркена!" - был их крик.

Его друзья встревожились. 'Спасайся!' - написал ему Эразм. "Спасайся!" - повторяли окружавшие его друзья учения и Евангелия.⁶⁶⁸ Но Беркен думал, что, сохраняя молчание, он делает все, что должен делать. Бегство он счел бы позором, преступлением. "С Божьей помощью, - сказал он, - я завоюю монахов, университет и сам парламент".⁶⁶⁹

Такая уверенность привела Сорбонну в ярость. Беда и его последователи взбудоражили университет и парламент, город, суд и церковь, небо и землю.... Франциск I был озадачен, ошеломлен и раздосадован. В конце концов, будучи осажденным со всех сторон и постоянно слыша, что доктрины Беркена были причиной беспорядков на улице Розье, король уступил, полагая, однако, что уступил мало: он согласился только на то, чтобы против Беркена было возбуждено расследование. Дикий зверь прыгал от радости. Добыча еще не была ему дана, но он уже предвидел час, когда утолит свою жажду кровью.

Странная слепота - это слепота папства! Уроки истории забываются. Пока события продолжаются, люди ошибочно принимают как их причины, так и следствия. Дым, который застилает поле битвы во время сражения, не позволяет нам различать и оценивать передвижения различных армий. Но как только битва закончилась, события свершились, разумные умы открывают принципы движений и боевого порядка. Итак, если и есть какая-то истина, которую провозглашает история, так это то, что христианство утвердилось в мире, пролив кровь своих мучеников. Один из величайших отцов Запада провозгласил этот таинственный закон.⁶⁷⁰ Но Рим пап - и в этом отношении она отдавала дань человеческой слабости — проглядел этот великий закон. Она не обратила внимания на факты, которые должны были бы ее просветить. Она не понимала, что кровь этих друзей Евангелия, которую она так жаждала пролить, станет для современности, как это было для древних времен, семенем преображения. Опрометчиво вернувшись к роли Рима императоров, она предавала смерти одного за другим тех, кто исповедовал вечную Истину. Но в тот самый момент, когда враги Реформы вообразили, что они сокрушили ее, избавившись от Беркена; в тот самый момент, когда раздраженный король позволил тащить слуг Христа на веревках и когда он санкционировал пытки, тюремное заключение и костер; в тот самый момент, когда всем, казалось, было суждено оставаться немыми и трепещущими, истинный Реформатор Франции незаметно вышел из коллегии священников и собирался начать в важном городе королевства ту работу, о которой мы взялись рассказывать, — работу, которая на протяжении трех столетий не переставала и никогда не перестанет расти. .

Мы попытаемся описать небольшие начинания этого великого труда в следующем томе.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

ЛОНДОН
НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КО"
НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР

14 Ладгейт-Хилл, Э.К.
(Во время перестройки помещений на Патерностер-Роу)
Лондон, декабрь 1862 года.

СНОСКИ:

1 Иоанна viii. 32.

2 Иакова iv. 14, 15.

3 M. de Remusat.

4 Calvin, *Harmonie évangélique*, Matt. xx. 21.

5 Среди других политических сочинений учеников кальвина см. "*Голь франке*", "*Ревель-матен де франсэ*" и "*Лер-вуазен*" и др.

6 'Рæнæ vero atrocitatem remitti cupio.' (*Calvin to Farel*, Aug. 26, 1553.) Впоследствии Кэлвин, по-видимому, убедил своих коллег присоединиться к нему: "Genus mortis conati sumus mutare, sed frustra". 'Мы пытались изменить обстоятельства его смерти, но тщетно; почему же нам это не удалось? Я отложу рассказ до встречи с тобой'. (То же самое тому же, 26 октября 1553 г.) Фарел ответил Кальвину: "Желая смягчить суровость его наказания, вы поступили как друг по отношению к человеку, который является вашим злейшим врагом".

7 La Henriade.

8 'Hic enim liber professione pietatis, aut laudatus erit, aut excusatus.'—Tacitus, *Agricola*, iii.

9 'Extremum oppidum Allobrogum.'—*De Bello Gallico*, i. 6.

10 Спон, *История. de Genève*, livre i.

11 *Inscription de Gondebaud à Genève*, by Ed. Mallet, in the *Mémoires d'Archéologie*, t. iv. p. 305. Профессор А. де ла Рив, построив дом в 1840 году на месте старого замка, ворота или аркаду снес, а камень с надписью поместил в музей Академии.

12 'Ordinum Consilium Genevæ habitum est in quo novæ leges ab illo rege (Gondebald) latae....'—Fragment quoted by Godefroy.

13 Список епископов Женевы, согласно Бонивару. Габерель, *История. de l'Église de Genève*, Pièces justificatives, p. 4.

14 М. Болакр (*Œuvres*, i, стр. 37) придерживается мнения, что этот Диоген был генуэзским епископом.

15 'Tanto tempore, quod de contrario memoria hominis non extitit.'—*Libertates Gebennenses, Mém. d'Archéologie*, ii. p. 312.

16 'Cum toto Francorum exercitu Gebennam venit. et copiarum partem per montem Jovis ire jussit.'—Eginhardi *Annales*. Эти слова древних летописей могут быть применены как к Наполеону I, так и к Карлу Великому. Первый консул Бонапарт проезжал через Женеву по пути в Маренго в мае 1800 года.

17 'Genevamque civitatem veniens synodum tenuit.' (См. "*Исторический памятник Германии*" Перца, том i, анн. 773; Хроника *Регино*, стр. 557, 558; "*АнналыЭгинхарди*", стр. 150.)

18 Spon утверждает это положительно, i. стр. 59.

19 'In Burgundia in pago Genevensi, ubi pater ejus comes fuit. Beneficium non grande'. —Эгинхарди *Эпистолы*, стр. 26, 27.

20 Наступает Женева. Гишенон, *Библия. Geb.* II век.—См. Также (около 1140 г.) Петр Достопочтенный, *de Miraculis*, lib. ii.

21 Spon's *Histoire de Genève*, i. p. 71. Galiffe, jun. *Introduction à l'Armorial genevois*, p. 9. Hiseli, *Les Comtes de Genève et de Vaud*, pp. 4, 18.

22 Даниил, vii. 8.

23 'Totas Gebennas episcopo in pace dimisit.' (Документ можно найти в *справочных материалах* Spon, № 1.)

24 'Tanto cleri populique consensu.'—Bernardi *Epist.* xxvii.

25 'Si vos in curia Romana in causam traheret.'—*Conventiones an. 1286*.

26 "Faisait le *gart*", на языке хронистов. Wustemberger, *Peter der Zweyte*, i. p. 123.

27 'L'animo irrequieto ed intraprendente del Principe Pietro.'—Datta, *Hist. dei Principi*, i. p. 5.

28 'Communio, novum ac pessimum nomen.'—*Script. Rev. Franc.* xii. p. 250.

29 - Из страха найти что-нибудь похуже.

30 'Communitatem de Gebennis in gardam non recipimus.' —Договор между графом и епископом; *Mém. d'Archéologie*, vii. стр. 196-258 и 318, 319.

31 *Monumenta Hist. Patriæ*, iii. стр. 174. Г-н Эд Маллет считает, но неавторитетно, что Питер умер в Пьер-Шателе в Бюже. Смотри также "*Пьер де Савойя д'Апре М. Сибрарио*", Ф. де Гинген.

32 'Quod ullus alius princeps, baro, vel comes habeat in eadem (civitate) aliquam jurisdictionem.'—*Mém. d'Archéologie*, viii. *Pièces Justificatives*, p. 241.

33 Савьон, *Анналы*, стр. 16-18.

34 'Villam vestram, nec non bona et jura vestra et franchisias vestras manutenebimus, gardabimus; et defendemus.'—Spon, *Preuves pour l'Histoire de Genève*, iii. p. 108.

35 Туринская библиотека, рукопись X. Габереля, *История. de l'Église de Genève*, i. p. 45.

36 Harduin, *Concil.* viii. c. 887.

37 Савьон, *Анналы*, стр. 23.

38 Savyon, *Annales*, pp. 22, 32. Galiffe, i. p. 222, *Chronique Latine de Savoie*.

39 Савьон, *Анналы*, стр. 24, 25. Согласно другим документам, он некоторое время находился в Женеве.

40 Савьон, *Анналы*, стр. 30. Спон, *История. de Genève*, i. p. 199. Пикте де Сержи, *История. de Genève*, ii. pp. 175-242. Weiss, *Hist. des Réfugiés* pp. 217, 218.

41 *Constitutiones synodales, eccl. Женева*. Реестр каноников, май 1493 года. Габерель, *История. de l'Église de Genève*, i. p. 56.

42 Реестры рукописей женевского собора, датированные 13 апреля 1513 года.

43 Savyon, *Annales de Genève*, p. 44.

44 Там же.

45 'De libertatibus, franchisiis et immunitatibus sumus cum maxima diligentia informati.'—*Libertates Gebennenses, Mém. d'Archéol.* ii. p. 312.

46 'Credimus electionem tuam, etc.'—Bernardi *Epist.* xxvii.

47 Бонивард, *Хроника*. i. стр. 22; ii. стр. 230.

48 Рукописные архивы семьи Джинджинс. Froment, *Gestes de Genève*, p. 157. Савьон, *Анналы*, стр. 44, 45.

49 Предполагалось, что он вырос в Анже, но я нашел в архивах Женевы письмо, адресованное Джону, датированное 2 сентября 1513 года, Ж. А. Вераром, юрисконсультom Ниццы, в котором последний поздравляет нового епископа "*inclitæ civitatis Gebennanum in qua cunabulis ab usque nutritus et educatus es*". *Archives de Genève*, No. 870.

50 Бонивар, *Хроника*, i. стр. 25; ii. стр. 227, 228. Там же. *Police de Genève, Mém. d'Archéologie*, p. 380. Savyon, *Annales de Genève*, p. 45.

51 'Misso legato Johanne de Sabaudia, episcopo postea Gebennensi.' *Monumenta Historiæ Patriæ, Script.* i. p. 848, Turin. Инструкции, данные герцогом своему кузену, можно найти в рукописи Женевского архива, № 875.

52 Смотрите письма в архивах Женевы, № 872 и 873.

53 Там же, № 876.

54 'Leo X. Sabaudianum ducem ad affinitatem ineundam multis pollicitis invitavit.'—*Monumenta Historiæ Patriæ, Script.* i. p. 814. Турин, 1840 год.

55 "Omnia expectare quæ ab optimo filio de patre amantissimo sunt expectanda". — *Письмо Бембо от имени папы*, 3 апреля 1513 г.

56 Я нашел эту рукопись в библиотеке в Берне (*История Гельветики*, т. 12). Она называется "*История женевского города*" Дж. Бониварда. История написана не Бониваром: она была

скопирована в Берне в 1705 году со старой рукописи, находившейся во владении Ами Фавра, первого синдика. Хотя об этом и не знают в Женеве, в нем содержится много важных обстоятельств, которые Спон и Готье опустили либо из робости, либо по приказу, говорит Халлер. Я назову это "Бернская мисс", ст. 12.

57 'Pro tua singulari gravitate atque virtute.'—*Arch. de Gen.* No. 879.

58 Michel Roset, *Histoire manuscrite de Genève*, liv. i. chap. lxi. (Розет был синдиком четырнадцать раз в течение шестнадцатого века.) Lévrier, *Chronologie des Comtes de Genevois*, p. 102. Bonivard, *Police de Genève (Mém. d'Archéologie)*, v. p. 380. Савьон, *Анналы*, стр. 46.

59 Розетт г-жа лив. i. гл. lxi. Савьон, *Анналы*, стр. 46. Реестры Собора, ср. 25 по 30 августа 1513 г. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 235.

60 *Поклонники Женевы* - термин, применяемый к городской молодежи, способной носить оружие.

61 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 236, 259. Савьон, *Анналы*, стр. 46. Рукописи Готье и Розе. Galiffe, *Notices Généalogiques*, i. p. 8.

62 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 235 и др.

63 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*. Допрос Нависа, стр. 168-181.

64 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. vii.

65 Женевские реестры (СР.), 2 сентября 1483 г.; 13 июня, 11 и 25 июля, 28 ноября 1486 г.; 24 июня 1491 г.

66 Женевские реестры, от 1534 года.

67 'De iis quæ gesta fuere occasione nefandi criminis Sodomye, de quo diffamantur et nonnulli alii.'—*Registers of the Council*, 22nd July, 1513.

68 Реестры от 22 мая 1522 года по восточному времени.

69 'Quod agere veretur obstinatus diabolus, intrepide agit reprobus et contumax monachus.'

70 'Hunc merito poterit dicere Roma patrem.'

71 'De putanis sacerdotum.' Государственные реестры Женевы, г-жа от Рождества Христова. 1513г.

72 Недалеко от нынешней обсерватории.

73 Сейчас в департаменте Айн.

74 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 246.

75 Женевские реестры, 8 и 9 декабря 1514 года.

76 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 247.

77 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 250-253.

78 Thierry, *Lettres sur l'Histoire de France*, passim.

79 *Хроника графов Женевских*, М. Леврие, генерал-лейтенанта бейлирика Меллан, ii. стр. 110.

80 *Архивы Женевы*, 9 июня 1515 года. Савьон, *Анналы*, стр. 49. РУКОПИСИ Розе и Готье. Muratori, *Annali d'Italia*, x. p. 110. Роско, *Лео X*. iii. стр. 9.

81 'Disce sarculo tibi opus esse, non sceptro.'—Bernardus, *de Consideratione, ad Eugenium papam*, lib. ii. cap. vi.

82 Ср. Женевские реестры, 22 и 25 мая, 19 июня 1515 года. Розет, г-жа Б.К., глава 72. Савьон, *Анналы*, стр. 49 и др.

83 Roset MSS. bk. i. gl. 72. Савьон, *Анналы*, стр. 50. Spon, i. стр. 261. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 268. Lévrier, *Chroniq*. ii. p. 110.

84 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 253. РУКОПИСИ Розет и Савьона. Галиффе фил, Б. Хьюз, стр. 226.

85 Lévrier, *Chron. des Comtes de Savoye*, ii. p. 112. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 20, 176. Савьон, *Анналы*, стр. 50.

86 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 257. Женевские ведомости, 29 июня 1515 года. Савьон, *Анналы*, стр. 51. РУКОПИСИ Розе и Готье.

87 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 258.

88 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 271. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. 122. Savyon, *Annales*, p. 52.

89 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 318 и *passim*.

90 'Ad alliciendum homines ad se.'—Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire, de Genève*. Interrogations de Pécolat, ii. p. 42.

91 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 265, 271. *Police de Genève*, Mém. d'Archéol. v. p. 381. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, pp. 201, 207, 216. Кальвин, *пассим*.

92 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 277, 278.

93 *Chronique du Pays de Vaud*, Bibl. Imp. No. 16720. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 276-279.

94 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 279, 383. Розетт МСС. жизнь. i. глава xxvi. *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 111, 119, 136.

95 Бонивард, *Хроника*. i. стр. 28, 29 и 238.

96 Пеколат на своем экзамене от 5 августа 1517 г. говорит: "Около года назад". —Галиффе, ii. стр. 41. Бланше на своем экзамене от 5 мая 1518 г. в Турине говорит: "Около двух лет назад". — Там же. стр. 99. Затем 21 мая он говорит: "Около года назад". — Там же. стр. 205.

97 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 199, 206, 210, *passim*.

98 'Armis, unguibus, et rostris.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. Joye's Exam. ii. p. 215.

- 99 Galiffe, *Matériaux*, &c. Exam. Пеколат, ii. стр. 42. Экзамен. Бланше, ib. стр. 206.
- 100 Galiffe, *Matériaux*, &c. Exam. о Пеколате и Бланше. *Хроника. des Comtes de Genève*, ii. p. 141.
- 101 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 265. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 50, 174.
- 102 'Ingeniosus suscitando quam plurima debata.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 50, 61, 171, 174. Савьон, *Анналы*, стр. 64.
- 103 Reg. du Conseil *ad annum*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 267, 268. Савьон, *Анналы*, стр. 55.
- 104 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 285. Савьон, *Анналы*, стр. 51. Мемуары Минье о *преобразовании Женевы*, стр. 28.
- 105 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 285.
- 106 Савьон, *Анналы*, стр. 53.
- 107 Савьон, *Анналы*, стр. 53. Бонивар, *Хроника*. Roset MSS. Spon, i. стр. 267.
- 108 Савьон, *Анналы*, стр. 57. Бонивар, *Хроника*. стр. 284. Spon, i. стр. 278. Рукописи Розе и Готье.
- 109 'Suspirans et ab imo trahens pectore vocem.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. Допрос. ii. стр. 40.
- 110 Galiffe, *Matériaux*, &c. Допрос. de Pécolat, ii. pp. 29-49.
- 111 Там же. ii. стр. 77, 80.
- 112 Galiffe, *Matériaux*, &c. Допрос. ii. стр. 275. Письма Жана Савойского.
- 113 Там же, стр. 81.
- 114 Публичные реестры Женевы, рукопись. *ad diem*.
- 115 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 289.
- 116 Там же. стр. 286.
- 117 Реестры женевского собора, рукопись от 29 июля 1517 г.
- 118 *Histoire de Genève*, by Pictet de Serpy, ii. p. 313. Бонивар, *Хроника*. Spon, i. стр. 287. Савьон, *Анналы*, стр. 58.
- 119 Публичные реестры Женевы, *ежедневно*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 294.
- 120 M. Mignet's *Mémoire*, p. 23.
- 121 Бонивар относит его происхождение к 1518 году и пишет *Eyguenots*. (*Хроника*. ii. стр. 331.) В реестрах Совета это стоит под датой 3 мая 1520 года и гласит *Эйгеноты*. В 1521 году мы находим на процессе Б. Токе, *айгиноктическую секту*. (Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 164.) Мы встречаем это позже, в 1526 году: *Traître Eyguenot*. (Там же, стр. 506.) В том же году: *Tu es Eyguenot*. (Там же, стр. 508.) Наконец, Мишель Розе в своей *Хронике* (liv. i. ch. lxxxix.) обычно пишет о *гугенотах*. В шестнадцатом веке, так же как и в девятнадцатом, прозвища часто переходили из Женевы во Францию.

- 122 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 287. (Некоторые рукописи шестнадцатого века читаются как *Мамелус*, *Маумелус*.)
- 123 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 288.
- 124 Ср. Списки заседаний Совета, 8 сентября 1517г.
- 125 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 294, 295. Реестры Женевского собора, 21 августа 1517 года. Спон, *История. de Genève*, i. p. 278.
- 126 Там же.
- 127 Реестры Собора, 25 сентября, 30 октября, 5, 6, 9, 10 ноября. Ноябрь 1517 года. Спон, *Хист. de Genève*, i. p. 279. Савьон, *Анналы*, стр. 59. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 299.
- 128 Galiffe, *Matériaux*, &c. Допрос. ii. стр. 75, 77, 88.
- 129 Ср. Списки заседаний Совета, 24 декабря 1517 г.; 8, 9, 15, 20 января 1518 г. Савьон, *Анналы*, стр. 60. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 300.
- 130 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 300. Савьон, *Анналы*, стр. 60. Ср. Архив Женевы.
- 131 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 202. Савьон, *Анналы*, стр. 61, 62.
- 132 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 301, 304. Розет, *История. de Genève*, MS. liv. i. ch. lxxxi. Свидетельства этих двух современных авторов не оставляют сомнений в реальности попытки Пеколата. (См. также Савьон, *Анналы*, стр. 61.) Это обстоятельство стало предметом длительного археологического спора, решение которого просто таково: Пеколат не отрезал себе язык, он всего лишь отрезал его.
- 133 Lévrier, *Chronologie des Comtes de Genevois*, ii. p. 131.
- 134 "Справедливые деньги". —Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 306.
- 135 Бонивард, *Хроника*. стр. 307, 308.
- 136 "Вы заторможены, как в копии". —Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 309.
- 137 Галифф, Бонивар, Муниципальные реестры.
- 138 "Мандамус расслабление после отлучения от церкви". —Савьон, *Анналы*, стр. 63.
- 139 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 91.
- 140 'Altaria nudentur, cruces abscondantur.'
- 141 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 310, 315, 316. Савьон, *Annates*, стр. 65. Спон, *Hist. de Genève*, i. стр. 286. Розетт МСС.
- 142 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 316, 317. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 196, 197.
- 143 Реестры Совета от 7 февраля 1518 года. Савьон, *Анналы*, стр. 66. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 311.

- 144 'Si bene ruminetur.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. Berthelier documents, ii. p. 105.
- 145 Галифф, *Материалы* и др. Документы Бертелье, ii. стр. 113, 114, 116, 125, 132.
- 146 Галифф, *Материалы* и др. Документы Бертелье, ii. стр. 124, 125.
- 147 Там же, стр. 133. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 311-318.
- 148 Галифф, *Материалы* и др. Экзамен Бланше. ii. стр. 197 и др.
- 149 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 169, 171, 177, 179. Савьон, *Летопись*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 320. Рукописи Розе и Готье.
- 150 'Ex qua possit contrahi irregularitas.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 166.
- 151 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 95; 168, 196, 199, 202.
- 152 Galiffe, *Matériaux*, &c. Допрос. ii. стр. 162, 168, 179, 180, 185, 186, 205.
- 153 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 320.
- 154 'Cardinationis.'—Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 184.
- 155 *Совет и разработка источника Папской идеологии*, опубликовано М. Ревиллод, стр. 134.
- 156 Там же, стр. 78.
- 157 Там же, стр. 79.
- 158 Там же. стр. 80.
- 159 *Advis et Devis*, p. 34.
- 160 Там же, стр. 42.
- 161 'Молю, позволь мне спокойно наслаждаться папством. Господь дал это мне. Ступай к милорду Медичи.
- 162 *Advis et Devis*, pp. 67-74.
- 163 'Dialogus in præsumptuosas M. Lutheri conclusiones de potestate papæ.' December 1517.
- 164 *Advis et Devis*, p. 80.
- 165 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 320, 321. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 184. *Mém. d'Archéol.* iv. pp. 152, 153.
- 166 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 189-195.
- 167 Savyon, *Annales*, p. 72. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 26, 145. Спон, *Хист. de Genève*, i. pp. 293, 294. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 323.

168 Galiffe, *Matériaux*, &c. (Instructions pour les réponses à faire à Soleure), ii. p. 135. Савьон, *Анналы*, стр. 72. Реестры Женевского собора, 3 октября 1518 г. Спон, *Хист. de Genève*. РУКОПИСИ Розе и Готье.

169 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 151. Реестры Женевского совета, 3 октября 1518 г. Савьон, *Анналы*, стр. 72. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 325. РУКОПИСИ Розе и Готье.

170 'Si fut exercé lors une cruauté presque Sylleine,' says Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 324.

171 Ср. Реестры Совета, 3 октября и 26 ноября 1518 г. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 326. РУКОПИСИ Розет и Готье, "*Момелю*" (Мамелюки) *Женевы*. Последняя рукопись, а также многие другие, собранные месье Малле-Ромийи, сейчас находятся во владении профессора Селлерье, чьей доброте я обязан их прочтением.

172 Реестры Собора, 3 октября 1518г.

173 ср. Реестры Совета, 3, 6 и 22 октября 1518 года. Roset and Gautier MSS., *Les Maumelus de Genève*.

174 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 270-273.

175 Документ, адресованный лорду Таунсенду государственным секретарем М. Шуэ. Бернская рукопись.

176 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 328.

177 Реестров Совета, 3 мая 1519г.

178 Заразный карбункул. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 327.

179 Там же, стр. 328.

180 Савьон, *Анналы*, стр. 74.

181 Ibid. p. 75. *Archives de Genève*, No. 888.

182 Савьон, *Анналы*, стр. 75.

183 Савьон, *Анналы*, стр. 75. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 332. Рукописи Розе и Готье. Спон, *История. de Genève*, i. pp. 296, 298.

184 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 328, 330.

185 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 330. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. xxxii. Спон, *История*. i. стр. 299.

186 Реестры Собора, 10 и 11 ноября 1518г.

187 Реестров Совета, 29 ноября и 2 декабря 1518 года. Савьон, *Анналы*, стр. 78. РУКОПИСИ Розе и Готье.

188 Реестров Совета, 5 декабря 1518 г. Савьон, *Анналы*, стр. 77. Бернская рукопись. v. 12.

189 Реестры Собора, 7, 21, 23 декабря 1518 г.; 6 февраля 1519 г. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 217.

- 190 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 330, 331. Савьон, *Анналы*, стр. 79, Рукописи Розе и Готье.
- 191 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 344. Савьон, *Анналы*, стр. 91. Спон, *История. de Genève*, i. p. 303.
- 192 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 137-139. Реестры Совета за 11, 19 и 24 января 1519 года. Савьон, *Анналы*, стр. 82. РУКОПИСИ Розе и Готье. Архив Женевы, № 998.
- 193 Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 332. M. Mignet's *Mémoire*, p. 24.
- 194 Ср. Женевские реестры, 30 и 31 января 1519 г. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 333. Савьон, *Анналы*, стр. 82.
- 195 Реестров Совета, 6 февраля 1519г.
- 196 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 333. Реестры Собора, 6 февраля 1519 г.
- 197 Смотрите письмо совета в "Реестрах" от 6 февраля 1519 г. и во фрагментах Гренуса, стр. 109.
- 198 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 246, 262, 264.
- 199 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 344.
- 200 'S'exposent à recevoir de la pantoufle.'—Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 335.
- 201 Реестр Совета, 1 марта 1519 года. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 336. Бернская РУКОПИСЬ. v. 12. Готье Ср.
- 202 'Exhortamur obstinatos et rebelles, pacis corruptores, ab incepto ut desistant.'—Archives of Geneva, No. 912.
- 203 Реестров Совета *ad diem*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 338.
- 204 Реестра Совета *ad diem*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 338. Спон, *История. de Genève*, i. p. 314. Бернская РУКОПИСЬ. v. стр. 12. РУКОПИСИ Розе и Готье.
- 205 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*.
- 206 'Vous devriez un peu mieux en mâcher la teneur.' (Бонивар сохранил свою речь, *Хроника*. ii. стр. 339, 340.)
- 207 В доме, впоследствии занимаемом Кальвином, где сейчас стоит Maison Naville.
- 208 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 343.
- 209 Там же. стр. 342.
- 210 Амисе представляло собой отороченный мехом капюшон, которым каноники иногда прикрывали голову, но обычно носили на руке. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 342.
- 211 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 339-343. Готье, *История*. РУКОПИСЬ.
- 212 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 343, 346. Савьон, *Анналы*, стр. 82. Спон, *История. de Genève*, i. p. 311. Рукопись Готье.
- 213 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 348, 349.

- 214 Реестры Собора, 2 апреля 1519г.
- 215 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 347. Galiffe, *Notices Généalogiques*, i. p. 4.
- 216 Об этой речи см. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 349. Г-жа Мамелюк де Женев. Спон, *Hист. de Genève*, i. pp. 314-320.
- 217 'Nous n'avons pas mis cuire pour tant de gens.'—Bonivard, *Chroniques*.
- 218 См. Примечание, стр. 224.
- 219 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 350. Савьон, *Летописи*.
- 220 *Les Mamelouks de Genève*, MS.
- 221 "Статус Магнуса", его придворный. Реестр Совета, 2 апреля.
- 222 'Obviaverunt ne irent alicubi.'—Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, Exam. of De Joye, ii. p. 218.
- 223 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 346. Galiffe, *Matériaux*, Exam. о Картелье, ii. стр. 234, 246, 262, 264.
- 224 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 354. *Les Mamelouks de Genève*, MS.
- 225 Савьон, *Анналы*, стр. 87. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 351 и др.
- 226 'Monseigneur, vos avi ja dict à Messieurs tant de iangles, que je ne say si vo vudront ple crerre.'—Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 351.
- 227 Там же. стр. 352.
- 228 Там же.
- 229 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 352. *Les Mamelouks de Genève*, MS. Savyon, *Annales*, p. 88.
- 230 См. предыдущее примечание.
- 231 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 353. Савьон, *Летописи*.
- 232 Lévrier, *Hist. Хронол. des Comtes de Genevois*, ii. p. 166. *Les Mamelouks de Genève*, MS. Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 553. Савьон, *Анналы*, стр. 89.
- 233 *Les Mamelouks de Genève*, MS. Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. pp. 234, 264. Спон, *Hист. Genève*, i. p. 327.
- 234 'Jusque dans les lieux privés qui étaient sur le Rhone.'—Savyon, *Annales*, p. 90.
- 235 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 356. Мишель Розет, *Хроника*. Г-жа Лив. i. глава xcix. *Les Mamelouks de Genève*, MS. p. 140.
- 236 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 356. Савьон, *Анналы*, стр. 90.
- 237 Там же.

238 *Les Mamelouks de Genève*, MS. p. 142. *Хроника Розе*, Г-жа Лив. i. глава xcix. Galiffe, *Matériaux*, Interrogatoire de Cartelier, ii. p. 255.

239 *Les Mamelouks de Genève*, MS. p. 143. Майкл Розет говорит то же самое, МИСС Лив, глава I.

240 Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 294. Спон, *Хист. Genève*, i. p. 328.

241 *Les Mamelouks*, p. 143. Савьон, *Анналы*, стр. 91.

242 -Скажи, что ты хочешь, чтобы я позвонил, - сказал он на своем фрибургском наречии. Савьон, *Анналы*, стр. 91.

243 *Les Mamelouks*, MS. p. 143. Савьон, *Анналы*, стр. 91. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 357. Рукопись Готье. *Le Citadin de Genève*.

244 Galiffe, *Matériaux*, Interrogatoire de Cartelier, ii. p. 247. Савьон, *Анналы*, стр. 92.

245 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 357.

246 Реестров Собора, 11 апреля 1519 г. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 360. Савьон, *Летописи*, стр. 93. Женевские архивы, № 913 и 918.

247 'Insultus et tumultuationes . . . auctoritati ducis damnum nobis extraneum et indignum apparet.'—*Archives de Genève*, MS. No. 912.

248 Там же, № 886.

249 Документ на имя лорда Таунсенда (семнадцатый век). Берн, г-жа Х. vi. 57.

250 Галифф, *Материалы*, ii. стр. 274. М. Галифф относит это письмо к 1517 году, ко времени суда над Пеколатом; но из содержания и из Реестров Совета от 24 мая 1519 года ясно, что оно относится ко времени, о котором мы говорим.

251 Этот замок все еще существует, и в нем, я полагаю, проживает маркиз де Довейн.

252 Гроле сейчас находится в департаменте Айн. Савьон, *Анналы*, стр. 89. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 353. "Заметка" Шапоньера, *Воспоминания д'Аршеоля*. iv. стр. 54. Рукопись Бонивара.

253 ср. Реестры Совета, 19 августа 1519 г.

254 *Les Mamelouks de Genève*, MS. p. 149.

255 Там же.

256 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 362. Галиффе, *Биографические заметки*, i. стр. 10. Савьон, *Анналы*, стр. 96.

257 Савьон, *Анналы*, стр. 97, где это место называется Перикуа.

258 В Регистрационных книгах Городского совета под датой *вторника*, 23 августа, указано, что арест был произведен в этот день; Бонивар говорит *опонедельнике*, в шесть часов. Арест, возможно, и был произведен в понедельник вечером, но мы следили за Регистрационными записями, точность которых должна быть выше, чем у Бониварда, который отсутствовал в Женеве.

- 259 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 369.
- 260 *Les Maumelus de Genève*, MS. p. 149.
- 261 Реестры Собора, 23 августа. Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 362.
- 262 'A lacu Lemano, qui in flumen Rhodanum influit . . . præsidia disponit, castella communit.'—*Cæsar, De Bello Gallico*, lib. i.
- 263 Гораций, *Карм*. lib. iii.
- 264 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 369.
- 265 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 363. Савьон, *Анналы*, стр. 97. Спон, *История. de Genève*, i. p. 343.
- 266 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 363. Спон, *Хист. de Genève*, i. p. 344. Савьон, *Анналы*, стр. 98.
- 267 МИСС Регистры Совета, 23 августа 1519 г. Galiffe, *Matériaux*, i. p. 146.
- 268 Сравните Реестры Совета от 23 августа 1519 и 1526 гг. М. Галиффе младший уже указывал на эту ошибку Бониварда. *Besançon Hugues*, p. 245.
- 269 Бонивард, *Хроника*. ii, стр. 365. Савьон, *Анналы*, стр. 98. Спон, *История. de Genève*, i. p. 344.
- 270 Савьон, *Анналы*, стр. 98. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 366.
- 271 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. 297. Плиний, *История. Нац.* viii. c. 18. Бонивар, *Хроника*. ii. c. 366. Савьон, *Анналы*, стр. 99. Простая надпись на башне Цезаря (на острове) отмечает место смерти Бертелье.
- 272 'Il faut que le bon droit tienne chambre.'—Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 368.
- 273 Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 297, 298.
- 274 'Какой вред причинила мне смерть?' Добродетель процветает и за гробом; она не погибает ни от креста, ни от меча жестокого тирана".
- 275 Machiavelli.
- 276 'Tam mansuetum principem.'
- 277 'Nisi fuisset princeps ipse illustrissimus misericordia plenus, suaque clementia vicisset pietatem Redemptoris.' Документ можно найти полностью среди *обоснований*, приложенных к книге "Безансон Хьюз", М. Галиффе Джун.
- 278 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 270, 273. Савьон, *Анналы*, стр. 101. Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 277.
- 279 'Ayguinocticæ sectæ.'—Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. 164.
- 280 Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 225-228.
- 281 Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 214.
- 282 Там же, *Допрос. de De Joye*, ii. p. 224.

283 'Ut veritas ex ore delati eruatur.'—Ibid. ii. pp. 221, 224.

284 Galiffe, *Matériaux*. ii. p. 227.

285 Там же.

286 Там же.

287 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 374.

288 *Дневник* (современник) де Бальяра, стр. 309. Готье Ср.

289 'Ad sanctam sedem metropolitanam Viennensem.'—*Pièces Justificatives de Besançon Hugues*, par M. Galiffe fils.

290 В Реестрах Собора указано имя Джона Фабри; слова *Фавр* и *Фабри*, поскольку оба они происходят от *Фабер*, часто путают.

291 Registres du Conseil des 3, 5 et 6 février 1520. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 377.

292 Там же. 3 mai 1520.

293 Реестры Собора, 25 февраля и 5 октября 1520 г.

294 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 382. Слова *donne des instructions* в рукописи неразборчивы, но этого требует контекст.

295 'Luther, qui avait déjà de ce temps travaillé les esprits à Genève, fit preuve d'une grande sagacité en fécondant, dans l'intérêt de sa cause, un terrain aussi bien préparé que l'était cette ville pour adopter la Réformation.'—Note 3, p. 383, vol. ii. of the *Chroniques*, Genève, 1831.

296 Труды Лютера: *Против буллы Антихриста—Обращение к Свободному Совету—Обоснование статей, осужденных Буллой*. 1520.

297 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 382.

298 Обращение Лютера к немецкой знати, 1520 год.

299 Розет, *Хроника*. жизнь. i. глава. cvi. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 383.

300 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 180.

301 Доктор Шапоньер напечатал акт. *Mém. d'Archéologie*, iv. p. 156.

302 Registres du Conseil du 25 Janvier 1521. *Besançon Hugues*, par Galiffe fils, p. 253.

303 М. Галифф. Я не знаю, какие документы подтверждают картину, нарисованную этим энергичным писателем.

304 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. 303. Работы Галиффе часто с одобрением цитируются римскими католиками.

305 'Si perveneris huic episcopatu, noli, oro te, gressus meos insequi.'—*Mém. du Diocèse de Genève*, par Besson, p. 61. Savyon, *Annales*, p. 108.

- 306 Galiffe, *Matériaux*, &c. ii. p. xxvi.
- 307 Там же. стр. 304, 305.
- 308 Registres MS. du Conseil, mars et avril 1523.
- 309 Габерель, *История. de l'Eglise de Genève. Pièces Justificatives*, p. 28.
- 310 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 388. Registres du Conseil des 27 février; 17 mars; 9, 10, 11 avril.
- 311 'Vos semper sentitis Allemanos.'—Gautier MS.
- 312 Registres du Conseil du 2 août.
- 313 *Mém. d'Archéol. de Genève*, i. p. 191. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 391. Савьон, *Анналы*, стр. 111. Спон, *Хист. Genève*.
- 314 Подробно об этой мистерии можно прочитать в *Мемуарах женевской археологии*, i. стр. 196-203.
- 315 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 395. Савьон, *Анналы*, стр. 113. Готье ср.
- 316 Смотрите мою *историю. из ссылки*. том iii. bk. xii. главы. 7 и 11.
- 317 Archives de Turin, paquet 14, 1re catégorie. *Воспоминания о папском дворце Женевы*. М. Габерель, ознакомившийся с этими мемуарами, относит их (*Hist. de l'Eglise de Genève*, i. стр. 84) относится к 1520 году; но мне кажется более вероятным, что это относится к 1523 году.
- 318 Оригинал этого сочинения можно найти в *Мемуарах женевской археологии*, стр. 164-180.
- 319 'Minimum villagium suæ patriæ.'—Reg. du Conseil, 18 décembre. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 392.
- 320 "Долг артиллерии перед воротами Бодэ". — Реестр Совета, 2 декабря.
- 321 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 392.
- 322 Bonivard, *Police de Genève. Mém. d'Archéol.* iv. p. 382.
- 323 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 395. Савьон, *Анналы*, стр. 114.
- 324 Реестра Совета, 20 мая; 30 и 23 июня 1522 года; и 22 июля 1523 года.
- 325 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 395. Готье СР.
- 326 Гораций, *Оды*, bk. iii. 3.
- 327 "Первыми выступили швейцарские республики; и к духу Реформации, как отдаленной причине, следует отнести саму Американскую революцию". —Смит, *Ессл. Республиканизм*, стр. 102, Бостон.
- 328 регистраций Совета, 19 февраля 1524г.
- 329 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 353.

- 330 Реестров Совета, 19 февраля 1524 года. Lévrier, *Chronologie des Comtes de Genevois*, ii. p. 198.
- 331 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 395.
- 332 Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 242.
- 333 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 395.
- 334 'Cum non essent magnæ facultatis.'—Registres du Conseil du 9 février 1524.
- 335 "Фактическое установление гражданского господства". —регистры совета, 9 февраля 1524г.
- 336 'De recolluctione graciosa et amicabile sodalium in tripudiis.'—Ibid.
- 337 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 401.
- 338 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 402. Готье, МИСС Спон, *Здравствуйте. de Genève*, &c.
- 339 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 403. Готье СР.
- 340 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 403.
- 341 Готье ср. *вместо*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 406. Спон, *История. de Genève*, i. p. 367. Савьон, *Анналы*, стр. 117, 118.
- 342 Registres du Conseil du 13 mars 1524, MS.
- 343 Registres du Conseil du 13 mars 1524, MS.
- 344 Там же.
- 345 Иоанна xi. 50: "Для нас лучше, чтобы один человек умер за народ и чтобы не погиб весь народ".
- 346 Bonivard, *Police de Genève. Mém. d'Archéol.* v. p. 382. Спон, *Хист. de Genève*, i. p. 367. Савьон, *Анналы*, стр. 118.
- 347 Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. 243.
- 348 Замок Бонн находится всего в полутора часах езды от Женевы. Чтобы войти в руины, вы должны пройти через комнаты крестьянина, который живет в этих стенах.
- 349 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 408-412. Мишель Розет, *Хроника*. Г-жа Лив. ii. глава ii. Spon, *История Женевы*, ii. стр. 368. *Le Citadin de Genève*, pp. 313, 314. Готье СР.
- 350 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 410. Савьон, *Анналы*, стр. 119.
- 351 Розетт ср. *Хроника*. лив. ii. гл. ii. Готье СР. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 411.
- 352 Registres du Conseil des 7, 8 et 12 février.
- 353 'Un bon tarin (serin).' Bonivard, *Police de Genève. Mém. d'Archéol.* v. p. 383.
- 354 Беренджер, *История. de Genève*. Lévrier, *Chron. des Comtes de Savoie*, ii. p. 214.

- 355 Registres du Conseil du 5 février.
- 356 Гизо, *История. de la Civilisation*.
- 357 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 414. Готье, МИСС Спон, *Здравствуйте. de Genève*.
- 358 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 414.
- 359 Registres du Conseil du 28 octobre 1524.
- 360 Registres du Conseil des 2 et 8 décembre 1524; 8, 15, 18, 27, 29 janvier et 5 février 1525. *Journal du Syndic Balard (Mém. d'Archéol. v. p. 2)*. Besançon Hugues, par M. Galiffe fils, p. 268.
- 361 Archives de Genève, lettre de Turin, 1 avril 1525.
- 362 Registres du Conseil des 2 et 3 février 1525. *Journal de Balard*, p. 2. Lettre de La Baume, dans les Archives de Genève, sous le n° 930.
- 363 Registres du Conseil du 2 janvier, 3 février, 1525. *Besançon Hugues*, par M. Galiffe fils, p. 219.
- 364 'Unum villagium . . . qui tenentur ei ad angaria et porangaria.'—Registres du Conseil des 25 mars et 10 mai 1525.
- 365 Bonivard, *Mém. d'Archéol. v. p. 382*.
- 366 Lettres de La Baume, Archives de Genève, n° 930. *Journal du Syndic Balard*, p. 3.
- 367 Registres du Conseil des 4, 25 mai; 29 juin; 10 juillet; 7, 16, 17 et 20 septembre, 1525. Рукопись Розет, лив. ii. глава iii.
- 368 Registres du Conseil des 7 et 8 septembre. Савьон, *Анналы*, стр. 122.
- 369 Bonivard, *Police de Genève. Mém. d'Archéol. v. p. 384*.
- 370 Registres du Conseil du 23 février 1526. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 416. Савьон, *Анналы*, стр. 123.
- 371 Учетная запись, предоставленная самим Хьюзом, находится в Государственном реестре. Повествование, написанное автором "*Исторических прогулок по кантону Женевы*", приукрашено в манере сэра Вальтера Скотта. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 416. Спон, *История. de Genève*, ii. p. 374. Готье, МИСС Савьон, "*Анналы*", стр. 123.
- 372 Форт-де-л'Экюз, между Женевой и Бургундом (Айн).
- 373 Gautier MS. La Corbière MS. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 417.
- 374 'Noster dux ... vult scire et intelligere a populo hujus civitatis Gebennensis ... si velit et intendat persequi quamdam appellationem ... в Римской курии.
- 375 'Responderunt ... una voce ... quod non erat ipsorum voluntas ... dictas appellationes prosecui.'
- 376 Registres du Conseil des 22, 23, 25, 28 septembre; 3, 6, 8, 10 octobre. Manuscrit de Gautier. *Журнал синдиката Балара*, стр. 14-17. Рукопись де Розе, лив. ii. ч. v.

- 377 'Wehret bei Zeiten dass die lutherische Sache nicht die Oberhand gewinne.'—H. Hottinger, *Kirchengesch.* v. p. 103.
- 378 Registres du Conseil du 27 octobre. *Journal de Balard*, pp. 18, 19. Manuscrit de Gautier.
- 379 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 418-421. Готье СР.
- 380 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 418, 421. Готье СР.
- 381 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 421.
- 382 'Il s'efforça d'abord d'*apigeonner* ses ouailles.' *Птицелов*, чтобы заманить голубей, предлагая им кукурузу.
- 383 Lettre de La Baume, Archives de Genève sous le n° 934. *Mém. d'Archéol.* ii. pp. 8, 9.
- 384 Registres du Conseil du 9 novembre 1525. *Journal de Balard*, стр. 28. Савьон, *Анналы*, стр. 127. *Besançon Hugues*, par Galiffe fils, p. 276.
- 385 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 424-427. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 318-323. *Journal de Balard*, стр. 28-30. Готье ср. В Реестрах отсутствует заключение этого собора: оно, вероятно, было отменено как посягательство на свободы Женевы.
- 386 См. предыдущее примечание. Розетт Г-жа лив. ii. глава vi.
- 387 Registres du Conseil, décembre 1525. *Journal de Balard*, стр. 33. Готье ср.
- 388 Gautier MS. Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 333. Спон, *Хист. de Genève*, ii. p. 385.
- 389 В официальных реестрах Совета (22 декабря) сказано: 'Бандьерка ведет трех или четырех мальчиков'. Синдик Балар, очевидец, говорит: 'Бандьер в сопровождении детей некоторых из тех, кто уехал на пенсию в Германию'. (*Дневник*, стр. 34.) Бонивар говорит то же самое, *Хроника*. ii. стр. 435. Поэтому было бы ошибкой со стороны писателя, в остальном очень сведущего в истории Женевы, сказать, что "С ним не было ни одного маленького ребенка". (Галифф, *Matériaux*, & c. ii. стр. 334.) Его сын не впал в ту же ошибку. (Galiffe fils, *Besançon Hugues*, p. 277.)
- 390 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 435.
- 391 Под "Германией" они подразумевали немецкую Швейцарию.
- 392 Registres du Conseil du 22 décembre 1522. Галифф, *Материалы*, ii. стр. 324-330, где подробно изложены выступления. Готье Г-жа Спон, *История. de Genève*, &c.
- 393 Registres du Conseil du 22 décembre 1526. *Journal de Balard*, pp. 34, 35. Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 330-333. Пикте, *Хист. de Genève*, ii. pp. 401-408. Готье, МИСС Спон, *Привет. de Genève*.
- 394 Registres du Conseil du 22, 29 décembre 1525. Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 425. Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 339, 340.
- 395 Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 430, 431.
- 396 Письмо Ами Поррал. Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 341, 342. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 432.

- 397 *Journal de Balard*, стр. 41-43. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 433. Готье г-жа Савьон, *Анналы*, стр. 130.
- 398 Registres du Conseil des 4, 5, 10, 12 février. *Journal de Balard*, стр. 41-45. Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 347. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 436-439.
- 399 Готье ср. Registres du Conseil des 11 et 13 février 1526. *Дневник Баларда*, стр. 48.
- 400 Registres du Conseil du 24 février. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 439.
- 401 'Фирменное письмо каперского персонала' среди бернских рукописей. *История гельветики*, стр. 125. Это письмо приписывается Теодору Годафруа, государственному советнику, историографу короля и секретарю посольства Франции по вопросам всеобщего мира в Мюнстере. Я бы скорее приписал это его брату Жаку, ученому юристу и протестанту.
- 402 *История. Helvétique*, v. p. 10. Мы следовали оригиналу документа, который до сих пор можно увидеть в публичной библиотеке Берна.
- 403 Бернская ср. *История Женевы*, обычно приписываемая Бонивару. Смотри также Готье ср. Registres du Conseil du 24 février. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 439, 440.
- 404 Registres du Conseil du 24 février 1526.
- 405 *Журнал Бальяра*, стр. 51. Савьон, *Анналы*, стр. 131.
- 406 "О политике". —Реестры Собора, 25 февраля 1526г.
- 407 Регистры совета, 25 февраля. *Журнал Баларда*, стр. 51. Галифф, *Материалы*, ii. стр. 362. Савьон, *Анналы*, стр. 131.
- 408 Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 364.
- 409 Бонивард, *Хроника*. ii. стр. 444. *Journal de Balard*, стр. 52, 53.
- 410 *Journal de Balard*, pp. 52, 53. Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 368. Bonivard, *Police de Genève*, pp. 392, 393; *Chroniq.* ii. pp. 440, 444.
- 411 Реестры от 12 марта 1526 г. *Дневник Баларда*, стр. 54. Спон, *История. de Genève*, ii. p. 392. Gautier MS. Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 369-392. Савьон, *Анналы*, стр. 132.
- 412 *Дневник Баларда*, стр. 54, 55. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 447. Розет СР. *Хроника*. глава ii. х.
- 413 Реестры Совета, 23 августа 1526 г. Готье Г-жа
- 414 'Quærare rationem quomodo sit.'—Anselm.
- 415 'Lettre d'un personnage de marque,' Berne MS. *Хисм. Helvét.* 125.
- 416 Кальвин о Святом Петре, глава ii. v. 9.
- 417 Кальвин, *Предисловие к Псалмам*.
- 418 Кальвин во 2 Кор. х. 4.

- 419 Чтобы узнать о предыдущих временах, см. *Историю реформации Шестнадцатого века*, том iii. bk. xii.
- 420 Гвиччардини, *История войн Италии*, ii. bk. xvi. стр. 500.
- 421 Гвиччардини, *Войны Италии* (Депеша Суардена, посла Мантуи, 15 марта 1525 г.). Sanuto, Ranke, *Deutsche Geschichte*, ii. p. 315.
- 422 М. Россье Сент-Илер, *История. д'Эспань*, vi. стр. 436.
- 423 Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. bk. xvi. стр. 510, 511.
- 424 *Mémoires de Du Bellay*, p. 121. Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. bk. xvi. стр. 511, 512.
- 425 См. *Историю реформации Шестнадцатого века*, том iii. bk. xii. ch. xv.
- 426 "In istum pietatis gradum evasisti, qui vulgo dicitur *через распятие*". —Capito, Посвященное послание к церкви в Осе.
- 427 'Christumque Jesum et hunc crucifixum tibi solum reservas.'—Ibid.
- 428 *Les Marguerites de la Marguerite des Princesses*, i. pp. 467, 473.
- 429 Там же. ii. стр. 41.
- 430 *Lettres de la Reine de Navarre, sur la route de Madrid*, ii. p. 42.
- 431 Brantôme, *Mémoires des Dames illustres*, p. 113.
- 432 Brantôme, *Dames illustres*.
- 433 Brantôme, *Mém. des Dames illustres*, p. 113.
- 434 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 188.
- 435 *Lettres de la Reine*, i. p. 192.
- 436 'Vere innitentem saxo illi immobili, quod est Christus Jesus.'—Erasmi *Epp.* p. 970.
- 437 *Lettres de la Reine*, i. pp. 1-207.
- 438 La Ferrière-Percy, *Marguerite d'Angoulême*, p. 18.
- 439 'Talem heroïnam, talem viraginem, non possum non amare in Deo.'—Ibid. У одного автора есть *virginem*, но это неверно, поскольку Маргарет в то время была вдовой.
- 440 'Auctoritate apostolica'. —Булла от 17 мая 1525 г. Дрион, *История. Хроника*. стр. 14.
- 441 Письмо-патент от 10 июня 1525 года на исполнение буллы от 17 мая. Там же.
- 442 "Ad canendam palinodiam adactis".—Шмидт, Руссель - Фарелю.
- 443 'Vix citra vitæ periculum audet quis Christum pure confiteri.'—Ibid.
- 444 "Убедительный триумф джама сибиди". —Там же.

- 445 'Lutheranæ impietatis acerrimus propugnator.'—Chevillier, *Imprimerie de Paris*, p. 136.
- 446 *Encomium matrimonii*—*Мирная жизнь—Наставления о моде оранди*: труды Эразма, переведенные Беркеном.
- 447 Креспин, *Мартиролог*, стр. 102, 103.
- 448 Креспин, *Мартиролог*, fol. 102, 103.
- 449 *Journal d'un Bourgeois de Paris sous François I.* (printed from a MS. by the Société de l'Histoire de France), pp. 377, 378.
- 450 *Mémoires de Brantôme*, i. p. 241.
- 451 *Collection de Mémoires pour l'Histoire de France*, p. 23.
- 452 'Quatuor aureorum millia inter doctos distribuenda.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. p. 223.
- 453 *Preuves des Libertés de l'Eglise Gallicane*, by Pierre Pithou, ii. p. 1092. *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme François*, p. 210.
- 454 *Письма королевы Наваррской*, ii. стр. 47. См. также первый том этих писем, стр. 207, далее.
- 455 Бюшон, ii. стр. 280.
- 456 Raumer, *Gesch. Европа*, i. стр. 313.
- 457 О Ламберте Авиньонском см. в *Истории реформации Шестнадцатого века*, том iv. bk. xiii. глава iii.
- 458 'Videmus quosdam tui ordinis, qui abscondite Christo adserunt, publice autem negant.'—Lambert to Hohenlohe.
- 459 'Neque cessat libellos tuos in gallicam linguam versos mittere Gallorum regis sorori.'—Epist. Gerbilii ad Lutherum. Рейрих, *Реформа в Эльзасе*, стр. 457.
- 460 'Libello aliquo per te in tam sancto instituto ut perseveraret adhortari.'—Ibid.
- 461 'Timent miseri et cæci suis peris, culinis, stabulis, et ventribus.'—Lambert in *Joel*.
- 462 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 180.
- 463 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 211.
- 464 *Письма королевы Наваррской*, i. стр. 212. М. Генин перевел это письмо с немецкого: эти повторные переводы нуждаются в исправлении.
- 465 *Journal d'un Bourgeois de Paris sous François I.* p. 276.
- 466 'Jussi fuerunt supersedere ad regium usque adventum.'—Berquinus Erasmo, April 17, 1526.
- 467 'Binis litteris regiæ matris.'—Ibid.
- 468 'Erasmum hæreticum et apostatum subinde clamantes, et Berquinum illius fautorem.'—Ibid.

- 469 'Ut libri Erasmi velut hæretici cremerentur et una cum iis Berquinus.'—Ibid.
- 470 'Perierat nisi mater regis sublevasset eum.'—Erasmi *Epp.* p. 1522.
- 471 Креспин, *Мартиролог*, f° 113.
- 472 Lettre de Henri de Navarre au conseiller du comté de Périgord, 27 décembre 1525.
- 473 *Буржуазный журнал*, стр. 251.
- 474 Там же, стр. 277.
- 475 *Буржуазный журнал*. Либо Фарель, либо Лефевр (Фабри).
- 476 Там же, стр. 281.
- 477 *Histoire des Protestants de Picardie*, by L. Rossier, p. 2.
- 478 *Буржуазный журнал*, стр. 291.
- 479 См. *Историю реформации Шестнадцатого века*, том iii. bk. iv. глава viii. к xiv.
- 480 'C. Antonii abbati crudelissimo Evangelii hosti prodiderunt me.'—Herzog, *Œcolampade, Pièces Justificatives*, p. 280.
- 481 'In carcere pleno aqua et sordibus.'—Ibid.
- 482 "Cum equitabam in arundine longa".—Тоссанус Фарелло, г-жа Невшатель
- 483 'Pro tormento quibus me affecerunt, ut sæpe desperarem de vita.'—Herzog, *Œcolampade*, p. 280.
- 484 'Galli piissimi ad iter se accingunt obviam ituri regi, nomine ejectorum christianorum.'—Zwingl. *Epp.* i. стр. 480—7 марта 1526г.
- 485 'Sæpius regem adiit ... ut commiseratione erga Lutheranos animum mitigaret.'—Flor. Rémond, *Hist. Хересус*, ii. стр. 223.
- 486 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 212.
- 487 Там же. i. стр. 466—21 марта 1528г.
- 488 *Marguerites de la Marguerite*, i. p. 144.
- 489 *Marguerites (Complainte du Prisonnier)*, p. 448.
- 490 Там же. стр. 456.
- 491 *Marguerites (Complainte du Prisonnier)*, p. 460.
- 492 Manuscrits Béthune, n° 8496, f° 13.
- 493 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 31.
- 494 *История. о разводе Генриха VIII*. i. стр. 47. Полидор Вергилий, стр. 686.

- 495 *История реформации Шестнадцатого века*, том v. до н. э. XIX. ч. v.
- 496 Guizot, *Histoire de la Civilisation en Europe*.
- 497 Год начался с Пасхи; его начало 1 января было окончательно установлено гораздо позже.
- 498 'Suo Michaeli de Arando *Episcopo Sancti Pauli* in Delphinatu.'—Cornel. Агриппа, *Ерр.* стр. 835.
- 499 'Insaniat mundus, et insultet adversus renascens Christi Evangelium.'—Tossanus *Æcolampadio*, July 26, 1526. Херцог, *ÆКолампада*, ii. стр. 286.
- 500 'Gavisa est vehementissime tota Ecclesia sanctorum qui apud nos sunt, audientes fructum Verbi apud aulicos, itidem apud Galliam fere omnem.'—Cornel. Агрипп. *Эпп.* стр. 829.
- 501 'Scribe quid Gebennis agatur, aut scilicet Verbum ament?' Бэйл сомневается в подлинности этого письма, но мне кажется, что оно подтверждается аргументами, которые слишком длинны, чтобы их здесь приводить.
- 502 'Omnes Galli, contubernales ac hospites mei... Latere cupiunt, et tamen pueris noti sunt.'—Capito to Zwingli, Nov. 20, 1521. Zwingli. *Ерр.* i. стр. 439.
- 503 "Почетное звание Фабера при отзыве Галлиама".—Эрасми *Эпп.* стр. 829.
- 504 Исайя xxxv. 10.
- 505 'Ниси адсинт к фонтесу порригант, как святыня благородного Духа'. —Рукопись в библиотеке Женевы. Шмидт, *Руссель*, стр. 188.
- 506 'Faber Stapulensis hodie hinc discedens, Blesios petiit.'—Cornel. Агрипп. *Эпп.* стр. 4848.
- 507 'Quod transferas non nihil de christianismo ad christianissimum regem.'—Ibid. p. 859.
- 508 'Berquinus et Macrinus liberabuntur'.—Цвингль. *Эпп.* viii. 1.
- 509 'Leguntur avide etiam a puellis novellæ Boccatii.'—Cornel. Агрипп. *Эпп.* стр. 833.
- 510 "Король Вербо фавет". — Капитан Цвинглио.
- 511 Epitre de Marot à la duchesse d'Alençon, 1526.
- 512 'Principem aliquem vel hominem sibi carissimum.'—Tossanus *Æcolampadio*. Херцог, *ÆКолампада*, т. ii. стр. 286.
- 513 'Brevi regnatum Christi Evangelium per Galliam.'—Ibid.
- 514 'Multum sumus confabulati de promovendo Christi Evangelio.'—Ibid.
- 515 'Quod solum est illi in votis.'—Tossanus *Æcolampadio*.
- 516 'Nec illi solum, verum etiam regi ipsi.'—Ibid.
- 517 'Nec horum conatibus refragatur mater.'—Ibid.

518 'Eam ob causam rex contendit Lutetiam.'—Ibid.

519 'Certe dux Alenconiæ sic est edocta a Domino, sic exercita in litteris sacris, ut a Christo avelli non possit.'—Tossanus Œcolampadio.

520 'Cum suis longis tunicis et capitibus rasis.'—Ibid.

521 'Primi stant in acie adversus eos quos mundus vocat Lutheranos.'—Tossanus Œcolampadio.

522 'Cum bene loquentibus bene loquuntur de Christo, cum blasphemantibus blasphemant.'—Ibid.

523 'Nondum est tempus, nondum venit hora.'—Tossanus Œcolampadio.

524 'Certe continere non possum a lacrimis.'—Ibid.

525 'Sint sapientes, quantum velint, expectent, differant, et dissimulent, . . . non poterit prædicari Evangelium absque cruce.'—Ibid.

526 'Aula, a qua sic abhorreo ut nemo magis.'—Neufchatel MS.

527 'Aula, meretrix periculosissima.'—Тоссанус Колампадио.

528 'Rogate Dominum pro Gallia ut ipsa tandem sit digna Verbo.'—Herzog, *Œcolampade*, p. 288.

529 *История Реформации* с. том iii. bk. xii. глава ii.

530 "Непохожесть знати на плюрима и тот декокенду". —Руссель-Фарелю, Женева, г-же Шмидт, *Руссель*, стр. 198.

531 "Петам Венеция". —Там же. стр. 193.

532 "Вопрос о господине внутри страны".—Руссель-Фарелю, Женева, мисс Шмидт, *Руссель*, стр. 198.

533 Ныне департаменты Крез и Верхняя Вьенна.

534 'Cum hos reperirem ex animo favere, cœpi libere animum explicare meum, et quid in illis desiderem.'—Roussel to Farel, Dec. 7, 1526, Geneva MSS. Шмидт, *Руссель*, стр. 200.

535 'Non satis quod Christum amplectuntur.'—Ibid.

536 "Audiunt, assentiuntur". —Руссель Фарелю, 7 декабря 1526г.

537 'Te perinde ac filium et fratrem, imo si vis patrem habituri.'—Ibid.

538 'Quæ res sic animum meum exhilaravit, ut nulla magis... Перинде адвола". — Тоссанус Фарелло, РУКОПИСЬ Невшателя.

539 *Marguerites de la Marguerite*, i. p. 333.

540 "*История религии в Верхних Альпах*", М. Шарронне, архивариус префектуры: Гар, 1861, стр. 17. М. Шарронне обнаружил этот "неожиданный факт", как он его называет, в муниципальных архивах Маноска (procès d'Aloa). Фамилия Мирабо была Рикетти.

541 *Les Guerres de la Religion dans les Hautes Alpes*, par M. Charronnet, pp. 19-22.

- 542 *История. из ссылки Шестнадцатого века*, том iv. bk. xv. ch. i.
- 543 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 219.
- 544 *Письма королевы Наваррской*, ii. стр. 77. Редактор считает, что это письмо было отправлено в Мадрид; но, на мой взгляд, это ошибка.
- 545 *Иллюстрированных дам*, X. де Кост, ii. стр. 271.
- 546 Рукопись Бетьюна. n° 8546, f° 107.
- 547 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 222.
- 548 *Маргариты*, i. стр. 513.
- 549 'Sunt in te omnium oculi defixi.'—Capito, *Comment. в Oseam*.
- 550 'Apud bonos et doctos, quorum non pauci sunt Parisiis, bene audis.'—Zwingle, *Epp.* i. p. 548.
- 551 *История Реформации*, том iii. bk. xii. ch. xv.
- 552 A Mathurin Cordier, Dédicace du *Commentaire de la 1re Ep. aux Thess.* par Calvin: Genève, 17 février 1550.
- 553 A Mathurin Cordier, Dédicace du *Commentaire de la 1re Ep. aux Thess.* par Calvin: Genève, 17 février 1550.
- 554 Язык текста взят из французского; в своем латинском комментарии Кальвин говорит: "Ab homine stolido, cujus arbitrio vel potius libidine" и т. Д. —Dédicace du *Comm. de la 1re Ep. aux Thess.*
- 555 Chevillier, *Origine de l' Imprimerie*, p.89.
- 556 'Atque hoc posteris testatum, &c.'-Dédicace à Mathurin Cordier du *Comm. de la 1re Ep. aux Thess.*
- 557 'Hispanum habuit doctorem.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- 558 "Ingenium acerrimum". —Там же.
- 559 Кальвин, Предисловие к его *Комментариям к Псалмам*.
- 560 "Ита профецит ут цетерис содалибус в грамматических куррикулумах реликтис".—Кальвин, Предисловие к *комментариям к Псалмам*.
- 561 'Ad dialectices et aliarum quas vocant artium studium promoveretur.'—Ibid.
- 562 'In suis sodalibus vitiorum censor.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- 563 'Quod ex nonnullis etiam catholicis idoneis testibus ... audire memini.'—Ibid.
- 564 'Nemo adulteria acrius odisse videbatur.'—Papyrius Masso.
- 565 *Dictionnaire de Bayle*, art. *Beda*.
- 566 Во французском издании слова Кальвина дословно цитируются по французскому тексту *Сочинений*, а в примечаниях приводится только его латынь. Это позволит учесть любые

незначительные различия, которые могут наблюдаться между английской версией и официальными данными внизу страницы.

567 'A cognato quodam suo Petro Roberto Olivetano.'—Bezæ *Vita Calvini*.

568 'De vera religione admonitus.'—Ibid.

569 'Legendis sacris libris se tradere.'—Bezæ *Vita Calvini*.

570 'At ego novitate offensus ... Ægerrime adducebar ut me in ignoratione et errore tota vita versatum esse confiterer, strenue animoseque resistebam.'—Calvini *Opuscula*, p. 125.

571 'Ad sanctos primum confugere.'—Ibid.

572 'Ego, Domine, ut a puero fueram educatus.'—Calvini *Opuscula*, p. 125.

573 'Sed cum me penitus fugeret vera colendi ratio.'—Ibid.

574 'Redemptionem, cujus virtus nequaquam ad me perveniret.'—Ibid.

575 'Cujus diei memoriam, velut rei infaustissimæ abominarer.'—Ibid.

576 'Verbum tuum ... ademptum.'—Там же.

577 'Non altiore intelligentiam convenire quam ut se ad Ecclesiæ obedientiam subigerent.'—Calvini *Opusc.* p. 125.

578 'Dignitatem porro in operum justitiâ collocabant.'—Ibid.

579 'Si pro offensis tibi satisfaceret.'—Ibid.

580 'Ut bonis operibus malorum memoriam apud te deleremus.'—Ibid.

581 'Quam formidolosus tuus conspectus.'—Calvini *Opusc.* p. 125.

582 'Quia rigidus esset iudex et severus vindex, jubebant ad sanctos primum confugere.'—Ibid.

583 'Procul adhuc aberam a certa conscientiæ tranquillitate.'—Ibid.

584 'Quoties enim vel in me descendebam, vel animum ad te attollebam, extremus horror me incessebat.'—Ibid.

585 'Nulla piacula, nullæ satisfactiones mederi possent.'—Calvini *Opusc.* p. 125.

586 'Eo acrioribus pungebatur aculeis conscientia.'—Ibid.

587 Кальвин, *Коммуна Святого Жана*, XVIII. v. 36.

588 *Journal d'un Bourgeois de Paris sous François 1.* p. 317.

589 Там же.

590 'Interim exercitata est longe diversa doctrinæ forma.'—Calvini *Opusc.* p. 125.

591 'Habebant præterea quo conscientiam meam stringerent.'—Ibid. p. 126.

- 592 'Animadverti in quo errorum sterquilinio fuissem volutatus.'—Ibid.
- 593 'Quæ mihi imminebat, æternæ mortis agnitione, vehementer consternatus.'—Ibid.
- 594 'Non sine gemitu ac lacrymis.'—Calvini *Opusc.* p. 126.
- 595 *Opusc. Franç.* p. 172; *Opusc. Lat.* p. 126. *Учреждение*, iii. 2.
- 596 'Unicum salutis portum.'—*Opusc. Lat.* p. 114.
- 597 'Ne horrendam illam a Verbo tuo defectionem ad calculum revoces.'—Ibid. p. 126.
- 598 'Sacrificio iram Dei placavit, sanguine maculas abstersit, morte pro nobis satisfecit.'—*Opusc. Lat.* p. 114; *Opusc. Франция.* стр. 156.
- 599 'Multas inutiles nugas.'—*Opusc. Lat.* p. 123.
- 600 'Ut pro merito abominarer, animum meum pupugisti.'—Ibid.
- 601 'Una præsertim res animum ab illis meum avertebat, ecclesiæ reverentia.'—*Opusc. Lat.* p. 125.
- 602 'Ne quid Ecclesiæ majestati decederet.'—Ibid. p. 126.
- 603 Кальвин всегда использует множественное число, говоря о тех, кто выдвигал против него возражения: *admonebant, loquebantur* т.д.
- 604 'Multum enim interesse an secessionem quis ab ecclesia faciat, an vitia corrigere studeat.'—*Opusc. Lat.* p. 126.
- 605 'Ejusmodi titulos inania esse terriculamenta.'—Ibid.
- 606 'Cum mundus ignorantia et hebetudine velut alto sopore oppressus esset.'—*Opusc. Lat.* p. 126.
- 607 'Sed voluntarium et a seipso lectum.'—Ibid.
- 608 'Illam tyrannidem, qua in Dei populum grassans est.'—Ibid.
- 609 'Tantam ejus altitudinem, Dei Verbo, demoliebantur.'—Ibid.
- 610 'Verum ecclesiæ ordinem tunc interiisse.'—Ibid.
- 611 'Claves, quibus ecclesiæ disciplina continetur, fuisse pessime adulteratas.'—Ibid.
- 612 'Collapsam christianam libertatem.'—Ibid.
- 613 'Prostratum fuisse Christi regnum, cum erectus fuisset hic principatus.'—Ibid.
- 614 Богословие. Беза, "*Жизнь Жана Кальвина*", стр. 8. Латынь идет дальше: "В силу того, что это преступление совершено на кресте".
- 615 'Illa ecclesiæ unitas quæ abs te inciperet, ac in te desineret.'—*Opusc. Lat.* p. 124.
- 616 'Animum meum subita conversione ad docilitatem subegit Deus.'—Calvini *Præf. in Psalm.*
- 617 'A cognato Olivetano de vera religione admonitus ... *Profectus ergo Aureliam.*'—Bezæ *Vita Calvin.*

- 618 Théod. de Bèze, *Hist. des Egl. Réf.* pp. 6, 7.
- 619 Предисловие к *Комментарию к Псалмам*.
- 620 'Quod jurisprudentiam certius iter esse ad opes et honores videret.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- 621 'Sed hoc consilium interruptit utriusque mutatus animus.'—Ibid.
- 622 От Матфея xiii. 33.
- 623 'Inde adversarii ansam sumpserunt debacchandi in nos et commovendi universos.'—Rufus Farello, *Genev. MSS.* Шмидт, стр. 198.
- 624 "Цитата о капиталах, поражающих вену".—Эрасми *Epp.* стр. 1280.
- 625 *Журнал парижской буржуазии*, стр. 170.
- 626 Там же, стр. 277.
- 627 'Curarent amici ut prætextu regiæ legationis longius proficisceretur.'—Erasmi *Epp.* p. 1280.
- 628 Chevillier, *Origine de l'Imprimerie de Paris*.
- 629 "Разгадать тайны ведьм в illorum actis".—Эрасми *Epp.* стр. 110.
- 630 *Журнал Парижской буржуазии*, стр. 170.
- 631 "Вопрос в отношении подозреваемых по существу". —Реестры факультета.
- 632 'Satis odoror, ex amicorum literis, Beddaicos aliquid atrox moliri.'—Erasmi *Epp.* p. 1052.
- 633 Reynier de la Planche, *Hist. de l'Etat de France*, p. 5.
- 634 *Журнал парижской буржуазии*, стр. 160.
- 635 Бытие xlix. 10.
- 636 Isambert, *Revue des anciennes Lois Françaises*, xii. p. 258.
- 637 'Dei autem electio efficacissima et potentissima.'—Fabri *Comment.*
- 638 'Omnia repente vertet in lætum exitum.'—Erasmus Reginæ Navarræ, Aug. 1527.
- 639 'Bonas litteras ac viros sincere Christum amantes tueri.'—Ibid.
- 640 *Marguerites de la Marguerite des Princesses*, p. 90.
- 641 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 224; ii. p. 87.
- 642 *Журнал парижской буржуазии*, стр. 327.
- 643 A. Favin, *Histoire de Navarre*, 1612.
- 644 *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 236.
- 645 'Dirum concussæ Petri naviculæ naufragium intentari.'—Labbæi *Concilia*, xiv. p. 432.

- 646 'Cum laicis sese in penetralibus domorum recipere.'—Ibid. p. 442.
- 647 'Posset sine dubio Deus, absque principibus, universam hæreticorum cohortem conterere ac exterminare.'—Labbæi *Concilia*, xiv. p. 432.
- 648 'Ejus hostes viriliter debellare.'—Ibid. p. 462.
- 649 'Usu herbarum et sacrilego ritu characterum.'—Labbæi *Concilia*, xiv. p. 426.
- 650 *Буржуазный журнал*, стр. 229.
- 651 Brantôme, *Mémoires*, i. p. 277.
- 652 Письмо Пьера-Поля Верджерио, епископа Капо д'Истрия, Виктории Колонна, маркизе Пескарской. *Жизнь и времена Палеарио*, М. Янг, ii. стр. 356.
- 653 *Дерево* - это крест. *Les Marguerites de la Marguerite*, i. p. 479.
- 654 *Les Marguerites de la Marguerite*, i. p. 483.
- 655 Брачная песня мадам Рене. *Chronique de François I.* p. 72.
- 656 *Буржуазный журнал*, стр. 347.
- 657 'Mediatrix hominum, ablatrix criminum, peccatorum venia.'
- 658 *Хроника короля Франсуа I.* стр. 67: о "жалобах" см. стр. 446-464. *Журнал парижской буржуазии*, стр. 347.
- 659 Епископ Лизье.
- 660 *Журнал парижской буржуазии*, стр. 321, 375.
- 661 "Театральное представление".
- 662 Креспин, *Мартиролог*, стр. 102.
- 663 Креспин, *Мартиролог*, стр. 102.
- 664 Креспин, *Мартиролог*, стр. 102.
- 665 Лютер ад Агриколам, май 1527 года. Лютери *Epp.* iii. стр. 173.
- 666 Crespin, *Actes des Martyrs*, p. 102, verso.
- 667 жалоб и стихотворений разных времен. *Appendice de la Chronique de François I.* pp. 446-464.
- 668 'Semper illi canebant eandem cansionem.'—Erasmi *Epp.* p. 1522.
- 669 'Ille sibi promittebat certam et speciosam victoriam.'—Ibid.
- 670 "Кровь христиан — семя Церкви". - Тертуллиан.

Примечание переписчика:

Очевидные ошибки принтера исправлены автоматически.

Непоследовательное написание и расстановка переносов такие же, как в оригинале.

*** ОКОНЧАНИЕ ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА". ТОМ 1 (Из 8) ***

Обновленные выпуски заменяют предыдущие — старые выпуски будут переименованы.

Создание произведений из печатных изданий, не защищенных законом США об авторском праве, означает, что никто не владеет авторскими правами Соединенных Штатов на эти произведения, поэтому Фонд (и вы!) Может копировать и распространять их в Соединенных Штатах без разрешения и без выплаты авторских отчислений. Особые правила, изложенные в Общих условиях использования, части настоящей лицензии, применяются к копированию и распространению электронных произведений Project Gutenberg™ для защиты концепции и товарного знака PROJECT GUTENBERG™. Project Gutenberg является зарегистрированным товарным знаком и не может быть использован при взимании платы за электронную книгу, за исключением соблюдения условий лицензии на товарный знак, включая выплату авторского вознаграждения за использование товарного знака Project Gutenberg. Если вы ничего не берете за копии этой электронной книги, соблюдение условий лицензии на товарный знак очень просто. Вы можете использовать эту электронную книгу практически для любых целей, таких как создание производных произведений, отчетов, перформансов и исследований. Электронные книги Project Gutenberg могут быть изменены, распечатаны и переданы другим пользователям - в Соединенных Штатах вы можете делать практически ВСЕ, ЧТО УГОДНО, с электронными книгами, не защищенными законом США об авторском праве. Распространение осуществляется на основании лицензии на товарный знак, особенно коммерческое распространение.

НАЧАЛО: ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ PROJECT GUTENBERG

ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЧТИТЕ ЭТО ПЕРЕД РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭТОЙ РАБОТЫ

Чтобы защитить миссию Project Gutenberg™ по содействию свободному распространению электронных произведений, используя или распространяя это произведение (или любое другое произведение, каким-либо образом связанное со словосочетанием “Project Gutenberg”), вы соглашаетесь соблюдать все условия Полной лицензии Project Gutenberg™, доступной с этим файлом или онлайн по адресу www.gutenberg.org/license.

Раздел 1. Общие условия использования и распространения электронных произведений Project Gutenberg™

1.A. Читая или используя любую часть этого электронного произведения Project Gutenberg™, вы подтверждаете, что прочитали, поняли, согласны и принимаете все условия настоящего

соглашения о лицензии и интеллектуальной собственности (товарный знак / авторское право). Если вы не согласны соблюдать все условия настоящего соглашения, вы должны прекратить использование и вернуть или уничтожить все копии электронных произведений Project Gutenberg™, находящиеся в вашем распоряжении. Если вы заплатили комиссию за получение копии электронного произведения Project Gutenberg™ или доступа к нему и вы не согласны соблюдать условия настоящего соглашения, вы можете получить возмещение от физического или юридического лица, которому вы заплатили комиссию, как указано в пункте 1.Е.8.

1.В. “Проект Гутенберг” является зарегистрированной торговой маркой. Он может быть использован в электронном произведении или каким-либо образом связан с ним только лицами, которые согласны соблюдать условия настоящего соглашения. Есть несколько вещей, которые вы можете выполнять с большинством электронных работ Project Gutenberg™ даже без соблюдения полных условий настоящего соглашения. Смотрите пункт 1.С ниже. Вы можете многое сделать с Project Gutenberg™ electronic works, если будете соблюдать условия настоящего соглашения и поможете сохранить бесплатный доступ к Project Gutenberg™ electronic works в будущем. См. пункт 1.Е ниже.

1.С. Фонд литературного архива Project Gutenberg (“Фонд” или PGLAF) владеет авторскими правами на компиляцию электронных произведений Project Gutenberg™. Почти все отдельные работы из коллекции находятся в общественном достоянии в Соединенных Штатах. Если отдельное произведение не защищено законом об авторском праве в Соединенных Штатах и вы находитесь в Соединенных Штатах, мы не заявляем о праве запрещать вам копировать, распространять, исполнять, демонстрировать или создавать производные работы на основе этого произведения при условии удаления всех ссылок на Project Gutenberg. Конечно, мы надеемся, что вы поддержите миссию Project Gutenberg™ по продвижению свободного доступа к электронным произведениям путем свободного распространения произведений Project Gutenberg™ в соответствии с условиями настоящего соглашения о сохранении названия Project Gutenberg™, связанного с произведением. Вы можете легко соблюдать условия настоящего соглашения, сохранив эту работу в том же формате, что и прилагаемая к ней полная лицензия Project Gutenberg™, когда вы бесплатно делитесь ею с другими.

1.Д. Законы об авторских правах места, где вы находитесь, также определяют, что вы можете делать с этой работой. Законы об авторских правах в большинстве стран находятся в состоянии постоянных изменений. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, ознакомьтесь с законами вашей страны в дополнение к условиям настоящего соглашения, прежде чем загружать, копировать, демонстрировать, исполнять, распространять или создавать производные работы на основе этого произведения или любой другой работы Project Gutenberg™. Фонд не делает никаких заявлений относительно статуса авторских прав на какие-либо произведения в какой-либо стране, кроме Соединенных Штатов.

1.Е. Если вы не удалили все ссылки на Project Gutenberg:

1.Е.1. Следующее предложение с активными ссылками на полную лицензию Project Gutenberg™ или другим прямым доступом к ней должно быть на видном месте всякий раз, когда осуществляется доступ к любой копии работы Project Gutenberg™ (любой работы, в которой встречается фраза “Project Gutenberg” или с которой ассоциируется фраза “Project Gutenberg”), ее отображение, исполнение, просмотр, копирование или распространение:

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

1.E.2. Если отдельное электронное произведение Project Gutenberg™ является производным от текстов, не защищенных законом США об авторском праве (не содержит уведомления, указывающего, что оно размещено с разрешения правообладателя), произведение может быть скопировано и распространено любому лицу в Соединенных Штатах без уплаты каких-либо сборов. Если вы распространяете или предоставляете доступ к произведению, с которым ассоциируется фраза “Project Gutenberg” или которая присутствует на произведении, вы должны либо выполнить требования пунктов 1.E.1 - 1.E.7, либо получить разрешение на использование произведения и товарного знака Project Gutenberg™, как указано в пунктах 1.E.8 или 1.E.9.

1.E.3. Если индивидуальная электронная работа Project Gutenberg™ размещена с разрешения правообладателя, ваше использование и распространение должны соответствовать обоим пунктам с 1.E.1 по 1.E.7 и любым дополнительным условиям, установленным правообладателем. Дополнительные условия будут связаны с лицензией Project Gutenberg™ для всех работ, размещенных с разрешения правообладателя, указанного в начале этой работы.

1.E.4. Не отсоединяйте и не удаляйте полные условия лицензии Project Gutenberg™ из этой работы или любых файлов, содержащих часть этой работы или любой другой работы, связанной с Project Gutenberg™.

1.E.5. Не копируйте, не демонстрируйте, не исполняйте, не распространяйте и не перепродавайте это электронное произведение или любую часть этого электронного произведения без видного отображения предложения, изложенного в пункте 1.E.1, с активными ссылками или немедленным доступом к полным условиям лицензии Project Gutenberg™.

1.E.6. Вы можете конвертировать и распространять эту работу в любой двоичной, сжатой, размеченной, непатентованной или запатентованной форме, включая любую текстовую обработку или гипертекстовую форму. Однако, если вы предоставляете доступ к работе Project Gutenberg™ или распространяете копии в формате, отличном от “Plain Vanilla ASCII”, или в другом формате, используемом в официальной версии, размещенной на официальном веб-сайте Project Gutenberg™ (www.gutenberg.org), вы должны без каких-либо дополнительных затрат для пользователя предоставить копию, средства экспорта копии или получения копии по запросу произведения в его оригинальной “Простой ванильной ASCII” или другой форме. Любой альтернативный формат должен включать полную лицензию Project Gutenberg™, как указано в пункте 1.E.1.

1.E.7. Не взимайте плату за доступ, просмотр, демонстрацию, исполнение, копирование или распространение любых работ Project Gutenberg™, если вы не соблюдаете пункты 1.E.8 или 1.E.9.

1.E.8. Вы можете взимать разумную плату за копии электронных произведений Project Gutenberg™, предоставление доступа к ним или их распространение при условии, что:

- Вы выплачиваете роялти в размере 20% от валовой прибыли, полученной вами от использования работ Project Gutenberg™, рассчитанной с использованием метода, который вы уже используете для расчета применимых налогов. Гонорар причитается владельцу товарного знака Project Gutenberg™, но он согласился пожертвовать авторские отчисления в соответствии с этим пунктом Фонду литературного архива Project Gutenberg. Выплаты роялти должны быть произведены в течение 60 дней после каждой даты, на которую вы готовите (или по закону обязаны готовить) свои периодические налоговые декларации. Выплаты роялти должны быть четко обозначены как таковые и направляться в Фонд литературного архива проекта “Гутенберг” по адресу, указанному в разделе 4 “Информация о пожертвованиях в Фонд литературного архива проекта “Гутенберг””.
- Вы обеспечиваете полный возврат любых денежных средств, уплаченных пользователем, который уведомляет вас в письменной форме (или по электронной почте) в течение 30 дней с момента получения о том, что он / она не согласен с условиями полной лицензии Project Gutenberg™. Вы должны потребовать от такого пользователя вернуть или уничтожить все копии произведений, находящиеся на физическом носителе, и прекратить любое использование других копий Project Gutenberg™ works и любой доступ к ним.
- Вы предоставляете, в соответствии с пунктом 1.F.3, полный возврат любых денежных средств, уплаченных за произведение или заменяющую копию, если дефект в электронном произведении будет обнаружен и о нем вам сообщат в течение 90 дней с момента получения произведения.
- Вы соблюдаете все остальные условия настоящего соглашения о бесплатном распространении работ Project Gutenberg™.

1.E.9. Если вы хотите взимать плату или распространять электронное произведение Project Gutenberg™ или группу произведений на условиях, отличных от изложенных в настоящем соглашении, вы должны получить письменное разрешение от Фонда литературного архива Project Gutenberg, управляющего торговой маркой Project Gutenberg™. Свяжитесь с Фондом, как указано в разделе 3 ниже.

1.Ф.

1.F.1. Волонтеры и сотрудники Project Gutenberg прилагают значительные усилия для выявления, исследования авторских прав, расшифровки и корректуры произведений, не защищенных законодательством США об авторском праве, при создании коллекции Project Gutenberg™. Несмотря на эти усилия, электронные произведения Project Gutenberg™ и носитель, на котором они могут храниться, могут содержать “Дефекты”, такие как, помимо прочего, неполные, неточные или поврежденные данные, ошибки транскрипции, нарушение авторских прав или другой интеллектуальной собственности, неисправный или поврежденный диск или другой носитель, компьютерный вирус или компьютерные коды, которые повреждают ваше оборудование или не могут быть прочитаны им.

1.F.2. ОГРАНИЧЕННАЯ ГАРАНТИЯ, ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕРБ - За исключением “Права на замену или возврат средств”, описанного в пункте 1.F.3, Фонд литературного архива Project Gutenberg, владелец товарного знака Project Gutenberg™ и любая другая сторона,

распространяющая электронное произведение Project Gutenberg™ в соответствии с настоящим соглашением, снимает с себя всякую ответственность перед вами за ущерб, издержки, включая судебные издержки. Вы СОГЛАШАЕТЕСЬ С ТЕМ, ЧТО У ВАС НЕТ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ХАЛАТНОСТИ, СТРОГОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НАРУШЕНИЯ ГАРАНТИИ ИЛИ ДОГОВОРА, КРОМЕ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРЕДУСМОТРЕНЫ В ПУНКТЕ 1.F.3. Вы СОГЛАШАЕТЕСЬ С ТЕМ, ЧТО ФОНД, ВЛАДЕЛЕЦ ТОВАРНОГО ЗНАКА И ЛЮБОЙ ДИСТРИБЬЮТОР В СООТВЕТСТВИИ С НАСТОЯЩИМ СОГЛАШЕНИЕМ НЕ БУДУТ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД ВАМИ ЗА ФАКТИЧЕСКИЙ, ПРЯМОЙ, КОСВЕННЫЙ, КОСВЕННЫЙ, ШТРАФНОЙ ИЛИ СЛУЧАЙНЫЙ УЩЕРБ, ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ УВЕДОМИТЕ О ВОЗМОЖНОСТИ ТАКОГО УЩЕРБА.

1.F.3. ОГРАНИЧЕННОЕ ПРАВО НА ЗАМЕНУ ИЛИ ВОЗВРАТ СРЕДСТВ - Если вы обнаружите дефект в этом электронном произведении в течение 90 дней с момента его получения, вы можете получить возврат денег (если таковые имеются), которые вы заплатили за него, отправив письменное объяснение лицу, от которого вы получили произведение. Если вы получили работу на физическом носителе, вы должны вернуть носитель с вашим письменным объяснением. Физическое или юридическое лицо, предоставившее вам дефектную работу, может предоставить заменяющий экземпляр вместо возврата денег. Если вы получили работу в электронном виде, физическое или юридическое лицо, предоставившее ее вам, может предоставить вам вторую возможность получить работу в электронном виде вместо возврата денег. Если вторая копия также неисправна, вы можете потребовать возврата денег в письменной форме без дополнительных возможностей устранить проблему.

1.F.4. За исключением ограниченного права на замену или возврат средств, указанного в пункте 1.F.3, эта работа предоставляется вам "КАК ЕСТЬ", БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ДРУГИХ ГАРАНТИЙ ЛЮБОГО РОДА, ЯВНЫХ ИЛИ ПОДРАЗУМЕВАЕМЫХ, ВКЛЮЧАЯ, НО НЕ ОГРАНИЧИВАЯСЬ, ГАРАНТИЯМИ ТОВАРНОЙ ПРИГОДНОСТИ ИЛИ ПРИГОДНОСТИ ДЛЯ ЛЮБЫХ ЦЕЛЕЙ.

1.F.5. В некоторых штатах не допускается отказ от определенных подразумеваемых гарантий или исключение или ограничение определенных видов ущерба. Если какой-либо отказ от ответственности или ограничение, изложенные в настоящем соглашении, нарушают законодательство государства, примененного к настоящему соглашению, соглашение должно толковаться таким образом, чтобы сделать максимальный отказ от ответственности или ограничение допустимыми законодательством примененного государства. Недействительность или неисполнимость любого положения настоящего соглашения не аннулирует остальные положения.

1.F.6. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ - Вы соглашаетесь возместить убытки и обезопасить Фонд, владельца товарного знака, любого агента или сотрудника Фонда, любого, кто предоставляет копии электронных произведений Project Gutenberg™ в соответствии с настоящим соглашением, и любых волонтеров, связанных с производством, продвижением и распространением электронных произведений Project Gutenberg™, от любой ответственности, издержек, включая судебные издержки, которые прямо или косвенно возникают в результате любого из следующих действий, которые вы совершаете или вызываете: (a) распространение этого или любого произведения Project Gutenberg™, (b) внесение изменений или дополнений или удаления любых работ Project Gutenberg™ и (c) любые дефекты, вызванные вами.

Раздел 2. Информация о миссии Project Gutenberg™

Project Gutenberg™ является синонимом бесплатного распространения электронных произведений в форматах, удобных для чтения на самых разных компьютерах, включая устаревшие, старые, среднего возраста и новые компьютеры. Он существует благодаря усилиям сотен волонтеров и пожертвованиям людей из всех слоев общества.

Волонтеры и финансовая поддержка для оказания волонтерам необходимой помощи имеют решающее значение для достижения целей Project Gutenberg™ и обеспечения того, чтобы коллекция Project Gutenberg™ оставалась в свободном доступе для грядущих поколений. В 2001 году был создан Фонд литературного архива Project Gutenberg, чтобы обеспечить безопасное и постоянное будущее для Project Gutenberg™ и будущих поколений. Чтобы узнать больше о Фонде Project Gutenberg Literary Archive Foundation и о том, как ваши усилия и пожертвования могут помочь, смотрите Разделы 3 и 4 и информационную страницу Фонда по адресу www.gutenberg.org.

Раздел 3. Информация о проекте Фонда литературного архива Гутенберга

Фонд литературного архива Project Gutenberg Literary Archive Foundation - некоммерческая образовательная корпорация 501 (c) (3), организованная в соответствии с законодательством штата Миссисипи и освобожденная от уплаты налогов Налоговой службой. EIN Фонда или федеральный идентификационный номер налогоплательщика - 64-6221541. Взносы в Фонд литературного архива Project Gutenberg не подлежат налогообложению в полном объеме, разрешенном федеральными законами США и законами вашего штата.

Офис Фонда расположен по адресу 809 North 1500 West, Солт-Лейк-Сити, UT 84116, (801) 596-1887. Контактные адреса электронной почты и актуальную контактную информацию можно найти на веб-сайте и официальной странице Фонда по адресу: www.gutenberg.org/contact

Раздел 4. Информация о пожертвованиях в фонд литературного архива проекта "Гутенберг"

Проект Gutenberg™ зависит от широкой общественной поддержки и пожертвований и не может выжить без них в выполнении своей миссии по увеличению числа произведений, находящихся в общественном достоянии и лицензированных, которые могут свободно распространяться в машиночитаемой форме, доступной для самого широкого спектра оборудования, включая устаревшее оборудование. Многие небольшие пожертвования (от 1 до 5000 долларов) особенно важны для сохранения статуса освобожденного от уплаты налогов в IRS.

Фонд обязуется соблюдать законы, регулирующие благотворительную деятельность и благотворительные пожертвования во всех 50 штатах Соединенных Штатов. Требования соответствия не являются единообразными, и для выполнения этих требований требуются значительные усилия, много бумажной волокиты и большие сборы. Мы не запрашиваем пожертвования в местах, где мы не получили письменного подтверждения соответствия. Отправлять ПОЖЕРТВОВАНИЯ или определять статус соответствия для любого конкретного государственного визита www.gutenberg.org/donate.

Хотя мы не можем запрашивать взносы от государств, где мы не выполнили требования к привлечению, мы не знаем запрета на принятие нежелательных пожертвований от доноров в таких государствах, которые обращаются к нам с предложениями о пожертвовании.

Международные пожертвования принимаются с благодарностью, но мы не можем делать никаких заявлений относительно налогового режима пожертвований, полученных из-за пределов Соединенных Штатов. Одни только законы США ограничивают возможности нашего небольшого штата сотрудников.

Пожалуйста, ознакомьтесь с веб-страницами проекта Gutenberg, чтобы узнать текущие способы пожертвований и адреса. Пожертвования принимаются несколькими другими способами, включая чеки, онлайн-платежи и пожертвования с помощью кредитных карт. Чтобы сделать пожертвование, пожалуйста, посетите: www.gutenberg.org/donate.

Раздел 5. Общая информация об электронных работах Project Gutenberg™

Профессор Майкл С. Харт был создателем концепции Project Gutenberg™ - библиотеки электронных произведений, которой можно было свободно делиться с кем угодно. В течение сорока лет он создавал и распространял электронные книги Project Gutenberg™, опираясь лишь на разрозненную сеть волонтеров.

Электронные книги Project Gutenberg™ часто создаются на основе нескольких печатных изданий, все из которых подтверждены как не защищенные авторским правом в США, если только не включено уведомление об авторских правах. Таким образом, мы не обязательно сохраняем электронные книги в соответствии с каким-либо конкретным бумажным изданием.

Большинство людей начинают с нашего веб-сайта, на котором есть основная функция поиска по PG: www.gutenberg.org.

Этот веб-сайт содержит информацию о Project Gutenberg™, в том числе о том, как делать пожертвования в Фонд литературного архива Project Gutenberg, как помочь в создании наших новых электронных книг и как подписаться на нашу электронную рассылку новостей, чтобы узнавать о новых электронных книгах.